

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2022. Том 41, № 2

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2022. Том 41, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия) отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Пстыга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор В.С. Берегова. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томсюк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Itrast. Уч.-изд. л. 25,2. Дата выхода 30.06.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 179 **Воскобойникова А.П., Ушакова С.В., Рязанцев В.А.**
Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции
- 193 **Го Лицзюнь, Чжан Цзяхуэй.**
Россия в официальной прессе Китая: новостной дискурс «Жэньминь Жибао»
- 205 **Осипова Е.А.**
Публицистика: ее сущность и роль в обществе
- 214 **Черкашина А.А.**
Композиционно-содержательные особенности медиатекстов
рубрики Interviews в онлайн-версии британского издания The Guardian за 2020 год
- 226 **Черкунова М.В.**
Малоформатные новостные тексты в сети Instagram с позиций лингвосинергетического подхода
- 238 **Ястребов-Пестрицкий М.С., Полонский А.В.**
Проблема датировки периодических изданий и пути её решения

ПЕДАГОГИКА

- 246 **Анпилогова Т.Ю.**
Формы организации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи
Луганщины в 1991–2014 гг.: историко-педагогический аспект
- 256 **Биттер Н.В., Дунец А.Н., Лхагвасурен Ч.**
Особенности подготовки кадров в регионах Большого Алтая для индустрии туризма и гостеприимства
- 268 **Гриневиц Л.А.**
Освоение технологий визуализации информации в процессе практической подготовки
студентов-музеологов
- 277 **Орлова Е.А.**
Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций
- 289 **Серяпина Л.В., Михелькевич В.Н.**
Структурно-функциональная модель системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций
у студентов строительного колледжа
- 297 **Щербакова О.С., Яговец Н.А.**
Этнокультурные практики в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 308 **Багана Ж., Алаева М.В., Жевлакова П.Г.**
Демонстрация языкового явления «фигура речи» в текстах СМИ Нигерии
- 317 **Канашина С.В.**
Интернет-мем и юмор
- 329 **Kiriukhina N.V.**
Dynamic Representation of a Female Gender Role as a Part of a Woman's Image (on the Basis of English
Proverbs and Anti-proverbs)
- 339 **Миронова Д.М., Окунева Е.А., Распопин Д.И.**
Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации
- 351 **Овсейчик Ю.В.**
О развитии конъюнктивных свойств французских полифункциональных единиц (на примере лексем *enfin* и *finalement*)
- 365 **Пупынина Е.В., Маркелова О.В., Никулина Д.Е., Мухартова Д.А.**
Функционирование глаголов противостояния типа *quarrel* в современном политическом дискурсе
- 373 **Стрельцов А.А.**
Словообразовательный потенциал телескопических слов
- 386 **Zhang X.**
Functioning of Grammar Case Forms of Russian Substantives as Stylistic Devices
- 397 **Шустов Д.В., Пойменова А.С., Прохоров Н.А.**
Дискурсивный анализ особенностей устной и письменной речи Дональда Трампа
- 405 **Щербинин А.Ю.**
Эволюция принципов описания простого прошедшего времени во французских грамматиках XVI–XVIII вв.

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS 2022. Volume 41, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University "BelSU" (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor V.S. Beregova. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 25,2. Date of publishing 30.06.2022. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 179 **Voskoboynikova A.P., Ushakova S.V., Ryazantsev V.A.**
Russian Medical Journalism: Historical Tradition and Current Trends
- 193 **Guo L., Zhang J.**
Russia in China's Official Press: News Discourse "People's Daily"
- 205 **Osipova E.A.**
Publicism: It's Essence and Role in Society
- 214 **Cherkashina A.A.**
Composition and Content of Section "Interviews" in the Online UK Edition of "The Guardian" (2020)
- 226 **Cherkunova M.V.**
Small-format News Items on the Instagram in Terms of Linguosynergetic Approach
- 238 **Yastrebov-Pestritsky M.S., Polonskiy A.V.**
The Problem of Dating a Periodicals and Ways to Solve it

PEDAGOGICS

- 246 **Anpilogova T.Y.**
Forms of Organizing the Historical and Local History Activities of Student Youth in the Lugansk Region in 1991–2014: Historical and Pedagogical Aspect
- 256 **Bitter N.V., Dunets A. N., Lhagvasuren Ch.**
Particularities of Personnel Training in the Regions of Grand Altai for the Tourism and Hospitality Industry
- 268 **Grinevich L.A.**
Mastering Information Visualization Technologies in the Process of Practical Training of Students of Museology
- 277 **Orlova E.A.**
The State of the Historical Memory of Youth and the Experience of Its Formation by Non-profit Organizations
- 289 **Seriapina L.V., Mikhel'kevich V.N.**
Structural and Functional Model of the System of Forming Intercultural Communicative Competences of Construction College Students
- 297 **Shcherbakova O.S., Yagovets N.A.**
Ethnocultural Practices in the Training of Future Leaders of Folk Singing Group

LINGUISTICS

- 308 **Bagana J., Alaeva M.V., Zhevlakova P.G.**
Demonstration of the Linguistic Phenomenon of "Figures of Speech" in the Texts of the Nigerian Media
- 317 **Kanashina S.V.**
Internet Meme and Humour
- 329 **Kiriukhina N.V.**
Dynamic Representation of a Female Gender Role as a Part of a Woman's Image (on the Basis of English Proverbs and Anti-proverbs)
- 339 **Mironova D.M., Okuneva E.A., Raspopin D.I.**
Revealing of the Internet Dialects Manifestation of the Regions of the Russian Federation
- 351 **Ausechyk Y.U.**
On the Development of the Conjunctive Properties of the French Polyfunctional Items (on the Example of Enfin and Finalement)
- 365 **Pupynina E.V., Markelova O.V., Nikulina D.E., Mukhartova D.A.**
Functioning of Quarrel-type Confrontation Verbs in Modern Political Discourse
- 373 **Streltsov A.A.**
Word-building Potential of Telescoped Words
- 386 **Zhang X.**
Functioning of Grammar Case Forms of Russian Substantives as Stylistic Devices
- 397 **Shustov D.V., Poimenova A.S., Prokhorov N.A.**
Discursive Analysis of the Features of Donald Trump's Oral and Written Speech
- 405 **Shcherbinin A.Yu.**
Evolution of the Passé Simple Tense Description in the French Grammars of the XVI–XVIII Centuries

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070:316.7:61

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-179-192

Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции

Воскобойникова А.П., Ушакова С.В., Рязанцев В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: voskobojnikova@bsu.edu.ru; S.Ushakova@bsu.edu.ru; vadiushka1@yandex.ru

Аннотация. Текущая ситуация в мире, связанная с пандемией COVID-19, сформировала масштабный запрос аудитории на медицинскую информацию, что повлияло на актуализацию медиаисследований в области репрезентации средствами массовой информации медико-социальной проблематики. Обзор основных тенденций медицинской журналистики предполагает ретроспективный взгляд на формирование этого специализированного сегмента массовой информации, характеристику ключевых этапов и особенностей её становления, что, наряду с общим обзором структурно-содержательных особенностей современных медико-просветительских информационных ресурсов, и является предметом данного исследования. Учитывая недостаточность исследований в данном направлении, работа очерчивает исторический контекст развития периодических изданий медицинской направленности в России, показывает взаимосвязь развития медицинской науки, социальных ценностей и представлений и процесса становления медицинской журналистики в России. Анализ на этом фоне особенностей подачи медицинской информации в средствах массовой коммуникации, в том числе региональных, с учетом глобальной кризисной ситуации пандемии COVID-19 как в содержательно-тематическом плане, так и с точки зрения реализуемых форматов показал востребованность медицинской журналистики массовой аудиторией, проблемно-тематическую и форматно-жанровую дифференциацию контента, а также запрос на экспертное мнение и усиление субъективно-личностного начала в публикациях.

Ключевые слова: репрезентация контента, медицинская журналистика, медицинская проблематика в СМИ, медицинские блоги, медицинское просвещение, научно-популярные издания

Для цитирования: Воскобойникова А.П., Ушакова С.В., Рязанцев В.А. 2022. Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 179–192. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-179-192

Russian Medical Journalism: Historical Tradition and Current Trends

Alina P. Voskobojnikova, Svetlana V. Ushakova, Vadim A. Ryazantsev

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: voskobojnikova@bsu.edu.ru; S.Ushakova@bsu.edu.ru; vadiushka1@yandex.ru

Annotation. The current situation of the COVID-19 pandemic has formed a large-scale audience demand for medical information, which has affected both the media agenda, which significantly increased the

number of publications on social and medical topics, and the actualization of media research in the field of representation of medical and social issues by modern mass media. A review of the main trends in currently actively developing medical journalism suggests a retrospective look at the formation of this specialized segment of the mass media, a description of the key stages and features of its formation, which, along with a general description of the structural and content features of modern medical and educational information resources, is the subject of this article. Given the lack of research in this area, the work outlines the historical context for the development of medical periodicals in Russia, shows the relationship between the development of medical science, social values and ideas, and the process of formation of medical journalism in Russia. Against this background, an analysis of the features of the presentation of medical information in modern mass media, including regional ones, taking into account the global crisis situation of the COVID-19 pandemic, both in terms of content and thematic terms, and in terms of the formats being implemented, showed the continuity of the tradition and the demand for mass medical journalism. audience, and also made it possible to identify its modern specifics, namely the problem-thematic and format-genre differentiation of content, as well as the request for expert opinion and the strengthening of the subjective principle in publications.

Keywords: the popularization of medical knowledge, medical journalism, medical issues in the media, medical blogs

For citation: Voskoboynikova A.P., Ushakova S.V., Ryazantsev V.A. 2022. Russian Medical Journalism: Historical Tradition and Current Trends. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 179–192 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-179-192

Введение

Здоровье как ключевой фактор благополучия человека осознается в настоящее время как базовая ценность и социума, и индивидуума. Понимание здоровья как основного слагаемого качества жизни, особенно остро осознаваемое в глобальной кризисной ситуации пандемии COVID-19, выводит на новый уровень информационные запросы и ожидания массовой аудитории и объясняет востребованность медицинской информации не только её прагматической, но и мировоззренческой значимостью, что, в частности, проявилось в отношении населения к такой проблеме, как вакцинация.

По данным ряда исследователей [Игнатъева и др., 2014], здоровье более чем на 50 % обусловлено осознанным отношением к нему самого человека, его валеологической культурой и сформированными полезными привычками, в то время как негативное влияние окружающей среды на здоровье оценивается в 25 %. Отмеченное положение дел подчеркивает необходимость широкой представленности темы здоровья и здорового образа жизни в общественном дискурсе как основной среде формирования ответственного отношения к этому ресурсу со стороны как человека, так общества и государства. При этом понимание здорового образа жизни в общественном дискурсе должно вести к представлению о том, что здоровый образ жизни – это «не только соблюдение медико-социальной активности, искоренение вредных привычек, правильное питание и т. д., а, прежде всего, использование материальных и духовных условий в интересах здоровья, гармонического физического и духовного развития человека» [Лядова А.В., Лядова М.В., 2017, с. 1509]. Именно в такой перспективе следует рассматривать задачи средств массовой коммуникации, реализующих не только информационную, но и мировоззренческую (культуроформирующую) функцию.

В настоящее время изучение медицинской журналистики представлено фрагментарно – либо как одного из сегментов системы современных СМИ в теоретико-типологических исследованиях, в частности в работах А.И. Аكوпова [1986], Е.П. Прохорова [2011], либо же преимущественно как осмысление частного опыта СМИ в освещении текущей пандемии COVID-19 [Готовкина, 2021; Донских, 2021; Романов и др., 2021].

Одним из аспектов осмысления опыта и задач медицинской журналистики является ретроспективный взгляд на реальную ситуацию с учётом исторического опыта её разви-

тия, который представлен в диссертационных исследованиях М.М. Левита [1963] и О.В. Коланьковой [1998], указывающей, в свою очередь, исторические труды Д.Н. Жбанкова (1928 г.) и Я.А. Чистовича (1861 г.). В целом же рассматриваемый сегмент журналистики исследован недостаточно – как в историческом, так и в актуальном аспектах.

Цель исследования – продемонстрировать обусловленность становления медицинской журналистики в России социально-исторической ситуацией, определить особенности её текущего состояния в актуальном контексте и выявить наиболее значимые тенденции и задачи её развития

Объекты и методы

Объектом исследования выступает медицинская журналистика как специализированная подсистема и как проблемно-тематическая область средств массовой коммуникации. Предметом исследования являются тенденции развития современной медицинской журналистики в её структурно-формальных и содержательно-тематических аспектах.

Основу методологической базы составляет описательный метод, обеспечивающий необходимый уровень интерпретации эмпирического материала в соответствии с поставленными задачами. Сбор эмпирического материала включал использование методов мониторинга СМИ, контент-анализа, а также применение отдельных приёмов количественного метода.

Эмпирическая база статьи опирается на публикации российских специализированных изданий («Наркология», «Психиатрия», «Консультативная психология и психотерапия», «Биофармацевтический журнал»), а также научно-популярных журналов («Наука и жизнь», «В мире науки», «Химия и жизнь – XXI век», «Экология и жизнь» и др.); публикации различных электронно-сетевых изданий и блогеров, а также печатной прессы и различных средств массовой коммуникации региона («Белгородская правда», «Белгородские известия», «Белпресса», «Открытый Белгород», «FONAR.TV», информационное агентство «Бел.Ру», Telegram-канал «Белгород № 1», сюжеты ТРК «Мир Белогорья» и ГТРК «Белгород») за период с ноября 2019 по ноябрь 2021 года.

Результаты и дискуссия

Более чем двухсотлетняя история отечественной медицинской журналистики отражает и историю медицины как науки, и социально-гуманитарные аспекты развития здравоохранения, и развитие самой философии здоровья и современной медицины, базирующихся в настоящее время на доказательности, профилактике и персонализации и предполагающих активную позицию самого человека.

Актуальная классификация современных медицинских ресурсов включает профессиональные узкоспециализированные журналы, социально ориентированные ресурсы, научно-популярные медицинские издания, медицинские блоги и форумы, сайты медицинских консультаций, электронные магазины медицинского профиля, медицинские сервисы.

Анализ контента научно-популярных изданий позволил выделить основные тематические линии, такие как репрезентация научно-медицинской информации и новых медицинских технологий, социальные и этико-правовые проблемы, личность современного врача, практические рекомендации по профилактике заболеваний и здоровый образ жизни, а также проблемные области, требующие профессионального освещения в средствах массовой коммуникации, в числе которых совершенствование системы здравоохранения, пропаганда принципов доказательной медицины, необходимости диспансеризации и вакцинации и ряд других.

В рассматриваемом массово-информационном сегменте наблюдаются позитивные и долгосрочные тенденции расширения и дифференциации в общественном дискурсе медицинской проблематики, повышения качества медико-социальной информации, эффективного представления для профессиональной и массовой аудитории актуальной медицинской информации с учетом возможностей новых медиа.

Ретроспективный обзор становления медицинской периодики в России

Первоначальный период развития отечественной медицины связывается с реформаторской деятельностью Петра I в XVIII в., когда по его инициативе появились первые медицинские учреждения, а затем на протяжении почти всего столетия шли такие процессы, как централизация медико-санитарного дела, становление профессии врача, издание книг и различных руководств по медицине. Накопленный опыт и потребности формировавшегося научно-профессионального сообщества способствовали появлению в 1792 году первого отечественного медицинского журнала – «Санкт-Петербургские Врачебные Ведомости», просуществовавшего до 1794 г. Инициаторами издания стали профессор патологии и терапии Медико-хирургического училища Ф.И. Уден и врач Ф.К. Клейнеш, редактировал же издание И.Д. Герстенберг. Журнал ориентировался прежде всего на запросы практической медицины и содержал рекомендации по лечению конкретных болезней и сведения об их этиологии [Санкт-Петербургские..., 1900].

Выход следующего по хронологии журнала – «Медико-физический журнал, или Труды высочайше утвержденного при Московском университете Общества соревнования врачебных и физических наук» – датируется 1808 г. (издатели И.Ф. Венсович, В.М. Котельницкий, В.П. Ризенко, Москва). Издание, направленное на «распространение общепользных сведений по части врачебных и физических наук» [Акопов, 1986, с. 32], существовало до 1821 г., но считать его журналом в строгом смысле всё же было бы проблематичным, поскольку главный признак – периодичность – выдерживался далеко не всегда.

Подобная цель – «способствовать распространению в России врачебных познаний, необходимо нужных сколько для сохранения народного здоровья...» [Акопов, 1986, с. 35] ставилась и перед инициированным Медико-хирургической академией в Петербурге в 1811 г. изданием «Всеобщий журнал врачебной науки», в течение пяти лет своего существования (до 1816 г.) выдерживавшего периодичность: журнал выходил шесть раз в год.

Следующим этапом считается появление в Москве «Вестника естественных наук и медицины», выходившего с периодичностью четыре раза в год с 1828 по 1832 гг.; издателем выступил профессор Московского университета А.А. Иовский. Первоначально его основное содержание составляли переводы из иностранных журналов, но впоследствии в нём печатались и оригинальные сочинения русских медиков, в частности именно здесь впервые были опубликованы труды выдающегося отечественного хирурга Н.И. Пирогова [Воскобойникова, 2019].

Параллельно с этим изданием, с 1827 по 1829 гг., в Москве издавались «Врачебные записки», структура и содержание которых были более дифференцированными. Журнал состоял из публикаций по основным направлениям тогдашней медицины – терапии, хирургии, акушерству, патологии и др., а также включал публикации по медицинским наукам, относившимся к вспомогательным, таким как патологическая анатомия или физиология. Характерно, что именно в этом издании, которое осуществлял государственный чиновник доктор М.А. Маркус, занимавший должность инспектора Голицынской больницы, появились такие жанровые формы, как врачебная история, материалы, которые можно отнести к хронике, а также незначительные по объёму материалы, отражавшие разные стороны профессиональной повседневности и квалифицировавшиеся как смесь [Воскобойникова, 2019].

В рассматриваемый период выходили и частные медицинские журналы, характерным свойством которых была краткость существования, главным образом из-за нехватки денежных средств. Среди наиболее заметных исследователи называют ежемесячный «Терапевтический журнал» (1837–1846 г.), издававшийся и редактировавшийся И.А. Зацепиным, профессором Московской медико-хирургической академии, и включавший как перепечатки из различных изданий, так и оригинальные произведения отечественных медиков.

Представленный обзор медицинской периодики первой половины XIX в. позволяет констатировать стихийность появления и неопределенность существования медицинских журналов, зависевших от организационных и материальных возможностей их издателей при недостаточной поддержке со стороны власти. На этом фоне особое значение приобретает история «Военно-медицинского журнала», учреждённого с учётом государственных интересов в 1823 г. и существующего до настоящего времени. Основанием журнала занимался Медицинский департамент Военного министерства, сегодня его издание осуществляет Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова. Журнал практически на протяжении всей своей истории отличается строгой периодичностью, а объявленная при его основании концепция, как отмечает А.И. Акопов, заключалась в объединении как общепрофессиональной информации, так и практического опыта и предполагала «оригинальные рассуждения по всем частям внутреннего и наружного врачевания, имеющие целью клиническую пользу с приновлением, где нужно, к военной медицине» [Акопов, 1986, с. 33].

Время с 1850-х по 1880-е гг. рассматривается исследователями как период типологического становления медицинских изданий. Развитие и укрепление системы медицинских учреждений, повышение научного уровня медицины, расширение практического опыта естественным образом способствовали дифференциации медицинских знаний, разделению видов медицинской деятельности и появлению новых медицинских специализаций, что стимулировало качественные и количественные изменения медицинской периодики, а именно формирование подсистемы медицинских изданий.

Так, 1860–1870-е гг. стали временем учреждения первых отраслевых журналов в отечественной медицине, наиболее значимыми из которых стали «Фармацевтический журнал» (1864), «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (1865) [Игнатьева и др., 2014], а также «Журнал для нормальной и патологической гистологии, фармакологии и клинической медицины» (1870–1872-й гг.) – ежемесячное издание Медико-хирургической академии в Петербурге; выходивший дважды в месяц «Московский врачебный вестник» (издавался Физико-медицинским обществом при Московском университете, 1873–1876-й гг.), включавший не только научные публикации, но и протоколы заседаний самого Общества.

Эта трансформация складывавшейся подсистемы – от периодических изданий общемедицинского содержания к отраслевым, посвященным отдельным направлениям медицины, способствовала также становлению профессионального медицинского дискурса: в медицинских журналах выработывалась собственная академическая традиция, складывалось жанрово-тематическое разнообразие.

Опираясь на исследование М.М. Левита, можно сделать вывод о том, что активное накопление в отраслевых медицинских журналах профессиональной и научной информации требовало появления такого академического жанра, как обзор специальной литературы, а следующим этапом развития стало осознание необходимости создания реферативного журнала [Левит, 1963]. Эту задачу взяло на себя московское Общество русских врачей, в 1874 г. начавшее издание «Медицинского обозрения» [Большая медицинская..., 1980, с. 377]. Роль данного журнала для профессионально-академического сообщества была столь значимой, что к 25-летию издания его редактор, доктор медицины В.Ф. Спримон, был удостоен звания Почётного доктора.

Таким образом, в указанный период возникают условия для формирования в печати России особой подсистемы медицинских журналов, что выразилось в появлении типологически новых изданий – новых как в содержательно-тематическом аспекте, охватывающих различные отрасли медицины, так и в функциональном аспекте, более дифференцированных по целевой направленности и по аудитории: массовые, профессиональные, научные, практические и информационные. Вслед за содержательным развитием совершенствовалась и их структура, стремившаяся к чёткости и проблемно-тематической определённости, совершенствовалось и их жанрово-стилистическое своеобразие.

Следует подчеркнуть, что в пореформенной ситуации в России социальная роль журналов повышалась, и на этом этапе дальнейшее развитие медицинской журналистики во многом обусловлено социально-историческими процессами в российском обществе.

Последние два десятилетия XIX в. стали для отечественной медицины периодом подъёма, что во многом связано с развитием науки в целом, способствовавшей, с одной стороны, появлению новых медицинских отраслей, а с другой – появлению нового понимания природы здоровья и болезней, а также нового понимания места медицины в обществе. Указанный период ознаменовался также созданием целого ряда научных и учебных заведений, лабораторий и клиник [Акопов, 1986, с. 37]. Движение России к индустриализации, новые социально-политические приоритеты включили здоровье населения в список общественно значимых ценностей и, соответственно, стимулировали интерес к этой проблемно-тематической области [Левит, 1963, с. 87], что также способствовало выделению в общей структуре общественного дискурса новой его разновидности – социально-медицинского дискурса, способствовавшего в конечном итоге пониманию здоровья как социально и лично значимой ценности, требующей ответственного отношения и со стороны общества, и со стороны индивидуума.

Как уже было отмечено выше, «по целевому назначению русские медицинские журналы в этот период были относительно однородными. Их можно разделить на два типа: ряд изданий тяготел к научно-теоретическому типу, другие – к практическому» [Воскобойникова, 2019, с. 9].

Развитие системы медицинской помощи населению, организация фельдшерских пунктов, земских больниц в конце XIX века способствовали появлению в 1890-х гг. специализированных журналов для медицинского персонала – акушеров, фельдшеров, медицинских сестер, санитарок («Акушерка», «Фельдшер», «Фельдшерский вестник»).

На этом этапе своего развития медицинские журналы (прежде всего «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Врач», «Фельдшерский вестник») выполняли важную прогрессивную социально-просветительскую функцию: «помимо собственно медицинской информации в этих журналах проповедовались гуманистические идеалы справедливости, добра, свободы и равенства, которые рассматривались как священный долг медицины и врачей. Эта система ценностей надолго определила отношение российского общества и к самой профессии врача, в котором всегда видели гуманного, образованного, просвещенного человека», который «запечатлен и в произведениях отечественной литературы, изобразительного и киноискусства практически на протяжении всего XX века» [Большая медицинская..., 1980, с. 241; Воскобойникова, 2019, с. 9-10].

К началу XX века в России насчитывалось уже более 150 медицинских периодических изданий – как общих, так и специализированных научно-медицинских, а также изданий, посвященных вопросам социальной гигиены и общественного здравоохранения. Первая мировая война привела к резкому сокращению медицинской периодики. Но общий подъём медицинской науки в СССР после Октябрьской революции способствовал как количественному росту периодических медицинских изданий, так и существенному повышению их научно-концептуального уровня.

Великая Отечественная война поставила насущную задачу распространения практически ориентированных медицинских знаний и опыта военной медицины, что, безусловно, повлияло на издательскую деятельность в области медицины. В этот период в «Медгизе», специализированном государственном издательстве медицинской литературы, вышел целый ряд актуальных монографических изданий, таких как, например, «Заметки по военно-полевой хирургии» под редакцией известного советского хирурга и заслуженного деятеля науки РСФСР С.С. Юдина (1941 г.), «Военная оториноларингология» академика АМН СССР В.И. Воячека, выдержавшая несколько переизданий, и других.

Особое значение приобрели не носившие периодического характера различные руководства и методические рекомендации для рядовых работников медсанчастей, многие

из которых не имели специального медицинского образования и получили лишь первичную подготовку на экстренных курсах (в качестве примера назовём «Руководство для операционных и перевязочных сестер» С.М. Рубашёва, 1944 г.). Такие практические пособия были чрезвычайно востребованы и на фронте, и в тылу.

И тем не менее, несмотря на чрезвычайный военный период, продолжали выходить специализированные периодические медицинские издания. Среди них специализированные «Акушерство и гинекология», «Вестник офтальмологии», «Вестник хирургии им. И.И. Грекова», «Хирургия», «Вопросы нейрохирургии», «Госпитальное дело», «Клиническая медицина», «Журнал микробиологии, патологии и инфекционных болезней», «Медицинская сестра», «Педиатрия», «Проблемы туберкулеза», «Фармакология и токсикология», «Фармация», «Фельдшер и акушерка», а также общепрофессиональные журналы «Советская медицина», «Советское здравоохранение».

В 1950-е гг. в Советском Союзе были учреждены новые специализированные медицинские журналы, что во многом было обусловлено и достижениями научно-технического прогресса, и осознанием новых задач социального развития, а также дальнейшим процессом дифференциации и специализации медицины. Это ярко отразилось даже в названиях таких журналов, как «Антибиотики» (1948–1956), «Вопросы вирусологии» (с 1956), «Грудная хирургия» (с 1959), «Вопросы ревматизма» (с 1961) и др.). А к 1973 г. насчитывалось уже 98 специализированных медицинских журналов, выходивших во всех союзных республиках. Отметим также, что именно в этот период, в 1954-м году, специальным постановлением секретариата ЦК КПСС был учрежден и самый популярный массовый журнал медико-просветительской направленности – «Здоровье».

Краткий исторический обзор периодических медицинских изданий в России позволяет сделать вывод, что развитие отечественной медицинской журналистики во многом обусловлено как историческим развитием отечественной медицины, в том числе её дифференциацией и трансформацией концептуальных основ, так и осознанием её социальной значимости, способствовавшим развитию основ массового медицинского просвещения. Отметим также важность внимания государственной власти и её поддержки этой отрасли журналистики.

Медицинская журналистика в современной России и в регионах (на примере Белгородской области)

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 55 медицинских изданий, которые подразделяются на две большие группы: узкоспециализированные издания для медицинских работников и научно-популярные издания для населения. В реестр актуальных входят журналы узкой направленности, такие как «Наркология», «Психиатрия», «Консультативная психология и психотерапия», «Биофармацевтический журнал» и другие. Различные аспекты современной медицины отражаются также в научно-популярных журналах – это «Наука и жизнь», «В мире науки», «Химия и жизнь – XXI век», «Экология и жизнь» и другие. В научно-популярной журналистике именно проблематика наук о жизни, включающая вопросы здоровья и медицины, является самой востребованной, и в структуре медиапотребления научно-популярной информации на такие публикации приходилось до 30 % [Штепа, 2007].

Подчеркнём, что определенная корпоративная замкнутость медицинского сообщества, необходимость специальных знаний и опыта в сложившейся традиции предполагали высокую степень фильтрации информации, её тщательную проверку и исторически тяготели к книжно-академической стилистике даже в популярных изданиях.

Качественный анализ освещения в средствах массовой информации медицинской проблематики, проведенный в 2009-м году исследователями МГУ, позволил утверждать, что «пока в российской журналистике в целом нет четкого представления о границах проблемы и полноты понимания ее сущности, нет приоритетов в построении общего концеп-

та, а также осознания того, кто есть главный субъект общественного здоровья и к кому следует обращать основные потоки информации. Российская информационная индустрия центробежна. За редкими исключениями прессе свойственна общая бессистемность в подходе к теме; предметная некомпетентность в освещении конкретных ситуаций; многочисленные этические просчеты; смешение информационных и коммерческих сообщений; неоправданное принятие на себя роли арбитра в спорных ситуациях; склонность к сенсационности; дилетантство и необоснованность оценок» [Фролова, 2009, с. 10].

Тем не менее медиатизация всех сторон жизни на основе цифровых технологий в последнее десятилетие коренным образом изменила ситуацию: медицинский дискурс, помимо сформировавшегося за три столетия профессионально-академического характера, приобрел мощный коммуникативный потенциал и стал важной частью массового общественного дискурса.

В настоящее время практически все медицинские печатные периодические издания имеют свои электронные ресурсы в Интернете и свою специфику, а интерактивность как ключевое свойство Интернета способствовала значительному расширению форматов подачи медицинской информации и её доступности по запросу пользователя, что решает и такую важную задачу, как персонализация информации, возможность её отбора в соответствии с интересами и целями как автора, так и аудитории.

Классификация современных медицинских информационных ресурсов включает не только профессиональные узкоспециализированные издания, но и медицинские блоги и форумы, социально ориентированные ресурсы – сайты медицинских консультаций, услугу вызова врача на дом, справочные ресурсы, электронные магазины медицинского профиля и т. д. Проблемно-тематические блоки публикаций в сетевых изданиях медицинской направленности включают научные аспекты медицины, вопросы медицинской промышленности, социально-правовые аспекты здравоохранения, вопросы здорового образа жизни. Отметим, что подписка на медицинские издания везде платная, но социальные сети предоставляют электронные версии, что способствует расширению аудитории. Медицинская тематика представлена и на лентах информационных агентств, в научно-просветительских теле- и радиопередачах, среди которых, например, телевизионные программы «О самом главном» (Россия 1), «Жить здорово» («Первый канал»), «Таблетка» («Первый канал»), «Школа доктора Комаровского», а также программы на радио «Ближе к телу» («Русское радио»), «Доктор И» (Маяк), «Доктор Малышкина» (радио «Дача»).

Обзор информационно-медицинских ресурсов выявил значимость и авторитетность такого жанра, как медицинский блог, характеризующийся, с одной стороны, высоким уровнем экспертности, а с другой – отсутствием официальности, направленностью на взаимную коммуникацию и этим вызывающий доверие аудитории. Сегодня блоги активно ведут врачи, исповедующие принципы доказательной медицины [Егорова, 2020]. Они используют этот формат, «чтобы ответить на важные вопросы о здоровье, развеять опасные мифы, избавиться от тревоги» [Егорова, 2020] и в ненавязчивой форме «подсказать правильные решения» [Егорова, 2020], а поскольку пандемия новой коронавирусной инфекции способствовала более внимательному отношению к вопросам здоровья, то это, безусловно, способствовало и количественному росту интернет-аудитории. Коммуникационное агентство PRT Edelman Affiliate опубликовало результаты исследования роста популярности страниц медицинских блогеров в Instagram за период с начала с 2019 по конец 2020 гг. Так, в 2019 г. в тройку самых быстрорастущих блогов (процент прироста посетителей за год) российских врачей-инфлюенсеров вошли психотерапевты (27 %), неврологи (14 %) и кардиохирурги (14 %). Также традиционно популярными (топ-10) остались «женские» блогеры, среди которых гинекологи (13 %), неонатологи (12 %) и акушеры (10 %) [PRT Edelman..., 2001–2022].

По данным PRT Edelman Affiliate, в первом полугодии 2020 г., с началом первой волны пандемии ситуация начала меняться и резко возрос спрос на специализированную

медицинскую информацию. Наибольший рост посещаемости был зафиксирован в аккаунтах гематологов (16 %), неонатологов (10 %), кардиохирургов (10 %). В первой пятёрке появились пульмонологи (8 %) и остались неврологи (7 %). Психотерапевты при этом опустились на 10-е место с показателем в 6 % [PRT Edelman..., 2001–2022].

Снижение темпов пандемии во втором полугодии 2020 г. ознаменовалось ростом посещений аккаунтов инфлюенсеров в области пластической хирургии (9 %), пульмонологии (8 %), акушерства (7 %). Также в списке активно растущих появились инфекционисты (6 %) и диетологи (5 %) [PRT Edelman..., 2001–2022].

На июль 2021 г. на первом месте в топ-5 популярных врачей-блогеров по количеству подписчиков находился Евгений Комаровский – украинский врач-педиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, писатель и ведущий еженедельной телепередачи «Школа доктора Комаровского». Количество подписчиков в его социальных сетях насчитывало на указанный период 9 330 800 человек [PRT Edelman..., 2001–2022].

Одним из наиболее востребованных блогов остаётся «Смотровая военврача» Алексея Водовозова – бывшего врача медицинской службы Вооружённых Сил РФ, который сегодня активно занимается медицинским просвещением и является неоднократным победителем и призёром конкурсов блогов. Пафос его публикаций направлен на разоблачение псевдомедицинских мифов, а также на формирование критического отношения к огромному массиву непроверенной информации, неизбежно продуцируемой в Интернете, и ответственного отношения к здоровью. В настоящее время на разных площадках Интернета он активно читает лекции о коронавирусной инфекции, особое внимание уделяя вопросам вакцинации. Феномен его популярности отражает общую тенденцию – стремление осознанно относиться к своему здоровью.

На видеохостинге YouTube, в сервисе Instagram и в мессенджере Telegram активно присутствует и Алексей Утин – хирург-кардиолог, главный врач московской клиники SMART CheckUp. А. Утин умеет преподносить специальную информацию доступно и убедительно и развенчивает популярные медицинские мифы – о прививках, СПИДе, о бесполезных «фуфломицинах» при простуде, о БАДах и прочем.

Среди интернет-пользователей популярен также блог «Аллергология для чайников» в Telegram-канале, который ведёт аллерголог-иммунолог и основатель медицинского центра Everyday Clinic Ольга Жоголева, написавшая книгу «Аллергия и как с ней жить. Руководство для всей семьи». Блогер рассказывает о последних исследованиях в этой области, даёт практические советы и ссылки на полезные публикации, отвечает на животрепещущие вопросы своей аудитории, чётко структурируя материал. Например: «В каком возрасте можно обследоваться на аллергены? Что делать, если анализы отрицательные, а проявления аллергии есть? Как снизить риски возникновения аллергии?» [Егорова, 2020].

Блог кандидата психологических наук, клинического психолога, члена Ассоциации когнитивно-бихевиоральных терапевтов, психолога Центра когнитивной терапии Татьяны Павловой в одноимённом Telegram-канале направлен на обсуждение недостаточно представленных в общественном дискурсе проблем ментального здоровья, в том числе повышенной тревожности, панических атак, посттравматических страхов и т. п. Доступные рекомендации способны помочь улучшить состояние и научить более осознанно и ответственно относиться к своим и чужим психическим состояниям.

Педиатр, неонатолог, кандидат медицинских наук, эксперт различных СМИ, автор нескольких книг о здоровье ребенка Анна Левадная на своём сайте рассматривает актуальные вопросы детского здоровья, волнующие родителей.

Акушер-гинеколог, представитель совета директоров организации «Врачи мира» в России, член Международной гильдии специалистов по инфекциям, передаваемым поло-

вым путем (IUSTI), член Международного сообщества по инфекционным болезням в акушерстве и гинекологии (ISIDOG) Татьяна Румянцева посвящает свой блог актуальной информации, «необходимой для того, чтобы лучше понимать себя и свое тело» [Егорова, 2020], рассматривает и нормальные случаи, и девиации, требующие консультации врача. Автор уделяет внимание также современным методам лечения, принятым профессиональным сообществом.

Особое место в отношении современного человека к своему здоровью занимают вопросы правильного питания. Елена Мотова, врач-диетолог, научный журналист, автор книги «Мой лучший друг – желудок. Еда для умных людей», с отсылками к последним научным данным объясняет в своём блоге принципы работы пищеварительной системы, даёт практические советы по правильному питанию, соотносящиеся с реальностью, указывает на риски, вызываемые модными диетами; анализирует расстройства пищевого поведения и т.п. В её блогах содержится актуальная информация из авторитетных источников – различных международных организаций здравоохранения, даются экспертные рекомендации, рецепты и др.

Одной из очевидных тенденций является и то, что тема здоровья активно освещается не только медицинскими блогерами общероссийского уровня, но находит своё отражение и в работе редакций региональных СМИ. Покажем это на примере Белгородской области. Анализ 170 публикаций и сюжетов в двух печатных и четырёх электронных изданиях, двух телерадиокомпаниях, а также публикаций Telegram-канала «Белгород № 1» в общем составе повестки дня локальных медиа с июня 2019 по май 2020 гг. показал, что в информационном пространстве региона практически ежедневно появлялись публикации на медицинскую тематику как в печатной прессе, так и в теле- и радиосюжетах. Среди таких изданий – газеты «Белгородская правда», «Белгородские известия», «Аргументы и факты-Белгород», сетевые издания «БелПресса», «Fonar.tv», «Открытый Белгород», информационное агентство «Бел.Ру» а также филиал ВГТРК – ГТРК «Белгород», областная телерадиокомпания «Мир Белогорья». Как правило, материалы размещаются в специальных рубриках – «Медицина», «Здоровье», «Здравоохранение», «Медицинская страничка» – и излагаются доступным языком, без использования специальной медицинской терминологии. Тематическая классификация медико-просветительских публикаций позволила выявить десять наиболее востребованных тем: коронавирусная инфекция COVID-19, лекарственное обеспечение населения, социально-медицинская инфраструктура региона, здоровый образ жизни, профилактика заболеваний, региональный проект «Управление здоровьем», вопросы демографического характера, личность врача, здравоохранение детей и взрослых, кадровые проблемы медицинских учреждений региона. В мае 2020 г. наибольшее количество публикаций относилось к таким тематическим областям, как коронавирусная инфекция COVID-19, социально-медицинская инфраструктура, детское здравоохранение и профилактика заболеваний.

Наблюдаемая ситуация требует обсуждения весьма важного вопроса о профессионализации журналистов, освещающих вопросы медицины и здравоохранения. Лишь немногие университеты и институты в мире предлагают программы бакалавриата, магистратуры или дипломы, связанные с медицинской журналистикой. Из зарубежных отметим базовый курс Health Care Journalism (Университет Миссури-Колумбия с базирующейся при нем Ассоциацией журналистов, пишущих на темы здоровья (The Association of Health Care Journalists) [Смирнова, 2009, с. 17], образовательную программу Бостонского университета, в России же программы такого профиля есть в Москве, Санкт-Петербурге, разработана подобная магистерская программа и в Белгородском государственном национальном исследовательском университете.

Заключение

Обзор зарождения и развития медицинской журналистики в России показал, что в первой половине XIX в. развитие медицинских журналов в значительной степени было стихийным, зависело от частной инициативы и отражало общее состояние медицинской науки и практики. Как правило, за исключением «Военно-медицинского журнала», издания были недолговечными и прекращали существование из-за материальных и организационных затруднений. Общее развитие медицинской науки, формирование многообразных отраслей медицинского знания, его дифференциация способствовали разделению сфер деятельности в медицине, а также утверждению новых медицинских специальностей, что, начиная с 60-х гг. XIX в., повлияло на формирование значительного по объёму и проблематике сегмента отраслевых медицинских журналов.

Осмысление в последующие периоды здоровья как социально детерминированной ценности, а также цивилизационные сломы способствовали становлению и развитию медико-просветительской деятельности, что обеспечило не только дальнейшее формирование профессионально специализированных, но и появление массовых научно-популярных медицинских изданий.

Текущая ситуация, вызванная пандемией новой коронавирусной инфекции, способствовала пиковому росту в 2020–2021 гг. публикаций, связанных с заболеванием, профилактикой, вопросами вакцинации и возникшей сложной социальной ситуацией. Это привело к резкому увеличению запросов на медицинскую информацию в новых, цифровых медиа, а также к включению проблем здоровья и здравоохранения в повестку дня не только общероссийских, но и региональных СМИ. Очевидно, что предметом специального дальнейшего исследования должен стать анализ не только самой ситуации, но и разноаспектный анализ её отражения в средствах массовой коммуникации: какие именно информационные запросы стали наиболее частотными; насколько полно и качественно они удовлетворялись; как стилистика и тон публикаций влияли на отношение граждан, власти и профессионального медицинского сообщества к конкретным проблемам и на принятие решений; какие системные проблемы здравоохранения были выявлены; наблюдалась или нет, при всем обилии информации, конструктивная общественная дискуссия; произошли ли какие-то значимые изменения в общественном сознании и т.д. Опыт освещения пандемии COVID-19 показал также, что не менее важна и дискуссия об этических и социальных аспектах публикаций на медицинские темы.

Полагаем, что именно такой подход будет способствовать систематизации и исследованию медицинской информации в СМИ как актуальной социально-исследовательской задаче, основная цель которой – повышение качества освещения социально-медицинских проблем в СМИ и в конечном счете качества жизни граждан.

Список источников

- Большая медицинская энциклопедия. 1980. Под ред. Б.В. Петровского. 3-е издание. В 30 томах. М., Советская энциклопедия. Т. 14, 377 с.
- Егорова А. 2020. Шесть врачей-блогеров: на кого подписаться, чтобы правильно заботиться о здоровье. РБК. Стилль. URL: <https://style.rbc.ru/health/5f1ea49e9a794725c92642d2> (дата обращения: 10.02.2022).
- Князев А.А. 2002. Энциклопедический словарь СМИ. М., Издательство КРСУ. URL: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s242-ru19.htm> (дата обращения: 08.01.2022).
- Меженко Ю.А. 1955. Русская техническая периодика. 1800-1916 гг. М., Л., Академия наук СССР, 300 с.
- Санкт-Петербургские Врачебные Ведомости. 1900. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVIIIа: Саварни – Сахарон. Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Санкт-Петербург, акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон: 291.
- PRT Edelman Affiliate. 2001–2022. URL: <https://prt.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).

Список литературы

- Акопов А.И. 1986. Отечественные специальные журналы 1765–1917. Под ред. А.И. Станько. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 125 с.
- Воскобойникова А.П. 2019. Медицинская журналистика России: история и современность. В кн.: Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей. Материалы научно-практической конференции аспирантов и студентов, 10–17 апреля 2019, Белгород. Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, Факультет журналистики НИУ «БелГУ»: 8–11.
- Готовкина М.С. 2021. Популяризация медицинского научного знания в сети интернет (на примере COVID-19). В кн.: Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник трудов III международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2021, Белгород. Под ред. А.В. Полонского. Белгород, ПОЛИТЕРРА: 320–322.
- Донских А.Г. 2021. К вопросу о разглашении врачебной тайны в публичном пространстве. В кн.: Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник трудов III международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2021, Белгород. Под ред. А.В. Полонского. Белгород, ПОЛИТЕРРА: 118–124.
- Игнатъева Л.П., Чирцова М.В., Потапова М.О. 2014. Факторы, определяющие состояние здоровья. Иркутск, ИГМУ, 33 с.
- Коланькова О.В. 1998. Медицинские периодические издания в России конца XVIII – первой половины XIX вв.: Опыт книговедческого анализа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 17 с.
- Левит М.М. 1963. Медицинская периодическая печать в России и СССР (1792–1962). М., Издательство Медгиз, 244 с.
- Лядова А.В., Лядова М.В. 2017. Ценность здоровья в современном обществе. В кн.: Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XX Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, 16–18 марта 2017, Екатеринбург. Под ред. А.В. Меренкова, Е.В. Грунт, Н.Л. Антоновой. Екатеринбург, Институт современных технологий управления: 1506–1512.
- Прохоров Е.П. 2011. Введение в теорию журналистики. М., Аспект Пресс, 351 с.
- Романов А.А., Романова Л.А., Зайналабдиев Р.М. 2021. Пандемия COVID-19 в российских региональных СМИ. В кн.: Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник трудов III международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2021, Белгород. Под ред. А.В. Полонского. Белгород, ПОЛИТЕРРА: 77–82.
- Смирнова О. 2009. Специализация – «Охрана здоровья»: опыт американской школы журналистики. В кн.: Журналистика для здоровья нации. Информационный ресурс и человеческий потенциал. Под ред. Т.И. Фроловой. М., Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова; МедиаМир: 16–21.
- Фролова Т.И. 2009. Здоровье, журналистика и образование: стратегия эффективности. В кн.: Журналистика для здоровья нации. Информационный ресурс и человеческий потенциал. Под ред. Т.И. Фроловой. М., Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова; МедиаМир: 7–15.
- Штепа В.И. 2007. Научная журналистика в сегодняшнем мире. *RELGA*, 5 (150). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1754&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 08.01.2022).

Referenses

- Akopov A.I. 1986. Otechestvennye spetsial'nye zhurnaly 1765-1917 [Domestic special journals 1765-1917]. Ed. A.I. Stan'ko. Rostov-na-Donu, Publ. Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 125 p.
- Voskoboynikova A.P. 2019. Meditsinskaya zhurnalistika Rossii: istoriya i sovremennost' [Medical journalism in Russia: history and modernity]. In: Zhurnalistika, massovye kommunikatsii i media: vzglyad molodykh issledovateley [Journalism, mass communications and media: the view of young researchers]. Materials of the scientific and practical conference of postgraduates and students, April 10-17 2019, Belgorod. Eds. E.A. Kozhemyakin, A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki NIU «BelGU»: 8–11.
- Gotovkina M.S. 2021. Popularizatsiya meditsinskogo nauchnogo znaniya v zeti Internet (na primere COVID-19). [Popularization of medical scientific knowledge on the Internet (for example of COVID-19)]. In:

- Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoy informatsii [Discourse Studies and Media Criticism of Mass Media]. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, October 7-8, 2021, Belgorod. Ed. A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. POLITERRA: 320–322.
- Donskikh A.G. 2021. On disclosure of medical secrecy in public space. In: Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoy informatsii [Discourse Studies and Media Criticism of Mass Media]. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, October 7-8, 2021, Belgorod. Ed. A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. POLITERRA: 118–124.
- Ignat'eva L.P., Chirtsova M.V., Potapova M.O. 2014. Faktory, opredelyayushchie sostoyanie zdorov'ya [Factors that determine health status]. Irkutsk, Publ. IGMU, 33 p.
- Kolan'kova O.V. 1998. Meditsinskie periodicheskie izdaniya v Rossii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vv.: Opyt knigovedcheskogo analiza [Medical periodicals in Russia at the end of the 18th - the first half of the 19th centuries: Experience of bibliological analysis]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 17 p.
- Levit M.M. 1963. Meditsinskaya periodicheskaya pechat' v Rossii i SSSR (1792–1962) [Medical periodicals in Russia and the USSR (1792–1962)]. M., Publ. Izdatel'stvo Medgiz, 244 p.
- Lyadova A.V., Lyadova M.V. 2017. Value of health in the modern society. In: Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]. Proceedings of the XX International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan, March 16-18, 2017, Ekaterinburg. Eds. A.V. Merenkov, E.V. Grunt, N.L. Antonova. Ekaterinburg, Publ. Institut sovremennykh tekhnologiy upravleniya: 1506–1512.
- Prokhorov E.P. 2011. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the theory of journalism]. M., Publ. Aspekt Press, 351 p.
- Romanov A.A., Romanova L.A., Zaynalabdiev R.M. 2021. The COVID-19 pandemic in Russian region mass media. In: Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoy informatsii [Discourse Studies and Media Criticism of Mass Media]. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, October 7-8, 2021, Belgorod. Ed. A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. POLITERRA: 77–82.
- Smirnova O. 2009. Spetsializatsiya – «Ohrana zdorov'ya»: opyt amerikanskoy shkoly zhurnalistiki [Specialization - "Health Care": the experience of the American school of journalism]. In: Zhurnalistika dlia zdorov'ya natsii. Informatsionny resurs i chelovecheskiy potencial [Journalism for the health of the nation. Information resource and human potential]. Ed. T.I. Frolova. Moscow. Publ. Fakul'tet zhurnalistiki MGU, MediaWorld: 16–21.
- Frolova T.I. 2009. Zdorov'ye, zhurnalistika i obrazovaniye: strategiya effektivnosti [Health, journalism and education: an efficiency strategy]. In: Zhurnalistika dlia zdorov'ya natsii. Informatsionny resurs i chelovecheskiy potencial [Journalism for the health of the nation. Information resource and human potential]. Ed. T.I. Frolova. Moscow. Publ. Fakul'tet zhurnalistiki MGU, MediaWorld: 7–15.
- Shtepa V.I. 2007. Nauchnaya zhurnalistika v segodnyashnem mire [Science journalism in today's world]. RELGA, 5 (150). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1754&level1=main&level2=articles> (accessed: 08.02.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.01.2022

Поступила после рецензирования 8.04.2022

Принята к публикации 10.06.2022

Received January 13, 2022

Revised April 8, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воскобойникова Алина Петровна, аспирант института общественных наук и массовых коммуникаций, тьютор кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Alina P. Voskoboynikova, post-graduate student of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, tutor of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Ушакова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Svetlana V. Ushakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Journalism of Social Sciences and Mass Communication Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Рязанцев Вадим Александрович, кандидат филологических наук, главный редактор ООО «Медиа-Сити», г. Белгород, Россия

Vadim A. Ryazantcev, Candidate of Philological Sciences, Editor-in-Chief of Media City LLC, Belgorod, Russia

УДК УДК 811.581: 070
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-193-204

Россия в официальной прессе Китая: новостной дискурс «Жэньминь Жибао»

Го Лицзюнь¹, Чжан Цзяхуэй²

¹ Институт международных исследований,
Университет имени Сунь Ятсена,
Китайская Народная Республика, 519082, Провинция Гуандун, г. Чжухай, район Сянчжоу,
Университетский проспект, № 2;

² Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии,
Шанхайский университет иностранных языков,
Китайская народная республика, 201620, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550
E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Аннотация. Рассматривается тема репрезентации образа России в современных качественных средствах массовой информации Китая как индикатор политических отношений двух стран. Цель исследования состоит в выявлении оценок страны-партнера, представленных в газете, которая отражает позицию власти. Изучены материалы новостного дискурса газеты «Жэньминь Жибао» в период с 2018 по 2021 годы, в частности 15 827 заголовков репортажей, посвященных России. Установлено, что в газете «Жэньминь Жибао» Россия представлена как стратегический партнер, с которым Китай находится в добрососедских отношениях. Российскому президенту в исследуемом дискурсе отводится особое место: газета создает образ сильного руководителя, заинтересованного в развитии своей страны и партнерстве с КНР, что вызывает уважение у китайского общества. Показано, что имидж России, создаваемый в новостном дискурсе «Жэньминь Жибао», кардинально отличается от образа агрессивной страны, который создают западные средства массовой информации. Значительное место в публикациях о России занимает тема борьбы с пандемией, поднимаются проблемы динамики распространения вируса, разработки вакцины и вакцинации населения. Общее впечатление о России, создаваемое в новостном дискурсе официального печатного органа власти Китая, формирует у китайского общества представление о соседе как надежном партнере, с которым КНР совместно противостоит глобальным угрозам.

Ключевые слова: Россия, Китай, В.В. Путин, «Жэньминь Жибао», новостной дискурс, образ страны

Благодарности: исследование проведено при поддержке Китайского Национального фонда общественных наук «Дискурсивный анализ новостных текстов о Китае в российских СМИ (на основе корпусного подхода)» (грант № 16СYY065).

Для цитирования: Го Л., Чжан Ц. 2022. Россия в официальной прессе Китая: новостной дискурс «Жэньминь Жибао». Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(2): 193–204. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-193-204

Russia in China's Official Press: News Discourse "People's Daily"

Lijun Guo¹, Jiahui Zhang²

¹ School of International Studies, Sun Yat-sen University,
No. 2 University Road, Xiangzhou District, Zhuhai City, Guangdong Province 519082, P.R. China;

² School of Russian and Eurasian Studies,
Shanghai International Studies University
1550 st. Wenxiang, Shanghai 201620, P.R. China
E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Abstract. The theme of the representation of the image of Russia in the modern high-quality mass media of China as an indicator of the political relations between the two countries is discussed. The purpose of

such a study is to identify the assessments of the partner country presented in the newspaper, which reflect the stand of the authorities. The materials of the news discourse of the People's Daily in the period from 2018 to 2021 were studied, in particular, 15827 headlines of reports related to Russia. In this period China and Russia were subject to sanctions by the United States and European countries, and also fight the epidemic of coronavirus infection. These events have become an incentive to unite both countries in the face of a common danger. The study was conducted on the basis of a combination of methods of critical discourse analysis, which involves the study of the text in close connection with social practices, and corpus linguistics, which allows analysis on the basis of big data. It is noted that these methods make it possible to give an objective assessment of the attitude towards another country in the press by identifying the image that publications create. It has been established that in the newspaper "People's Daily" Russia is presented as a strategic partner with which China is in good neighborly relations. Their guarantors are the leaders of both countries – Xi Jinping and Vladimir Putin. The Russian president is given a special place in the discourse studied: the newspaper creates the image of a strong leader interested in the development of his country and partnership with China, which inspires respect from the Chinese society. It is shown that the image of Russia, created in the news discourse of "People's Daily", is fundamentally different from the image of an aggressive country, which is created by the Western media. A significant place in publications about Russia is occupied by the topic of combating the pandemic, the problems of the dynamics of the spread of the virus, the development of a vaccine and the vaccination of the population are raised. The general impression of Russia, created in the news discourse of China's official press of the authority, forms in the Chinese society an image of the neighbor as a reliable partner, with whom the PRC jointly counters global threats.

Keywords: Russia, China, V. Putin, "People's Daily", news discourse, image of the country

Acknowledgments. Research is accomplished with financial support of the Social Science Fund Foundation of China Grant №16CYY065 "Discourse Analysis of News Texts about China in Russian Mass Media".

For citation: Guo L., Zhang J. 2022. Russia in China's Official Press: News Discourse "People's Daily". Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 193–204 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-193-204

Введение. Образ страны в информационном поле

Положительный имидж страны в информационном поле другого государства – важный инструмент политики «мягкой силы». Поэтому изучение образа страны в иностранных средствах массовой информации, особенно в качественной прессе этой страны, имеет значение с точки зрения установления и поддержания стабильных отношений не только в политической, но и в иных сферах сотрудничества. И наоборот, создание в СМИ негативного образа государства, как показывает в последние месяцы информационное освещение политических событий, оказывается чрезвычайно действенным методом влияния на общественное мнение. Таким образом, вопрос о репрезентации в информационном пространстве позитивных и негативных представлений о той или иной стране требует научного осмысления. Исследователями предпринимаются попытки «изучения причин распространения и укрепления в современном Китае позитивного образа "Россия" с богатым образовательным имиджем, природными ресурсами и культурными традициями, который долгие годы китайцами воспринимался как страна балалаек, медведей и водки» [Ливэй, 2021, с. 180]. Анализ репрезентации образов как Китая, так и России в СМИ уже предпринимался исследователями. Их взгляд на изучение имиджа России обращен к сферам политики, дипломатии, социальных коммуникаций, лингвистики и культуры [Благодер, Минц, 2011; Коновалова, 2011; Fan, Fang, 2014; Цуй, 2015]. Одним из условий формирования положительного восприятия китайским обществом того или иного государства является официальная позиция власти.

Цель данного исследования – проанализировать образ России, представленный во влиятельной газете «Жэньминь Жибао», для понимания того, как репрезентируются от-

ношения России и Китая в одном из ведущих качественных СМИ последнего. Обращение именно к этому информационному источнику обусловлено тем, что данная газета является официальным печатным изданием Центрального комитета Коммунистической партии Китая, то есть во многом представляет официальный взгляд власти на отношения с соседом, а также тем, что «Жэньминь Жибао» занимает первое место в базе данных новостей «Хуэйкэ» по количеству сообщений, касающихся России.

Материалом для исследования послужили тексты указанной газеты в период с 11 августа 2018 года, когда власти США ввели санкции против России и КНР, что получило широкое освещение в китайских и российских средствах массовой информации, до 30 июня 2021 года. Этот временной отрезок богат не только политическими новостями, но и событиями, обусловленными пандемией коронавирусной инфекции, что дает новый материал для изучения образа страны, который создается в СМИ другого государства, в данном случае соседнего, с которым осуществляется активная коммуникация.

Взаимодействие России и Китая характеризуется стабильностью. Обе страны сотрудничают в политической, экономической и культурной сферах. Для успешного взаимодействия государств и их граждан необходимо создание позитивных представлений о союзнике. Так, в российских СМИ Китай – «и стратегический партнер, и “добрый сосед”, и важный экспортер российских природных ресурсов, и один из основных союзников на мировой арене» [Коновалова, 2011, с. 74], хотя есть и материалы негативного характера, однако их количество составляет 13,95 % от всех новостей о КНР, причем по сравнению с репрезентацией образа Китая в российских СМИ 90-х гг. наблюдается динамика существенного улучшения [Коновалова, 2011, с. 80].

Критический дискурс-анализ и корпусная лингвистика как инструменты изучения образа страны на основе исследования заголовков

Одним из инструментов, который можно использовать для изучения формируемого в медийном пространстве образа страны, является критический дискурс-анализ. В своем исследовании мы обращались к социально-культурному подходу к анализу дискурса Нормана Фэрклоу (Norman Fairclough), который опирается на анализ текста, при этом дискурсивные практики рассматриваются в тесной связи с социальными событиями [Fairclough, 1995]. Н. Фэрклоу (N. Fairclough) формулирует концепцию идеологической дискурсивной формации (ideological discursive formation) [Fairclough, 2003]. Он считает, что каждая такая формация связана с различными группами социума наподобие речевого сообщества: каждое речевое сообщество имеет свои речевые традиции и идеологические установки, при этом идеологическая составляющая выявляется в речевой практике.

В последние годы китайские лингвисты активно обращаются к исследованию идеологического дискурса, при этом обнаруживается, что для критического анализа дискурса не хватает системности [Meyer, 2001, p. 15]. На помощь приходит корпусная лингвистика, позволяющая получить более полные и точные данные, нежели исследователь извлекает при традиционном анализе текста, и дает возможность применять дискурсивный анализ к большому объему языковых данных, поскольку количественный анализ обеспечивает универсальность и надежность результатов и выводов исследований.

Заголовок является той частью содержания репортажей, которая, выполняя прагматические функции, привлекает внимание читателей. Он занимает особое место и представляет собой навигатор по текстам новостей, концентрируясь на наиболее яркой информации и обобщая заслуживающее наибольшего внимания содержание [Pan, 2015, с. 8]. Новые форматы медиа, перенасыщенность информационного пространства новостями обуславливают необходимость адаптации к новым технологиям, поиск аттрактивных средств для завоевания читателя, – «в большей степени эти требования касаются заголовков, – они теперь важнее непосредственно контента, а также автора, который его подготовил, и издания, которое опубликовало» [Кузнецов, 2021, с. 49].

На основе материалов о России, размещенных в газете «Жэньминь жибао», мы собрали фонд заголовков. В качестве ключевых слов выступали номинации 俄、俄罗斯、俄国 (китайские варианты лексемы *Россия*), 普京 (*Путин*), 莫斯科 (*Москва*). В результате было выявлено 15 827 заголовков СМИ. После устранения повторяющихся заголовков осталось 8 717 единиц. Используя приложение для анализа корпусов WordSmith 4,0, всего нами было получено 124 133 словоупотреблений (token – последовательность символов, которые в тексте отделены друг от друга пробелами и/или знаками препинания) и 12 586 уникальных слов (types – лексемы, репрезентирующие одно значение). Для верификации данных о ключевых словах мы обратились к материалам двух корпусов: исследовательского (Observed corpus) и сравнительного (Reference corpus), в роли последнего выступил Ланкастерский корпус китайского языка "The Lancaster Corpus of Mandarin Chinese".

На основе созданного корпуса заголовков мы выявили количество репортажей, ключевые слова, коллокации слова Россия и их диахронное изменение. После этого, опираясь на подход к критическому анализу дискурса Н. Фэрклоу [Fairclough, 1995], проанализировали 8 717 заголовков репортажей с 2018 по 2021 годы из газеты «Жэньминь Жибао», касающихся России. Согласно теории Фэрклоу, анализ созданного в последние годы газетой «Жэньминь Жибао» имиджа России и его глубоких идеологической репрезентации проводится по трем основаниям: текстовому описанию, дискурсивной интерпретации и социальной атрибуции.

Образ России – стратегического партнера: частота публикаций и ключевые слова

Плотность push-уведомлений, или оповещений об актуальных событиях, посылаемых пользователям/читателям, например, в формате всплывающих окон, отражает то, насколько конкретное СМИ уделяет внимание соответствующей информации. Известно, что, когда само событие приобретает свойство актуальности, значимость и близость, количество репортажей в прессе увеличивается. Ниже представлен временной рейтинг новостных сообщений, касающихся России, в информационном поле «Жэньминь Жибао», полученных с использованием приложения PivotTable (рис. 1).

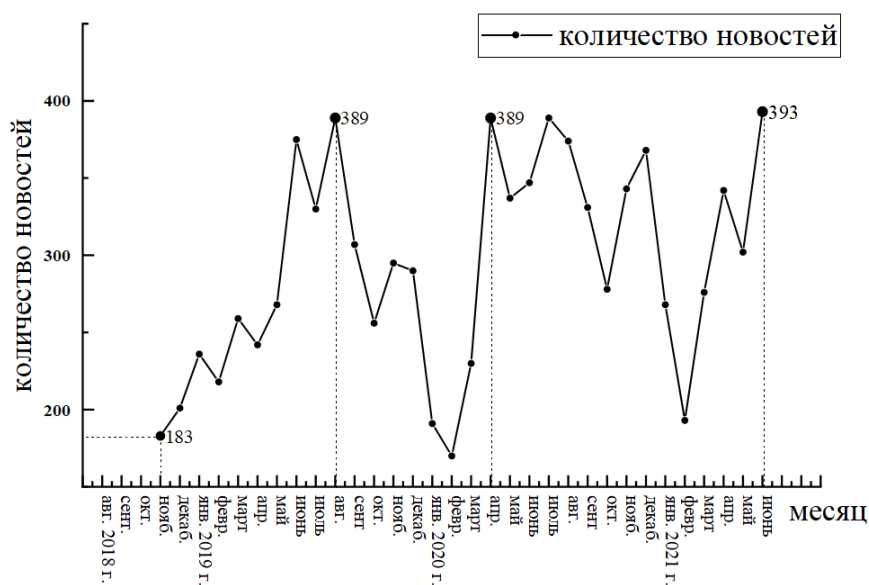

Рис. 1. Количественное распределение новостей (2018–2021 гг., ежемесячно)
 Fig. 1. Quantitative distribution of news (2018–2021, monthly)

На данном рисунке видно, что в исследуемый период газета «Жэньминь Жибао» стабильно следила за соответствующими событиями, связанными с Россией. Среднемесячное количество репортажей составляет 200 текстов. В мае 2019, марте 2020, феврале 2021 годов наблюдается самый активный рост количества репортажей, а на июнь и август 2019, апрель 2020 и июнь 2021 годов приходится пик новостей.

Активность публикаций в данный период обусловлена рядом событий социально-политической жизни обеих стран: в 2019 году отмечается 70-я годовщина с момента установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, когда СССР признал создание Китайской Народной Республики. В июне 2019 года главы КНР и России объявили о вступлении обеих стран в новую эпоху с высоким взаимным доверием и стратегической поддержкой¹. Газета «Жэньминь Жибао» сделала большое количество репортажей по поводу данного события. Так, за июнь 2019 года было опубликовано 24 материала, посвященных китайско-российским отношениям, а материалов, посвященных китайско-европейским и китайско-американским отношениям, только 4 и 10 соответственно.

Ключевыми словами заголовков, имеющими позитивную коннотацию, в этот период стали лексемы *дружба, перспектива, сотрудничество, отношения, сильный*, словосочетание *дипломатические отношения* и др.: «Обзор и перспектива: российско-китайские отношения в новую эпоху» – в Москве прошел форум, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией (здесь и далее примеры даны в переводе автора. — Г. Л.); 70 лет дипломатических отношений: Российско-китайские отношения становятся все крепче и крепче и др. Характер заголовков стилистически сдержан; поскольку их функция в освещении данного новостного события исключительно информативная: они не содержат в своем составе слов и выражений, призванных привлечь внимание читателей за счет оригинальности формулировок. Скорее, данные заголовки отражают серьезность отношений между государствами, уважение к России как к деловому партнеру.

С декабря 2019 года по март 2020 наблюдается первая волна китайской борьбы с пандемией коронавируса. В это время США вводят санкции против китайской компании «Хуавэй». Хотя в данный период «Жэньминь Жибао» основное внимание концентрирует не на России, но тем не менее публикует порядка 100 репортажей о стране. В апреле 2020 года ситуация в связи с пандемией ухудшается и в Российской Федерации. Потеря ей контроля над эпидемией, возвращение китайцев в КНР, российская борьба с коронавирусом попадают в фокус внимания газеты. Количество репортажей в апреле увеличивается до 389. Помимо ковидной тематики, публикации в газете посвящены денонсации Договора по открытому небу, который 2 июня 2021 года одобрил Совет Федерации России². В конце июня Китай и Россия отметили 20-летие договора о добрососедстве и сотрудничестве, что стало программным и базовым документом для устойчивого долгосрочного развития китайско-российских отношений, для всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в XXI веке. Материалы газеты «Жэньминь Жибао» поднимают вопросы китайско-российского сотрудничества, которое согласно отражаемым в публикациях событиям, укрепляется день за днем. Репортажей, посвященных данной тематике, становится все больше и больше.

Ключевыми являются те языковые единицы, частота встречаемости которых «намного выше обычного уровня по сравнению с соответствующим справочным корпусом» [Scott, Tribble, 2006, p. 55]. Если частота встречаемости ключевых слов в исследова-

¹ Russian Satellite News Agency: "The 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia" is the most important event in the world in 2019. 2020. Guangming.com [website]. Available at: <https://m.gmw.cn/baijia/2020-01/03/33451338.html> (accessed: 05.10.2021) (in China).

² The Russian Federation Council unanimously approves the draft law on repealing the "Open Skies Treaty" [website]. 2021. Chinanews.com. Available at: <http://www.chinanews.com/gj/2021/06-02/9491069.shtml> (accessed: 05.10.2021) (in China).

тельском корпусе значительно превышает частоту встречаемости в сравнительном корпусе, то такие ключевые слова называются позитивными, то есть отражающими проблему, вызывающую у читателя повышенное внимание [Kaibao, Dandan, 2020, с. 99]. Кроме того, анализ ключевых слов выявляет регулярность их использования в текстах.

Исходя из полученных нами показателей, первые места занимают ключевые слова, чья семантика связана, во-первых, с пандемией коронавируса – 35 %: *коронавирус, случай заболевания, инфекция, эпидемия, пневмония, вакцина, вирус, десять тысяч* и т. д.; во-вторых, с политической коммуникацией – 30 %: *Путин, Китай, Америка, президент, министр иностранных дел, Си Цзиньпин* и т. д. Остальные затрагивают проблемы экономического развития, военной сферы, культурного взаимодействия: *сотрудничество, рейс, ракета, годовщина, договор, санкция* и т. д. Изучая расположение ключевых слов корпуса, можно утверждать, что газета фокусируется на ситуации эпидемии в России, отношениях между Китаем, Россией и США, встрече глав Китая и России, устойчивых отношениях между двумя странами, культурной коммуникации между ними и т. д.

Судя по частеречной характеристике главного слова в коллокациях, встречающихся в текстах о России, 25 % выражений включают в себя собственные имена существительные, которые называют страны: *Китай, США, Беларусь*; 25 % – факты, связанные с эпидемией: *коронавирус нового типа, вакцина, вирус, случай* и т. д.; 30 % синтаксически главных слов в коллокациях связаны с образным представлением коммуникации как игры: *СМИ, ракета, стратегия, отношения* и т. д. Остальные 20 % касаются политических отношений на высшем уровне: *министр иностранных дел, Путин, президент* и др. Анализ коллокаций в исследуемых текстах показывает, что ключевые слова, в том числе в форме коллокаций, отражают в основном соответствующее названному выше содержание: эпидемия коронавируса в России, политические игры между державами, китайско-российские отношения, а также китайско-российские экономические и культурные обмены.

С момента обнаружения «нулевого пациента» 1 марта 2020 года в России изменение ситуации эпидемии коронавируса было одним из главных приоритетов внимания Китая к России. В текстах используется много числительных, которые могут отражать статистику не только по заболеваемости, но и по излеченности пострадавших людей, результатам вакцинации. Таких заголовков много, например: *Общее количество подтвержденных случаев новой коронавирусной инфекции в России превышает 2,16 миллиона; Заместитель премьер-министра: более 8 миллионов людей в России были вакцинированы против нового коронавируса*. Цифры свидетельствуют о точности информации, а также о ее серьезности. Кроме того, использование больших цифр в отношении жертв или вакцинированных граждан призвано оказать воздействие на читателя, создав эмоциональную ситуацию новизны или необычности, таким образом привлекая внимание целевой аудитории.

В период пандемии США вместе со странами ЕС ввели санкции против России во многих сферах. Когда газета «Жэньминь Жибао» сообщает об этих санкциях (*Россия приняла ряд мер в ответ на «санкции против России» США; Меркель заявила, что не исключено, что наложит санкции на Россию за Северный поток-2*), она подчеркивает, что между Китаем и Россией на фоне давления США и Европы сохраняются устойчивые двусторонние отношения. Соответствующие заголовки включают в себя слова: *санкции, договор, годовщина, многосторонность, сотрудничество, содействие* и т. д., например: *Путин: Россия не будет включена в схему отношений Запада с Китаем; Содействие сотрудничеству с Китаем для достижения более высокого уровня и дальнейшего развития стало общим стремлением людей из всех слоев общества в России*.

Более того, политические, экономические и культурные обмены между двумя странами растут день за днем, углубляя дальнейшее взаимодействие на уровне правительств, предприятий и народов, о чем свидетельствуют заголовки: *Проведен финал конкурса «Китайский мост» по изучению китайского языка для студентов университетов в России;*

Нормализация движения экспресса «Китай-Европа» из Гуанси в Россию; Надеемся на расширение сотрудничества с Китаем в области аэрокосмической науки и технологий.

Таким образом, анализ ключевых слов и коллокаций в публикациях газеты за последние три года показывает, что основная тематика новостей связана с пандемией коронавирусной инфекции, политическими новостями, в том числе негативными – о санкциях США и стран Европы в отношении Китая и России, и позитивными – о совместном противодействии Китая и России давлению «коллективного Запада» и укреплению взаимного доверия и дружбы между двумя соседними государствами.

Направления в формировании образа России газетой «Жэньминь Жибао»

Анализ соотношения дискурса с социальной практикой показывает, что средства массовой информации Китая, в частности официальный печатный орган правительства КНР, формирует образ Российской Федерации в позитивном ключе. Можно выделить основные направления в репрезентации образа России в глазах общественности Китая.

Россия – партнер Китая, хороший и старый друг

Судя по ключевым словам, извлеченным из сравнительного корпуса, среди которых *сотрудничество, Путин, Си Цзиньпин* и *годовщина*, видно, что они имеют очень высокую степень частоты употребления, значительно более высокую, чем в справочном корпусе, и этот показатель является статистически значимым. Тенденция изменения частоты употребления указанных слов в каждом месяце показана на рис. 2.

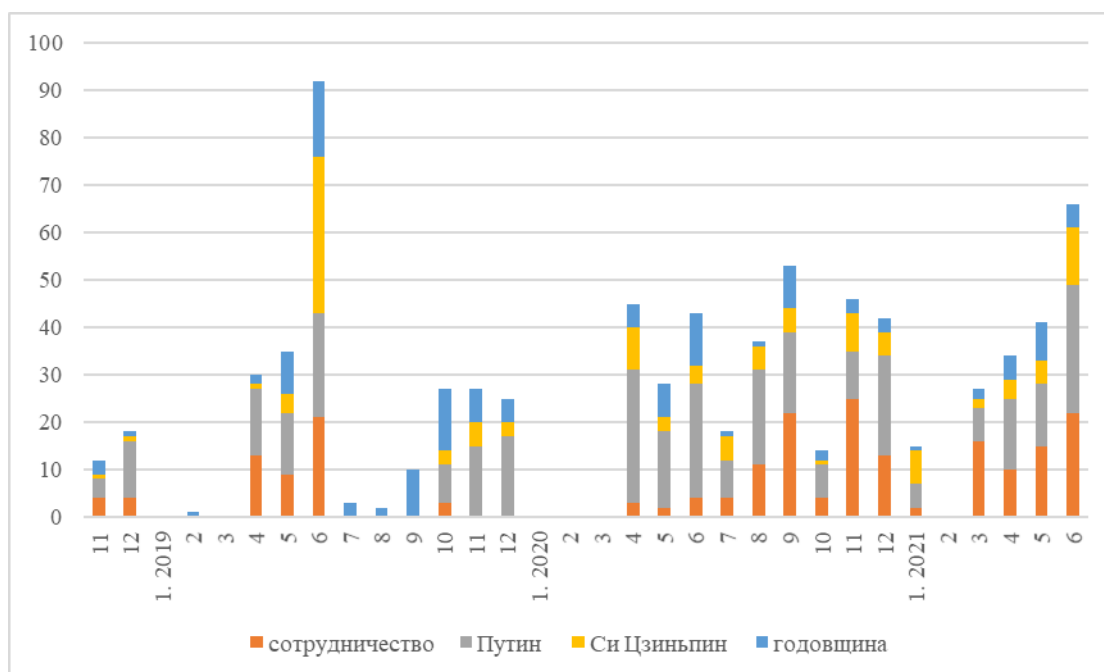

Рис. 2. Распределение высокочастотных ключевых слов в корпусе по месяцам
 Fig. 2. Distribution of high-frequency keywords in the corpus by month

Мы видим, что в репортажах «Жэньминь Жибао» есть значительная стабильность употребления высокочастотных положительных ключевых слов и наблюдается устойчивая тенденция к их росту. Частота позитивных ключевых слов, называющих факты, связанные с китайско-российским сотрудничеством, возросла. При этом, судя по частотности употребления имен руководителей обоих государств, гарантами этой дружбы являются именно они: *Си Цзиньпин* и *Президент России Владимир Путин* стали свидетелями начала китайско-российского проекта сотрудничества в области ядерной энергетики; Пре-

зидент России Владимир Путин: российско-китайские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня.

В публикациях газеты Россия представляется старым другом Китая: *русский народ оказал ценную политическую и моральную поддержку китайскому народному сопротивлению японской агрессии, оказал материальную помощь; с 1937 года более 2000 советских пилотов участвовали в составе Добровольческой летной группы, помогающей Китаю в борьбе с японскими захватчиками, при этом более 200 русских человек погибли в этой войне. При этом дружеские отношения имеют длительную традицию: Передача эстафеты китайско-российской дружбы из поколения в поколение; Сеять семена дружбы между Китаем и Россией из поколения в поколение.*

В настоящее время Россия и Китай сотрудничают в разных сферах жизни государства и общества: науки (*Сделано в Китае и России – Китай и Россия объединятся в сотрудничестве в области научных и технологических инноваций*); медицины (*Эксперты из Минздрава России: китайская медицина пришла в Россию вовремя*), в том числе во время пандемии (*Хэйхэ открыл зеленый канал для начала помощи России в поставках медикаментов*); производства (*Разработанные китайскими компаниями проекты глубокой переработки нефти в России были успешно запущены в производство*); космоса (*Китай и Россия подписали меморандум о сотрудничестве в строительстве международной лунной исследовательской станции*) и др., а также в сфере общественных и личных отношений (*Русский парень пел и болел за Гуанчжоу во время карантина у себя дома; Российские звезды учатся готовить китайскую еду (второй сезон) – жареная рисовая лапша из говядины и др.*).

Россия – партнер Китая в борьбе с современными угрозами

В исследуемый период тематика партнерства развивается в направлении создания образа стран, которые вместе борются с общей угрозой: *Независимо от того, как меняется международная ситуация, Китай готов помочь России; Россия и Китай сотрудничают «спина к спине, чтобы совместно бороться не только с коронавирусом, но и с новым “политическим вирусом”»* (из выступления министра иностранных дел Китая Ван И. на пресс-конференции «Двух сессий» 7 марта 2021 г.). Речь идет о противостоянии «цветным революциям» и распространению ложной информации: *«Чем более беспокойным становится мир, тем более твердо должно продвигаться сотрудничество Китая и России»* – заявляет Ван И. Благодаря СМИ, именно этот образ – двух стран, противостоящих вместе угрозе «цветных революций», – широко распространен в китайском обществе.

Президент РФ В. В. Путин – гарант партнерства Китая и России

Антропоним *Путин* – часто встречающееся тематическое слово и высокочастотная коллокация слова *Россия* в китайском языке. В Китае широко распространено мнение, что «для понимания образа России особое значение имеет культурно-языковой стереотип “Путин”, который стал ключевым именем собственным <...> В значительной степени образ президента Путина представляет собой образ всей российской нации» [Ливэй, 2021, с. 184]. Фамилия российского президента часто появляется в заголовках новостей, привлекая внимание читателей. Путем поиска в корпусе мы обнаружили слова, которые имеют сильную взаимосвязь с антропонимом *Путин*: *президент, Си Цзиньпин, проводить, объявить, встреча, вакцина, подписание, вместе, свидетель, обращение, поздравление, поддержка, благодарить, улучшить*. Использование в текстах фамилии Путин создает семантическую просодию (явление, при котором слова с нейтральной семантической коннотацией могут получать положительную или негативную оценку в сочетании с определенными словами [Yang, 2009]), поскольку имя часто сочетается со словами, имеющими положительную окраску. Антропоним *Путин* является одновременно часто встречающимся ключевым словом и частым компонентом в составе коллокаций с лексемой *Россия*.

Оба слова обладают положительными семантическими характеристиками и создают положительный образ президента России в глазах китайского читателя.

Заголовки новостей с ключевым антропонимом *Путин* создают образ президента, который активно взаимодействует с китайским руководителем страны и развивает с китайским руководством сотрудничество в разных областях (*Видеосвязи между Си Цзиньпином и президентом России Путиным: главы вместе присутствовали на церемонии открытия Китайско-российского восточного маршрута газопровода; Си Цзиньпин и президент России Путин вместе стали свидетелями церемонии открытия китайско-российского проекта сотрудничества в области ядерной энергетики*); заинтересован в развитии России (*Путин принимает меры, чтобы российская экономика продолжала развиваться*); приветствует получение российского гражданства, в частности жителями Украины, которая находится в конфронтации к Кремлю (*Путин подписал указ о расширении круга граждан Украины для получения гражданства России по упрощенной процедуре*). Главным образом, речь в публикациях, связанных с президентом России, идет в ключе обсуждения активного сотрудничества двух государств в политической и экономической сферах. Кроме того, в ряде материалов можно увидеть сообщения о здоровье российского президента в связи с вакцинацией как важной составляющей жизни всего мира в последние годы: *Кремль: Путин чувствует себя хорошо после вакцинации; Кремль: у Путина нет побочных эффектов после вакцинации «Спутник-V»* (косвенно такие новости в свете «вакцинной войны», которая наблюдается в глобальном пространстве, свидетельствуют и о качестве российской вакцины, и о гражданской ответственности президента).

Россия активно борется с эпидемией и восстанавливает экономику

В противозидемиологическом дискурсе «Жэньминь Жибао», связанном с Россией, 35 % ключевых слов и 25 % коллокаций связаны, конечно, с вопросами эпидемии, например: *коронавирус нового типа, случай, инфекция, накапливать, диагностированный, пневмония, вакцина, вакцинация, новый случай* и др. При этом видно, что «Жэньминь Жибао» обращает внимание на динамику эпидемической ситуации в России. Так, большое количество контекстов связано с семантикой «счета»: *Общее количество подтвержденных случаев новой инфекции в России превышает 1,04 миллиона* и др.

Следует отметить, что внимание «Жэньминь Жибао» к эпидемии в России отражается не только в сообщениях о количествах заболевших, но и публикациях, посвященных предпринимаемым Россией мерам по борьбе с новым вирусом. Разработка вакцин и восстановление экономики – это конкретные предпринимаемые усилия России по борьбе с глобализацией эпидемии. Обращает на себя внимание тенденция изменения соответствующих ключевых слов в репортажах о России, начиная с марта 2019 года по настоящее время: ориентируясь на социальную практику, газета пишет о разработке вакцин, практике вакцинации и сотрудничестве (ключевые слова этого периода *вакцина, проводить, вакцинация, сотрудничество, рейс, встреча, корона* и т. д. Тенденции изменения продемонстрированы на рис. 3.

На данном рисунке пунктирная линия показывает изменение количества сообщений в «Жэньминь Жибао» об эпидемии коронавируса в России, демонстрируя тенденцию сначала усиления распространения вируса, а затем снижения, в то время как гистограмма показывает количество репортажей газеты об усилиях России в борьбе с эпидемией, включая новости с указанными выше ключевыми словами. При этом получается, что в самый пик пандемии репортажей о борьбе с ней в России было критически мало. Позже «Жэньминь Жибао» начинает уделять больше внимания различным усилиям России по борьбе с эпидемией, включая разработку вакцин, организацию вакцинации граждан и восстановление экономики. Значительное место в сообщениях отводится китайско-российскому партнерству как в эпидемиологической сфере, так и в восстановлении экономики после пандемии: *Президент Российского фонда прямых инвестиций: «Сотрудни-*

чество с Китаем способствует разработке вакцин»; Пресс-секретарь президента России высоко оценил китайско-российские противозидемическое сотрудничество.

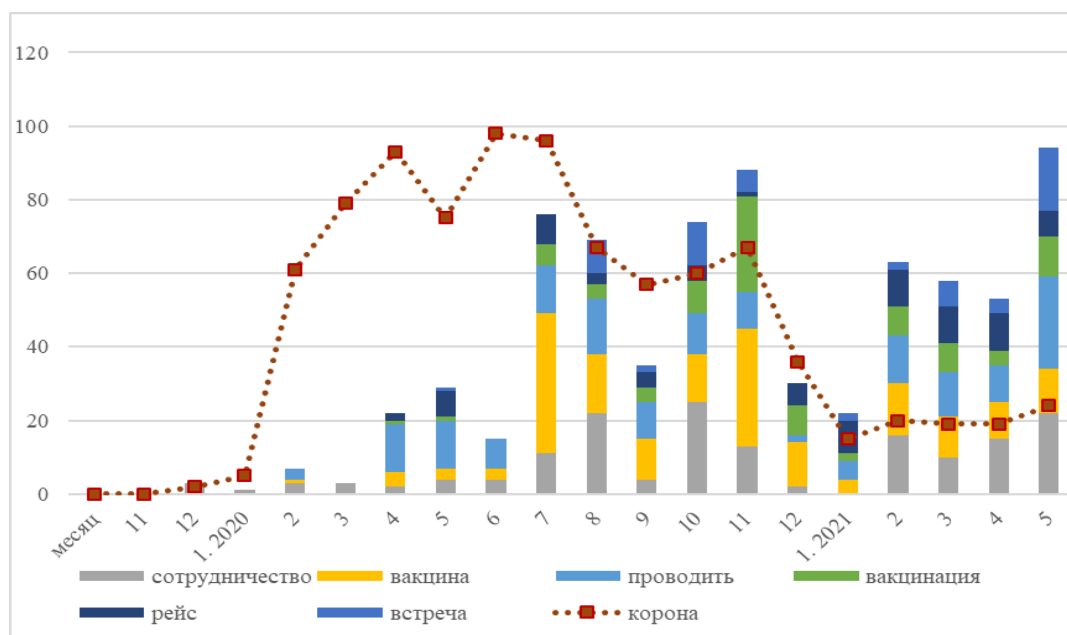

Рис. 3. Распределение части ключевых слов о коронавирусе в корпусе
Fig. 3. Distribution of some keywords about coronavirus in the corpus

Заклучение

Изучение образа страны в иностранных СМИ методами корпусной лингвистики и дискурс-анализа позволяет путем использования больших данных и их содержательной интерпретации верифицировать представления определенных групп людей, слоев общества, в том числе властных структур, о той или иной стране. Такие исследования обычно ведутся на материале отдельных СМИ, выводы авторов интересны, весомы, но фрагментарны. В то же время результаты, полученные с применением методов корпусной лингвистики, могут послужить источником комплексного анализа образа страны в разных мировых СМИ, что в свою очередь позволит разработать определенные рекомендации для тех специалистов, которые занимаются информационной политикой.

Изучение образа России в официальном печатном органе Центрального комитета Коммунистической партии Китая – газете «Жэньминь Жибао» – показывает, что на страницах издания формируется позитивное отношение к стране. Россия рассматривается как хороший и старый друг Китая, его партнер в борьбе с современными угрозами, в частности гегемонией западных стран, при этом особая роль отводится сотрудничеству лидеров Китая и России, а также представлена активная роль последней в борьбе с пандемией как самой острой угрозой в рассматриваемый период.

Между тем еще до начала Россией специальной военной операции глобальный новостной дискурс, связанный с представлением страны, имел зачастую негативный характер. Так, исследователи отмечают, что в прессе США «обнаружена тенденция позиционирования России как потенциально опасного, агрессивного государства» [Морозова, 2018, с. 15]; в немецких СМИ широко транслируется мнение, что «санкции, введенные западными странами против “разбушевавшегося медведя”, являются эффективным средством для усмирения “агрессора”, т. к. для преодоления его отсталости необходимы инвестиции и технологии извне, в частности, из Европы» [Бабкина, 2017, с. 84–85].

Анализ материалов газеты «Жэньминь Жибао» свидетельствует о том, что китайская официальная пресса иначе позиционирует своего российского соседа, оценивая его как партнера, старого друга, с которым можно вместе вести борьбу и против внешнеполитической агрессии, и против эпидемии коронавирусной инфекции, которая в последние годы захватила весь мир.

Список литературы

- Бабкина В.А. 2017. Стереотипное моделирование образа России в современных немецких СМИ на фоне обострения российско-германских отношений. *Филология: научные исследования*, 1: 76–85. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.1.21865.
- Благодер Ю.Г., Минц С.С. 2011. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII – начала XX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 3: 110–126.
- Коновалова О.С. 2011. Формирование термина «Желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*, 3: 74–81.
- Кузнецов Е.С. 2021. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ. *Верхневолжский филологический вестник*, 2 (25): 48–54. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54.
- Ливэй Ч. 2021. Восприятие в Китае образа России в контексте «Один пояс и один путь». *Неофилология*, 7 (25): 180–185. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-25-180-185.
- Морозова О.В. 2018. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 23 с.
- Цуй Л. 2015. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, 4: 112–119.
- Fairclough N. 1995. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London, Publ. Longman, 265 p.
- Fairclough N. 2003. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Publ. Routledge, 270 p.
- Fan Z., Fang Y. 2014. Image Building of China in Russian Media – Based on an Investigation by Pravda. *Xinjiang Social Sciences*, 4: 84-89 (in China).
- Kaibao H., Dandan S. 2020. A Study of Huawei's Corporate Image in the English Translation of Sustainability Report: A Corpus-Based Study. *Foreign Languages (Journal of Shanghai International Studies University)*, 43 (06): 94–106 (in China).
- Meyer M. 2001. Between theory, method, politics: Positioning of the approach to CDA. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. Eds. by R. Wodak, M. Meyer. London, Publ. Sage: 14–31. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9780857028020.n2>.
- Pan Y. 2015. The Construction of China's Maritime Power under the Hegemony of American Media Discourse - Based on the Critical Discourse Analysis of Chinese Navy News Reports on the US "Strategy Page" website in 2013–2014. *Foreign Language Studies*, 2: 7–12 (in China).
- Scott M., Tribble Ch. 2006. *Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education*. Philadelphia, Publ. John Benjamin, 203 p.
- Yang Y. 2009. *Semantic Prosody and Lexical Collocation*. North and South Bridges, 12: 85–86 (in China).
- Liu Jinan, He Hui. 2006. *Otazhenie Kitaya: obraz Kitaya v osnovnykh mirovykh sredstvakh massovoi informatsii [Reflection of China: The image of China in the world's major media]*. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta svyazi. 309 p. (in China).

References

- Babkina V.A. 2017. Stereotipnoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennykh nemetskiikh SMI na fone obostreniya rossiysko-germanskiikh otnosheniy [Stereotypical modeling of the image of Russia in modern German media against the backdrop of aggravated Russian-German relations]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 1: 76–85. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.1.21865.
- Blagoder Yu.G., Mints S.S. 2011. Image of China in consciousness of Russian educated society of the 17th – early 20th centuries. *RUDN journal of Russian History*, 3: 110-126 (in Russia).

- Konovalova O.S. 2011. Formation of the term “yellow peril” on the image of China in the media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 3: 74–81 (in Russia).
- Kuznetsov E.S. 2021. The evolution of clickbait: from a yellow press tool to the key Internet media technology. *Verhnevolzhski philological Bulletin*, 2 (25): 48–54 (in Russia). DOI: 10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54.
- Livey Ch. 2021. Perception of Russia’s image in china in the context of “one belt and one road”. *Neophilology*, 7 (25): 180–185 (in Russia). DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-25-180-185.
- Morozova O.V. 2018. Rechevye sposoby formirovaniya obraza Rossii v rossiyskikh i amerikanskikh SMI [Speech ways of forming the image of Russia in Russian and American media]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Saratov, 23 p.
- Tsuy L. 2015. Linguistic means of linguistic and cultural image of China in linguistic culture of far east emigration. *RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching*, 4: 112–119 (in Russia).
- Fairclough N. 1995. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London, Publ. Longman, 265 p.
- Fairclough N. 2003. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Publ. Routledge, 270 p.
- Fan Z., Fang Y. 2014. Image Building of China in Russian Media – Based on an Investigation by Pravda. *Xinjiang Social Sciences*, 4: 84–89 (in China).
- Kaibao H., Dandan S. 2020. A Study of Huawei’s Corporate Image in the English Translation of Sustainability Report: A Corpus-Based Study. *Foreign Languages (Journal of Shanghai International Studies University)*, 43 (06): 94–106 (in China).
- Meyer M. 2001. Between theory, method, politics: Positioning of the approach to CDA. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. Eds. by R. Wodak, M. Meyer. London, Publ. Sage: 14–31. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9780857028020.n2>.
- Pan Y. 2015. The Construction of China’s Maritime Power under the Hegemony of American Media Discourse - Based on the Critical Discourse Analysis of Chinese Navy News Reports on the US “Strategy Page” website in 2013–2014. *Foreign Language Studies*, 2: 7–12 (in China).
- Scott M., Tribble Ch. 2006. *Textual Patterns: Key words and corpus analysis in language education*. Philadelphia, Publ. John Benjamin, 203 p.
- Yang Y. 2009. *Semantic Prosody and Lexical Collocation*. North and South Bridges, 12: 85–86 (in China).
- Liu Jinan, He Hui. 2006. Otrazhenie Kitaya: obraz Kitaya v osnovnykh mirovykh sredstvakh massovoi informatsii [Reflection of China: The image of China in the world’s major media]. Pekin: Izdatel’stvo Kitaiskogo universiteta svyazi. 309 p. (in China).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Поступила в редакцию 30.03.2022

Received March 30, 2022

Поступила после рецензирования 13.05.2022

Revised May 13, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Го Лицзюнь, доктор филологических наук, доцент, Институт международных исследований, Университет имени Сунь Ятсена, г. Чжухай, Китай

Lijun Guo, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of International Studies, Sun Yat-sen University, Zhuhai, China

Чжан Цзяхуэй, аспирант, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китай

Zhang Jiahui, PhD student, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Shanghai University of Foreign Studies, Shanghai, China

УДК 070; 316.77; 82

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213

Публицистика: ее сущность и роль в обществе

Осипова Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: osipova_e@bsu.edu.ru

Аннотация. Познание социальной действительности – насущная потребность каждого человека и общества. Публицистика как особый вид познавательной, творческой деятельности, как своего рода летопись общественно-политической жизни страны не только содержит уникальный фактический материал о событиях и явлениях действительности, но и интерпретирует их. На протяжении десятилетий публицистика находится в фокусе пристального внимания исследователей, пытающихся раскрыть ее сущность и преобразующий потенциал, однако на сегодняшний день обобщающее определение публицистики не сформировано. Автором поставлена цель – рассмотреть сущностные особенности публицистики как деятельности, нацеленной на познание действительности и активизацию общественного диалога. В работе показано, что эффективность публицистики обусловлена личностью автора, чья гражданская позиция и «доказательное» слово являются залогом доверия общества, сделаны выводы о том, что современная российская публицистика находится под влиянием таких тенденций, как усиление влияния законов рынка, сужение жанрового спектра, упрощение читательских интересов и снижение требований к стилистическому качеству речи. Сегодня, в условиях повышенной социальной динамики и активной разработки российским обществом системы ценностей, публицистика как важнейший механизм формирования общественного сознания приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: публицистика, общественное мнение, факт, автор, аудитория, публичный диалог, жанр

Для цитирования: Осипова Е.А. 2022. Публицистика: ее сущность и роль в обществе. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 205–213. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213

Publicism: It's Essence and Role in Society

Elena A. Osipova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: osipova_e@bsu.edu.ru

Abstract. The knowledge of social reality is an urgent need of every person and society. Publicism as a special kind of cognitive, creative activity, as a kind of chronicle of the socio-political life of the country not only contains unique factual material about the events and phenomena of reality, but also interprets them. For decades, publicism has been the focus of close attention of researchers trying to reveal its essence and transformative potential, but to date, a generalizing definition of publicism has not been formed. The author aims to consider the essential features of publicism as an activity aimed at cognition of reality and activation of public dialogue. The paper shows that the effectiveness of publicism is due to the personality of the author, whose civic position and "evidence-based" word are the key to public confidence, conclusions are drawn that modern Russian publicism is influenced by such trends as increasing the influence of market laws, narrowing the genre spectrum, simplifying reader interests and reducing the requirements for stylistic quality of speech. Today, in conditions of increased social

dynamics and active development of the value system by the Russian society, publicism as the most important mechanism for the formation of public consciousness is becoming particularly relevant.

Keywords: publicism, public opinion, fact, author, audience, public dialogue, genre

For citation: Osipova E.A. 2022. Publicism: It's Essence and Role in Society. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 205–213 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213

Введение

Сегодня, в условиях повышенной социальной динамики и активной разработки российским обществом системы ценностей, публицистика как важнейший механизм формирования общественного сознания приобретает особую актуальность. Публицистика оказывает качественное воздействие на культуру и образ мыслей общества, определяет динамику его развития, характер доминирующих нравственных ценностей и эстетических установок. Как замечает А.П. Короченский, «*журналистика и публицистика, располагающие большим потенциалом распространения знаний и развития коммуникационного опыта граждан*», играют ключевую роль в формировании современной коммуникационной культуры наряду с образованием и средствами массовой информации [Короченский, 2004, с. 41].

Особый статус публицистики в культуре, ее чрезвычайно важная роль в решении актуальных социальных задач обуславливает то, что она оказывается в фокусе самого активного внимания исследователей, пытающихся раскрыть ее сущность и потенциал преобразующего воздействия (В.Е. Здорова [1970, 1979], В.В. Ученова [1971, 1979], Е.П. Прохоров [1973, 1984], В.М. Горохов [1975], Б.Я. Мисонжников [2000, 2014], А.П. Короченский [2004], А.В. Полонский [2007, 2008, 2017], А.Н. Козлович [2010], Л.Е. Кройчик [2014, 2015], В.В. Хорольский [2014], М.В. Загидуллина [2018], А.А. Тертычный [2018] и др.).

Предметом аналитического осмысления в статье является сущность и роль публицистики в обществе.

Цель работы – рассмотреть сущностные особенности публицистики как деятельности, нацеленной на познание текущей социальной действительности, активизацию общественного диалога и формирование общественного сознания.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, особой значимостью публицистики в современном обществе, в формировании его сознания и в моделировании его информационно-коммуникативной среды, а с другой – отсутствием ее обобщающего определения.

Для реализации исследовательских задач были использованы общенаучные методы, включая метод теоретического анализа научных источников, который позволил определить степень изученности данной проблемы и спектр существующих точек зрения.

Публицистика: в поисках оснований

Исследованию публицистики посвящены труды многих ученых, которые фокусируют свое внимание на разных ее аспектах. По определению Е.П. Прохорова, признанного классика теории журналистики, публицистика – тип познания, который «*требует сплава, соединения, переплетения научно-теоретического и художественно-образного мышления*» [Прохоров, 1973, с. 90]. В качестве объекта публицистики ученый рассматривает «*современную социальную действительность... события прошлого и... будущее, которое имеет актуальное... значение*» [Прохоров, 1984, с. 185]. Цель публицистической деятельности – формирование общественного мнения в отношении тех или иных событий социальной действительности. Результат в публицистике может быть достигнут «*таким ана-*

лизом ситуаций жизни, когда оказывается отоблизованным общественное мнение... влияющее на принятие решений» [Прохоров, 1984, с. 185].

При осмыслении природы публицистики многие исследователи едины во мнении о политической составляющей этого многоаспектного феномена. В.В. Ученова, понимая под публицистикой *«массовые популярные политические тексты...»* [Ученова, 1979, с. 230], отмечала ее способность быть *«средством массового политического общения»* [Ученова, 1971, с. 31] и оперативно воздействовать на общество, формировать его политические установки.

В широком смысле – как вид общественно-политической деятельности – рассматривает публицистику и В.И. Здорова, определяя ее предмет как *«...социально-политический аспект экономических, производственных, морально-этических, научных и... других явлений жизни»* [Здорова, 1970, с. 17].

Понятия «публицистика» и «журналистика» исследователями зачастую рассматриваются в их взаимоотношении, пересечении. Интерпретируя публицистику как высший род журналистики, В.М. Горохов в своих работах акцентировал внимание на том, что публицистическое произведение всегда основывается на богатом жизненном материале и отображает *«факт общественно-политической деятельности, развивает политическую идею применительно к более широкому кругу духовных ценностей»* [Горохов, 1975, с. 23].

В свою очередь, А.Н. Козлович подчеркивает, что *«публицистика вырастает из журналистики... как осознанная ответственность автора придать факту или явлению яркий образ действительности...»* [Козлович, 2010, с. 4]. Публицистика, предметом которой является *«вся жизнь, современная и прошлая, частная и общественная, реальная и отображенная в СМИ»* [Козлович, 2010, с. 3], как и журналистика, направлена на сбор и распространение информации, однако, на что обращает особое внимание автор, во-первых, в публицистике недопустимо безадресное информирование; во-вторых, автор-публицист, в отличие от журналиста, не дистанцируется от факта, а интерпретирует его.

По замечанию А.Н. Козловича, «публицистика, не ставящая перед собой миссионерских целей, таковой не является по сути» [Козлович, 2010, с. 3]. Сравнивая публицистику с рекой, А.Н. Козлович полагает, что публицистический текст – это не что иное, как *«специфически оформленный поток мыслей и чувств автора»: «публицистические формы как нигде более условны, подвижны, легко меняют очертания, перетекая одна из другой и обратно»* [Козлович, 2010, с. 5]. Сегодня, по его мнению, негативной тенденцией является сокращение жанрового многообразия публицистики, в арсенал которой ранее входили *«практически все газетно-журнальные жанры и их стилевые возможности: очерка, эссе, статьи, заметки, памфлета, открытого письма, интервью...»* [Козлович, 2010, с. 3], которые обеспечивали ее жизнеспособность и эффективность. Среди главных причин этих явлений, которые называет исследователь, – коммерциализация и снижение профессионального уровня публицистов.

Публицистическое произведение, по мнению Л.Е. Кройчика, – это *«вечный диалог автора с аудиторией»*, который рождается в процессе творческой деятельности. Главные особенности такого диалога – равноправие сторон и со-творчество, а цель – в *«совместном поиске ответов на беспокоящие общество вопросы»* [Кройчик, 2015, с. 140]. Ученый подчеркивает, что публицистическое произведение представляет собой рабочую гипотезу, которая может быть проверена и опровергнута читателями. Следовательно, главная задача публициста состоит не только в том, чтобы научить аудиторию мыслить самостоятельно, но и в том, чтобы *«превратить рабочую гипотезу в концепцию»*, в основе которой – твердая уверенность в правоте личных убеждений [Кройчик, 2015, с. 141].

Об эффективности публицистического диалога можно судить по взаимодействию адресанта и адресата: *«Автор предпочитает работать на поле своей аудитории, аудитория ищет своего автора»* [Кройчик, 2015, с. 142]. Основа любого диалога – смыслообразующее зерно, адекватно воспринимаемое его участниками. В процессе взаимодействия

публициста с аудиторией происходит «со-творчество: *со-чувствие, со-действие, со-переживание*» [Кройчик, 2015, с. 143].

Как замечает Л.Е. Кройчик, в современной российской публицистике полноценный диалог автора с аудиторией прерван вследствие замены авторитетного публициста, «властителя дум», экспертом, который не исследует глубинные процессы, протекающие в социуме, а всего лишь фиксирует их. В этом случае *«публицистическое произведение превращается в матрицу – исчезает авторская индивидуальность и живое слово публициста»* [Кройчик, 2014, с. 136]. Выживание средств массовой информации сегодня напрямую зависит от соответствия контента интересам потребителей. Обращая внимание на проблемы публицистики, Л.Е. Кройчик подчеркивает, что в периодических изданиях в настоящее время нечасто встречаются очерки, эссе, фельетоны, рецензии, в то же время наиболее востребованными становятся такие жанры, как интервью, статья, репортаж, комментарий: *«Наглядность, образность, эмоциональность – не в чести. Качественные... издания... превращаются в аналитические бюллетени, центральное место в которых отводится не судьбе человека в обществе, а деятельности властных... структур»* [Кройчик, 2014, с. 134]. Л.Е. Кройчик предупреждает также, что дегуманизация контента СМИ, отказ от нравственных идеалов становится опасной тенденцией, которая уже привела к тому, что в фокусе общественного внимания оказываются *«события скандально-криминального типа...»* [Кройчик, 2015, с. 143]. Человек же с его духовно-нравственным капиталом и системой ценностей оказывается не востребован рыночной публицистикой.

Связывая публицистику с журналистикой, многие исследователи, по мысли А.А. Тертычного, не принимают во внимание многообразие сфер ее бытования, среди которых литература, кинематограф, изобразительное искусство. Публицистика «использует возможности той или иной из сфер, что способствует созданию своеобразных публицистических произведений» [Тертычный, 2018, с. 96]. Ученый подчеркивал, что все публицистические произведения нельзя относить исключительно к публицистике художественной и выделяет три главных вида публицистики: документальную, художественную и художественно-документальную.

Основу документальной публицистики составляют реальные события, в которых главными героями являются конкретные люди, а не вымышленные персонажи. Процессы, описываемые в таких произведениях, имеют высокое социальное значение и отличаются глубиной интерпретации, профессиональным мастерством авторов, которыми, как правило, являются журналисты. Поэтому документальную публицистику относят к журналистике. К литературному творчеству относят художественно-публицистические произведения, в них *«обобщается опыт жизни, переживания и чаяния, судьбы множества людей, через которые проявляется "лицо" актуальной современности»* [Тертычный, 2018, с. 97]. Авторы художественной публицистики, в большинстве своем, – писатели, мастера художественного слова.

Художественно-документальная публицистика представляет собой результат взаимодействия двух вышеназванных видов. Для текстов этого направления характерна опора на документальные факты, а эмоциональное воздействие достигается благодаря авторской художественной фантазии писателей и журналистов [Тертычный, 2018, с. 97].

Благодаря развитию новых, сетевых технологий, благодаря современным способам подачи информации сегодня ярко представлено жанровое многообразие сетевой публицистики. Так, мультимедийность как комплекс средств отображения действительности, таких как слово, звук, графика, видеоизображение, делает текст *«наглядным, экспрессивным, что способствует эмоциональному воздействию публикации на аудиторию»* [Тертычный, 2014, с. 14]. Гипертекстуальность позволяет интернет-аудитории более глубоко и разнообразно «рассмотреть» замысел автора, *«проследить эволюцию взглядов публициста и понять, почему это происходит»* [Тертычный, 2014, с. 14]. Пользователь может выбрать наиболее полезные ему ресурсы. Эффективности коммуникативного процесса в интернет-

пространстве способствует интерактивность, которая проявляется в активном взаимодействии публициста с аудиторией. Пользователи сети могут оставлять развернутые комментарии, отражающие точку зрения по обсуждаемой теме, и даже полемизировать с автором в режиме онлайн. У него появляется возможность оценивать реакцию читателей на произведение и при необходимости его корректировать. Эти аспекты сетевой публицистики подробно анализируются А.А. Тертычным.

Беспокойство исследователей сегодня вызывают факторы, оказывающие пагубное влияние на состояние публицистики. В частности, А.А. Тертычный отмечает стремление многих редакций выстраивать работу по образцам, характерным для западной журналистики. Результатом «вестернизации» становятся упрощенные, малозатратные информационные сообщения, преимущественно развлекательного содержания, предназначенные для широкой аудитории [Тертычный, 2018, с. 98]. В недавнем прошлом самая читающая в мире российская аудитория в настоящее время практически не обращается к качественным публикациям. Снижению уровня информационных ожиданий аудитории способствует, по мысли ученого, широко тиражируемое в СМИ «легковесное чтение». Как замечает А.А. Тертычный, со страниц периодических изданий исчезает думающий автор, а на телевидении ему отводится лишь роль модератора. Публицист представляет серьезную угрозу учредителям и владельцам изданий, которым «не нужны "умники", желающие с помощью публичного слова воздействовать на аудиторию» [Тертычный, 2018, с. 99].

«Общественной саморефлексией», «механизмом тонкого реагирования», «живым и непосредственным организмом общественного коммуницирования» называет публицистику Б.Я. Мисонжников, с точки зрения которого существование этой «ярко выраженной феноменологической текстовой системы» возможно лишь в той социальной среде, в которой «реализуются гуманитарные отношения» [Мисонжников, 2014, с. 10, 14]. Публицистическое произведение «всегда интегрировано с... политическим дискурсом, который несет в себе идеологическое содержание» [Мисонжников, 2000]. Публицистика, как замечает исследователь, «особенно нужна людям, без нее крайне сложно разобраться в ситуации, принять адекватные решения и сделать правильный выбор социального поведения» [Мисонжников, 2014, с. 8], однако в современных условиях, когда преобладает влияние технизма, публицистика, которая «всегда носила гуманистический характер, отстаивала высокие нравственные идеалы», переживает кризис, обусловленный утратой интереса аудитории «к духовной и... гуманитарной стороне журналистского творчества...» [Мисонжников, 2014, с. 10].

Под влиянием массовой культуры формируется психология потребителей с гедонистическими устремлениями: «...Массовый читатель не стремится к интеллектуальному напряжению или политической борьбе» [Хорольский, 2014, с. 64]. В.В. Хорольский связывает проблему расширения практики поверхностного чтения и отсутствия глубокого анализа серьезных публицистических произведений с массовой «усталостью» населения ряда стран, вынужденного бороться за свое существование в условиях жесткой рыночной конкуренции. Налицо «банализация культурных интересов» и «эрозия читательских предпочтений», проявляющихся в «просматривании гламурных журналов, "сканировании" заголовков... бездумном чтении "для отдыха"... Наблюдается откат от завоеванных достижений в области массовой духовной коммуникации. Читатель... вымирает как класс» [Хорольский, 2014, с. 63, 68].

В качестве особого вида творческой деятельности, направленной на осмысление и преобразование текущей социальной реальности, на «решение насущных социальных проблем с целью гармонизации жизни человека в обществе», рассматривает публицистику А.В. Полонский [2008, с. 60]. Публицистика – это творчество, которое «всегда реализуется через личностный мировоззренческий выбор, через речь автора, до предела насыщенную социальной информацией и социальной эмоцией» [Полонский, 2008, с. 60; Полонский, 2017, с. 119]. Объектом публицистики исследователь называет «социального

человека – субъекта социальных отношений и социальной деятельности, во всем многообразии его отношений к природе, обществу, самому себе и к актуальному времени», а предметом – социальный факт как «результат активного взаимодействия субъекта с объектом», как «знак текущей социальной действительности» [Полонский, 2007, с. 127].

Среди фундаментальных функций публицистики А.В. Полонский выделяет когнитивную, обеспечивающую «публицистическое познание факта», коммуникативно-информационную, которая проявляется в создании необходимых социально-информационных условий для взаимодействия разных социальных субъектов, социально-преобразующую, связанную с моделирующим воздействием публицистики на общественное сознание, на формирование гражданской позиции и векторов мировоззренческого выбора, а также социально-дидактическую и социально-просветительскую [Полонский, 2008, с. 59]. Говоря об идеологической функции публицистики, ученый отмечает, что исследователи не всегда относят ее к фундаментальным на том основании, что, как они полагают, публицистика не должна быть идеологизированной. «Однако, – пишет исследователь, – публицистика, отстраненная от идеологии, – это миф, поскольку человека и тем более публициста невозможно оторгнуть от системы его идей и взглядов... Идеология принимает на себя основополагающую функцию в выработке аксиологических критериев» культуры и личности [Полонский, 2008, с. 60]. Совокупность взаимосвязанных функций публицистики составляет ее функциональную модель.

Пространство массмедиа стало «благодатной почвой» для возникновения публицистики Web 2.0. Новые информационно-коммуникативные условия способствуют модернизации традиционных жанров публицистики. Сетевая публицистика, как правило, лаконична, что во многом обусловлено «нежеланием» «человека медийного» [Мансурова, 2010; Вартанова, 2015] воспринимать слишком много информации. В результате пользователь сети ограничивается прочтением небольших сообщений, избегая объемных материалов, требующих глубокого размышления над авторской позицией. Господствующие в Глобальной сети «гражданские журналисты» не имеют четкого представления о жанрах. Авторы-любители, как правило, не задумываются о ценностном содержании материалов, не испытывают чувства ответственности за дезинформацию, которую они публикуют. Под влиянием этих факторов публицистическое произведение как реализация творческого замысла публициста теряет свою оригинальность и силу авторского воздействия.

Публицистика Web 2.0 представляет собой «высказывания участников интернет-коммуникации по социально значимым вопросам в форме развернутого смысловывающего текста или диалога, направленного на формулирование смыслов и практико-ориентированных призывов, способствующих развитию публичной сферы и ее рационально-критического потенциала» [Загидуллина, 2018, с. 226]. В отличие от классического представления о публицистике как о способе формирования единого общественного мнения и гражданской позиции, сегодня очевидно появление феномена «масс-селфкоммуникации», когда содержанием публичного монолога выступает и самопозиционирование, и сознательное отсеечение полемических точек зрения...» [Загидуллина, 2018, с. 226]. М.В. Загидуллина подчеркивает, что публицистическое высказывание становится «словом для своих» и «словом о себе». В первом случае речь идет о людях, разделяющих мнение публициста, во втором – автор открыто демонстрирует свою приверженность одной из идеологических позиций. В публицистике Web.2.0 сохраняются принципы публицистичности, но в то же время, она наполняется недостоверными, безосновательными мнениями. С профессиональной публицистикой публицистику Web.2.0 связывают «художественность и эстетический потенциал, гражданственность, мобилизационный пафос», а отличают от нее «импровизационность и устойчивость к вызовам оппонентов, которые способствуют поиску новых убедительных аргументов, а не стремлению ограничиться взаимными оскорблениями...» [Загидуллина, 2018, с. 232]. Необходимо отметить так называемые «проблемные зоны эпохи 2.0», среди которых, по мнению М.В. Загидуллиной,

– «непрофессиональный контент», «информационный мусор», «использование платформ коллективной коммуникации в манипулятивных целях...» [Загидуллина, 2018, с. 228].

«Сетевые публицисты» зачастую снижают требования к культуре своей речи, пренебрегая соблюдением литературных норм, поэтому в их материалах нередко встречаются орфографические и пунктуационные ошибки, нарушение сочетаемости слов и стиля изложения. К особенностям сетевой публицистики можно отнести избыточное использование стилистически сниженной лексики (*музон, круто, прикид*) и англицизмов (*лайфхак, хейтер, пранк*).

В.А. Сидоров обращает внимание на то, что важнейшей задачей научного сообщества сегодня является осознание сущности публицистики, которая способна противостоять разрушительной силе массмедийного ширпотреба [Публицистика..., 2014. с.220]. Свое почетное место публицист должен занять и среди медийных личностей, популярность которых стремительно возросла на фоне падения уровня доверия населения к СМИ.

Заключение

Публицистика как своего рода летопись общественно-политической жизни страны не только содержит уникальный фактический материал о событиях и явлениях текущей социальной действительности, но и интерпретирует их. Трудно переоценить значимость публицистики в современном обществе. Публицистика способствует формированию общественного сознания, поэтому культурные, политико-идеологические и социально-экономические проблемы должны находиться в фокусе внимания публицистов, способных дать им экспертную оценку и включить ее в широкий общественный диалог.

Сегодня на качественное состояние и развитие публицистики в информационном пространстве оказывают, как отмечают исследователи, негативное влияние вестернизация, коммерциализация, снижение профессионального статуса авторов, сужение жанрового многообразия, упрощение читательских предпочтений.

В современных реалиях преобразующий потенциал публицистики как важнейшего механизма формирования общественного мнения приобретает особую актуальность.

Список литературы

- Горохов В.М. 1975. Закономерности публицистического творчества (пресса и публицистика). М., Мысль, 192 с.
- Вартанова Е.Л. 2015. «Человек медийный» как результат социального развития? *Меди@льманах*, 5 (70): 8–10.
- Загидуллина М.В. 2018. Публицистика 2.0: к определению понятия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 15 (2): 220–235. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.206.
- Здоровега В.И. 1970. Публицистика, ее природа, общественная роль, гносеологические и психологические основы. Автореф. ... докт. филол. наук. М., 62 с.
- Здоровега В.И. 1979. Слово тоже есть дело: некоторые вопросы теории публицистики. М., Мысль, 174 с.
- Козлович А.Н. 2010. Восход и заход публициста. Минск. КАМУНИКАТ. URL: <https://kamunikat.org/?pubid=13511> (дата обращения: 25.02.2022).
- Короченский А.П. 2004. Медиакритика и медиаобразование. *Высшее образование в России*, 8: 40–46.
- Кройчик Л.Е. 2014. Принципы публицистического творчества. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5: 130–144.
- Кройчик Л.Е. 2015. Диалоговые ресурсы публицистики. *Вопросы теории и практики журналистики*, 4 (2): 139–148. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).139-148.
- Мансурова В.Д. 2010. «Медийный» человек как проекция дигитальной онтологии. *Известия Алтайского государственного университета*, 2-2 (66): 116-120.
- Мисонжников Б.Я. 2000. Отражение действительности в тексте. В кн.: Основы творческой деятельности журналиста. Под ред. С.Г. Корконосенко. СПб., Знание, СПБИНВЭСЭП: 95-122.

- Мисонжников Б.Я. 2014. Феноменология публицистического текста. В кн.: Публицистика в современном обществе. Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)», 14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург. Под ред. Б.Я. Мисонжникова. СПб., С.-Петерб.гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций»: 5-15.
- Полонский А.В. 2007. Публицистика как вид социальной деятельности: объект и предмет. В кн.: Журналистика и медиаобразование. Сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф., 1-3 октября 2007, Белгород: в 2 т. Т. 1. Под ред. А.П. Короченского. Белгород, БелГУ: 126–129.
- Полонский А.В. 2008. Публицистика как особый вид творческой деятельности. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 11 (51): 56–61.
- Полонский А.В. 2017. Публицистика в диалоге с жизнью. В кн.: Проблемы лингвистики и лингводидактики. Междунар. сб. науч. ст. Вып. V. Под ред. С.А. Моисеевой, Л.Г. Петровой. Белгород, 117-121.
- Прохоров Е.П. 1973. Публицист и действительность. М., Изд-во Моск. ун-та, 317 с.
- Прохоров Е.П. 1984. Искусство публицистики: размышления и разборы. М., Советский писатель, 359 с.
- Публицистика в современном обществе. Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)», 14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург. Под ред. Б.Я. Мисонжникова. СПб., С.-Петерб.гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций»: 218-225.
- Тертычный А.А. 2018. Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 23 (1): 95–102. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-95-102.
- Ученова В.В. 1971. Гносеологические проблемы публицистики. М., Изд-во МГУ, 146 с.
- Ученова В.В. 1979. Публицистика и политика. М., Политиздат, 271 с.
- Хорольский В.В. 2014. Публицистика, медиаобразование и бегство читателя от автора. В кн.: Публицистика в современном обществе. Материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)», 14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург. Под ред. Б.Я. Мисонжникова. СПб., С.-Петерб.гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций»: 62-69.

References

- Gorokhov V.M. 1975. Zakonomernosti publitsisticheskogo tvorchestva (pressa i publitsistika) [Patterns of journalistic creativity (press and journalism)]. М., Publ. Mysl', 192 p.
- Vartanova E.L. 2015. Is "homo mediatus" an outcome of social development? *Medi@l'manakh*, 5 (70): 8-10.
- Zagidullina M.V. 2018. Journalism 2.0: towards definition of the concept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 15 (2): 220–235. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.206.
- Zdorovega V.I. 1970. Publitsistika, ee priroda, obshchestvennaya rol', gnoseologicheskie i psikhologicheskie osnovy [Journalism, its nature, social role, epistemological and psychological foundations]. Abstract ... doc. philol. Sciences. М., 62 p.
- Zdorovega V.I. 1979. Slovo tozhe est' delo: nekotorye voprosy teorii publitsistiki [The word is also the deed: some questions of the theory of journalism]. М., Publ. Mysl', 174 p.
- Kozlovich A.N. 2010. Voskhod i zakhod publitsista [The rise and fall of a publicist]. Minsk. KAMUNIKAT. Available at: <https://kamunikat.org/?pubid=13511> (accessed: 25.02.2022).
- Korochenskiy A.P. 2004. Mediakritika i mediaobrazovanie [Media criticism and media education]. *Higher Education in Russia*, 8: 40-46.
- Kroychik L.E. 2014. The principles of publicistic writing. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 5: 130–144.
- Kroychik L.E. 2015. Dialogue resources of journalism. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(2): 139–148 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).139-148.
- Mansurova V.D. 2010. "Media man" as a projection of digital ontology. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-2 (66): 116-120.

- Misonzhnikov B.Ya. 2000. Otrazhenie deystvitel'nosti v tekste [Reflection of reality in the text]. In: Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista [Fundamentals of creative activity of a journalist]. Ed. S.G. Korkonosenko. SPb., Publ. Znanie, SPbIVESEP: 95-122.
- Misonzhnikov B.Ya. 2014. Fenomenologiya publitsisticheskogo teksta [Phenomenology of journalistic text]. In: Publitsistika v sovremennom obshchestve [Publicism in modern society]. Materials of scientific and practical. Seminar «Modern periodicals in the context of communicative processes (the tragedy of journalism in the information society)», November 14, 2013, St. Petersburg. Ed. B.Ya. Misonzhnikov. SPb., Publ. S.-Peterb.gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsiy»: 5-15.
- Polonskiy A.V. 2007. Publitsistika kak vid sotsial'noy deyatel'nosti: ob"ekt i predmet [Publicism as a kind of social activity: object and subject]. In: Zhurnalistika i mediaobrazovanie [Journalism and Media Education-2007]. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, October 1-3, 2007, Belgorod: v 2 vols. Vol. 1. Ed. A.P. Korochensky. Belgorod, Publ. BelGU: 126–129.
- Polonskiy A.V. 2008. Publitsistika kak osobyuy vid tvorcheskoy deyatel'nosti [Journalism as a special kind of creative activity]. Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities Sciences, 11 (1): 56–61.
- Polonskiy A.V. 2017. Publitsistika v dialoge s zhizn'yu [Journalism in dialogue with life]. In: Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki [Problems of linguistics and linguodidactics]. Mezhdunar. sb. nauch. st. Iss. V. Eds. S.A. Moiseeva, L.G. Petrova. Belgorod, 117-121.
- Prokhorov E.P. 1973. Publitsist i deystvitel'nost' [Publicist and reality]. M., Publ. Mosk. un-ta, 317 p.
- Prokhorov E.P. 1984. Iskusstvo publitsistiki: razmyshleniya i razbory [The art of journalism: reflections and analysis]. M., Publ. Sovetskiy pisatel', 359 p.
- Publitsistika v sovremennom obshchestve [Publicism in modern society]. Materials of scientific and practical. Seminar «Modern periodicals in the context of communicative processes (the tragedy of journalism in the information society)», November 14, 2013, St. Petersburg. Ed. B.Ya. Misonzhnikov. SPb., Publ. S.-Peterb.gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsiy»: 218-225.
- Tertychnyy A.A. 2018. Publizm in modern russian media: reflection and practice. RUDN journal of studies in literature and journalism, 23 (1): 95–102. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-95-102.
- Uchenova V.V. 1971. Gnoseologicheskie problemy publitsistiki [Epistemological problems of journalism]. M., Publ. Izd-vo MGU, 146 p.
- Uchenova V.V. 1979. Publitsistika i politika [Publicism and politics]. M., Publ. Politizdat, 271 p.
- Khorol'skiy V.V. 2014. Publitsistika, mediaobrazovanie i begstvo chitatelya ot avtora [Journalism, media education and the reader's escape from the author]. In: Publitsistika v sovremennom obshchestve [Publicism in modern society]. Materials of scientific and practical. Seminar «Modern periodicals in the context of communicative processes (the tragedy of journalism in the information society)», November 14, 2013, St. Petersburg. Ed. B.Ya. Misonzhnikov. SPb., Publ. S.-Peterb.gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsiy»: 62-69'

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.04.2022

Received April 24, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Осипова Елена Александровна, ассистент кафедры коммуникативистики, рекламы и связи с общественностью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Elena A. Osipova, Assistant of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 070:811.111
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-214-225

Композиционно-содержательные особенности медiateкстов рубрики Interviews в онлайн-версии британского издания The Guardian за 2020 год

Черкашина А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Аннотация. Интервью лежит в основе создания большинства медiateкстов. В настоящее время происходит трансформация интервью, суть которой заключается в уходе от традиционного вопросно-ответного изложения, поиске новых форм подачи, оформления и наполнения. В научном дискурсе в основном представлены исследования интервью как вопросно-ответного медиапродукта. Цель нашей работы заключается в анализе основных форм представления современного интервью, его структуры и ключевых требований к построению в рубрике Interviews интернет-версии британского издания The Guardian. Эмпирический материал позволил выявить и подробно описать четыре основные формы конструирования интервью в англоязычном журналистском дискурсе, используемые в онлайн-версии анализируемого издания: от шаблонного блиц-опроса до полноценного профайла.

Ключевые слова: интервью, Гардиан, англоязычные СМИ, профайл, жанр

Для цитирования: Черкашина А.А. 2022. Композиционно-содержательные особенности медiateкстов рубрики Interviews в онлайн-версии британского издания The Guardian за 2020 год. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 214–225. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-214-225

Composition and Content of Section “Interviews” in the Online UK Edition of “The Guardian” (2020)

Anna A. Cherkashina

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
e-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the main features of the texts placed in the section “Interviews” of the online UK edition of “The Guardian”. Analyzing the content of the main subsections (“The G2 interview”, “The Society interview”, “The Q&A”, “This much I know”) made it possible to characterize the main forms of an interview, describe the key requirements to its structure. The modern interview mostly avoids the question-answer format, searches for new forms in its performance, design and content. Analyzing the content we have defined four main structural forms of the interview placed in online UK edition of “The Guardian”: 1) profiles (long interviews with celebrities); 2) problem interviews (mostly societal issues are deeply covered); 3) vox pop interviews (short question-answer patterned interviews), 4) monologue interviews which contain only an interviewee’s answers without any comments of a journalist. Each form has its structural basis and special features which a journalist usually follows while working on his interview.

Keywords: interview, the Guardian, English-language media, profile, genre

For citation: Cherkashina A.A. 2022. Composition and Content of Section “Interviews” in the Online UK Edition of “The Guardian” (2020). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 214–225 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-214-225

Введение

В журналистской практике понятие «интервью» определяется как жанр либо как метод сбора информации. Метод интервью всегда используется журналистами как основной или вспомогательный для создания медиапродуктов. В.Т. Третьяков определяет интервью как «информационный жанр, целью и содержанием которого является передача слов и мыслей значимого вообще или в контексте случившегося события человека, причем слов и мыслей, появившихся не спонтанно, а благодаря специально поставленным вопросам» [Третьяков, 2004]. М.М. Лукина говорит о том, что «интервью – это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [Лукина, 2003]. А.В. Колесниченко подчеркивает важность разграничения понятий метода и жанра интервью. «В первом случае интервью, то есть общение с людьми, – один из трех способов получения информации журналистом. Два других способа – это наблюдение, когда журналист сам является очевидцем события, и работа с документами, где под документом имеется в виду любой материальный носитель, содержащий тексты и изображения. Интервью как метод сбора информации в свою очередь подразделяется на жанровое (для подготовки текста в жанре интервью), исследовательское (для получения информации) и репортажное (для выявления особенностей человека, чтобы потом отразить их в тексте)» [Колесниченко, 2008].

Обратимся к трактованию понятия журналистского интервью в зарубежных толковых словарях. В Cambridge Dictionary интервью трактуется как "a meeting in which someone answers questions about himself or herself for a newspaper article, television show, etc." [Interview, 2022a]. Oxford Learner's Dictionary определяет интервью как "a meeting (often a public one) at which a journalist asks somebody questions in order to find out their opinions" [Interview, 2022c]. Издание Collins Dictionary описывает интервью как "a conversation in which a journalist puts questions to someone such as a famous person or politician" [Interview, 2022b]. Из всех приведенных определений интервью следует, что словари интерпретируют интервью, скорее, как метод получения нужной информации. Ни в одном из определений не говорится о том, что интервью – это журналистский продукт, написанный в вопросно-ответной форме. В словарях интервью – это встреча или разговор, в ходе которых задаются вопросы для выявления мнения интервьюируемого, которое в последствии может быть использовано в различных СМИ.

В современной журналистской теории существует достаточное количество классификаций, описывающих виды и формы интервью: М.М. Лукина (информационное, оперативное, интервью-расследование, интервью-портрет, креативное интервью, пресс-конференция, брифинг), А.В. Колесниченко (личностное, предметно-личностное, предметное), З.С. Смелкова (информационное, аналитическое, портретное, коллективное) и другие. Теоретический обзор отечественной жанровой классификации, вопрос идентификации интервью, а также подробный разбор функционального спектра интервью проведен исследователями А.В. Мажурой и Е.Д. Тимофеевой. Однако до сих пор «между учеными ведется дискуссия о жанровой классификации интервью и общепризнанной на сегодняшний момент нет» [Мажура, 2019, с. 48]. Отдельное исследование по жанровой востребованности в онлайн-СМИ, включая и интервью, проведено А.В. Колесниченко, в котором учёный рассматривает востребованность «как с позиции производителей контента (какие жанры чаще встречаются), так и с позиции потребителей (публикации в каких жанрах чаще просматриваются, читаются)» [Колесниченко, 2018, с. 27]. М.М. Лукина анализирует процесс трансформации журналистского текста в интернет-среде в целом, акцентируя внимание на интерактивности, гипертекстуальности и мультимедийности [Лукина, 2009]. Ряд работ как в журналистике, так и в лингвистике посвящен изучению коммуникативного потенциала интервью, в том числе основанных на англоязычном эмпирическом материале. Так, исследователи [Жумаева, 2014; Витвинчук, 2018; Нильсен, 2020] говорят о современной трансформации коммуникативных приёмов уже непосредственно в интервью ввиду особенностей сетевой среды, наличия у него молекулярной модели коммуни-

кации, подчёркивается также важность категории темпоральности как одной из ключевых для интервью.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточностью проработанности тематики, посвященной композиционной трансформации современного интервью, которая заключается в использовании не только вопросно-ответной модели построения. Выбор эмпирического материала также не случаен, так как в издании Гардиан мы делаем акцент на исследовании контента, который редакция анализируемого СМИ относит именно к интервью, указывая на это в начале каждого текста, размещённого в разделе Interviews. Мы попытаемся как раз выявить структурно-содержательные особенности этих медиатекстов, и основываясь на них, определить базовые формы современного англоязычного интервью, а также основные характерные черты, которые присущи каждой из форм.

Объект и методы исследования

Объект исследования – медиатексты, размещённые в рубрике Interviews в британской онлайн-версии (UK edition) издания Гардиан (theguardian.com). Ключевым эмпирическим методом выступает контент-анализ. В ходе анализа контента Interviews были определены постоянные разделы (The G2 interview, The Society interview, The Q&A, This much I know), содержание которых было использовано в качестве эмпирического материала. В работе использовался также метод сплошной выборки практического материала. Всего был выявлен 181 медиатекст за 2020 год. Только такой объём позволил нам определить и описать ключевые структурные элементы современного англоязычного интервью.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим подробнее контент и закономерности конструирования текстов, размещённых в каждой из четырех подрубрик (рис. 1–3).

The G2 interview

Подрубрика The G2 interview выходит по понедельникам и на сайте издания характеризуется как еженедельное интервью с «человеком дня» – a weekly interview with a person of the moment. Над контентом работают авторы, которые являются колумнистами или специализируются на фичерах (Hadley Freeman, Rebecca Nicholson, Zoe Williams и др.). Рубрика активна с 26 июля 2008 года по настоящее время. В 2020 году было размещено 47 интервью. Уже из названия рубрики очевидно, что материалы – лонгриды. G2 – это приложение к основному изданию, которое специализируется именно на фичерах. В социальных медиа G2 характеризуется как The Guardian's daily features section.

Заголовки всегда оформлены в виде цитаты героя: «Goldie Hawn: 'I was born with a high set point for happiness'» (The Guardian. Amy Fleming. 13.04.2020); «Mariah Carey: 'They're calling me a diva? I think I'm going to cry!'» (The Guardian. Hadley Freeman. 05.10.2020). Рассмотрим структуру текстов этой подрубрики на примере интервью с актёром Томом Хэнксом «Tom Hanks on surviving coronavirus: 'I had crippling body aches, fatigue and couldn't concentrate'», размещённого на сайте 6 июля 2020 года (см. рис. 1):

1. Подзаголовок

The world's most relatable megastar talks about his Covid-19 experience, his fears for the future, and whether he's really just so gosh darned nice

В этой части обозначены основные сюжетные линии интервью – от 3 до 5.

2. Основная часть – это канва из комментария автора текста и цитат собеседника, плавный переход от одной темы к другой (профессиональная деятельность, семья, здоровье, увлечения и др.), отсылки к предыдущим интервью с героем. Вначале автор обязательно говорит о том, встречается ли он с собеседником очно или посредством интернет-коммуникации. Отметим, что у большинства интервью этой рубрики обозначен конкретный повод – выход книги, кинокартины или сериала. Поводом для интервью с Томом

Хэнксом послужил выход фильма «Грейхаунд» (англ. Greyhound) в июле 2020 года, где актер, помимо главной роли, выступает в качестве сценариста:

It is because of that modern-day Vesuvius – coronavirus – that Hanks and I are talking through screens, and he is promoting a film that will be streamed on Apple TV+ instead of released in cinemas. Greyhound tells the story of Capt Ernie Krause (Hanks, natch) on his first wartime mission in the Battle of the Atlantic. It is, I tell him, a classic Hanks role, by which I mean he plays a thoroughly good man in extraordinary circumstances.

Все интервью в The G2 interview содержат элементы репортажа – это прежде всего описание эмоций собеседника, обстановки, в которой проводится интервью и др.

The G2 interview

Interview

Tom Hanks on surviving coronavirus: 'I had crippling body aches, fatigue and couldn't concentrate'

Hadley Freeman

The world's most relatable megastar talks about his Covid-19 experience, his fears for the future, and whether he's really just so gosh darned nice

Рис. 1. Фрагмент интервью с Томом Хэнксом в The G2 interview

Fig. 1. The fragment of the interview with Tom Hanks in «The G2 interview»

The Society interview

Interview

Caroline Stevens: 'My son's experience of autism made me want to fight for change'

Hélène Mulholland

The Conservatives promised better community-based care. Now they must deliver, says the head of the National Autistic Society

Рис. 2. Фрагмент интервью с Кэролайн Стивенс в The Society interview

Fig. 2. The fragment of the interview with Caroline Stevens in «The Society interview»

The Q&A

Interview

Jason Isaacs: 'I'd like to apologise to anyone who met me before I was 30 - I was a drug addict'

Rosanna Greenstreet

The actor on Harry Potter, seeing himself age on screen, and being trolled

Рис. 3 Фрагмент интервью с Джесоном Айзексом в The Q&A

Fig. 3. The fragment of the interview with Jason Isaacs in «The Q&A»

1. *“Welcome to the future, Hadley!” Tom Hanks says from my computer screen, as he makes a quick glance to the right of his own to check my name (выделено нами. – А. Ч.). “Can you remember the last time you felt comfortable running around with other people?” he asks.*

2. *“Remember those carefree days of the Academy Awards? It was like, what’s that place in Italy underneath the mountain that exploded?” Pompeii? “Here we are in Pompeii! Great day! Bit of smoke on the horizon but other than that ...” he says and finishes with a chuckle (выделено нами. – А. Ч.).*

3. *“Well, I must say, I grew up looking to our leaders for calm and informed guidance and I don’t think we’ve got that,” he says, eyebrows tuttingly raised (выделено нами. – А. Ч.).*

4. *I tell him I stopped making predictions after Hillary Clinton lost. Suddenly Hanks looks deflated. (выделено нами. – А. Ч.).*

На наш взгляд, в интервью, где отсутствует вопросно-ответное построение, репортажность сближает читателя с героем, делает текст «живым», усиливает прямую речь героя, что, несомненно, привлекает внимание и не отпускает читателя. В текстах, где полностью отсутствуют формулировки вопросов, авторы иногда используют косвенную речь, пересказывая их:

1. *I ask if they have suffered any after effects of the illness.*

2. *I ask how lockdown has been for him and he switches back to reassuring dad mode.*

3. *I ask how he made that shift from being the go-to guy for chaotic comedy to a revered quasi-paternal figure.*

Еще одной важной характеристикой является описание автором его отношения к интервьюируемому, отношение других селебрити к его таланту и личности. В следующих цитатах автор говорит о том, что каждая встреча с Хэнксом – удовольствие. Также приводит высказывание Харрисона Форда о том, что, если смотришь фильм с Томом Хэнксом, то «часто забываешь о том, что смотришь на того, чье лицо ты знаешь на протяжении четырех десятилетий, но полностью веришь тому, что он именно тот герой, которого играет»:

I've interviewed Hanks a couple of times, and talking with him is always a charming experience. This won't come as a massive surprise to anyone, given his reputation for gosh darned niceness, although I've seen him be prickly and there are enough stories out there to suggest he is more human than his plaster-saint image gives away.

But really, Hanks is a character actor who cannily turned himself into a superstar. He pins every nuance, and unlike, say, Harrison Ford, you often forget you're watching someone whose face you've known for four decades and instead fully believe he is the character he is playing.

3. Заключение – ёмкое высказывание героя. В интервью Том Хэнкс рассуждает о понятии здравого смысла, говоря о том, что у нас должно быть понимание вчерашнего, планы на сегодня и вечная надежда.

'Yesterday, today and forever.' That's all we have as human beings and that's all we have in the midst of the 19 different crises that we're facing right now, between Covid-19, worldwide economic disaster, what happened to George Floyd – the great reckoning that we're all going through. What do we have that we can have faith in? Well, we can have an understanding of yesterday, we can have a plan for today and we can have hope for forever, and that's it. That's my wisdom. It ain't much, Hadley, but is there anything else?''

Таким образом, интервью в The G2 interview – это прежде всего очерковые тексты – профайлы, – которые строятся по определенному алгоритму: заголовок-цитата, подзаголовок с перечислением ключевых тем, основная часть и заключение. Структура основной части интервью довольно свободная, то есть авторы переходят от одного заявленного в подзаголовке тезиса к другому, подкрепляя все цитатами интервьюируемого и собственными размышлениям. Основные характеристики «тела» интервью – отсутствие вопросов, активное использование предложений в косвенной речи; репортажность, так как автор стремится не только рассказать, но и показать; отсылки к предыдущим интервью с героем материала, если таковые имеются у автора; высказывание отношения к герою.

Во всех интервью The G2 interview за 2020 год тема коронавируса проходит красной нитью и зачастую заявлена в самом заголовке, в подзаголовке, либо о ней будет упомянуто в основной части с привязкой к личности интервьюируемого. Вероятная коммерческая составляющая, которая служит возможным поводом для публикации, абсолютно не отражена в заголовке и подзаголовках всех интервью, то есть читатели в ленте рубрики не видят продвижение изданием конкретного продукта – кинокартины, книги, сериала и др. Обычно в конце интервью (но не во всех) с новой строки курсивом написано название продукта с указанием даты его выхода в конкретном медиа. Поэтому невозможно утверждать однозначно, что тексты этой рубрики коммерциализированны.

The Society Interview

Материалы подрубрики The Society interview размещаются на сайте еженедельно по вторникам. Всего в 2020 году было размещено 38 текстов. С 26 января 2021 года страница подрубрики не пополняется новыми материалами. С чем связано закрытие – неизвестно. Отметим только, что The Society interview функционировала более 13 лет, первый текст был размещен 3 октября 2007 года. Все тексты отличаются определенным алгоритмом построения. Полагаем, что само издание задает авторам ряд обязательных требований.

Рассмотрим детально структуру текста на примере интервью Caroline Stevens: ‘My son’s experience of autism made me want to fight for change’ (The Guardian. Hélène Mulholland. 08.01.2020), где речь идёт о проблемах, с которыми сталкиваются родители, дети которых страдают расстройствами аутического спектра (см. рис. 2).

Заголовок – цитата героя, которая отражает точку зрения, стремления либо позицию собеседника. В анализируемом примере Кэралайн Стивенс – глава Национального общества аутистов – подчеркивает важность усовершенствования адаптивных условий для таких людей в обществе. Рассмотрим структуру публикации:

1. Подзаголовок.

Его длина ограничивается одним предложением, в котором чётко обозначена основная тема, которая будет далее развита в интервью. Вместе с заголовком подзаголовок всегда отображается в ленте рубрики на сайте издания:

The Conservatives promised better community-based care. Now they must deliver, says the head of the National Autistic Society.

2. Основная часть.

В The Society interview интервью сфокусировано на социальной теме, которая подается через личный опыт интервьюируемого. Автор стремится раскрыть суть проблемы, приводя пример сына героини, которому был диагностирован аутизм в возрасте 2 лет. Кэралайн Стивенс подчеркивает важность всесторонней поддержки таких людей, недопущения их изоляции от общества. Иначе это приводит к тому, что аутисты просто застревают в психиатрических клиниках, и это, по ее словам, «порочный круг».

Commitments made by the last Tory government include an autism awareness campaign, and a new autism strategy for England that will include children for the first time. The NAS expects publication of the strategy in the coming months. <...>

It’s not just training that is crucial, but ensuring that services are tailored to meet autistic people’s needs. What autistic people desperately need are more community-based services, such as day services to avoid social isolation, she explains. “Being stuck at home with nothing to do and no one to see will impact on a person’s wellbeing, and may lead to a ‘crisis point’,” she says. “You need to intervene early.”

Research shows that almost eight in 10 autistic adults will experience mental health problems during their lifetime. The lack of community-based mental health services see many end up in crisis, and a growing number are admitted to mental health hospitals, as it is the only form of care they can access. Often they get stuck there because of that very lack of community-based support. It is, says Stevens, a “vicious cycle”.

Отметим, что в этих интервью важна не сама личность собеседника, а именно его «связь» с ключевым тезисом интервью. В основной части обязательно приводятся статистические данные, результаты исследований, то есть автор максимально использует количественные значения, полагаем, прежде всего для усиления объективности излагаемого.

1. *With almost 3,000 staff and 2,000 volunteers* (выделено нами – А.Ч.) *across the UK, the NAS delivers a variety of services, including schools and residential supported living, to autistic people with complex support needs.*

2. *Research shows that almost eight in 10 autistic adults* (выделено нами – А.Ч.) *will experience mental health problems during their lifetime.*

3. *Only 21% of councils in England* are fully complying with the legal duty to provide autism training to all health and care staff. Just prior to the general election, the government announced **£1.4m** (выделено нами – А.Ч.) to trial mandatory training for every NHS and social care worker prior to a wider rollout.

4. *The government then promised that all 2,250 inpatients* with learning disabilities and autism in mental health hospitals will have their care reviewed within **12 months** (выделено нами – А.Ч.).

3. Заключение – резюмирующий абзац, где интервьюируемый подводит итог беседе.

Now the election is over, Stevens is clear there is an opportunity to hold all parties to account on making sure autism is a priority. Stevens' mission is clear: "To create a society that works for autistic people."

4. Краткая биографическая справка (curriculum vitae).

В каждом интервью в этой части указаны данные о возрасте, месте проживания, семейном положении, образовании, опыте работы, общественной жизни и интересах собеседника – небольшое резюме для читателя.

Age: 50.

Family: Married, three sons including Jack, who is autistic.

Lives: Market Harborough, Leicestershire.

Education: BSc pharmacy, De Montfort University, Leicester; MBA, Open University.

Career: Nov 2019 to present: chief executive, the National Autistic Society; 2013-19: chief executive, KIDS; 2009-13: chief operating officer, British Lung Foundation; previously: hospital managing director, operating theatre manager, hospital pharmacy manager and community and hospital pharmacist; 2007-09: managing director, Aston University day hospital; 2005-07: operating theatre manager, Bupa hospital, Leicester; 2003-05: pharmacy manager, Bupa hospital, Leicester; 2002-03: clinical ward pharmacist, Bupa hospital, Leicester; 1991-2002: consultant pharmacist and store manager, Boots UK plc (multiple sites across Leicestershire).

Public life: Trustee at Dementia Carers Count; trustee at Homefield College, a small independent specialist college in Loughborough for young people with learning disabilities and autism; vice-chair of the partnership board, Council for Disabled Children.

Interests: Walking Nell (border collie) on the North Yorkshire beaches and moors, and spending time with family and friends.

Эта подрубрика уже была рассмотрена нами ранее [Черкашина, 2018]. В контенте за 2020 год очевидно превалирование темы мировой пандемии – около 30 % из 38 текстов. Журналисты также уделяют внимание и не раз обращаются к проблемам аутизма, расовой дискриминации и положения заключённых в Великобритании. Медиатексты довольно длинные – около 1 500 слов и более. Существует проблема или ряд проблем, которые нужно донести до читателя, помочь ему разобраться в них. Герой интервью играет роль своего рода проводника по этой теме, чье мнение безусловно авторитетно, и рассказывая, что уже сделано, что только предстоит сделать и почему проблема, затрагиваемая в тексте, настолько важна.

The Q&A

Подрубрика The Q&A размещает интервью еженедельно по субботам, где известные личности отвечают на острые вопросы – public figures supply the answers to our searching questions. Этим предложением дано описание рубрики на сайте издания. В 2020 году в рубрике было размещено 46 интервью. Пула авторов у этой рубрики нет, все интервью выходят под авторством журналиста Розанны Гринстрит (Rosanna Greenstreet). Собеседники – в основном селебрити из мира кино, спорта и шоу-бизнеса, однако, контент и построение текстов здесь совершенно иной. В качестве иллюстрации приведем пример интервью с британским актером Джейсоном Айзексом: 'I'd like to apologise to anyone who met me before I was 30 – I was a drug addict' (21.11.2020) (рис. 3).

Интервью имеет следующую структуру:

1. Заголовок-цитата.

Jason Isaacs: 'I'd like to apologise to anyone who met me before I was 30 – I was a drug addict'.

Обычно автор использует самый неожиданный ответ на один из вопросов, который «подцепит» читателя, и он продолжит знакомство с интервью. В этом заголовке Джейсон

Айзекс просит прощения у тех, кто его знал до 30 лет, так как до этого возраста он был наркозависимым.

2. Подзаголовок.

The actor on Harry Potter, seeing himself age on screen, and being trolled.

В этой части обозначается тематика предстоящего интервью. Обычно автор выбирает не более 2–3 самых интересных ответа.

3. Вводный абзац (лид).

Born in Liverpool, Jason Isaacs, 57, studied at Central School of Speech and Drama. He appeared in the 2000 film The Patriot, and played Lucius Malfoy in the Harry Potter movies; his television series include Star Trek: Discovery, and The OA. He stars in Skyfire, out on digital, DVD and Blu-ray on 28 November. He lives in London with his wife and two children.

Здесь представлен краткая биографическая информация об интервьюируемом: место рождения, имя, возраст, семейное положение, дети, активность в профессии. Также указано событие (выход нового фильма, альбома, запись подкаста для благотворительной организации и др.), которое служит, по сути, информационным поводом для интервью. Однако в этой подрубке подобная информация появляется уже в лиде.

4. Вопросно-ответная часть.

В каждом интервью в The Q&A Розанна Гринстрит задает около 20–25 вопросов, где 90 % из всех вопросов повторяются в каждом интервью. В зависимости от героя автор либо добавляет, либо убирает часть вопросов, возможны также корректировки в формулировках и их расположении в тексте интервью. Содержание вопросов основывается на формате vox pop интервью (от лат. vox populi – «глас народа» или от англ. voice of the people), которые больше распространены на радио и телевидении. Кембриджский словарь английского языка определяет vox pop как a broadcast for radio or television in which people going past in a public place are asked their opinion on a particular subject [Vox pop 1]. Словарь Коллинза характеризует vox pop как in a radio or television programme an item consisting of a series of short interviews with ordinary members of the public [Vox pop 2]. Из обоих определений, предложенных толковыми англоязычными словарями, следует, что интервьюируемым задают один и тот же вопрос, либо в рамках теле- или радиопрограммы представлен ряд коротких интервью с обычными людьми. Прототипом послужил так называемый «Опросник Пруста» или интервью-анкета.

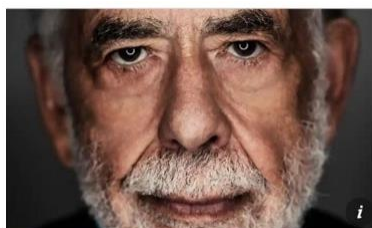
Все интервью направлены на описание чувств интервьюируемого (*What is your greatest fear? What does love feel like? When were you happiest? What was your most embarrassing moment?*), его разочарований (*What has been your biggest disappointment?*), слабостей (*What is your guiltiest pleasure?*), убеждений (*What is the trait you most deplore in yourself/others?*) и пр. В вопросах практически не отражается профессиональная деятельность собеседника либо событие, о котором было заявлено в начале текста. Интерес представляет только его мироощущение. Такие тексты весьма привлекательны для современного читателя, они компактны и хорошо структурированы. В качестве визуальной поддержки используется одно фото героя крупным планом.

This much I know

Подрубрика This much I know выходит по субботам и рассказывает о «знаменитостях, которые делятся своими жизненными уроками» – celebrities share the lessons life has taught them. Рубрика активна с 21 апреля 2002 года. В 2020 году в этой рубрике было размещено 50 интервью. Герои публикаций – в основном люди творческих профессий: актеры, дизайнеры, певцы, музыканты, сценаристы, режиссеры. Однако, в 2020 году вышли три интервью со спортсменами – футболистом Венсаном Компани (Vincent Kompany: ‘You quickly learn about inequality’ (15.02.2020), боксером Диллианом Уайтом (Dillian Whyte: ‘I was shot and stabbed. These things happen’ (15.08.2020) и

теннисистом Энди Марреем (Andy Murray: ‘Off court I’m pretty laid back’ (17.10.2020)). Вопросы и комментарий интервьюера нет, повествование ведется от лица собеседника. Ниже, в качестве примера мы привели полное интервью с Фрэнсисом Фордом Coppолой: Francis Ford Coppola: ‘Life is a great screenwriter’, размещенное 5 декабря 2020 года (рис. 4).

This much I know

Interview

Francis Ford Coppola: ‘Life is a great screenwriter’

James McMahon

The film director, 81, on beauty in the eye of the audience, finishing with *The Godfather* and the family of humanity

Sat 5 Dec 2020 14:00 GMT

Being able to critique yourself is a good skill. Often when a film has been released I’ll ask: “Did I make mistakes?” When I made *The Cotton Club* in 1984, people were telling me there were too many black people in it and too much tap dancing. I would say: “But it’s a movie about black people tap dancing.” Years later, I realised I had taken out half of the backstory. It was good to go back and fix that.

Little matters more to me than the environment. We have to save the Earth. But the climate issue isn’t strictly about the Earth. Earth is going to survive, it’s been through many ice ages. It’s about the human race. I think we’re worth saving.

We need to see each other as family. You and I are relatives. You go way back to your first grandmother and mine is the same woman. All humans living today are blood relatives, and therefore we must embrace each other and work with each other and lift each other up. Because we’re family. We’re the human family.

I want to make a film about the future. You know the Alfred, Lord Tennyson quote? “For I dipt into the future, far as human eye could see, saw the vision of the world, and all the wonder that would be...” That’s the movie I want to make. It would be called *Megalopolis*. I’m 81 so I hope I have enough years to make it. I want to give the children of the world a vision of the future that is beautiful. That is positive. That is a heaven on Earth, because I really think we can have that.

Mario Puzo’s The Godfather Coda: The Death of Michael Corleone is in cinemas now and on Blu-ray from 8 December

Life is a great screenwriter. My daughter, Sofia, got such awful, unjust criticism for her performance in *The Godfather Part III*. She was 18 and was being told she’d ruined her father’s film. It was a deep wound for the poor kid. They were gunning for me, but she took the bullets. Now she is a more famous movie director than me. She got the last laugh!

I don’t always want to tinker with movies, only when I’ve had annoyances. I’m lucky enough to own some of the movies I’ve made, so why not?

Me and *The Godfather* are done now. There is more that [screenwriter] Mario Puzo wrote that we never used. But I don’t own *The Godfather*, Paramount owns *The Godfather*, and they may well decide to make more films. I feel that I’ve made my trilogy. I have other fish to fry.

Releasing a movie is like following a sports team. You always sigh. Relief always follows the release of a movie, even if it’s a feeling of despondency.

Film is an illusion. The audience just sees a lot of shadows on the screen. The emotion is in the audience. The trick is giving them something that unleashes that and suddenly they endow the images with their emotion. My theory is, when people say a movie is beautiful, I don’t think it can be unless there is beauty in the audience.

Рис 4. Интервью с Фрэнсисом Фордом Coppолой в This much I know
Fig.4. The interview with Francis Ford Coppola in This much I know

Все материалы этой рубрики имеют следующую структуру:

1. Заголовок-цитата.

2. Подзаголовок, тезисно описывающий героя (вид деятельности, возраст) и основные тематические доминанты интервью.

3. Основная часть состоит только из ответов собеседника на предполагаемые вопросы. Каждый ответ – новый абзац, где начальная ключевая фраза выделена жирным шрифтом. Обычно это 7–10 ответов. Иногда реплика героя может начинаться с вопроса самому себе и скорее напоминает внутренний диалог героя с самим собой:

1. ***My earliest memory? My mother, in a black dress. She was a beautiful, elegant woman who could be sweet and strong at the same time. Rigour and dignity characterised her entire life.***

2. ***What depresses me? People’s unhappiness.*** (Giorgio Armani: ‘I’m a rule-breaker’ (19.09.2020)).

Использование приёма «вопрос самому себе» позволяет сократить дистанцию между автором, персоной интервью и читателем, таким образом, произнося про себя эти вопросы, читатель обращается как бы к себе, что создаёт дополнительный эффект вовлечённости.

Как такового **заключения** у текстов нет, так как они строятся по определённому шаблону. Последнее высказывание обычно связано с будущим, вероятными планами и желаниями интервьюируемого. В конце каждого текста курсивом указан конкретный продукт (реклама бренда, анонс кинокартины, книги, телевизионного шоу или программы и пр.), который непосредственно связан с профессиональной деятельностью интервьюируемого:

1. ***Armani/Casa celebrates 20 years this year. The latest collections are now available at Armani/Casa, Sloane Street and armani.com*** (Giorgio Armani: ‘I’m a rule-breaker’ (19.09.2020)).

2. *Andy Murray is wearing AMC, a tennis line created by Andy and Castore (castore.com)* (Andy Murray: 'Off court I'm pretty laid back' (17.10.2020).

3. *Mario Puzo's The Godfather Coda: The Death of Michael Corleone is in cinemas now and on Blu-ray from 8 December* (Francis Ford Coppola: 'Life is a great screenwriter' (05.12.2020).

Здесь информация о продвигаемом проекте содержится уже заголовке, либо в подзаголовке, а также не раз упоминается героем в основной части.

Итак, тексты в *This much I know* можно отнести к интервью личностным прежде всего потому, что знаменитости рассказывают о себе, своем жизненном и профессиональном опыте, правилах, планах и мечтах. Сами медиатексты лаконичны, четко структурированы, ёмкие по содержанию. Очевидна и промоционность текстов, где героями выступают исключительно мировые селебрити. Полагаем, что использование подобных приемов (выделение жирным шрифтом, постановка вопросов самому себе) делает интервью весьма привлекательными для читателя, позволяет чаще отождествлять отдельные фрагменты с собой. «Тезисное» исполнение выигрышно, так как даёт возможность аудитории легко ориентироваться в содержании текста, а также экономит дефицитное читательское время.

Заключение

Таким образом, в Гардиан тексты, выходящие под названием *Interview*, отличаются чёткой структурой в зависимости от задач конкретных подрубок. *The G2 interview* и *The Society interview* не строятся в традиционной вопросно-ответной форме. Вместо вопросов, которые были заданы во время проведения интервью, журналист не размещает ответы в форме прямой речи, а описывает их, подтверждая свои слова цитатами интервьюируемого. Медиaproдукты, размещенные в *The G2 interview*, полагаем, можно отнести к профайлам, именно этим текстам присуща репортажность: описание эмоций, реакций, мимики и жестов собеседника, а также обстановки, в котором приводится интервью. Здесь не заявлено о проблеме и герой не предлагает её решение. Очевидна нацеленность на всестороннее раскрытие личности, описание жизненного пути героя как в профессии, так и вне её. Медиатексты подрубки *The Society interview* – материалы с аналитической составляющей, так как уже в подзаголовке автор формулирует именно проблему, которую поднимает в интервью и далее активно обсуждает её с героем публикации. Тексты в *The Society interview* сконцентрированы на социальных вопросах, где обязателен акцент на ключевой проблеме, последующий её разбор и описание возможных путей решения. Сам герой выступает экспертом, который глубоко погружён в суть вопроса.

Формат вопрос-ответ используется только в шаблонной подрубке *The Q&A*. Практически все вопросы переходят из одного интервью в другое с минимальными изменениями в формулировках. Алгоритм работает следующим образом: короткий вопрос – короткий ответ (1–2 предложения). Подрубка *This much I know* отличается необычным оформлением и изложением. Текст интервью – это только ответы на вопросы без комментария журналиста. Таким образом, монологичность – основная отличительная черта текстов этой подрубки.

Анализ эмпирического материала позволяет нам сделать вывод о том, что медиaproдукты, размещенные под общим названием *Interview*, по форме таковыми не являются. В ходе исследования контента мы определили четыре вида медиатекстов, где в качестве основного метода выступает интервью: профайл, проблемное интервью, vox pop интервью, монологичное интервью. Конструкции текстов привязаны к задачам конкретных подрубок и имеют устоявшийся «скелет» построения – некую опору, на которую ориентируются авторы. Это еще раз подтверждает то, что понятие современного интервью гораздо шире, чем просто письменное изложение вопросов журналиста и ответов собеседника. Во всех текстах, которые выходят в Гардиан под рубрикой *Interviews*, интервью понимается как основной способ получения информации для создания этих материалов, но совершенно не оказывающий влияния на её вид и окончательное представление аудитории.

Список источников

- Колесниченко А.В. 2008. Практическая журналистика. М., Изд-во Моск. ун-та, 180 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата обращения: 09.02.2022).
- Лукина М.М. 2003. Технология интервью. М., Аспект Пресс, 191 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/34.htm> (дата обращения: 11.01.2022).
- Третьяков В.Т. 2004. Как стать знаменитым журналистом. Предисл. С.А. Маркова. М., Ладомир, 623 с. URL: <http://dedovkgu.narod.ru/bib/tretijakov.htm> (дата обращения: 15.11.2021).
- Bailey M. 2020. Vincent Kompany: 'You quickly learn about inequality', 15 February 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/feb/15/this-much-i-know-vincent-kompany-manchester-city-anderlecht> (accessed: 15.02.2021).
- Fleming A. 2020. Goldie Hawn: 'I was born with a high set point for happiness', 13 April 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2020/apr/13/goldie-hawn-i-was-born-with-a-high-set-point-for-happiness> (accessed: 13.04.2021).
- Freeman H. 2020a. Mariah Carey: 'They're calling me a diva? I think I'm going to cry!'. 5 October 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/music/2020/oct/05/mariah-carey-theyre-calling-me-a-diva-i-think-im-going-to-cry> (accessed: 05.10.2021).
- Freeman H. 2020b. Tom Hanks on surviving coronavirus: 'I had crippling body aches, fatigue and couldn't concentrate', 6 July 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2020/jul/06/tom-hanks-on-surviving-coronavirus-i-had-crippling-body-aches-fatigue-and-couldnt-concentrate> (accessed: 06.07.2021).
- Giorgio Armani: 'I'm a rule-breaker', 19 September 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/sep/19/giorgio-armani-this-much-i-know-optimistic-realist-is-how-i-would-describe-myself> (accessed: 17.11.2021).
- Greenstreet R. 2020. Jason Isaacs: 'I'd like to apologise to anyone who met me before I was 30 – I was a drug addict', 21 November 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/nov/21/jason-isaacs-interview-apologise-anyone-met-me-before-30> (accessed: 21.11.2021).
- Interview. 2022a. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/interview> (accessed: 09.01.2022).
- Interview. 2022b. Collins Dictionary. Collins. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/interview> (accessed: 09.01.2022).
- Interview. 2022c. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/interview_1 (accessed: 09.01.2022).
- McMahon J. 2020. Francis Ford Coppola: 'Life is a great screenwriter', 5 December 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2020/dec/05/this-much-i-know-francis-ford-coppola-life-is-a-great-screenwriter> (accessed: 05.12.2021).
- Mitchell K. 2020. Andy Murray: 'Off court I'm pretty laid back', 17 October 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/oct/17/andy-murray-this-much-i-know-off-court-i-am-pretty-laid-back> (accessed: 17.10.2021).
- Mulholland H. 2020. Caroline Stevens: 'My son's experience of autism made me want to fight for change', 8 January 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2020/jan/08/sons-experience-autism-fight-for-change-improve-services> (accessed: 08.01.2022).
- Pelley R. 2020. Dillian Whyte: 'I was shot and stabbed. These things happen', 15 August 2020. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/aug/15/dillian-whyte-this-much-i-know-i-was-shot-and-stabbed-these-things-happen> (accessed: 15.08.2021).
- Vox pop. 2022a. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/vox-pop> (accessed: 09.01.2022).
- Vox pop. 2022b. Collins Dictionary. Collins. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/vox-pop> (accessed: 09.01.2022).

Список литературы

- Витвинчук В.В. 2018. Трансформация жанра интервью в современном медиaprостранстве: медийный хронотоп и коммуникативных тактики. Вопросы журналистики, 4: 73-80.
- Жумаева О.А. 2014. Роль адресата в многомерном процессе коммуникации (на материале жанра интервью). Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 2: 12-17.

- Колесниченко А.В. 2018. Востребованность жанров журналистских текстов в онлайн-СМИ. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 1: 26-42.
- Лукина М.М. 2009. Трансформация журналистского текста в условиях интернет-среды. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 3: 54-73.
- Мажура А.В., Тимофеева Е.Д. 2019. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве. Наука и школа, 3: 47-53.
- Нильсен Е.А. 2020. Репрезентация темпоральности в текстах интервью (на материале американских газет). Знак: проблемное поле медиаобразования, 4 (38): 211-218.
- Черкашина А.А. 2018. Структурные характеристики интервью в онлайн-версии британского издания «The Guardian». В кн.: Международная журналистика-2018: глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа. Материалы VII Международной научно-практической конференции, 15 февр. 2018, Минск. Под ред. Т.Н. Дасаевой. Минск, Изд-во Белорусского государственного университета: 331-335.

References

- Vitvinchuk V.V. 2018. Transformacija zhanra interv'ju v sovremennom mediaprostranstve: medijnyj hronotop i kommunikativnyh taktiki [Transformation of the interview genre in the modern media space: media chronotope and communication tactics]. Voprosy zhurnalistiki, 4: 73-80.
- Zhumaeva O.A. 2014. Rol' adresata v mnogomernom processe kommunikacii (na materiale zhanra interv'ju) [The addressee role in multidimensional process of communication (in the interview genre)]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika, 2: 12-17.
- Kolesnichenko A.V. 2018. Vostrebovannost' zhanrov zhurnalisticheskikh tekstov v onlajnovykh SMI [The demand for journalistic text genres in online media]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika, 1: 26-42.
- Lukina M.M. 2009. Transformacija zhurnalisticheskogo teksta v uslovijah internet-sredy [Transformation of journalistic texts under the conditions of Internet environment]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika, 3: 54-73.
- Mazhura A.V., Timofeeva E.D. 2019. K voprosu o zhanrovoj klassifikacii interv'ju v zhurnalisticheskom tvorchestve [On the issue of genre classification of interviews in journalism]. Nauka i shkola, 3: 47-53.
- Nil'sen E.A. 2020. Reprerentacija temporal'nosti v tekstah interv'ju (na materiale amerikanskih gazet) [Temporality representation in interviews (on the material of American newspapers)]. Знак: проблемное поле медиаобразования, 4 (38): 211-218.
- Cherkashina A.A. 2018. Strukturnye kharakteristiki interv'yu v onlayn-versii britanskogo izdaniya «The Guardian» [Structural characteristics of interviews in the online version of the British edition of The Guardian]. In: Mezhdunarodnaya zhurnalistika-2018: global'nye vyzovy, regional'noe partnerstvo i media [International Journalism 2018: Global Challenges, Regional Partnerships and Media]. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, 15 Feb. 2018, Minsk. Ed. T.N. Dasaeva. Minsk, Publ. Izd-vo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta: 331-335.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.04.2022

Received April 28, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черкашина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Anna A. Cherkashina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-226-237

Малоформатные новостные тексты в сети Instagram с позиций лингвосинергетического подхода

Черкунова М.В.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития системы средств речевого взаимодействия характеризуется появлением новых текстовых форм, объективированных преимущественно в электронной среде в виде малоформатных образований. Ограниченный объем обуславливает специфический характер взаимодействия текстовых единиц в процессе реализации прагматической задачи, который требует специального теоретического осмысления. Современные англоязычные новостные публикации в сети *Instagram*, относящиеся к разряду малоформатных текстов, рассматриваются автором как поликодовые дискурсивные образования, представляющие собой систему смыслов, формируемую совокупностью вербальных и невербальных средств их выражения. Цель исследования заключается в выявлении средств и способов создания прагматического плана дискурса, а также в описании динамики образования целостного смыслового конструкта. Процесс становления дискурсивной системы описан в терминах лингвосинергетики, а именно как поступательное движение дискурсивной системы в сторону функционального аттрактора при согласованном взаимодействии разноуровневых поликодовых элементов, обусловленном воздействием внешней среды и способностью дискурсивной системы к функциональной (прагмасемантической) самоорганизации.

Ключевые слова: новостной текст, Instagram, малоформатный текст, лингвосинергетика, функциональный аттрактор, флуктуация, бифуркация, самоорганизация

Для цитирования: Черкунова М.В. 2022. Малоформатные новостные тексты в сети Instagram с позиций лингвосинергетического подхода. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 226–237. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-226-237

Small-format News Items on the Instagram in Terms of Linguosynergetic Approach

Marina V. Cherkunova

Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia
E-mail: m.cherkunova@mail.ru

Abstract. The present-day system of means of verbal interaction is characterized by the emergence of new textual formations which mainly circulate on the Internet as short-length textual units. Due to the limited volume of such texts the interaction between the elements of the textual structure acquires specific character, which calls for special theoretical insight. Modern English news items on *Instagram*, which belong to the category of small-format texts, are viewed in the *article* as polycode pieces of discourse representing a system of meanings formed by the combination of verbal and non-verbal means of expression. The purpose of the study is to identify the means and methods of creating the pragma-semantic content of the news items studied, as well as to describe the process of the development and formation of the integral meaningful construct. The formation of the discourse system is described in terms of linguosynergetics, namely, it is considered as the progression of the discourse system towards its functional attractor. This process is viewed as the one involving the coordinated interaction of all the multi-level polycode elements

of the discourse, which is influenced by the external environment and preconditioned by the potential of the discourse system for functional (pragmasemantic) self-organization.

Keywords: news item, Instagram, small-format text, linguosynergetics, functional attractor, fluctuation, bifurcation, self-organization

For citation: Cherkunova M.V. 2022. Small-format News Items on the Instagram in Terms of Linguosynergetic Approach. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 226–237 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-226-237

Введение

Технологический прогресс последних десятилетий оказал колоссальное влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности человека и не только вызвал очевидные внешние изменения, касающиеся ритма и стиля жизни, но также затронул сферу ценностных ориентиров современного человека и спровоцировал изменения на более глубинном ментально-психическом уровне. Такие масштабные изменения неизбежно повлияли и на область человеческой коммуникации. Трансформируются основные каналы передачи и восприятия информации, меняются перцептивные возможности человека, возрастает способность к мультиэкранности, но одновременно утрачивается умение адекватно прорабатывать большие текстовые массивы: «...Доминирование образов в получении и осмыслении знаний о мире и резкое сокращение традиционных буквенных текстов приводит к изменениям в структуре и функционировании памяти, к возрастанию значимости скорости в передаче информации, к существенной трансформации концептов – квантов переживаемого знания» [Карасик, Слышкин, 2021, с. 22]. Данные изменения отчетливо проявляются не только в бытовых коммуникативных практиках, где межличностное общение все чаще переходит в электронно-опосредованный формат и осуществляется при помощи коротких текстовых сообщений в электронных мессенджерах, но и на институциональном уровне, где Интернет также становится основным средством осуществления взаимодействия в системе человек – общество.

Средства массовой информации, которые представляют собой один из наиболее оперативных и мобильных операторов институционального взаимодействия, быстро отреагировали на появление интерактивных информационно-коммуникативных сред. В настоящий момент СМИ не только успешно интегрировались в интернет-пространство, создав электронные версии печатных изданий и открыв каналы на видео-хостингах, но и продолжают осваивать все новые интерактивные площадки, пользующиеся наибольшей популярностью у аудитории, такие как *Instagram*.

Instagram представляет собой мобильное приложение с элементами социальной сети, которое дает возможность размещать фотографии и видеозаписи, а также добавлять к ним подписи и комментарии. В настоящий момент *Instagram* позволяет в одном посте разместить до 10 фотографий, видео длительностью до 60 минут и текстовую подпись объемом до 2200 знаков. В одном только российском сегменте аудитория *Instagram* составляет более 59 млн пользователей¹.

Безусловно, коммуникативный потенциал платформы *Instagram* не остался без внимания исследователей, однако их научный интерес направлен главным образом на изучение возможностей данной сети в сфере рекламы и маркетинга [Долда, 2020; Симакова, 2020], а также как вспомогательного средства обучения иностранному (в частности, английскому) языку [Handayani et al., 2018; Борщева, 2020; Zayats, Astafyeva, 2020]. В то же время потенциал *Instagram* в рамках других коммуникативных практик до сих пор не был

---

¹ Instagram. 2021. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Instagram> (дата обращения: 21.05.2021).

подвергнут теоретическому осмыслению. Тем не менее огромная популярность этого приложения в сочетании с возможностью органично сочетать средства различных семиотических систем открывает новые горизонты для СМИ с точки зрения оказания воздействия на аудиторию. При этом данная информационно-коммуникативная среда диктует необходимость существенных изменений в плане организации новостного сообщения. Изучению данного аспекта функционирования современного новостного текста и посвящено настоящее исследование, ставящее своей целью выявление средств и способов формирования смысловой системы малоформатного новостного текста в процессе динамического взаимодействия разноуровневых текстовых элементов при консолидирующей роли факторов внешней среды.

Объекты и методы исследования

Объектом изучения в данной работе являются новостные тексты, размещенные на официальном аккаунте *bbcnews* в сети *Instagram*. Для анализа были использованы публикации, размещенные в период с марта по июнь 2021 года.

С точки зрения современного языкознания, функционирование любого текста, а семиотически осложненного текста в особенности, трактуется как «...сложный комплекс смыслопорождения, его языкового форматирования, речепроизводства и речевосприятия в совокупности со всеми смысловыми приращениями, обусловленными различными факторами ситуации и участников общения» [Пономаренко, 2013]. При таком подходе, интерес представляет не конечный продукт, а именно *процесс* его становления: “...One such challenge [...] is to move beyond descriptions of the static phases of development, instead focusing on the transition between such phases and the ways in which patterned language behavior emerges in context” [de Bot et al., 2013; Evans, Larsen-Freeman, 2020].

Кроме того, отмечается, что в связи с появлением абсолютно новых коммуникативных явлений, характеризующихся многозначностью и сложностью, их изучение уже невозможно вести в рамках монометодологии [Астафьева, 2002]. Для анализа подобных сложных образований во всей динамике их развертывания в процессе коммуникации необходим комплексный подход, требующий учета таких факторов, как общий социально-культурный контекст речевого взаимодействия, способы языкового кодирования информации, особенности взаимодействия с сознанием реципиента. Для решения подобных задач используется методология, разработанная в рамках функциональной лингвосинергетики, основные положения которой сформулированы в трудах Е.В. Пономаренко [Пономаренко, 2013, 2015; Ponomarenko, 2018], D.S. Khranchenko, A.V. Radyuk [Khranchenko, Radyuk, 2014; Khranchenko, 2019; Radyuk, Kuznetsova, 2020], А.А. Харьковской [Харьковская, 2019] и других. Кроме того, принципы анализа сложных языковых систем описаны в трудах таких западных исследователей, как D. Larsen-Freeman, L. Cameron [2008], H. Diessel [2020], W.A. Pickering [2016], и других.

Так, с позиций лингвосинергетического подхода дискурс трактуется как «...система смыслов [...], формируемая всей совокупностью вербальных и невербальных средств их выражения» [Пономаренко, 2013, с. 35]. Динамический процесс формирования прагматического плана дискурса рассматривается как направленное движение к коммуникативной цели, которая в терминах лингвосинергетики называется *функциональный аттрактор*. Дискурсивная система представляет собой *открытое, нелинейное* речемыслительное образование, находящееся в постоянном взаимодействии с внешней средой, а именно с сознанием коммуникантов и коммуникативной ситуацией. Благодаря своей открытости, система подвержена притоку новой информации/смыслов из внешней среды, которые, включаясь в систему, нарушают ее исходную упорядоченность и вызывают смысловые колебания, так называемые *флуктуации*. По мере того, как увеличивается объем поступившей извне информации, количество флуктуаций возрастает. Тенденция к разупорядоченности системы, ее *энтропия*, увеличивается до такой степени, что начинает

нарушать целостность системы (изначально заданного смыслового пространства) и может привести к ее перерождению или распаду. В этот момент система достигает точки *бифуркации*, переломного момента, в котором происходит выбор дальнейшего пути развития (направленности смыслового вектора). Чтобы избежать разрушения, системе необходимо инкорпорировать новые элементы за счет внутренних структурных изменений, а также избавиться от излишков информации, погасив их или вытеснив во внешнюю среду, то есть «забыть» те смысловые компоненты, которые препятствуют достижению коммуникативной цели. При этом, благодаря взаимоусиливающему влиянию элементов друг на друга, у системы как у единого целого возникают *эмерджентные* свойства, то есть такие свойства/смыслы/качества, которые не были присущи ей ранее и не являются суммой смыслов системообразующих элементов. Таким образом, на пути движения к аттрактору система задействует все свои элементы, благодаря когерентному взаимодействию которых возникает *синергический* эффект, позволяющий системе дискурса завершить цикл самоорганизации и выйти на новый (необязательно лучший) уровень функционирования, обогатившись новыми смыслами. Именно в этом проявляется свойство *нелинейности* системы, которое синергисты образно выражают в формуле $2 + 2 = 5$, то есть общий смысл речевого произведения не равен механической сумме смыслов его элементов [Пономаренко 2013; Малахова, 2015; Харьковская, 2019].

Данный методологический подход к анализу дискурса позволяет выявить речевые способы комплексного воздействия на сознание и чувства человека в процессе коммуникации и представить всю динамику функционального плана дискурса как развернутый наглядный процесс, обусловленный необходимостью кооперирования элементов и частей системы для реализации коммуникативной цели [Пономаренко, 2013].

Таким образом, предметом исследовательского интереса в данной работе являются особенности формирования прагмасемантического плана новостного текста в сети *Instagram* как самоорганизующейся системы, проходящей этапы хаотизации и упорядочивания на пути к функциональному аттрактору.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего необходимо отметить, что в структурном отношении публикации в *Instagram* представляют собой многослойные, иерархически организованные, поликодовые конструкторы, органично сочетающие средства разных семиотических кодов. Так, все рассмотренные публикации можно разделить на три типа в порядке возрастающей структурной сложности и степени креолизации: 1) статичное/динамичное изображение (одна/несколько фотографий или видео) + подпись; 2) статичное изображение, поверх которого размещается текст, + подпись; 3) динамичное изображение (видео) с субтитрами + подпись.

Как можно заметить, инвариантную структуру новостного текста данного типа составляют изображение и вербальная составляющая в виде краткой подписи под изображением. В то же время обращает на себя внимание такая особенность новостных текстов в *Instagram*, как отсутствие заголовка. Данный элемент является обязательным для традиционного новостного текста и представляет собой то, что принято называть «позицией его актуализации» [Ремчукова, Апостолиди, 2018; Ledeneva, 2018], так как в процессе развертывания прагмасемантического плана дискурса заголовки выполняет функцию информирования, а также привлечения и удержания внимания реципиента. Однако в рассмотренных текстах функциональная нагрузка традиционного заголовка смещается на визуальный компонент. Именно изображение, которое по силе воздействия на реципиента существенно превосходит традиционный вербальный текст, формирует стартовый когнитивный план дискурса, включающий некий набор прагматических ожиданий.

Например, в публикации, размещенной в аккаунте *bbcnews* 5 мая 2021 г., пользователь видит следующую фотографию (рис. 1):

Рис. 1. Публикация в аккаунте *bbcnews* от 5 мая 2021 г.
Fig. 1. Post on *bbcnews*, May 5th, 2021

Набор прагматических ожиданий может включать различные прогнозы относительно тематической направленности публикации, начиная от некой информации о модельном бизнесе до призыва к отказу от натуральных мехов. При этом количество и качество возникающих вариантов, то есть семантическая наполненность стартового прагматического пакета, формируется при непосредственном взаимодействии системы дискурса с внешней средой, то есть с сознанием реципиента, и зависит от таких факторов, как общая погруженность человека в ситуацию, знание социально-политического и культурного контекста, общекультурный фон реципиента и т.д. Таким образом, на начальном этапе функционирования, благодаря притоку новой информации извне, в дискурсивной системе возникают флуктуации; система приходит в неравновесное состояние. Смысловые комбинации, формируемые посредством визуального компонента, выводят дискурс на точку бифуркации, так как в этот момент происходит выбор дальнейшего пути развития системы – сбой коммуникативного взаимодействия в случае, если ни одно из сформированных прагматических ожиданий не согласуется со сферой интересов реципиента, и он отказывается от прочтения сообщения; либо продолжение движения дискурсивной системы в сторону функционального аттрактора, если реципиент продолжает знакомство с новостным сообщением, а именно выбирает вербальную составляющую текста (подпись) для получения дальнейшей информации.

Вербальная часть подобных новостных сообщений в силу своей краткости выполняет функции традиционного для новостных текстов вводного абзаца, так называемого *лида* (*lead*). В рамках данного дискурсивного компонента читателю предлагается ключевая информация о произошедшем событии; он получает ответ на следующие вопросы: *кто, что, где, когда, как, зачем и почему*. В частности, в приведенном примере под изображением приводится следующий текст:

Xueli's parents left her outside an orphanage when she was a baby. Now, she's a model. In China, albinism is seen by some as a curse. The condition means Xueli's skin and hair is very pale.

But looking different led Xueli to her career where she's been in Vogue and fronted campaigns for top designers.

Tap the link in bio to read more about her condition and inspiring story.

Из текста читатель узнает, что в Китае девочка-сирота, страдающая альбинизмом, сделала успешную карьеру в модельном бизнесе. На данном этапе в развитие системы смыслов включаются вербальные операторы – те лексические единицы, благодаря которым становится органичной связь текста с изображением. В данном случае это следующие элементы: *an orphanage, a model, albinism, a curse, looking different, career, in Vogue, top designers*. Они согласуют смысловое пространство дискурса с частью ранее сформированных ожиданий, привнося в систему новые смыслы. Движение системы в сторону функционального аттрактора приобретает направленный вектор и ускоряется. В то же время нереализованные ожидания реципиента «забываются» системой и вытесняются из поля внимания читателя.

В приведенном примере в последнем абзаце текста функциональный аттрактор данной дискурсивной системы получает свое вербальное выражение в виде фразы *her condition and inspiring story*, то есть новостное сообщение преследовало цель привлечь внимание читателя к редкому заболеванию и поделиться историей успеха. Таким образом, формирование прагмасемантического плана данной дискурсивной системы можно считать завершенным – привнесенные при помощи вербальных средств смысловые компоненты являются минимально достаточными для приведения системы смыслов в состояние функционального равновесия; дискурсивная система принимает форму относительно четко очерченного и адекватно воспринимаемого реципиентом смыслового конструкта.

Однако выстроенная таким образом система смыслов при дальнейшем взаимодействии с сознанием реципиента приобретает эмерджентные свойства, то есть в ней происходят когнитивные приращения, благодаря чему формируется смысловая надстройка. Так, ситуация с девочкой-сиротой, покинутой родителями в младенчестве (*Xueli's parents left her outside an orphanage when she was a baby*) и сделавшей успешную карьеру в модельном бизнесе именно благодаря своему необычному заболеванию, которое многими воспринимается как ущербность (*albinism is seen by some as a curse*), приобретает более широкое значение, выходящее за рамки описанного события. В данном случае смысловые приращения включают представление о равенстве возможностей, о необходимости веры в себя, о том, что общественный приговор не всегда является окончательным и т.д. Данная когнитивная надстройка формируется, в частности, благодаря включению таких функциональных операторов, как наречие *now* (*Xueli's parents left her outside an orphanage when she was a baby. Now, she's a model*) и союз *but* (***But looking different led Xueli to her career...***), нарушающих поступательное движение семантического плана дискурса и обозначающих бифуркационные позиции в структуре дискурса.

Таким образом, функциональный аттрактор данной дискурсивной системы, а именно формирование ценностной установки об уникальности каждого человека вне зависимости от его физических (или иных) данных, достигается в процессе поступательного движения дискурсивной системы через ряд сменяющих друг друга состояний хаотизации и относительного упорядочивания при когерентном взаимодействии всех дискурсивных элементов.

Теперь рассмотрим новостную публикацию с более сложной структурой, включающей, помимо видеофрагмента, два вербальных компонента: 1) подписи поверх изображения в виде субтитров и 2) текстовую подпись под изображением. Данное текстовое обозначение имеет следующий вид (рис. 2):

Рис. 2. Публикация в аккаунте *bbcnews* от 4 мая 2021 г.
Fig. 2. Post on *bbcnews*, May 4th, 2021

В целом начальный этап развития дискурсивной системы в данном случае идентичен описанному выше, однако, в отличие от предыдущего примера с более простой структурой, данная новостная публикация предполагает наличие трех вариантов развития системы в первой точке бифуркации: 1) коммуникативный сбой; 2) знакомство с текстом, расположенным под изображением; 3) просмотр видео в сопровождении субтитров. Анализ материала показал, что текстовые компоненты, представленные подписью под видео и подписями поверх изображения, не идентичны; они являются функционально самостоятельными, однако по отношению друг к другу тексты находятся в отношениях комплементарности: оба текста содержат одни и те же смысловые константы, однако подписи на видео расширяют их за счет дополнительных сведений, цитат и количественных данных (см. таблицу ниже). Таким образом новостной текст из линейного образования превращается в объемный нелинейный конструктор. При этом следует отметить смыслообразующую роль, которую приобретают в данном случае параграфемные средства, в частности нарративная текстовая составляющая в субтитрах выделяется более крупным белым шрифтом, в то время как цитатные включения выделяются синим, зеленым и другими цветами (при этом определенный цвет маркирует речь конкретного человека). В то же время традиционные знаки препинания, используемые для обозначения прямых цитат, в данном типе текста не применяются – их функцию выполняет цветовое варьирование.

Как видно из приведенных текстов, вербальные операторы (в примерах они выделены жирным шрифтом), отвечающие за семантическое наполнение данной дискурсивной системы, параллельно присутствуют в обоих текстах – это такие единицы, как *Johannesburg*, *zero-waste bus*, *mobile grocery store*, *lockdown*, *pandemic*, *avoiding the use of packaging*, *to access healthy food*, *affordable food*, *without having to travel far from home*.

Соотношение вербальных элементов в публикации *bbcnews* от 4 мая 2021 г.
Correlation of verbal parts in the post on *bbcnews*, May 4th, 2021

Подпись под изображением	Подписи на видео
<p>The Zero-waste bus delivering affordable food during lockdown. Inner city residents of Johannesburg in South Africa have been given access to a new kind of shopping experience: a zero-waste mobile grocery store.</p> <p>The bus, called Skhaftin after the local slang word for ‘lunchbox’, sells fresh dry foods such as rice, beans and lentils, as it makes its way around the city.</p> <p>Shoppers bring their own containers, avoiding the use of packaging that could harm the environment.</p> <p>Founder Ilka Stein and her team came up with the concept during the pandemic, to allow people to access healthy food, without having to travel far from home.</p>	<p>Nkosinathi, local resident · It’s like a lunchbox. It’s an insurance for your stomach that when you have a skhaftin you won’t starve.</p> <p>This is Johannesburg’s Skhaftin (lunchbox) bus. It’s helping people access healthy food without plastic waste.</p> <p>Samele Msibi, store assistant · We have porridge, mabele porridge. We have brown sugar. And our best seller, black beans.</p> <p>Thulisile, local resident · Most of us, you know, there is no jobs and most of the time you cannot afford to buy full groceries. So with them you’re able to buy most of the things that you need. Like especially in a week’s time, that would be enough for you.</p> <p>Ilka Stein, founder of skhaftin bus · We knew, kind of, that food was important and that we had an interest in it. And we wanted to see how could a different way of access to food look like. And we looked into concepts of zero waste. We got a group of 12 young people together and that is where the journey really started.</p> <p>The team turned this old bus into a shop in 90 days. Fresh produce from the local farm is also sold on the bus.</p> <p>20 rants (\$1.30) a bunch.</p> <p>Refiloe Molefe, the owner of inner city farm · I work so much with Skhaftin because we started feeding the community when Covid started. We decided to say, since there is Covid people who are locked down they cannot have access as they used to, to come to the farm. So we have to introduce a bus which will deliver the food to the people at their doorstep.</p> <p>But it’s not just about lockdown.</p> <p>So it teaches people to live [with] less and [be] sustainable also and buy what they can, and afford at that time. And also whatever they can buy, it can also last. Because this thing will last me, it will last me for months. But the price that I had to pay for this thing, it’s so [much] less.</p> <p>Skhaftin!</p>

Таким образом, достижение функционального аттрактора, то есть выстраивание семантически законченного полноценного смыслового конструкта, возможно при знакомстве с каждым текстовым компонентом в отдельности. Подпись под изображением позволяет сэкономить время и получить минимально необходимую информацию о событии; просмотр видеофрагмента займет больше времени и предоставит больше дополнительных сведений, но в конечном счете приведет к формированию практически идентичной системы смыслов. Благодаря взаимоусиливающему воздействию компонентов дискурсивной системы друг на друга, на конечном этапе формирования у системы возникает синергичный эффект, в результате которого прагмасемантический план данной системы приобретает эмерджентные свойства, а именно формируется представление о том, что даже в условиях пандемии есть люди, готовые предложить помощь; о необходимости креативного мышления; о том, как важно беречь планету и т.д.

Таким образом, в рассмотренном примере функциональный аттрактор дискурсивной системы достигается при помощи элементов разных уровней, включая параграфемные, структурные и собственно языковые элементы, согласованное взаимодействие которых

позволяет системе пройти ряд этапов хаотизации и упорядочивания и сформировать целостный, относительно устойчивый смысловой конструкт, суммарный смысл которого не тождествен сумме смыслов входящих в него элементов.

Заключение

Таким образом, новостной текст в сети *Instagram* можно охарактеризовать как специфическое малоформатное образование, обладающее рядом особенностей по сравнению с традиционным новостным сообщением. Он представляет собой органичное сочетание средств разных семиотических систем, организованных в объемные формирования с разной степенью структурной сложности и креолизации. В рассмотренных текстах отмечается явная тенденция к исчезновению традиционных элементов новостного текста (в частности заголовочного комплекса) и перераспределению их функциональной нагрузки между визуальной и вербальной составляющими текста, при этом визуальные компоненты приобретают важную смыслообразующую функцию в процессе формирования прагмасемантического плана дискурсивной системы. Достижение функционального аттрактора рассмотренных новостных публикаций происходит в ходе поступательного движения дискурсивной системы через ряд сменяющих друг друга состояний дестабилизации и упорядочивания при непосредственном взаимодействии с внешней средой, то есть с сознанием реципиента и общим контекстом данной коммуникативной ситуации. Все элементы дискурсивной системы, действуя согласованно, направляют движение по заданному вектору в сторону функционального аттрактора. В ходе данного процесса у системы возникают эмерджентные свойства, то есть она обогащается смысловыми приращениями и приобретает прагмасемантическую надстройку, которая невыводима из суммы смыслов системообразующих элементов. Благодаря подобному процессу смысловой самоорганизации, дискурсивная система эволюционирует и выходит на качественно новый уровень функционирования.

Список литературы

- Астафьева О.Н. 2002. Эвристические возможности синергетики в исследовании современных социокультурных процессов. Дис. ... докт. филос. наук. Москва, 371 с.
- Борщева О.В. 2020. Инстаграм на занятиях по иностранному языку. *Вопросы педагогики*, 4-2: 66–71.
- Долда М.Е. 2020. Формирование методики запуска нового продукта в социальной сети «Инстаграм». *Вестник факультета управления СПбГЭУ*, 8: 58–67. URL: http://vf.u.unecon.ru/docs/Vestnik_8_2.pdf (дата обращения: 01.05.2021).
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. 2021. Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1: 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
- Малахова В.Л. 2015. Влияние дискурсивного пространства на формирование притяжательного смысла. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2-1 (44): 138–140.
- Пономаренко Е.В. 2013. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 13 (156): 131–140.
- Пономаренко Е.В. 2015. Основания функциональной лингвосинергетики. М., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 316 с.
- Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. 2018. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 9 (3): 651–668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
- Симакова К.И. 2020. Семиотический анализ таргетированной рекламы фитнес-индустрии в «Инстаграм». *Медиаисследования*, 7. Под ред. Т.А. Семилет, И.В. Фотиевой. Барнаул, Изд-во АлтГУ: 465–469.

- Харьковская А.А. 2019. Лингвосинергетический потенциал научных публикаций по гуманитарной проблематике: на материале английских малоформатных текстов. В кн.: Малоформатные тексты в различных типах англоязычного дискурса. Сб. науч. ст. Под ред. А.А. Харьковской, И.Б. Кривчен. Самара, Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева: 140–148. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/MALOFORMATNYE-TEKSTY-V-RAZLICHNYH-TIPAH-ANGLOYaZYChNOGO-DISKURSA/Lingvosinergeticheskii-potencial-nauchnyh-publikacii-po-gumanitarnoi-problematike-na-materiale-angliiskih-maloformatnyh-tekstov-79393> (дата обращения: 05.05.2021).
- De Bot K., Lowie W., Thorne S. L., Verspoor M. 2013. Dynamic systems theory as a comprehensive theory of second language development. *Contemporary approaches to second language acquisition*. Eds. M. García Mayo del Pilar, M. Junkal Gutierrez Mangado & M. Martínez Adrián. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company: 199–220.
- Diessel H. 2020. A Dynamic Network Approach to the Study of Syntax. *Frontiers in Psychology*, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.604853. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.604853/full> (accessed: 28.04.2021).
- Evans D.R., Larsen-Freeman D. 2020. Bifurcations and the Emergence of L2 Syntactic Structures in a Complex Dynamic System. *Frontiers in Psychology*, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574603. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7658482/> (accessed: 28.04.2021).
- Handayani A.D, Cahyono B.Y., Widiati U. 2018. The Use of Instagram in the Teaching of EFL Writing: Effect on Writing Ability and Students' Perceptions. *Studies in English Language Teaching*, 6 (2): 112–126. DOI:10.22158/selt.v6n2p112
- Khramchenko D.S. 2019. Functional-Linguistic Parameters of English Professional Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 1 (1): 9–20. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20.
- Khramchenko D.S., Radyuk A.V. 2014. The Synergy of Modern Business English Discourse: Holistic Approach to Teaching Unconventional Rhetoric. In: 8th International Technology, Education and Development Conference. Conference Proceedings INTED 2014, 10-12 March, 2014, Valencia, Spain. Eds. L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres. Valencia, Publisher Academy IATED: 6779–6783.
- Larsen-Freeman D., Cameron L. 2008. *Complex Systems and Applied Linguistics*. Oxford, Oxford University, 287 p.
- Ledeneva S. 2018. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics. In: 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna Art Conference Proceedings, 19–21 March, 2018, Sofia, Bulgaria, 3.1: 3–10. DOI: 10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.001.
- Pickering W.A. 2016. Natural languages as complex adaptive systems. *Estudos Linguísticos, São Paulo*, 45 (1): 180–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.21165/el.v45i1.787>.
- Ponomarenko E.V. 2018. The notion of functional synergism in linguistics. In: 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna Art Conference Proceedings, 19–21 March, 2018, Sofia, Bulgaria, 3.1: 501–508. DOI: 10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.063.
- Radyuk A.V., Kuznetsova M.V. 2020. Systemic properties of judgmental discourse. *International Journal of English Linguistics*, 10 (6): 224–236. DOI: 10.5539/ijel.v10n6p224.
- Zayats T.V., Astafyeva Y.V. 2020. Instagram as a Teaching Tool in the EFL Classroom. *Актуальные научные исследования в современном мире*, 5-8 (61): 51–54.

References

- Astafyeva O.N. 2002. *Evristsicheskie vozmozhnosti sinergetiki v issledovanii sovremennykh sotsiokul'turnykh protsessov* [Heuristic possibilities of synergetics in the study of modern socio-cultural processes]. Dis. ... doc. philosophy Sciences. Moscow, 371 p.
- Borshcheva O.V. 2020. Instagram na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Instagram in foreign language classes]. *Voprosy pedagogiki*, 4-2: 66–71.
- Dolda M.E. 2020. Formation of a new product launch methodology in Instagram social network. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*, 8: 58–67. Available at: http://vfu.unecon.ru/docs/Vestnik_8_2.pdf (accessed: 01.05.2021).

- Karasik V.I., Slyshkin G.G. 2021. Modern discourse developmental trends. Current issues in philology and pedagogical linguistics, 1: 14–31 (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
- Malakhova V.L. 2015. Influence of discursive space on formation of possessive meaning. *Philology. Theory & Practice*, 2-1 (44): 138–140 (in Russian).
- Ponomarenko E.V. 2013. O samoorganizatsii i sinergizme funktsional'nogo prostranstva angliyskogo diskursa [On self-organization and synergy of the functional space of English discourse]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 13 (156): 131–140.
- Ponomarenko E.V. 2015. Osnovaniya funktsional'noy lingvosinergetiki [Foundations of functional linguosynergetics]. M., Publ. MGIMO University, 316 p.
- Remchukova E.N., Apostolidi A.A. 2018. Semiotic analysis of targeted advertising of fitness industry in "Instagram". *RUDN journal of language studies, semiotics and semantics*, 9 (3): 651–668 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
- Simakova K.I. 2020. Semioticheskiy analiz targetirovannoy reklamy fitnes-industrii v «Instagram» [Semiotic analysis of targeted advertising of the fitness industry on Instagram]. *Mediaissledovaniya*, 7. Eds. T.A. Semilet, I.V. Fotieva. Barnaul, Publ. AltGU: 465–469.
- Khar'kovskaya A.A. 2019. linguo-synergetic potential of english academic articles on the humanities problematic issues: based on english minitexts. In: *Maloformatnye teksty v razlichnykh tipakh angloyazychnogo diskursa [Small-Format Texts in Different Types of English-Language Discourse]*. Eds. A.A. Khar'kovskaya, I.B. Krivchen. Samara, Publ. Samara National Research University: 140–148. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/MALOFORMATNYE-TEKSTY-V-RAZLICHNYH-TIPAH-ANGLOYaZYChNOGO-DISKURSA/Lingvosinergeticheskii-potencial-nauchnyh-publikacii-po-gumanitarnoi-problematike-na-materiale-angliiskih-maloformatnyh-tekstov-79393> (accessed: 05.05.2021).
- De Bot K., Lowie W., Thorne S. L., Verspoor M. 2013. Dynamic systems theory as a comprehensive theory of second language development. *Contemporary approaches to second language acquisition*. Eds. M. García Mayo del Pilar, M. Junkal Gutierrez Mangado & M. Martínez Adrián. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 199–220.
- Diessel H. 2020. A Dynamic Network Approach to the Study of Syntax. *Frontiers in Psychology*, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.604853. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.604853/full> (accessed: 28.04.2021).
- Evans D.R., Larsen-Freeman D. 2020. Bifurcations and the Emergence of L2 Syntactic Structures in a Complex Dynamic System. *Frontiers in Psychology*, 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574603. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7658482/> (accessed: 28.04.2021).
- Handayani A.D, Cahyono B.Y., Widiati U. 2018. The Use of Instagram in the Teaching of EFL Writing: Effect on Writing Ability and Students' Perceptions. *Studies in English Language Teaching*, 6 (2): 112-126. DOI:10.22158/selt.v6n2p112
- Khramchenko D.S. 2019. Functional-Linguistic Parameters of English Professional Discourse. *Professional Discourse & Communication*; 1 (1): 9–20. DOI: 10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20.
- Khramchenko D.S., Radyuk A.V. 2014. The Synergy of Modern Business English Discourse: Holistic Approach to Teaching Unconventional Rhetoric. In: *8th International Technology, Education and Development Conference. Conference Proceedings INTED 2014, 10–12 March, 2014, Valencia, Spain*. Eds. L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres. Valencia, Publisher Academy IATED: 6779–6783.
- Larsen-Freeman D., Cameron L. 2008. *Complex Systems and Applied Linguistics*. Oxford, Oxford University, 287 p.
- Ledeneva S. 2018. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna Art Conference Proceedings, 19–21 March, 2018, Sofia, Bulgaria, 3.1: 3–10*. DOI: 10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.001.
- Pickering W.A. 2016. Natural languages as complex adaptive systems. *Estudos Linguísticos, São Paulo*, 45 (1): 180–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.21165/el.v45i1.787>.
- Ponomarenko E.V. 2018. The notion of functional synergism in linguistics. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna Art Conference Proceedings, 19–21 March, 2018, Sofia, Bulgaria, 3.1: 501–508*. DOI: 10.5593/sgemsocial2018H/31/S10.063.

- Radyuk A.V., Kuznetsova M.V. 2020. Systemic properties of judgmental discourse. *International Journal of English Linguistics*, 10 (6): 224–236. DOI: 10.5539/ijel.v10n6p224.
- Zayats T.V., Astafyeva Y.V. 2020. Instagram as a Teaching Tool in the EFL Classroom. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 5-8 (61): 51–54.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.08.2021

Received September 28, 2021

Поступила после рецензирования 06.05.2022

Revised May 6, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черкунова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Marina V. Cherkunova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, Samara, Russia

УДК 070; 811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-238-245

Проблема датировки периодических изданий и пути её решения

Ястребов-Пестрицкий М.С.¹, Полонский А.В.²

¹ Государственный архив РФ,

Россия, 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: myp-63@mail.ru; polonskiy@bsu.edu.ru,

Аннотация. Заявленная тема нечасто рассматривается в современной лингвистике, поскольку существует мнение, что «числовые» неувязки, ошибки, несоответствия имеют к ней косвенное отношение. Однако ошибочные даты либо полное отсутствие датировки могут создать немало проблем при выполнении научно-исследовательской или иной работы с газетой (например, при её архивировании). Авторами рассмотрены некоторые такие случаи, относящиеся к разным эпохам, – с петровской и до наших дней, в том числе случай «зашифрованности» газетной датировки старославянским буквенно-знаковым обозначением. Отсутствие датировки или ошибочная датировка обусловлены, как правило, человеческим фактором. Исключения могут составлять нелегальные газеты революционных лет, в которых даты не проставлялись издатели из соображений конспирации. Отдельный исследовательский интерес представляет газета «Галичанин». Здесь выявлены нюансы, относящиеся практически ко всем лингвистическим дисциплинам – фонетике, орфографии, орфоэпии, морфемике, лексике, морфологии, семантике, синтаксису, стилистике, а также лексикографии, поскольку в поиске некоторых слов из указанной газеты необходимо было обращаться к словарям (как переводным, так и диалектным). Объясняется это тем, что данная газета уникальна в географическом плане: она издавалась на стыке национальных регионов.

Ключевые слова: российские СМИ, периодические издания, газета, датировка, внешняя форма, внутренняя форма

Для цитирования: Ястребов-Пестрицкий М.С., Полонский А.В. 2022. Проблема датировки периодических изданий и пути её решения. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(2): 238–245. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-238-245

The Problem of Dating a Periodicals and Ways to Solve it

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky¹, Andrey V. Polonskiy²

¹ Scientific Library of the State Archive of the Russian Federation (SARF SL),

17 Bolshaya Pirogovskaya St, Moscow 119435, Russia;

² Belgorod National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia

E-mail: myp-63@mail.ru; polonskiy@bsu.edu.ru,

Abstract. The topic stated in the title of this publication is rarely considered in linguistics, since there is an opinion that "numerical" errors and inconsistencies are indirectly related to it. Exceptions here may be, for example, dates indicated by words (and not numbers) in incorrect case forms, which also took place in the press of different eras. However, even digital dates put down incorrectly, or the complete absence of such dates, can create a lot of problems when performing scientific and other work with a newspaper (for example, when archiving it). The article discusses some such cases related to different epochs – from epoch of Peter the Great to the present day. A case of "encrypted" newspaper dating with an Old Slavic

alphanumeric designation is also presented. The lack of dating or erroneous dating is usually due to the "human factor". An exception may be illegal newspapers of the revolutionary years (in the State Archive of the Russian Federation, such newspapers occupy an entire storage section), in which the dates were not put down by publishers for reasons of conspiracy. A separate linguistic interest is the newspaper "Galichanin". Here, in the process of work, nuances related to almost all linguistic disciplines are revealed: phonetics, spelling, orthoepy, morphemics, vocabulary, morphology, semantics, syntax, stylistics. Since some words from this newspaper had to be searched for in dictionaries (both translated and dialect), it is possible to add lexicography to this list. This is explained by the fact that this newspaper is unique in its own way: geographically it was published at the junction of national regions.

Keywords: mass media of Russia, periodicals, newspaper, dating, external form, internal form

For citation: Yastrebov-Pestritsky M.S., Polonskiy, A.V. 2022. The Problem of Dating a Periodicals and Ways to Solve it. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 238–245 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-238-245

Введение

Материал настоящего исследования составляют дореволюционные и современные печатные периодические издания. Более чем вековой интервал позволяет выделить существенные изменения в стиле внешнего оформления газет, обусловленные разными факторами, в том числе социальными преобразованиями, увеличением тиражей, связанным, в свою очередь, с большей, чем прежде, востребованностью периодических изданий. Их востребованность обусловлена более высоким, как показывают исследования, доверием аудиторий. Словом, наблюдаемые в газете изменения – это результат целой цепочки факторов и событий, произошедших в стране за минувший период [Короченский, 2012].

Говоря о внешней составляющей газеты как издания, приведём высказывание И.П. Лысаковой: «Различают внешнюю (формат, периодичность выхода, объём, графическое оформление) и внутреннюю (жанры, язык и стиль, распределение тематических направлений в отдельных номерах и комплектах за год) структуры газеты» [Лысакова, 1984, с. 76].

В исследовании наибольшее внимание будет уделено внешней структуре, хотя отдельные лингвистические детали будут рассмотрены в тех случаях, когда они имеют отношение к календарным данным.

Разным читателям – разные газеты

Газета «Солдатская жизнь» относится к кластеру нелегальных (многие издания начала XX века наделены такой пометкой). Этим обстоятельством продиктована «невнятная» датировка её номеров и отсутствие адреса издательства. Газеты такого типа часто сопровождалась наставлением: «Прочти сам, передай товарищу». В рассматриваемом номере газеты «Солдатская жизнь» не указан год издания, что часто бывало с подпольными газетами. Однако в газете рассказывается о Государственной Думе как о чём-то новом. Текст на с. 2 гласит: «Но вот нам попался совершенно случайно номер 27-ой «Листка» от 10 мая, и мы прочитали там одну весьма любопытную статью под заглавием “Первые шаги Государственной Думы”» [Солдатская жизнь, 1906, с. 2]. Вне всякого сомнения, газета относится к 1906 году. Примечательно, что газета содержит «Наказ депутату Ульянову» от крестьян Саратовской губернии. Внизу последней, 6-й страницы обнаружена едва читаемая, плохо пропечатанная надпись: «Типография Виленскаго Комитета Российск. С.-Д. Р. П.». Так выяснилось и место издания газеты: Вильно (ныне – Вильнюс). Между тем, около 60 лет или даже более (последняя дата выдачи в формуляре указана: 14.VIII.1964) газета числилась как «Б. м.; б. г.» (без места издания, без года). Остаётся сожалеть, что ранее у архивистов не было возможности «вникать» в реквизиты каждого печатного органа. И се-

годня в Госархиве Российской Федерации нормы всех видов работ рассчитаны по минутам. Более того, на основании обнаруженных реквизитов, удалось объединить данную газету с газетой следующего, 1907 года (до этого, более полувека, они числились в архивохранилище как «газеты-тёзки», каковых всегда бывало много в разных регионах России). В газете за 1907 год добавлен подзаголовок: «Областной союз Литвы и Белоруссии». Всё остальное оформление газеты – точно такое же, вплоть до того, что внизу последней страницы напечатано точно тем же шрифтом (но уже – отчётливо): «Типографія Виленскаго Комитета Россійск. С.-Д. Р. П.». Жаль, что и на эту деталь не было обращено внимание в предыдущие периоды архивирования. Кроме того, на газете проставлен штамп полицейских служб: «В 4-е Делопроизводство. 16. Июнь. 1907 г.». Отметим, что в аббревиатуре *Россійск. С.-Д. Р. П.* вся пунктуация вскоре подверглась редукции: РСДРП. Впрочем, это путь многих «революционных сокращений» той эпохи.

Однако вернёмся к типологии прессы и социально-психологическим особенностям читателей разных типов газет. В.И. Антонова выделяет по целевому назначению около 25 групп населения, по которым дифференцируется вся периодическая печать [Антонова, 2006, с. 75]. К отдельной социальной группе можно отнести также потребителей подпольной и полуподпольной прессы.

На другом полюсе данной типологии находится такая социально-психологическая группа, как старообрядцы: строгость нравов этой части населения Российской Империи привела к тому, что газета «Старообрядец» – не только полностью представлена старославянским шрифтом, но и все цифры (номера газет, даты, год от Рождества Христова, год выпуска газеты) представлены старославянским счётом, т. е. графемами старославянского алфавита с надстрочными знаками. В наличии имеются номера: $3/4 = \text{г/д}$ (1 и 15.01), $13 = \text{гi}$ (01.06), $14 = \text{дi}$ (15.06), $20/21 = \text{к/ка}$ (15.09 и 01.10), $22 = \text{кв}$ (15.10), $23/24 = \text{кг/кд}$ (01 и 15.11), $25/26 = \text{ке/кс}$ (01 и 15.12) за 1879 год и № 1 = а (01.12) за 1878 год. Из восьми номеров, таким образом, четыре – оказались сдвоенными. После знака «=» мы попытались передать старославянские буквенные номера современными графемами, что на обычной кириллической клавиатуре возможно сделать лишь приблизительно. Очень пригодились знания старославянского, полученные, в своё время, на филфаке СПбГУ (с благодарностью вспоминаем замечательного преподавателя Ольгу Альбертовну Старовойтову!). Все перечисленные выше реквизиты, не выяснив которых нельзя было верно идентифицировать газету и определить ей точное место на стеллажах архивохранилища, мы пометили на каждом номере газеты карандашом, но уже привычными арабскими и римскими (обозначение месяца) цифрами. Характерно, что, например, № 14 = дi (от 15.06.1879 г.) был кем-то из архивистов предыдущих поколений подписан как № 43, причём чернилами (чего делать ни в коем случае нельзя!). Ошибочный номер был зачёркнут нами и карандашом проставлен верный: № 14 [Старообрядец, 1878–1879]. В целом газета чрезвычайно интересна по ряду аспектов, хотя и трудночитаема. На верхнем поле от руки подписано: "А.Ф. Морокину" (№ 25/26); "Т.А. Козмину [нрзб.] И.В. Белаеву" (№ 13).

Приводим «расшифровку» старославянских цифр и чисел, вплоть до восьмизначных (см. рисунок).

Как уже отмечалось, спецификой газетного текста является то, что он всегда ориентирован на целевую аудиторию. Рассмотренный пример в полной мере это обнаруживает. Однако и географический фактор может существенным образом влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю составляющие того или иного печатного издания.

Газета «Галичанин» по своей типологии скорее коммерческая, она не нуждается в конспирации, напротив, её цель – охватить как можно более широкую аудиторию. По подзаголовку она – русскоязычная, но содержит, тем не менее, украинские лексемы (*нижкій; залишити, довгие*), поскольку место её издания – западная Украина, но издатель был заинтересован и в русскоязычном читателе, и в польскоязычном.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
·Ǻ·	·Ǫ·	·Ǿ·	·Ǭ·	·Ǫ̆·	·Ǫ̇·	·Ǫ̈·	·Ǫ̉·	·Ǫ̊·
10	20	30	40	50	60	70	80	90
·Ǫ̋·	·Ǫ̌·	·Ǫ̍·	·Ǫ̎·	·Ǫ̏·	·Ǫ̐·	·Ǫ̑·	·Ǫ̒·	·Ǫ̓·
100	200	300	400	500	600	700	800	900
·Ǫ̔·	·Ǫ̕·	·Ǫ̖·	·Ǫ̗·	·Ǫ̘·	·Ǫ̙·	·Ǫ̚·	·Ǫ̛·	·Ǫ̜·
11	12	13	14	15	16	17	18	19
·Ǫ̝·	·Ǫ̞·	·Ǫ̟·	·Ǫ̠·	·Ǫ̡·	·Ǫ̢·	·Ǫ̣·	·Ǫ̤·	·Ǫ̥·
222	319	431	988					
·Ǫ̦·	·Ǫ̧·	·Ǫ̨·	·Ǫ̩·					
222	319	431	988					
1000	2000	20000	43000					
*Ǫ	*Ǫ	*Ǫ	*ǪǪ					
10000	300000	4000000	80000000					
Ⓐ	Ⓒ	Ⓓ	Ⓔ					

«Расшифровка» старославянских цифр и чисел
 "Deciphering" Old Slavonic numbers and numbers

По причине наличия указанных двух факторов (аудиторный и географический) каждый абзац газетного текста содержит обильное количество интереснейших особенностей, не свойственных русскому языку, в том числе русскому языку конца XIX века. Чтобы не отклониться от темы настоящего исследования, просто выделим их курсивом, а комментарии сведём к минимуму: «Выходит во Львове *каждого дня* [грамматика: генитивная форма на месте аккузативной; отсутствие запятой] за исключением праздничных и *недельных* дней [общеславянская (кроме рус. яз.) семантика: *неделя* = выходной день; отсутствие. зпт] в 7 час. веч. *Поодинокий номер* [словообразование, свойственное суржику: в прилагательном со значением ‘одиночный’ – точно передана лишь корневая морфема, аффиксальность – весьма приближительна] стоит 10 *кр.* [крон?]. *С почтовой пересылкою* [выбор флексии] 12 *кр.* За объявления *платится* [синтаксис: выбор безличной формы] по 2 *кр.* от одной строчки: “*Надосланное*” [словообразование: выбор префикса] 20 *кр.* от одной строчки *дробного письма* [стилистика; семантика]. Подписка с почтовой пересылкою *выносит* [стилистика; семантика]: на год 14 *зр.* [?] <...>, на четверть года 3 *зр.* 50 *кр.* *Предплату* [выбор префикса] и объявления принимает *Администрация* [орфография: неоправданное употребление прописной графемы]». Далее присутствует много украинизмов (хотя в целом газета издана на русском языке): *довгие* (бороды) [фонетика, свойственная украинскому языку]; *комисія* [отсутствие двойных согласных – признак украинской (и белорусской) орфографии]; *надосланное*; *лосовь*. «Во [выбор формы предлога] *виду* высокого курса *лосовь* [агноним!], *никий* [украинская местоименная форма] владелец не должен *залишати обезпеченія* [украинский глагол и украинская орфография префикса] от *чувствительной* [стилистика!] потери в случае *вылосования* [производный агноним!] с *найменьшим* [украинская орфография аффиксоида *най-*] выигрышем [Галичанин, 1896, с. 4]. Самопозиционирование газеты как русскоязычной может в данном случае рассматриваться лишь как благое намерение её издателей – столь велико в ней количество украинизмов. Однако в 1896 году у массового читателя был не слишком большой выбор.

Издательская статистика конца XIX – начала XX века

В.В. Пугачёв, ссылаясь на исследования А.Ф. Бережного, обращает внимание читателя на статистические данные конца XIX века: «В 1894 году в России издавалось 804 периодических издания, 89 общественно-политических и литературных газет и 32 "толстых" журнала: 164 издания являлись правительственными и 50 принадлежали частным лицам» [Бережной, 1997, с. 13; Пугачёв, 2004, с. 7]. Далее, приводя данные А.Ф. Бережного, В.В. Пугачёв указывает: «В 1900 году выходит уже 1 000 названий печатной периодики: 212 общественно-политических и литературных, 282 – официальных и справочных, 508 – специальных и научных. Помимо этого, выпускается 50 епархиальных ведомостей. Однако в 40 губерниях ещё не было частных изданий, а в 19 – губернских ведомостей. К 1905–1907 гг. число изданий возрастает до 3 000; 1467 из них были общественно-политическими и литературными, 149 имели религиозное направление [Пугачёв, 2004, с. 7].

Обратим теперь внимание на две газеты более позднего периода. Первая – издана во Львове: «В *нынешнем* нумере 6 образков изъ войны <...>. Война на *Балкане*» (“ять”); № 46, 16 XI, *пятница* [Голос народа, 1912, с. 1]. Снова некодифицированный бытовой стиль разговорной русско-украинской речи (**суржик**) [фонетика: *пятница*].

Следующая газета издана в Евпатории: «Газета выходит ежедневно, исключая *дней послепраздничных*» [Евпаторийские новости, 1915, с. 1]. Форма родительного падежа на месте винительного. Здесь, очевидно, имеет место неполное (механическое) перестраивание фразы **не исключая дней послепраздничных**.

Как видим, грамматика не только основных текстов, но даже выходных данных газет отличается как от сегодняшней, так и от первых послереволюционных лет. И.П. Лысакова, говоря о послереволюционных газетах, замечает: «Симптоматично, что во всех буржуазных газетах используются устаревшие для живой речи формы "оне", "ея", "последняя" ("Русское слово", "Сын отечества", "Русские ведомости", "Московские ведомости"). А в "Новой жизни" и в "Пролетарии" – "они", "её", "последние". В этих морфологических формах, на наш взгляд, также находит отражение разная стилистическая ориентация газет» [Лысакова, 1984, с. 33–34].

Находим также интересные дореволюционные примеры, касающиеся орфографии: «*четверкъ*» [Голос, 1876, с. 1, верхний колонтитул] (фонетическое написание последнего согласного); «*субота*» [Голос, 1877, с. 1, верхний колонтитул] (отсутствие двойного согласного в существительном *суббота*); «...выходять одинъ разъ въ неделю по *Пятницам*» [Вологодские губернские ведомости, 1916, с. 1 (день недели написан с прописной буквы)].

Следует отметить и **экстралингвистический фактор**, связанный с элиминированием информации в выходных данных газеты, и способы решения данной проблемы современными исследователями.

В газете «*Степь*», изданной в Оренбургской губернии [Степь, б/года (год установлен по текстовым данным: 1912), с. 1–4], год, вследствие **типографского брака** не пропечатан. Но на последней странице имеет место расписание поездов «Троицк – Кустанай», а также местных («дачных») поездов, действующее с 18 апреля 1913 года. Поскольку газета издана 29 октября, несомненно, относим её к 1912 году. Иногда при архивировании неопознанного газетного листа сотруднику приходится прочесть полностью всё его содержание, чтобы по текстовым данным (событиям, описанным в них) установить приблизительную, а часто и абсолютно точную датировку [Ястребов-Пестрицкий, 2018а, с. 82–94].

С дистанцией в три века

Следует сказать, что некоторая путаница с датами издания газет фиксировалась в российской печати ещё с петровских времён. В.М. Круглов приводит рукописное примечание редактора к газете «Ведомости» от 30 декабря 1722 года: «Сей ведомости *надлежало было быть* в печати в *генваре* сего 1723го, а не в декабре прошлого *году*. И во многих

местах напечатано не так» [Ведомости, 1722; Круглов, 2017, с. 118–128]. Обращаем внимание на несколько витиеватый оборот *надлежало было быть*. Можно предположить, учитывая эпоху, что это остаточное явление плюсквамперфекта, либо такая сложная глагольная форма сообщала о действии, которое должно было совершиться, но не совершилось. Весьма интересно здесь и архаичное написание *в генваре* [Ястребов-Пестрицкий, 2018б, с. 791–820].

Ошибки в датировании не только самих изданий, но и значимых событий, описываемых в них, свойственны, к сожалению, и сегодняшним газетам. В газете, вышедшей 18 января 2022 года, имеют место две ошибки: «В этот день *77 лет назад* соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Блокада Ленинграда была прорвана» [Окороков, 2022, с. 8]. В день выхода газеты этому событию исполнилось не 77, а 79 лет. Внизу, под фотоснимком, указана дата прорыва блокады: «18 января *1943 года*. Встреча бойцов Волховского и Ленинградского фронтов в Рабочем посёлке № 1 после прорыва блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны» [Окороков, 2022, с. 8]. Далее в заметке Г. Окороков пишет: «Прорвать кольцо вокруг осаждённого города пытались и раньше, однако удачной оказалась только попытка *начала 1944 года*, когда с Ораниенбаумского плацдарма удалось выйти во фланг и тыл немецкой группировки» [Окороков, 2022, с. 8]. Здесь снова подчеркнём, что это случилось в январе 1943, а не 1944 года. Что же касается 1944 года, то это – дата не **прорыва** блокады (чему посвящена заметка), а полного её **снятия** (27 января 1944 г.).

Находим в СМИ и другие примеры ошибочно датированных событий:

«Александр Галич (1908–1977) – сценарист, драматург, автор-исполнитель песен» [Дни Рождения (рубрика), 2018, с. 16]. Правильный год рождения А.А. Галича – 1918!

«Только за 9 месяцев 2019 года Банк России обнаружил 134 финансовых пирамиды» [Кривошапка, 2018, с. 4]. Опечатка: речь здесь идёт о 9 месяцах 2018 года.

Между первым и последними приведёнными в работе примерами – отрезок истории, составляющий 300 лет (1722–2022). Как видим, ошибочная датировка самого печатного издания или событий, изложенных в нём, остаётся актуальной проблемой.

Заключение

Средства массовой информации играют особую роль в жизни и деятельности общества. Периодичность выхода той или иной газеты зависит от самых разных факторов. Это и основная цель издания, и та читательская аудитория, на которую оно направлено, и место издания. Однако независимо от периодичности выхода, будь то ежедневная газета или выходящая всего дважды в месяц, «числовые» неувязки, ошибки, несоответствия закономерно появляются, как видим, в любую эпоху. Даты, обозначенные словами (а не цифрами), нередко бывают представлены в некорректных падежных формах. Даты, представленным цифровым способом, также нередко бывают проставлены ошибочно либо вовсе отсутствуют. Отсутствие датировки или ошибочная датировка обусловлены, как правило, «человеческим фактором». Исключения могут составлять нелегальные газеты революционных лет (в ГА РФ такие газеты занимают целый раздел хранения), в которых даты не проставлялись издателями из соображений конспирации.

Список источников ¹

Ведомости, 1722, 30 декабря. Б/№.

Вологодские губернские ведомости, 1916, 22 апреля, № 17.

Галичанин, 1896, 23 июля, № 163.

¹ Указанные в списке дореволюционные газеты находятся в архивохранилище НБ ГА РФ, в настоящее время – в процессе обработки и упорядочения. Картотечные реквизиты на момент написания статьи – не присвоены.

- Голос, 1876, 1 января, № 1.
Голос, 1877, 1 января, № 1.
Голос народа, 1912, 16 ноября, № 46.
Дни Рождения (рубрика). 2018. Московский комсомолец, 19–25 октября, № 229.
Евпаторийские новости, 1915, 14 апреля, № 1007.
Кривошапко Ю. 2018. Надежда и авось. Российская газета, 6 ноября, № 248.
Окороков Г. 2022. Красноармейцы разорвали железное кольцо блокады. Вечерняя Москва, 18 января, № 7.
Солдатская жизнь. 1906. Воен.-рев. орган обл. ком. сев.-зап. союза РСДРП, 12 июня, № 7.
Старообрядецъ. 1878–1879. Газ. церк.-науч.-нравств. и экон. Под ред. Л. Стадниченко. Коломыя, Инокъ Никола Чернышевъ, (Тип. Михаила Белоуса в Коломые).
Степь. Б/года (год установлен по текстовым данным: 1912), 29 октября, № 747.

Список литературы

- Антонова В.И. 2006. Трансформации типологической и жанровой систем в современной журналистике (по материалам печатных изданий Поволжского региона). Дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 248 с.
Бережной А.Ф. 1997. История отечественной журналистики (конец XIX начало – XX века): Материалы и документы. СПб., 256 с.
Короchenский А.П. 2012. Журналистика после СССР: два десятилетия обретений и утрат. В кн.: Журналистика постсоветских республик: 20 лет спустя. Сборник трудов международной научно-практической конференции, 24-27 сентября 2012, Белгород. Под ред. А.П. Короченского, М.Ю. Казак. Белгород, КОНСТАНТА: 7-11.
Круглов В.М. 2017. «Ведомости» эпохи Петра I как источник по истории русского литературного языка. Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки, 2 (87): 118–128.
Лысакова И.П. 1984. Социолингвистический анализ газеты. Дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 415 с.
Пугачёв В.В. 2004. Уфимская книжность, эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела. Дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 278 с.
Ястребов-Пестрицкий М.С. 2018а. Особенности лексического и стилистического строя газетного текста дореволюционного периода. В кн.: Сборник научных трудов Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. № 7. Посвящается 70-летию известного учёного, видного общественного и государственного деятеля Чеченской Республики Бугаева Абдулы Махмудовича. Грозный: 791-820.
Ястребов-Пестрицкий М.С. 2018б. Филологические знания: применение в архивной работе. Архивные материалы как объект лингвистического и литературоведческого исследования. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук, 4 (77): 82 – 94.

References

- Antonova V.I. 2006. Transformatsii tipologicheskoy i zhanrovoy sistem v sovremennoy zhurnalistike (po materialam pechatnykh izdaniy Povolzhskogo regiona) [Transformations of typological and genre systems in modern journalism (based on the materials of printed editions of the Volga region)]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Saransk, 248 p.
Berezhnoy A.F. 1997. The history of Russian journalism (late XIX – early XX century): Materials and documents. St. Petersburg, 256 p.
Korochenskiy A.P. 2012. Zhurnalistika posle SSSR: dva desyatiletiya obreteniy i utrat [Journalism after the USSR: two decades of gains and losses]. In: Journalism in Post-Soviet Republics: 20 Years After. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 24-27 sentyabrya 2012, Belgorod. Eds. A.P. Korochenskiy, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. KONSTANTA: 7-11.
Kruglov V.M. 2017. «“Vedomosti” Newspaper from the Era of Peter I as a Source of the History of the Russian Standard Language. Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences, 2 (87): 118–128 (in Russia).

- Lysakova I.P. 1984. Sotsiolingvisticheskiy analiz gazety [A sociolinguistic analysis of a newspaper]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Leningrad, 415 p.
- Pugachev V.V. 2004. Ufimskaya knizhnost', evolyutsiya gazetnogo, zhurnal'nogo, tipografskogo i knizhnogo dela [Ufa book culture, the evolution of newspaper, magazine, printing and book business]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Voronezh, 278 p.
- Yastrebov-Pestritskiy M.S. 2018a. Osobennosti leksicheskogo i stilisticheskogo stroya gazetnogo teksta dorevolyutsionnogo perioda [Features of the lexical and stylistic structure of the newspaper text of the pre-revolutionary period]. In: Sbornik nauchnykh trudov Akademii nauk Chechenskoj Respubliki i Kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Kh.I. Ibragimova RAN. № 7. Posvyashchaetsya 70-letiyu izvestnogo uchenogo, vidnogo obshchestvennogo i gosudarstvennogo deyatelya Chechenskoj Respubliki Bugaeva Abduly Makhmudovicha. Groznyy: 791-820.
- Yastrebov-Pestritskiy M.S. 2018b. Philological knowledge: application in archival work. Archival materials as an object of linguistic and critical literary research. Bulletin of the Tajik state University of law, business and politics. Series of humanitarian Sciences, 4 (77): 82 – 94 (in Tajikistan).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.04.2022

Received April 13, 2022

Поступила после рецензирования 16.05.2022

Revised May 16, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий специалист Научной библиотеки Госархива РФ (НБ ГАРФ), г. Москва, Россия

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky, PhD in Philology, Leading Specialist of the Scientific Library of the State Archives of the Russian Federation (NB GARF), Moscow, Russia

Полонский Андрей Васильевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Andrey V. Polonskiy, Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Journalism, National Research University "Belgorod University", Belgorod, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.147.091.31:908(477.61)«1991/4014»
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-246-255

Формы организации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины в 1991–2014 гг.: историко-педагогический аспект

Анпилогова Т.Ю.

Луганский государственный педагогический университет,
Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: dana-100@yandex.ru

Аннотация. В процессе формирования гражданско-патриотической позиции современной молодежи значимое место занимает историко-краеведческая деятельность. Опыт ее организации в системе общеобразовательных учреждений и организаций дополнительного образования является предметом изучения многих ученых и педагогов-практиков. При этом процесс осуществления данного вида деятельности в высшей школе до сих пор остается малоизученным. Цель статьи – проанализировать формы историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи в высших учебных заведениях Луганской области Украины в конце XX – начале XXI в. Автором выделены общегосударственные и региональные тенденции в развитии школьного и вузовского исторического образования; установлено, что в качестве основных видов деятельности по изучению истории родного края выступали усвоение теоретических знаний в ходе учебных занятий, научно-исследовательская работа, организация культурного досуга обучающихся.

Ключевые слова: формы историко-краеведческой деятельности, студенчество, высшая школа, археологические исследования, педагогическая практика, научно-исследовательская работа студентов

Для цитирования: Анпилогова Т.Ю. 2022. Формы организации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины в 1991–2014 гг.: историко-педагогический аспект. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 246–255. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-246-255

Forms of Organizing the Historical and Local History Activities of Student Youth in the Lugansk Region in 1991–2014: Historical and Pedagogical Aspect

Tatyana Y. Anpilogova

Luhansk State Pedagogical University
4/14 Defense St, Luhansk 91011, Luhansk People's Republic
E-mail: dana-100@yandex.ru

Annotation. In the process of formation of the civic-patriotic position of modern youth, historical and local history activities occupy a significant place. The experience of its organization in the system of general educational institutions and organizations of additional education is the subject of study by many

scientists and practitioners. At the same time, the process of implementing this type of activity in higher education is still poorly understood. The purpose of the article is to analyze the organization of local history activities of students in higher educational institutions of the Luhansk region of Ukraine in the late XX – early XXI century. The author singles out nationwide and regional trends in the development of school and university history education, and notes the contradictory nature of this process. The results of the study allow us to state that the main activities for studying the history of the native land were the assimilation of theoretical knowledge during training sessions, research work, and the organization of cultural leisure for university students.

Key words: student youth, Lugansk region, historical and local history activities, research work, cultural leisure

For citation: Anpilogova T.Y. 2021. Forms of Organizing the Historical and Local History Activities of Student Youth in the Lugansk Region in 1991–2014: Historical and Pedagogical Aspect. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (2): 246–255 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-246-255

Введение

Изменения геополитического характера, произошедшие в последние несколько лет, обусловили возникновение на карте Европы новых государств, в том числе признанных сегодня Российской Федерацией Луганской и Донецкой Народных Республик. Реалии, в которых началось формирование их образовательных систем, нацеленных на интеграцию в российское образовательное пространство, повлекли за собой необходимость смены образовательной парадигмы, пересмотра содержания гуманитарного образования, создания системы гражданско-патриотического воспитания, основанной на идее развития этнорегионального самосознания молодежи и интериоризации культурных ценностей Русского мира. Успех внедрения новой педагогической парадигмы в системе высшей школы требует анализа существующего исторического опыта, как советского, так и постсоветского периода, сравнения форм и методов организации разных видов деятельности студенчества. Одним из наиболее актуальных сегодня видов активности студенческой молодежи является историко-краеведческая работа, способствующая формированию и развитию гражданско-патриотической позиции.

В связи с этим целью статьи был определен анализ опыта организации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины в постсоветский период до момента провозглашения Луганской Народной Республики (с 1991 по 2014 г.).

Предпосылки развития историко-краеведческой деятельности студенчества Луганщины в конце XX – начале XXI вв.

С распадом Советского Союза и провозглашением государственной независимости союзными республиками произошли и кардинальные изменения в системе отечественного образования. Они привели к установлению в Украине, в состав которой входила Луганская область, новой педагогической парадигмы, нацеленной на приоритетность формирования у школьников и студенческой молодежи национального самосознания. Это повлияло и на процесс осуществления студенчеством Луганщины историко-краеведческой деятельности, активно пропагандируемой в советский период и являвшейся серьезной движущей силой в процессе формирования регионального (краевого) самосознания обучающихся. Вследствие произошедших трансформаций она стала объектом воздействия противоречивых тенденций. С одной стороны, в 1990-е гг. произошло оживление краеведческого движения в стране (исключение составляла Луганская область): увеличение на рынке книжной продукции удельного веса изданий краеведческого характера; приобщение студентов к краеведческой работе общественных организаций; обращение педагогов

высших учебных заведений к исследованию научных проблем, посвященных региональным аспектам, что явилось стимулом для развития историко-краеведческой активности молодежи. С другой стороны, принятие концепции национального образования, обусловившей новые цели, содержание и методы образовательного процесса, проблемы материального характера в сфере образования и культуры, игнорирование чиновниками на местах многих проблем краеведческого характера не способствовали деятельности студентов по изучению родного края.

Формы организации историко-краеведческой работы студенчества

Анализ процесса историко-краеведческой работы студенчества шести вузов Луганской области в 1991–2014 гг. позволяет выделить несколько форм ее организации в процессе учебной и внеучебной деятельности.

В качестве первой формы данного вида работы следует рассматривать теоретическое изучение регионального компонента в процессе освоения дисциплины «История Украины», входящей в блок обязательных дисциплин учебных планов всех специальностей и форм обучения. На освоение курса отводилось 108 часов (28 часов лекций, 8 часов практических занятий, 72 часа самостоятельной работы) [Божко, 2012, с. 2]. При этом программа дисциплины разрабатывалась индивидуально каждым из реализующих ее преподавателей – типовой программы в рамках государства не существовало. Это давало педагогам возможность самостоятельно формировать перечень тем, выносимых на лекционные и практические занятия. Анализ учебно-методической документации показывает, что на изучение истории Луганщины в контексте истории Украины большинством педагогов, преподающих дисциплину, не отводилось ни одного занятия. И если учебные планы исторических специальностей включали курсы краеведческой направленности, то студенты неисторических направлений фактически были лишены возможности получать знания по истории родного края в ходе освоения основной образовательной программы.

В рамках освоения образовательно-профессиональных программ исторических специальностей, реализовывавшихся со второй половины 1990-х гг. в двух вузах Луганщины – Луганском государственном педагогическом институте и Восточноукраинском национальном университете имени Владимира Даля – в учебные планы были введены дисциплины «Этнография Украины», «Краеведение», «Вспомогательные исторические дисциплины» и др., включавшие региональный компонент. Для отдельных специальностей (например, «История», «Социальная работа») читался курс «Этнография» в общем объеме 72 часа (20 часов лекционных занятий, 8 – практических, 44 – самостоятельная работа) [Намдаров, 2009, с. 2]. Освоение материала дисциплины позволяло не только получать теоретические знания, но и совершенствовать навыки краеведческой деятельности – работы с исторической и географической картой, поиска и систематизации фольклора. Еще одной дисциплиной учебного плана направления подготовки «История», включавшей краеведческий компонент, был курс «Археология», рассчитанный на 108 часов, из которых 20 составляли лекционные занятия, 20 – практические, 68 – самостоятельная работа студентов [Навчальний план..., 2001, л. 2].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в учебный план студентов исторического факультета Луганского государственного педагогического университета имени Тараса Шевченко входили дисциплины «Историческое краеведение», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Историческая география и краеведение».

Курс «Историческое краеведение» был рассчитан на 108 часов и включал 20 часов лекций, 16 часов семинарских занятий, 68 часов самостоятельной работы [Намдаров, 2002, с. 217; Намдаров, 2009, с. 3]. В рамках этого курса изучались проблемы практического характера: «Истоки и зарождение исторического краеведения», «Литература и источники в историко-краеведческих исследованиях», «Методика историко-краеведческих исследований», «Памятники архитектуры и изобразительного искусства в локальной ис-

тории», «Музей – одна из основных форм собирания, систематизации и хранения краеведческих материалов» и др. Освоение тем курса помогло студентам составить представление о формах и методах краеведческой работы, освоить в теории некоторые из них.

В учебный план специальности 030301 «История», реализуемом в Восточноукраинском национальном университете имени Владимира Даля в начале 2000-х гг., помимо дисциплины «Историческое краеведение» (общий объем – 162 часа, в том числе 56 часов – аудиторной работы), входил ряд дисциплин краеведческого характера: «Специальные исторические дисциплины», «Методика полевой археологии», «Основы архивоведения», археологическая практика продолжительностью три недели [Учебный план ..., 2001, л. 48]. Краеведческие дисциплины («Археология», «Специальные исторические дисциплины») были включены и в учебный план магистратуры по специальности 8.030303 «Архивоведение» [Учебный план..., 2001, л. 60–64].

Значимое место в учебном процессе занимала самостоятельная работа студентов, формы которой со временем стали разнообразнее, а арсенал – шире. Различные формы ее организации имели значительный потенциал для развития историко-краеведческой работы студентов в ходе учебной деятельности, однако дефицит краеведческого материала в содержании учебных планов обязательной дисциплины «История Украины» свидетельствует об отдаче педагогами исторических кафедр приоритета изучению проблем становления и развития украинской государственности в ущерб региональной проблематике.

Еще одной формой историко-краеведческой работы, реализуемой в процессе обучения, было написание курсовых и дипломных работ студентами исторического направления. С целью улучшения организации научно-исследовательской деятельности, формирования самостоятельного мышления студентов исторической специальности в 1993 г. преподавателями исторического факультета ЛГПИ им. Т.Г. Шевченко были подготовлены и изданы методические рекомендации по выполнению курсовых, дипломных, магистерских работ. В издании были последовательно описаны обязательные этапы подготовительной работы по написанию курсовых и дипломных проектов, излагались основные требования к содержанию основных композиционно-логических частей исследования и оформлению работ, список рекомендованной литературы.

В то же время, несмотря на особое внимание, уделяемое педагогами вузов учебно-методическому обеспечению реализации такого вида учебной деятельности студентов-историков, как написание курсовых и квалификационных выпускных работ, количество работ по краеведческой проблематике в 1990–2000-е гг. оставалось крайне низким. Более широко региональная тематика была представлена в перечне тем магистерских работ, которые формулировались для каждого магистранта индивидуально и имели штучный характер. Так, с 2001 по 2012 г. при кафедре истории Украины ЛНУ имени Тараса Шевченко было утверждено 25 тем по истории Луганщины [Архив тем ..., 2022]. В процессе проведения исследований студенты совершенствовали навыки использования научной литературы и первоисточников, общенаучных и конкретно исторических методов научного исследования (систематизации, анализа и обобщения найденного материала, сравнения, дедукции и индукции, исторического и диалектического методов и др.), составления библиографического списка, историографии и источниковой базы исследования.

Отдельной формой учебной деятельности студентов, в ходе которой реализовывалась историко-краеведческая деятельность студентов, продолжала оставаться учебная и производственная практика. Ее основными видами являлись архивная и археологическая практика.

Базой архивной практики студентов ряда специальностей всех вузов выступали Государственный архив Луганской области, Луганский областной краеведческий музей, архивы университетов. Студенты-практиканты не только осваивали навыки научно-технической обработки документов, учета архивных фондов, комплектования архива, организации работы с документами на специальных носителях, но и учились использовать

документы регионального характера, подбирали материал для будущих курсовых и дипломных работ.

Археологическая практика студентов вузов предполагала выезд в населенные пункты Луганской и других областей с целью проведения археологических исследований конкретного культурного слоя. Археологическая практика являлась частью учебного плана студентов специальности «История» двух луганских вузов – ЛНУ имени Тараса Шевченко и ВНУ имени Владимира Даля.

Для студентов неисторических специальностей трех луганских вузов участие в археологических экспедициях являлось частью досуговой деятельности в период летнего каникулярного периода. Так, в Восточноукраинском национальном университете имени Владимира Даля действовал археологический центр «Наследие» под руководством профессора С.Н. Санжарова, организовывавший масштабные поисковые работы на левобережье Северского Донца в пределах Кременского района для выявления и учета неизвестных объектов национального культурно-исторического наследия. Результатом его деятельности стало открытие десяти совершенно новых многослойных поселений с материалами древних культур от эпохи неолита до раннего Средневековья [Луганские студенты-археологи..., 2011].

Курсанты, студенты и преподаватели Луганского государственного университета внутренних дел имени Эдуарда Дидоренко в течение шестнадцати лет приобщались к археологической деятельности в рамках работы отряда «Скил» (руководитель М.Ф. Максимов), проводившего раскопки античного города-государства Ольвии, расположенного на берегу Южнобугского лимана Николаевской области [Студенты луганского..., 2011].

Масштабные раскопки ряда археологических памятников с. Давыдо-Никольское Краснодонского района, г. Зимогорье Славяносербского района, Десятинной церкви г. Киева и других проводились в 2000-е гг. студентами ЛНУ имени Тараса Шевченко под руководством заведующего Центром археологии и этнографии К.И. Красильникова [Археологи луганского..., 2012].

Производственная практика студентов педвуза была представлена педагогической практикой в школе. В течение практики они совершенствовали свои умения в качестве учителей-предметников и помощников класных руководителей. Произошедшие в системе школьного исторического образования изменения коснулись и студентов исторических специальностей педагогических институтов, учебными планами которых было предусмотрено обязательное прохождение педагогической (производственной) практики в школе.

В 1991 г. в пятых классах общеобразовательных школ был введен начальный (элементарный) курс истории Украины, являвшийся первым звеном школьного исторического образования. Данный курс, являвшийся пропедевтическим, давал пятиклассникам общие представления об отдельных явлениях и событиях в отечественной истории, способствовал их ознакомлению с историей родного края (села, города, района, области). В 1992/1993 уч. г. в пятых классах общеобразовательной школы был введен новый курс – «Родной край», предполагавший плавный переход к изучению курса географии. Идея развития школьного краеведения была поддержана на уровне многих областей Украины, о чем свидетельствует создание ряда региональных учебных, учебно-методических, наглядных изданий в помощь учителю. При этом следует отметить, что становление исторического краеведения в школах и вузах Луганской области шло намного медленнее, чем в других областях, включая соседнюю Донецкую.

В 1996 г. Министерством образования Украины была принята новая программа по истории Украины для 7–11 классов, а также экспериментальная программа по курсу «История Украины и родного края» для пятых классов [Про викладання..., 1996, с. 65]. Значительное место в содержании программ занимал региональный компонент, который при этом не был обеспечен методически. Только в 2012 г. в рамках реализации областной программы «Патриот Луганщины» началось издание учебных пособий для обучающихся об-

щеобразовательных учебных заведений «Мой родной край – Луганщина». Принятые в 2007 и 2011 гг. сроком на четыре года программы «Патриот Луганщины» предполагали реализацию комплекса мероприятий, направленных на формирование патриотических чувств и самосознания учащейся и студенческой молодежи региона [Областная программа..., 2006; Регіональна цільова ..., 2011]. До 2014 г. на территории Луганской области были изданы учебные пособия для 6-х, 7-х и 8-х классов, а также учебно-методическое пособие для учителей «Мой родной край – Луганщина» (6 класс). Материал учебников позволял ознакомить школьников с историей, культурой, природой родного края, а также сформировать у них навыки анализа исторической карты, использования в исследовательской деятельности разнообразных источников, реконструкции предметов повседневной жизни населения Луганщины различных исторических периодов и т.д. Помимо организации учебной деятельности школьников по изучению родного края, на уроках истории студенты-практиканты, выполняя функции классных руководителей, организовывали экскурсии в музеи области, участвовали в кружковой работе и создании школьных краеведческих музеев, проводили классные часы, посвященные разным аспектам истории Луганщины, помогали готовить научные доклады и презентации обучающихся на Дни (недели) науки, конкурс защит Малой академии наук.

Отдельным направлением активности студенческой молодежи, включавшим различные формы историко-краеведческой работы, была научно-исследовательская деятельность. Она реализовывалась в таких формах, как участие студентов в научно-практических конференциях, круглых столах, Днях науки и других мероприятиях, посвященных краеведческой тематике; написание научно-исследовательских работ на конкурсы; проведение научных исследований в рамках комплексных научных тем кафедр с последующей публикацией полученных результатов в сборниках научных статей, тезисов, материалов конференций; работа в научных кружках, обществах, научно-исследовательских группах, научных центрах и лабораториях. Популярным видом научно-исследовательской деятельности историко-краеведческого характера было участие в научных конкурсах – конкурсе на соискание премии имени Ковальских (ХНУ им. В.Н. Каразина), областном конкурсе на лучшую студенческую научно-исследовательскую работу по краеведению и Всеукраинском конкурсе научно-исследовательских работ студентов. На конкурсе студенческих научных работ на соискание премии им. Ковальских, проводившимся с 2000 г. в течение 17 лет, приоритет отдавался работам, посвященным украино-российским взаимоотношениям, восточным регионам Украины, украинской диаспоре в России, исследованиям по интеллектуальной истории, урбанистике, регионалистике.

Популярность у студентов ЛНУ имени Тараса Шевченко в 2000-е гг. получили занятия в Центре археологии и этнографии (руководитель К.И. Красильников), сформированном на базе археологической лаборатории. В 1985–1995 гг. ее сотрудниками осуществлялось выполнение хоздоговорных тем в зонах крупных строителей в Дагестане, Туркмении, Украине (Южно-Украинская АЭС), а также проведение археологических разведок Луганской области с целью сбора, учета и составления научной документации на археологические памятники для издания «Свода памятников истории и культуры Украины» (Луганская область) [Красильников, 1998, с. 63]. Лаборатория являлась базой проведения студенческих практик и научных конференций, на которых апробировались материалы их исследований. На значимость научно-исследовательской работы, проводившейся сотрудниками Центра археологии и этнографии и студентами-участниками археологических экспедиций, указывает тот факт, что тема «Объект национального достояния “Археолого-этнографические коллекции Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко”» с середины 2000-х гг. входила в число научно-исследовательских тем, финансируемых из государственных средств [Науково-дослідна..., 2008, с. 5].

Помимо центров, активно развивались студенческие научные общества и студенческие рабочие группы кафедр. Начиная с 1990-х гг. при кафедре педагогики и методики преподавания истории ЛГПУ им. Т.Г. Шевченко работали студенческие исследовательские группы по теме «Детское и юношеское движение на Луганщине» и «Реабилитированные историей (по материалам репрессий на Луганщине в 30-е гг.)» [Річний звіт..., 1996, л. 26, 31]. В 2012 г. при кафедре истории Украины ЛНУ имени Тараса Шевченко было создано кафедральное научное студенческое общество, предметом деятельности которого являлись проблемы истории и культуры Луганского края.

Ресурсы исторического краеведения, имевшие воспитательное значение, широко использовались не только во время осуществления образовательного процесса, но и в процессе организации культурного досуга студенчества. Его важную часть составляли туризм, спорт, творчество, работа в стройотрядах, волонтерство. Одним из наиболее активных центров организации краеведческого досуга студентов Луганщины стал экскурсионный кружок, организованный при кафедре туризма, гостиничного и ресторанного дела ЛНУ имени Тараса Шевченко. Под руководством преподавателей кафедры его студенты разрабатывали экскурсионные маршруты, способствуя приобщению к экскурсионно-туристической деятельности широких слоев населения. Активно взаимодействовали с музеями области студенты Краснодарского филиала инженерии и менеджмента ВНУ имени Владимира Даля.

Организация историко-краеведческой работы студентов в вузах Луганщины в 1990–2000-е гг. сопровождалась возникновением ряда проблем финансового, административного, учебно-методического характера. Так, анализируя недостатки краеведческой работы в своем докладе на Международной научной конференции, состоявшейся в Луганске в декабре 2001 г., ученый Г.М. Намдаров выдвинул несколько инициатив, направленных на устранение проблем в развитии историко-краеведческой деятельности вузов Луганщины. В частности, он отметил необходимость подготовки изданий «История городов и сел Луганщины» и «Энциклопедия Луганщины», восстановления в учебных планах исторических специальностей дневной формы обучения по дисциплине «История родного края», введение данного курса на всех специальностях других вузов области, открытие кафедры этнологии и краеведения, создание учебника и пособий по историческому краеведению, а также фундаментального банка краеведческой информации [Намдаров, 2002, с. 228].

Ряд проблем в организации историко-краеведческой работы ученых и студентов был охарактеризован в опубликованной в 2001 г. статье луганских ученых К.И. Красильникова и Е.К. Апареевой «Сохранять надо сегодня» [2001, с. 39]. «Анализ сложившейся ситуации в охране и использовании памятников археологии степного Подонцовья, – отмечали авторы статьи, – показывает чрезвычайно сложное положение дел. Бюджетные археологические учреждения из-за отсутствия средств прекратили исследовательские работы, новостроечные (хоздоговорные) экспедиции здесь в последний раз проводили раскопки в 1995 г. Предана забвению идея археологической инспекции по согласованию проектируемых строительных работ с археологами, забыто издание тома по Луганской области "Свод памятников истории и культуры Украины", практически остановлены все разведки» [Апареева, Красильников, 2001, с. 40]. Ученые подчеркивали, что в Луганской области археологические исследования проводятся спорадически за счет собственных средств и энтузиазма археологов.

Выводы

Таким образом, развитие историко-краеведческой деятельности на Луганщине в 1991–2014 гг. было неравномерным. Его инертность в течение первых двадцати лет становления украинской государственности была вызвана рядом причин: отсутствием финансирования, приоритетностью идеи воспитания национального самосознания в ущерб

этнорегиональному, дефицитом краеведческой учебной и научной литературы, местных краеведческих кадров и т.д.

Историко-краеведческая работа студенческой молодежи вузов Луганщины в 1990-х – начале 2010-х гг. организовывалась в рамках учебной и внеучебной работы. К основным формам учебной работы относились: изучение истории родного края и основ краеведческих исследований в ходе лекционных занятий, подготовки к практическим и семинарским занятиям, осуществления студентами неисторических специальностей самостоятельной работы, написания студентами исторических специальностей курсовых и выпускных квалификационных работ, прохождения ряда практик. В процессе внеучебной работы навыки историко-краеведческой деятельности студенты применяли в ходе осуществления научных исследований (участие в конкурсе научных работ, в Днях науки университетов, работе научных центров, обществ, кружков, лабораторий, творческих групп кафедр). Важное место занимала историко-краеведческая работа студентов во время организации и проведения культурно-досуговых и социально-воспитательных мероприятий (кураторские часы, экскурсии и т.д.).

Организации эффективной историко-краеведческой деятельности студентов в указанный период мешали такие факторы, как несовершенство учебных планов отдельных вузов; дефицит финансирования данного вида деятельности; недооценка руководством государства проблем, связанных с охраной историко-архитектурных памятников культуры; приоритет национального воспитания в ущерб формированию этнорегионального самосознания, порождающий диспропорцию среди различных видов деятельности студенческой молодежи.

Список источников

- Археологи луганского вуза во время раскопок нашли княжеские драгоценности. 25 июля 2012 г. Cxid.info. URL: https://cxid.info/98114_arхеologi-luganskogo-vuza-vo-vremya-raskopok-nashli-knyazheskie-dragocennosti.html (дата обращения: 26.12.2021).
- Архив тем курсовых и магистерских работ. 2022. Электронный архив кафедры истории Отечества ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Луганск, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Божко Г.І. 2012. Робоча програма навчальної дисципліни. Історія України. Луганськ, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 8 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Луганские студенты-археологи открыли 10 древних поселений. 23 августа 2011 г. Cxid.info. URL: https://cxid.info/86279_luganskіe-studenty-arхеologi-otkryli-drevnix-poselenii.html (Дата обращения: 25.12.2021).
- Навчальний план за 2001/2012 навч. рік 1 курсу спеціальності 6.020302 «Історія». 2001. Архив кафедры истории Отечества ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Луганск, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Намдаров Г.М. 2009. Робоча програма з етнографії. Луганськ, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 4 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Намдаров Г.М. 2009. Робоча програма з історичного краєзнавства. Луганськ, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 4 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Намдаров Г.М., Гупан Н.Н., Пометун Е.И., Афонин В.А. 1993. Методические рекомендации по выполнению курсовых и дипломных работ. Луганск, ЛГПУ им. Т.Г. Шевченко, 24 с.
- Областная программа «Патриот Луганщины». 2006. Решение Луганского областного совета от 24 ноября 2006 г. N 6/15 «Об утверждении областной программы "Патриот Луганщины"». URL: <https://ips.ligazakon.net/document/LU060331> (дата обращения: 20.12.21).
- Про викладання соціогуманітарних дисциплін у 1996/97 навчальному році. 02.07.96 №1/9-284. 1996. Освіта на Луганщині, 1: 65–66.
- Регіональна цільова програма «Патріот Луганщини» на 2011 – 2014 роки. Рішення обласної ради от 25 лютого 2011 р. N 3/12 «Регіональна цільова програма „Патріот Луганщини"» Луганск, 2011. URL: <https://nadoest.com/rishennya-oblasnoyi-radi---2011-r--regionalena-cileova-program> (дата обращения: 19.12.2021).

- Річний звіт з наукової роботи інституту за 1996 рік. 1996. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 2. Т. 2. Д. 2751.
- Студенты луганского вуза вернулись из 13 археологической экспедиции в Ольвию. 19 августа 2011 г. Cxid.info. URL: https://cxid.info/86208_studenty-luganskogo-vuza-vernulis-iz-arхеологической-ekспедиции-v-olviyu.html (дата обращения: 25.12.21).
- Учебный план 2001 г. специальности 030301 «История». Дневное отделение. 2001. Госархив ЛНР. Ф. Р-759. Оп. 2. Д. 3584.

Список литературы

- Апареева Е.К., Красильников К.И. 2001. Сохранять надо сегодня. У кн.: Матеріали науково-краєзнавчої конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження вченого-краєзнавця Павла Івановича Луцького, 23 травня 2001, Луганськ. Під ред. О.П. Фісуненко. Луганськ, Вид-во Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка: 39–42.
- Красильников К.И. 1998. Основные результаты деятельности научной лаборатории археологических исследований и краеведческой работы. Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, 10: 62–65.
- Намдаров Г.М. 2002. Роль історичного краєзнавства в дослідженні і пропаганді історії краю. У кн.: Матеріали Міжнар. наук. конф., присвяч. 280-річчю відкриття М. Вепрейським і С. Чирковим кам'яного вугілля у Донецькому басейні, 13–14 груд. 2001, Луганськ. Луганськ, Вид-во ЛДПУ ім. Т. Шевченка «Альма матер»: 215–230.
- Науково-дослідна робота ЛНПУ імені Тараса Шевченка за 2006 рік. Результати. Форми організації. Перспективи розвитку. Інформаційні матеріали до засідання вченої ради 27 січня 2006 р. 2008. Під ред. В.С. Курило. Луганськ, ЛНПУ імені Тараса Шевченка, 34 с.

References

- Apareeva E.K., Krasil'nikov K.I. 2001. Sokhranyat' nado segodnya [It is necessary to save today]. In: Materiali naukovo-kraeznavchoї konferentsii, prisvyachenoї 100-richchyu vid dnya narodzhennya vchenogo-kraeznavtsya Pavla Ivanovicha Luts'kogo, 23 travnya 2001, Lugans'k, Ed. O.P. Fisunenکو. Lugans'k, Publ. Vid-vo Lugans'kogo derzhavnogo pedagoginogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka: 39–42.
- Krasil'nikov K.I. 1998. Osnovnye rezul'taty deyatel'nosti nauchnoy laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy i kraevedcheskoй raboty [The main results of the activities of the scientific laboratory of archaeological research and local history work]. Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University, 10: 62–65.
- Namdarov G.M. 2002. Rol' istorichnogo kraeznavstva v doslidzhenni i propagandi istorii krayu [The role of historical local lore in the study and promotion of the history of the region]. In: Materialy Mizhnar. nauk. konf., prisvyach. 280-richchyu vidkrittya M. Vepreys'kim i S. Chirkovim kam'yanogo vugillya u Donets'komu baseyni, 13–14 grud. 2001, Lugans'k. Lugans'k, Publ. Vid-vo LDPU im. T. Shevchenka «Al'ma mater»: 215–230.
- Naukovo-doslidna robota LNPU imeni Tarasa Shevchenko za 2006 rik. Rezul'tati. Formi organizatsii. Perspektivi rozvitku [Research work of Taras Shevchenko National Pedagogical University in 2006. Results. Forms of organization. Development prospects]. Informatsiyni materialy do zasidannya vchenoi radi 27 sichnya 2006 r. 2008. Pid red. V.S. Kurilo. Lugans'k, Publ. LNPU imeni Tarasa Shevchenka, 34 p.
- Pro vikladannya sotsiogumanitarnikh distsiplin u 1996/97 navchal'nomu rotsi. 02.07.96 №1/9-284 [On the teaching of socio-humanitarian disciplines in the 1996/97 academic year. 02.07.96 №1 / 9-284]. 1996. Osvita na Lugannshchini, 1: 65–66.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.04.2022

Поступила после рецензирования 05.05.2022

Принята к публикации 10.06.2022

Received April 13, 2022

Revised May 5, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анпилогова Татьяна Юрьевна, докторант кафедры педагогики, доцент, заведующий кафедры истории Отечества, Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Луганская Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Y. Anpilogova, doctoral student of the Department of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Fatherland, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Lugansk People's Republic

УДК 378:74.00:75.81
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-256-267

Особенности подготовки кадров в регионах Большого Алтая для индустрии туризма и гостеприимства

Биттер Н.В.¹, Дунец А.Н.¹, Лхагвасурен Ч.²

¹Алтайский государственный университет,
Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: valeolog@yandex.ru, dunets@mail.ru;

²Ховдский университет,
Монголия, Ховдский аймак, Джаргалант сум 84000
E-mail: hovd_lha157@yahoo.com

Аннотация. Страны Большого Алтая объединены не только территорией, но общей историей развития, историческими, культурными, образовательными отношениями. В настоящее время происходит развитие туризма в данном регионе, поэтому необходимы специалисты, обладающие профессиональными региональными компетенциями. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования, обобщающие опыт подготовки кадров в регионах Большого Алтая. Целью работы является определение ключевых региональных профессиональных компетенций для формирования модели подготовки кадров для индустрии гостеприимства и туризма в регионах Большого Алтая. Был проведен теоретический анализ программ подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства стран Большого Алтая, изучен и обобщен практический педагогический опыт по исследуемому вопросу. В результате исследования выделены следующие региональные компетенции образовательных программ по туризму и гостеприимству в регионах Большого Алтая: региональная рекреационная компетенция; компетенции в области географии; информационная компетенция в области региональных туристских ресурсов. Данные компетенции сгруппированы в модель профессиональных региональных компетенций выпускников по направлениям подготовки туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая. Определено содержание компетенций, направленных на формирования умений и навыков работы с региональными туристскими ресурсами, которые позволяют успешно справляться с решением региональных профессиональных задач в сфере туризма.

Ключевые слова: Большой Алтай, туризм, подготовка кадров, профессиональные компетенции

Благодарности: работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Для цитирования: Биттер Н.В., Дунец А.Н., Лхагвасурен Ч. 2022. Особенности подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(2): 256–267. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-256-267

Particularities of Personnel Training in the Regions of Grand Altai for the Tourism and Hospitality Industry

Natalia V. Bitter¹, Alexandr N. Dunets¹, Choijinjav Lhagvasuren²

Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russia
E-mail: valeolog@yandex.ru, dunets@mail.ru;

²Khovd University
84000 Jargalant soum, Khovd aimag, Mongolia
E-mail: hovd_lha157@yahoo.com

Abstract. The countries of the Greater Altai are united not only by territory, but by a common history of development, historical, cultural, educational relations. Currently, tourism is developing in this region,

new routes are being developed, therefore specialists with professional regional competencies are needed to work in the tourism industry in cross-border regions. Despite the numerous publications on this issue, there are practically no studies summarizing the experience of personnel training in the regions of the Greater Altai. The aim of the authors is to identify key regional professional competencies for the formation of a training model for the hospitality and tourism industry in the regions of the Greater Altai. The authors carried out a theoretical analysis of training programs for the tourism and hospitality industry of the Greater Altai countries, studied and summarized practical pedagogical experience on the issue under study. As a result of the study, the following regional competencies of educational programs on tourism and hospitality in the regions of the Greater Altai were identified: regional recreational competence; competence in the field of geography; information competence in the field of regional tourist resources. These competencies are grouped into a model of professional regional competencies of graduates in the areas of tourism and hospitality training in the regions of the Greater Altai. The content of these competencies is determined, which are aimed at the formation of skills and abilities to work with regional tourist resources, which make it possible to successfully cope with solving regional professional tasks in the field of tourism.

Keywords: Grand Altai, tourism, personnel training, professional competencies

Acknowledgements: The work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the development program of FSBEI HE "Altai State University" "Priority-2030".

For citation: Bitter N.V. Dunets A. N., Lhagvasuren Ch. 2022. Particularities of Personnel Training in the Regions of Grand Altai for the Tourism and Hospitality Industry. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 256–267 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-256-267

Введение

В современных условиях развития трансграничного сотрудничества стран Большого Алтая в рамках реализации проекта «Один пояс. Один путь», нацеленного на объединение законодателей, ученых, представителей бизнеса и общественных организаций сопредельных регионов России, Казахстана, Монголии и Китая, роста туризма в данных регионах встает вопрос формирования общих тенденций подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства [Один пояс, один путь].

Необходимость этого подтверждается рядом межгосударственных и внутригосударственных программ и стратегических проектов:

– Декларацией о развитии трансграничного сотрудничества в Алтайском регионе (подписана в 2004 году в городе Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан);

– Соглашением о развитии трансграничного туризма на Алтае на территориях России, Республики Казахстан, Монголии, Китая (2006 г.). Проект международной туристической программы «Золотое кольцо Алтая» (2006 г.).

На фоне этих тем большее значение приобретает развитие туризма в трансграничной зоне стран Большого Алтая. В настоящее время большое количество учебных заведений среднего и высшего звена регионов Большого Алтая осуществляют подготовку специалистов для данной отрасли, но, к сожалению, ни все они востребованы на рынке туристских услуг данных стран, так как нет обобщенной системы формирования общих профессиональных компетенций. Решение поставленной задачи невозможно без понимания того, какими ключевыми региональными компетенциями должен обладать специалист, чтобы быть востребованным на туристском рынке регионов Большого Алтая.

Проблема подготовки специалистов для сфер туризма и гостеприимства в данных регионах занимались Полевая М.В., Пирогова О.В., Иглин В.А., Очбадрах Н. и др. [Иглин, 2003; Полевая, 2009; Очбадрах, 2014; Пирогова 2018]. Данные ученые рассматривали подходы к формированию компетенций у специалистов данных сфер деятельности в одном из

регионов, но вопросы сравнительного анализа системы подготовки кадров для выявления перспектив сотрудничества в данном направлении в странах Большого Алтая не рассматривались.

Цель исследования – определение ключевых региональных профессиональных компетенций для формирования модели подготовки кадров для индустрии гостеприимства и туризма в регионах Большого Алтая

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является система подготовки кадров для индустрии гостеприимства и туризма в странах Большого Алтая.

В процессе работы использованы следующие методы: системно-структурный анализ, системно-интегративный подход, позволяющий рассматривать систему подготовки кадров как внутренне структурированное целостное явление, развивающееся во внутренних взаимосвязях и в связи с внешней средой.

Результаты и их обсуждение

В рамках нашего исследования был проведен анализ систем подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства стран Большого Алтая: Казахстана, Монголии, Китая, России. Нами были распределены дисциплины учебных планов направлений подготовки бакалавриат, магистратура «Туризм», «Сервис», «Гостиничное дело» по следующим блокам: социально-гуманитарному; экономико-правовому; географическому; профессиональный; региональный.

Специфики подготовки кадров в области туризма и гостеприимства в Казахстане

На систему образования *Казахстана* оказывают влияние внешние социальные и экономические факторы. В Республике Казахстан кадры для сфер туризма и гостеприимства готовят более 100 высших и средне-специальных учебных заведений, при этом большой процент занимают негосударственные образовательные учреждения. Довузовская профессиональная подготовка направлена на профориентацию школьников, которая осуществляется в основном за счет формирования профильных классов. Количество профильных вузов, средне-специальных учебных заведений по подготовке кадров индустрии гостеприимства и туризма растёт. В настоящее время существует проблема трудоустройства выпускников: профессиональную деятельность в отрасли продолжают осуществлять только около 44 % специалистов с начальной профессиональной подготовкой, что составляет около 10 % от спроса рынка труда, и их явно недостаточно [Исакова, 2007]. Несмотря на то, что более чем 50 вузов Казахстана ведут подготовку специалистов для индустрии туризма, наблюдается дефицит кадров в сфере туризма и гостеприимства. Данная проблема связана с недостаточным уровнем формирования профессиональных региональных компетенций, позволяющих выпускникам работать в сфере туризма в странах Большого Алтая. Отметим, что в настоящее время в Казахстане активно развивается сетевое обучение в условиях трансграничного сотрудничества [Абсалямова, Дунец, 2017].

Нами были проанализирован учебный план по направлению подготовки 6В11101 «Туризм». Студенты изучают следующие дисциплины по программе бакалавриата: введение в туризмологию и основы научных исследований; геоэкология; государственное регулирование развития туризма; государственное регулирование развития туризма; деловой английский язык для менеджеров по туризму; изучение туристского рынка; менеджмент туристских дестинаций; менеджмент туроперейтинга; основы краеведения и детско-юношеский туризм; планирование и организация туристского бизнеса; профессиональный английский язык в сфере услуг и гостеприимства; психология делового общения в

туризме и гостеприимстве; рекламно-информационная деятельность в туризме; религиозный туризм; системы бронирования и резервирования; страхование в туризме; техники и тактика активных видов туризма; транспортное обеспечение в туризме; туристические формы менеджмента; туристические экскурсионные объекты мира.

Присуждаемая степень – Бакалавр в области услуг по образовательной программе 6В11101 Туризм. По окончании обучения выпускники могут работать менеджерами в туристских фирмах; менеджерами в государственных и частных компаниях, занимающихся туристским бизнесом; руководителями рекламных служб предприятий туристской инфраструктуры; руководителями рекламных служб предприятий туристской инфраструктуры; руководителями различных служб туристской индустрии; руководителями культурно-развлекательных предприятий туристских центров [Исакова, 2007].

По программе магистратуры изучаются следующие дисциплины: ГИС-технологии в туризме; индустрия гостеприимства; кластеризация в туристской отрасли; современные исследования индустрии туризма; концепция туризма с основами экономики и географии; методика преподавания профильных дисциплин; основы научных исследований в сервисе и туризме; природно-архитектурные достопримечательности мира; концептуальные основы устойчивого развития; методология и методика туристско-географических исследований; основные направления экологического туризма; прогнозирование и планирование туристской деятельности; связи с общественностью в туризме.

Нами было проанализировано распределение изучаемых дисциплин по блокам: социально-гуманитарный – 9 %; экономико-правовой – 18 %; географический – 12 %; профессиональный – 45 %; региональный – 16 %. Это позволяет отметить, что в образовательных программах подготовки преобладает профессиональный блок дисциплин, который обеспечивает высокий уровень языковой подготовки. В программу входит организация участия обучающихся в учебно-ознакомительных турах, экскурсиях и турпоходах по Восточно-Казахстанской области, в том числе профессиональные образовательные туры, которые включают встречи с представителями туристического бизнеса, обучение (мастер-классы, семинары), практику и сертификацию; возможность для обучающихся участвовать в разработке новых туристских проектов и продуктов в рамках дипломных работ (проектов) и научно-исследовательской работы.

В результате анализа существующей системы подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства Казахстана выявлены противоречия между требованиями интегративной профессиональной подготовки специалистов индустрии туризма и существующими научными основами теории и методологии профессионального образования, наблюдается «оторванность» теоретической подготовки от формирования практических навыков работы в сфере туризма и сервиса. В этой связи необходимо усилить привлечение к учебному процессу ведущих специалистов по подготовке туристских кадров (кандидатов и докторов наук, специалистов-практиков – руководителей и специалистов предприятий индустрии туризма). Существует необходимость повышения уровня учебно-методического обеспечения реализации образовательных программ подготовки в области сервиса и туризма.

Специфики подготовки кадров в области туризма и гостеприимства в Монголии

Согласно закону «Об образовании» Монголии право учреждения учебных заведений предоставлено не только государству, но и органам местного самоуправления, общественным организациям и частным лицам, а также иностранным организациям и фондам. С начала 1990-х гг. в Монголии начал осуществляться переход высшего образования на кредитную систему [Цэдэв, Наваанзог, 2013]. В настоящее время в Монголии наблюдается снижение числа государственных и рост числа негосударственных вузов [Томских, 2011].

За последние десятилетия в Монголии открыты частные университеты, главным образом в Улан-Баторе, осуществляющие подготовку по многим направлениям подготовки.

Одним из старейших вузов Монголии является Монгольский Государственный Университет, открытый в 1942 году. В 1979 году был создан факультет Гуманитарных и социальных наук. Монгольский Государственный Университет играет ключевую роль в подготовке профессиональных кадров страны. В данном университете осуществляют подготовку по туризму. В Улан-Баторе открыты несколько филиалов российских ВУЗов. Ховдинский Государственный Университет с 2010 года проводит обучение студентов по специальности «Менежер по туризму». Основной целью данной программы является подготовка кадров для развития туризма в западном регионе стране, включая Большой Алтай.

Анализ учебных планов данных университетов позволил сделать вывод, что основной уклон делается на подготовку кадров с многосторонними знаниями именно туристской деятельности. Такие предметы, как планирования туризма, развитие регионального туризма, гостеприимство и гостиничный менеджмент, мировой туризм и предметы, нацеленные на разные виды туризма, широко рассматриваются в программе обучения и занимают треть всей профессиональной подготовки в ходе 4-годичного обучения. На формирование учебного плана оказывает влияние географическое положение региона. Отметим, что западный регион Монголии богат как природным, так и историко-культурным наследием. Предметы в блоках социально-гуманитарных и географических знаний широко охватывают историко-географические аспекты, необходимые будущим специалистам на месте работы. С 2015 года Ховдинский университет совместно с Японскими коллегами развивает программу 3+1, в рамках которой успешные студенты имеют возможность приобрести опыт практической деятельности за счет прохождения практики в туристских агентствах и гостиничных комплексах Японии. Реализация данной программы позволила подготовить специалистов по туризму, нацеленных на принятие туристов из Японии в регион.

Изменения монгольской системы образования вызвали ряд проблем, связанных с качеством образования, дисбалансом спроса и предложения на рынке труда и профессионального образования. В настоящее время наблюдается массовизация высшего образования, коммерциализация образовательной услуги, снижение роли государства, выделение для государства приоритетных направлений подготовки специалистов и т.д. [Очбадрах, 2014].

Проведенный анализ позволил выделить несколько модулей формирования учебных планов: общие основные курсы; основные профессиональные курсы; обязательные курсы. Рассмотрим более подробно наполнение данных модулей. В первый модуль включены общие дисциплины: природные науки; социальные науки; гуманитарные науки; гражданское образование; методология исследования и анализа; сферы речевых и письменных навыков; английский и другие языки; физическое воспитание и гигиена; основы управления операциями в случае стихийных бедствий. Данный модуль включает в себя ряд дисциплин: математику (линейная алгебра, (многомерная функция); общую химию; общую физику; общую геологию; общую биологию; современную физику; основы использования природы и космоса.

Придем к рассмотрению основных профессиональных курсов. Данный модуль включает в себя следующие блоки: дисциплины для обязательного обучения и дисциплины углубленного изучения в зависимости от профиля подготовки. Обязательными для изучения являются следующие профессиональные курсы: введение в туризм; мировой туризм; география Монголии; монгольский туризм; ответственный туризм; географическая информационная система; экономика туризма; маркетинг в сфере путешествий и отдыха; управление туристскими направлениями; управление туроператором; событийный туризм; методология исследования туризма; закон о туризме; туризм в особо охраняемых

природных территориях; приключенческий туризм; монгольская палеонтология; география отдыха; эко туризм; навыки гида-переводчика.

Второй блок включает в себя дисциплины по выбранному профилю подготовки. Рассмотрим данный блок на примере учебного плана подготовки по направлению «Туризм» Монгольского Государственного университета. Первый профиль подготовки «Историко-культурный туризм» включает в себя следующие дисциплины: культурное наследие, антропология туризма; городской туризм; монгольская культура и традиции; навыки гида-переводчика; региональное планирование туризма.

При обучении по профилю туризм студенты изучают следующие курсы: MICE туризм; организация спортивных и художественных мероприятий; стратегическое планирование туристических организаций; инновации в туризме и мультимедиа; управление человеческими ресурсами; управление проектом; поведенческая география. По окончании обучения студенты выполняют бакалаврскую исследовательскую работу. По окончании обучения выпускники имеют возможность продолжить обучение в магистратуре или работать на предприятиях туризма, гидами-экскурсоводами и т.д.

Соотношение распределения дисциплин по блокам: социально-гуманитарный – 20 %; экономико-правовой – 18 %; географический – 18 %; профессиональный – 30 %; региональный – 14 %. Представленные результаты позволяют нам сделать вывод, что в данных образовательных программах подготовки по направлению «Туризм» в Монголии большое внимание уделяется профессиональным дисциплинам, учитывается региональная специфика. Отметим, что в настоящее время в Монголии осуществляется подготовка кадров для сфер гостеприимства и туризма во многих высших учебных заведениях. Вместе с тем существует проблема недостаточной связи практического и академического обучения, вызванная рассогласованием спроса и предложения на рынке труда и профессионального образования.

Специфики подготовки кадров в области туризма и гостеприимства в Китае

Развитие туристского образования берет свое начало в 90-х гг. XX, в этот период при Китайской национальной туристской администрации была создана Ассоциация по туристскому образованию. При участии данной Ассоциации открыты новые туристские школы, колледжи, институты, а также отделения и факультеты в многопрофильных университетах, предлагающие различные образовательные программы и направления подготовки (например, «Менеджмент в туризме» «Туристские достопримечательности», «Бюро путешествий», «Отели», «Ресторанное дело и питание», «Туристские перевозки» и др.). Параллельно открываются отделения аспирантуры, докторантуры для научно-исследовательской и научно-педагогической подготовки специалистов высшей категории в области туризма и гостеприимства [Тенчурина, Лю, 2019].

С начала 2000-х гг. в КНР сложилась система подготовки кадров для туристской индустрии, включающая в себя три ступени: среднее профессиональное образование; высшее образование; послевузовское научно-исследовательское и научно-педагогическое образование. В настоящее время в Китае развивается дополнительное образование в туристской отрасли, которое реализуется в форме школ и отделений на базе отдельных образовательных учреждений, а также туристских компаний и фирм, на очной и дистанционной основе обучения и др. [Министерство образования..., 2010].

Нами был произведен анализ учебных планов образовательных программ по туризму (бакалавриат) в КНР. Проведенный анализ позволил нам отметить, что в новых образовательных программах по туризму, реализуемых в средних и высших учебных заведениях наблюдается явный перевес в пользу программ, связанных с менеджментом

(управлением) [Черников, 2014]. Учебные планы в основном включают следующие дисциплины: управление в туризме; основы туристского бизнеса, экскурсоведение, правовые основы в области туризма, городской туризм, управление турагентством, география китайского туризма, психология туризма, экономика туризма, английский язык в туризме, разговорный английский язык в туризме, бухгалтерский учет в туризме, социология туризма.

Также нами проведено распределение изучаемых дисциплин по блокам: социально-гуманитарный – 15 %; экономико-правовой – 20 %; географический – 3 %; профессиональный – 35 %; региональный – 25 %.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в КНР при подготовке кадров по туристским направлениям большое внимание уделяется профессиональной подготовке и региональному компоненту, углубленно изучаются дисциплины экономико-правовой направленности. Услуги образования в КНР оказываются туристскими училищами, колледжами, институтами и профессионально-техническими заведениями.

Образование подразделено на среднее образование в сфере туризма и высшее образование в туризме, которое может быть подразделено на обучение на предприятии, заочное образование и образование за рубежом [Тао, 1997; Zhang, Fan, 2005].

В настоящее время в Китае существуют проблемы в системе подготовки кадров для туристской индустрии, прежде всего это отсутствие единого плана профессионального образования. Развитие образования в сфере туризма и гостеприимства в Китае направлено на повышение качества обучения, в частности качества практической подготовки; на повышение уровня исследований различных типов туризма.

Специфики подготовки кадров в области туризма и гостеприимства в России

Подготовка специалистов для сферы туризма и гостеприимства в **России** осуществляется по программам бакалавриата и магистратуры: «Туризм», «Гостиничное дело», «Сервис». В настоящее время вузы самостоятельно определяют профили подготовки, разрабатывают основные профессиональные образовательные программы, учебные планы.

Приведем пример построения учебного плана по модульному принципу на примере Алтайского государственного университета. Блок 1: Обязательная часть дисциплин: Социально-гуманитарный модуль, Коммуникативно-деятельностный модуль, Общепрофессиональный модуль, Базовый Профессиональный модуль; Блок 2: Практика; Блок 3: Государственная итоговая аттестация. Мы можем отметить, что профессиональный модуль наполняется дисциплинами, которые вуз выбирает и формирует самостоятельно в зависимости от профиля подготовки.

Соотношение распределения дисциплин по блокам: социально-гуманитарный – 19 %; экономико-правовой – 14 %; географический – 10 %; профессиональный – 41 %; региональный – 16 %. Отметим, что в образовательных программах преобладают профессиональный и социально-гуманитарный блоки.

В последние годы произошли масштабные изменения во всей образовательной системе в Российской Федерации, многие филиалы вузов, частные вузы были закрыты, изменились требования к образовательным программам, что повлияло и на подготовку специалистов для сферы туризма [Иглин, 2003; Полевая, 2009; Пирогова 2018].

Обсуждение результатов

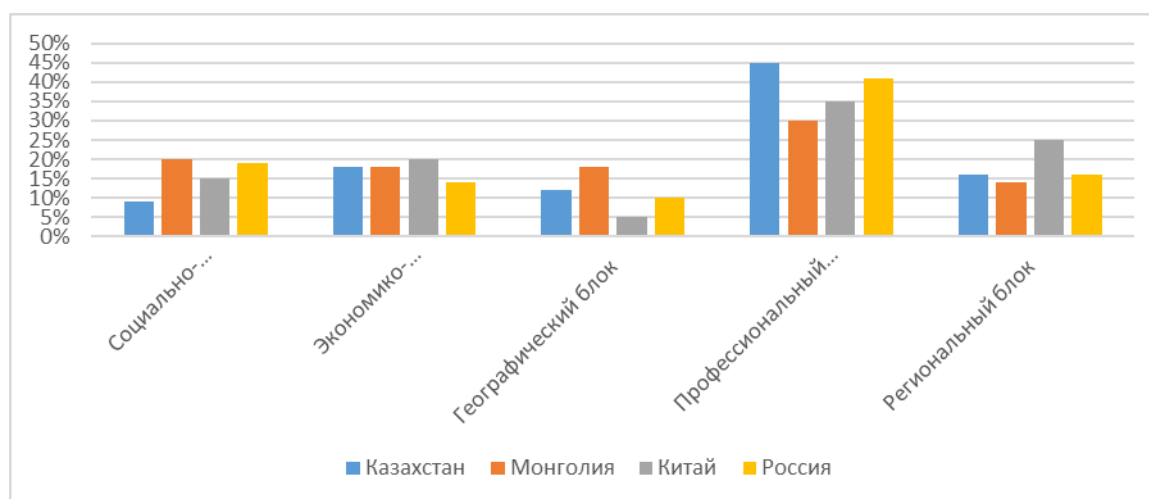
Подготовка кадров для индустрии гостеприимства и туризма в странах Большого Алтая имеет общие черты: подготовка осуществляется по смежным направлениям и уровням подготовки (табл. 1).

Таблица 1
 Table 1

Уровни и направления подготовки кадров
 для индустрии гостеприимства и туризма в странах Большого Алтая
 Levels and areas of training for the hospitality and tourism industry
 in the countries of Grand Altai

Страны Большого Алтая	Уровень образования	Направление подготовки
Казахстан	Бакалавриат Магистратура	Туризм, Гостиничное дело
Монголия	Бакалавриат Магистратура	Туризм
Китай	Бакалавриат Магистратура	Туризм
Россия	Бакалавриат Магистратура	Туризм, Гостиничное дело, Сервис

В результате анализа учебных планов по подготовке кадров для индустрии туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая мы распределили дисциплины на 5 блоков (см. рисунок).

Соотношение дисциплин по блокам (направление подготовки «Туризм») в регионах Большого Алтая
 The ratio of the disciplines distribution by topical units (field of study "Tourism") in the regions of the Greater Altai

Представленные на рис.1 результаты указывают на то, что при подготовке кадров для индустрии туризма и гостеприимства большое внимание в странах Большого Алтая уделяется профессиональному и региональному блоку дисциплин. Отметим, что профессиональный блок дисциплин преобладает в Казахстане и России, региональный – в Китае.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие региональные компетенции, формируемые в результате освоения образовательных программ по туризму и гостеприимству в регионах Большого Алтая: региональная рекреационная компетенция; компетенции в области географии; информационная компетенция в области региональных туристских ресурсов. Данные компетенции мы сгруппировали в модель профессиональ-

ных региональных компетенций [Биттер, 2021] выпускников по направлениям подготовки туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая.

На основе предложенной модели мы определили содержание компетенций, которые направлены на формирования умений и навыков работы с региональными туристскими ресурсами, позволяют успешно справляться с решением региональных профессиональных задач в сфере туризма (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Модель профессиональных региональных компетенций выпускников по направлениям подготовки туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая
 Professional regional competencies model of graduates in tourism and hospitality training programs of the regions of Grand Altai

Профессиональные региональные компетенции в сфере туризма	Отношение и характеристика профессиональной деятельности	Методы и средства формирования компетенций	Содержание профессиональных региональных компетенций
Региональная рекреационная компетенция	Характеризует подготовку выпускника к работе с рекреационными ресурсами определенного региона Большого Алтая при планировании и организации рекреационных туров	Формируется в цикле дисциплин учебного плана при изучении дисциплин географического и регионального блока и при прохождении практик и стажировок на туристских предприятиях.	Умение осуществлять организацию туров, маршрутов с учетом рекреационных особенностей региона; готовность к разработке и представлению рекреационного регионального продукта; готовность к организации и обеспечению качества рекреационного туризма
Компетенции в области географии	Обеспечивает подготовку будущего специалиста туристской отрасли, владеющего навыками по моделированию, проектированию туров, с учетом географической специфики региона.	Формируются в первую очередь при учении географического и социально-гуманитарного блока учебного плана, а также	Способность использовать при разработке туров базовых и профессиональных знаний в области географии региона
Информационная компетенция в области региональных туристских ресурсов	Обеспечивает привязку подготовки специалиста направлений туризм и гостеприимства в области информационных ресурсов с профессиональной подготовкой в области регионального туризма	Формируется в первую очередь циклом дисциплин экономико-правового и профессионального блока	Способность использовать новейшие информационные и коммуникационные технологии при проведении экскурсий и организации туров; готовность к разработке регионального туристского продукта с учетом современных информационных технологий

Итак, нами проанализирована система подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая, выявлены ключевые профессиональные региональные компетенции в подготовке кадров туристской сферы.

Сделанные автором выводы не противоречат результатам, полученным другими исследователями, но вместе с тем они обещают и расширяют предыдущие исследования. Следует отметить, что ряд исследователей Очбадрах Н., Полевая М.В., Тенчурина Л.З., Лю С и др. рассматривали подготовку кадров для индустрии туризма только в одном ре-

гионе Большого Алтая. Выявление ключевых региональных профессиональных компетенций подготовки кадров для всех стран Большого сделано впервые.

Заключение

При подготовке кадров для индустрии туризма и гостеприимства в странах Большого Алтая особое внимание уделяется профессиональному и региональному блоку дисциплин учебных планов.

В результате исследования выделены следующие региональные компетенции образовательных программ по туризму и гостеприимству в регионах Большого Алтая: региональная рекреационная компетенция; компетенции в области географии; информационная компетенция в области региональных туристских ресурсов.

Данные компетенции сгруппированы в модель профессиональных региональных компетенций выпускников по направлениям подготовки туризма и гостеприимства в регионах Большого Алтая. Определено содержание данных компетенций, которые направлены на формирования умений и навыков работы с региональными туристскими ресурсами, позволяют успешно справляться с решением региональных профессиональных задач в сфере туризма

Исследование впервые обозначило проблемы формирования модели основных региональных профессиональных компетенций подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства стран Большого Алтая. На наш взгляд, применение данной модели в подготовке кадров для туристской сферы будет способствовать повышению процента трудоустроенных выпускников в регионах Большого Алтая

Дополнительно в дальнейшем следует провести исследования по решению следующих проблем:

- разработка совместных программ сетевого обучения, которые позволяли бы одновременно зачислять студентов на совместную программу в вузы-партнеры, что позволяет выпускникам получить дипломы о высшем образовании в двух вузах;
- углубление интеграционных процессов в области образования и науки между вузами стран Большого Алтая;
- развитие института магистерских и докторских стажировок.

Список источников

- Министерство образования Китайской Народной Республики. Национальная среднесрочная и долгосрочная программа реформы в развитии образования на 2010–2020 гг. 2010. URL: http://www.moe.edu.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html (дата обращения: 15.02.2021)
- Один пояс, один путь. URL: https://rus.vidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=10752 (дата обращения: 17.05.2022).

Список литературы

- Абсалямова Г.А., Дунец А.Н. 2017. Трансграничное сотрудничество АлтГТУ с образовательными учреждениями Казахстана: тенденции и перспективы. В кн.: Экономика. Менеджмент. Сервис. Туризм. Культура (ЭМСТК-2017). Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Барнаул, Изд-во АлтГТУ: 145–147.
- Биттер Н.В. 2021. Формирование ключевых профессиональных региональных компетенций будущих специалистов сферы туризма и сервиса Алтайского края с точки зрения работодателей. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 10 (2 (35)): 42–46. DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0081.
- Иглин В.А. 2003. Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников организации в условиях рыночной экономики. *Трудовое право*, 12: 66–72.
- Исакова Т. 2007. Учись, студент. *Турбизнес*, 12: 11–13.

- Очбадрах Н. 2014 Особенности развития высшего образования в Монголии. *Современная педагогика*, 9 (22): 74–76. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/09/2704> (дата обращения: 17.01.2022).
- Пирогова О.В. 2018. Состояние подготовки кадров для сферы туризма в Российской Федерации. *Интерактивная наука*, 6 (28): 24–28. DOI: 10.21661/r-471825.
- Полевая М.В. 2009. Формирование профессиональных компетенций в процессе подготовки кадров индустрии туризма. *Научный вестник МГИИТ*, 2: 79–83.
- Тенчурина Л.З., Лю С. 2019. Индустрия туризма и подготовка туристских кадров в КНР: прошлое, настоящее, будущее. *Научный вестник МГИИТ*, 2 (58): 114–125.
- Томских А.А. 2011. Высшее профессиональное образование Монголии в мировых стратегиях развития. *Перспективы науки*, 9 (24): 7–13.
- Ушаков Д.В. 2019. Кадровые потребности Монголии по подготовке специалистов в России и профессиональные ориентации монгольской молодёжи. *Профессиональное образование в современном мире*, 9 (1) 2599–2609 DOI:10.15372/PEMW20190123.
- Цэдэв Наваанзог Х., Мунхбат Дашдоржийн. 2013. Высшее образование в Монголии. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 3: 51–62.
- Черников А.М. 2014. Подготовка кадров для сферы гостеприимства и туризма в Китае. *Вестник федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина"*, 4 (64): 66–69.
- Пирогова О.В. 2018. Состояние подготовки кадров для сферы туризма
- Тao Н. 1997. On the development stages of tourism education in China. *Tourism tribune*, Special Issue of Tourism Education: 6–9.
- Zhang W., Fan X. 2005. China. In: *An International Handbook of Tourism Education. Advances in Tourism Research*. Eds. by D. Airey, J. Tribe. London, Publ. Routledge: 149–161.

References

- Absalyamova G.A., Dunets A.N. 2017. Transgranichnoe sotrudnichestvo AltGTU s obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami Kazakhstana: tendentsii i perspektivy [Cross-border cooperation of AltSTU with educational institutions of Kazakhstan: trends and prospects]. In: *Ekonomika. Menedzhment. Servis. Turizm. Kul'tura (EMSTK-2017) [Economics. Management. Service. Tourism. Culture (EMSTC-2017)]. Materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sbornik statey*. Barnaul, Publ. Izd-vo AltGTU: 145–147.
- Bitter N.V. 2021. Formation of key regional professional competencies of future specialists in tourism and service of Altai krai from employers point of view. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 10 (2 (35)): 42–46 (in Russia). DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0081.
- Iglin V.A. 2003. Professional'naya podgotovka, perepodgotovka i povyshenie kvalifikatsii rabotnikov organizatsii v usloviyakh rynochnoy ekonomiki [Vocational training, retraining and advanced training of employees of the organization in a market economy]. *Trudovoe pravo*, 12: 66–72.
- Isakova T. 2007. Uchis', student [Study, student]. *Turbiznes*, 12: 11–13.
- Ochbadrakh N. 2014 Features of development of higher education in Mongolia. *Sovremennaya pedagogika*, 9 (22): 74–76. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/09/2704> (data obrashcheniya: 17.01.2022).
- Pirogova O.V. 2018. *Sostoyanie podgotovki kadrov dlya sfery turizma v Rossiyskoy Federatsii. Interactive science*, 6 (28): 24–28. DOI: 10.21661/r-471825.
- Polevaya M.V. 2009. Forming professional competencies in the tourism industry personnel training process. *Scientific Bulletin MSIT*, 2: 79–83 (in Russia).
- Tenchurina L.Z., Lyu S. 2019. Tourism industry and training of tourist personnel in china: past, present, future. *Scientific Bulletin MSIT*, 2 (58): 114–125 (in Russia).
- Tomskikh A.A. 2011. Higher professional education of Mongolia in the world strategies of development. *Science Prospects*, 9 (24): 7–13 (in Russia).
- Ushakov D.V. 2019. Staffing needs of Mongolia for training the spe-cialists in Russia and career guidance of mongoli-an youth. *Professional education in the modern world*, 9 (1) 2599–2609 (in Russia). DOI: 10.15372/PEMW20190123.

- Tsedev Navaanzog Kh., Munkhbat Dashdorzhiyn. 2013. Higher Education in Mongolia. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 3: 51–62 (in Russia).
- Chernikov A.M. 2014. Training for the hospitality and tourism in China. *Vestnik federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Moskovskiy gosudarstvennyy agroinzhenernyy universitet imeni V.P. Goryachkina"*, 4 (64): 66–69.
- Tao H. 1997. On the development stages of tourism education in China. *Tourism tribune, Special Issue of Tourism Education*: 6–9.
- Zhang W., Fan X. 2005. China. In: *An International Handbook of Tourism Education. Advances in Tourism Research*. Eds. by D. Airey, J. Tribe. London, Publ. Routledge: 149–161.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Received March 10, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Биттер Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой Рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Natalya V. Bitter, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia

Дунец Александр Николаевич, доктор географических наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Alexander N. Dunets, Doctor of Geography, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Altai State University, Barnaul, Russia

Лхагвасурен Чойцзинджав, профессор Ховдского университета, г. Ховд, Монголия

Choijinjav Lkhagvasuren, Professor, Khovd University, Khovd, Mongolia

УДК 81.33
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-268-276

Освоение технологий визуализации информации в процессе практической подготовки студентов-музеологов

Гриневич Л.А.

Алтайский государственный институт культуры,
Россия, 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277
E-mail: kuminoval@mail.ru

Аннотация. Формирующаяся в условиях развития цифровых технологий новая концепция современного музея требует от музейного специалиста готовности реализовывать основные направления деятельности музея в цифровой среде. Потребность работы в цифровой среде скорректировала задачи подготовки музеологов и нашла отражение в содержании общепрофессиональных компетенций. Возможность овладения востребованными практическими навыками работы с техниками визуализации информации как части цифровых технологий в музейной деятельности повышает мотивацию студентов к обучению. Несмотря на многочисленные исследования по теме визуализации информации, недостаточно представлен опыт внедрения технологий визуализации в музейную деятельность. Потребность в специалистах, способных разрабатывать визуальный контент, привела к открытию базовой кафедры на базе Государственного художественного музея Алтайского края. Взаимодействие с музеем позволило учесть новые требования в подготовке выпускника-музеолога. Цель исследования состоит в описании практического опыта обучения студентов-музеологов по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в рамках учебного курса «Информационные технологии в музейной деятельности» по разработке визуального контента с использованием сервисных инструментов сети Интернет. Сделан вывод, что овладение методами визуализации информации в процессе обучения способствует формированию конкурентоспособного специалиста в музейной деятельности.

Ключевые слова: цифровые технологии, визуализация информации, визуальный контент, интернет-пространство, лонгрид, инфографика, таймлайн, мультимедийные игры, квесты

Для цитирования: Гриневич Л.А. 2022. Освоение технологий визуализации информации в процессе практической подготовки студентов-музеологов. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 268–276. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-268-276

Mastering Information Visualization Technologies in the Process of Practical Training of Students of Museology

Larisa A. Grinevich

Altai State Institute of Culture
277 Yurina St, Barnaul 656055, Russia
E-mail: kuminoval@mail.ru

Abstract. The new concept of a modern museum, which is being formed in the context of the development of digital technologies, requires a museum specialist to be ready to implement the main directions of the museum's activities in the digital environment. The need to work in a digital environment has adjusted the tasks of training museologists and is reflected in the content of general professional competencies. The opportunity to master in-demand practical skills of working with information visualization techniques, as part of digital technologies in museum activities, increases the motivation of students to study. Despite numerous studies on the topic of information visualization, the

experience of introducing visualization technologies into museum activities is not sufficiently presented in the press. We also note the absence of publications reflecting the practical training of museology students in mastering information visualization methods used in the formation of the museum online space. The need at the regional level for specialists capable of developing visual content led to the opening of the basic department on the basis of the State Art Museum of the Altai Territory. Interaction with the museum made it possible to take into account new requirements in the training of a graduate museologist. The purpose of the study is to describe the practical experience of teaching museology students in the field of «Museology and protection of cultural and natural heritage objects» within the framework of the training course «Information technologies in museum activities» on the development of visual content using Internet service tools. It is concluded that mastering the methods of information visualization in the learning process contributes to the formation of a competitive specialist in museum activities.

Keywords: digital technologies, information visualization, visual content, internet space, longrid, infographics, timeline, multimedia games, quests

For citation: Grinevich L.A. 2022. Mastering Information Visualization Technologies in the Process of Practical Training of Students of Museology. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 268–276 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-268-276

Введение

Сегодня существует высокая потребность общества в музейных специалистах, владеющих современными цифровыми инструментами и сервисами, «современный музейный специалист должен владеть соответствующими технико-технологическими компетенциями, уметь реализовать основные направления деятельности музея в цифровой среде, обеспечить широкий спектр услуг для удаленных пользователей» [Гендина, 2021]. В сложившихся обстоятельствах (COVID-19) одной из первостепенных задач стала организация дистанционной формы работы музеев, которая через визуализацию контента продолжает формирование глобального культурного пространства, сохранение культурных традиций своего региона. Условия вынужденной изоляции во время борьбы с коронавирусной инфекцией, ограничения на посещение музеев стали своего рода толчком в принятии решения о работе музеев в новом формате. Сразу актуализировалась проблема недостатка специалистов, владеющих новыми информационными технологиями и сервисами, которые необходимы для популяризации и трансляции культурного и природного наследия региона в сети Интернет.

В 2018 году в Алтайском государственном институте культуры (АГИК) состоялся круглый стол, на котором обсуждался вопрос об открытии нового профиля в рамках направления подготовки «Музеология и охрана объектов природного и культурного наследия». Планировалось, что изучение предметов по новому профилю поможет будущим специалистам понимать место музеев в виртуальном пространстве; распознавать проблемы информационной безопасности в музейной деятельности; овладеть методами деятельности музеев по продвижению культурного наследия в электронной среде. На встрече присутствовали директора и ведущие специалисты музеев Алтайского края, которые высказались о дефиците специалистов, владеющих новыми информационно-коммуникационными технологиями, грамотных разработчиков визуального контента, привлекательного для посетителей музеев в сетевом пространстве.

Тему актуализирует и тот факт, что «современная аудитория ориентирована на интерактивность и персонализированный контент, что в свою очередь изменяет восприятие произведений искусства и способы их представления. Музеи стремятся разнообразить взаимодействие с посетителями, транслируют историко-культурное наследие в онлайн- и офлайн-режимах, используя технологии и высококвалифицированных специалистов в информационной сфере» [Шаховалова, 2021].

В процесс обучения студентов-музеологов была внедрена учебная дисциплина «Информационные технологии в музейной деятельности», целью которой является освоение основных подходов в изучении современных информационных технологий в музейной деятельности и формирование готовности их использования в профессиональной деятельности и исследовательской работе, а также в онлайн и офлайн пространстве с использованием цифровых и сквозных технологий.

Задачами курса были определены: освоение содержания основных понятий по дисциплине; определение направлений в развитии информатизации музейной среды в России с использованием сети Интернет и цифрового инструментария; изучение опыта внедрения информационных технологий в музейную практику, в том числе с использованием онлайн тренажеров и специализированных цифровых платформ.

В процессе освоения дисциплины, в рамках практических занятий, студент должен освоить техники визуализации информации и уметь использовать их для решения задач в профессиональной деятельности.

В процессе прохождения производственной практики на базе музеев Алтайского края в индивидуальное задание студентов было включено создание в музее визуального контента в виде разработки лонгридов и инфографики. В связи с этим в один из практических блоков дисциплины «Информационные технологии в музейной деятельности» посвящен визуализации информации.

Для обоснования необходимости формирования практических навыков в процессе обучения студентов-музеологов в условиях цифровизации в качестве объекта исследования определены методы визуальной информации, необходимые для презентации предметов культурного наследия в виртуальном пространстве [Пескова, 2012]. Сегодня для разработчика визуального контента доступен обширный набор инструментов для визуализации информации по созданию ленты времени, интеллект-карт, скрайбинга, инфографики, облака слов, интерактивных плакатов, кроссенса, кластера, презентации, лонгрида. Сам термин «визуализация информации» впервые был предложен в работе Робертсона, Гарда и Макинлея в конце 80-х годов прошлого века, чтобы описать представление абстрактной информации средствами визуального интерфейса [Пескова, 2012].

По мнению А.А. Вербицкого [1991], «технология визуализации учебной информации – это система, включающая в себя такие компоненты как: комплексные знания; визуальные способы их предъявления; визуально-технические средства передачи информации; набор психологических приемов использования и развития визуального мышления в процессе обучения». Опираясь на понимание процесса визуализации А.А. Вербицкого как процесса свертывания «мыслительных содержаний в наглядный образ» можно сказать, что использование средств визуализации учебной информации способствует активизации учебной и познавательной деятельности обучающегося, развивает навыки критического и визуального мышления.

Вслед за А.А. Вербицким, под технологией визуализации учебной информации Г.В. Лаврентьев и Н.Б. Лаврентьева понимают «не только знаковые, но и другие образы «визуализации», выступающие на первое место в зависимости от свойств изучаемого объекта. Это такие элементы, которые присутствуя в той или иной степени в зрительном образе, существенно влияют на восприятие и освоение обучающимися учебной информации» [Лаврентьев, 2002].

По мнению Н.Е. Эргановой, «Технология визуализации учебной информации – это система, включающая в себя такие компоненты как: комплексные знания; визуальные способы их предъявления; визуально-технические средства передачи информации; набор психологических приемов использования и развития визуального мышления в процессе обучения» [Эргановой, 2007].

К методам визуализации можно отнести рисунки, графики, диаграммы, фотографии, видео и др. В педагогике методы визуализации информации играют существенную роль,

так как способствует усвоению больших объемов информации, развивают критическое мышление, помогают обучающимся интегрировать новые знания и овладевать техниками визуализации информации.

Несмотря на многочисленные исследования по теме визуализации информации, в печати недостаточно представлен опыт внедрения технологий визуализации в музейную деятельность. Также отметим отсутствие публикаций, отражающих практическую подготовку студентов-музеологов в освоении методов визуализации информации, используемых в формировании музейного онлайн пространства.

Цель исследования состоит в описании практического опыта обучения студентов-музеологов по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в рамках учебного курса «Информационные технологии в музейной деятельности» по разработке визуального контента с использованием сервисных инструментов сети Интернет.

Поскольку анализ научных статей не дал практического результата, автором представлен опыт обучения студентов-музеологов техникам визуализации информации, в частности создания лонгрида и инфографики, который ориентирован на требования работодателей к будущим выпускникам, включающие умение раскрывать деятельность музеев по продвижению культурного наследия в электронной среде.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – визуализация информации как форма музейной работы с удаленными пользователями. Представлен практический опыт работы студентов очной формы обучения, направления подготовки «Музеология и охрана культурного и природного наследия», факультета социально-культурных и информационных технологий АГИК по дисциплине «Информационные технологии в музейной деятельности» (6-7 семестр).

В ходе исследования были применены следующие методы визуализации: рисунок, графика, диаграммы, фотография, видео, применительно к технике визуализации информации: инфографика, таймлайн, лонгрид.

Результаты практической работы

Сегодня современные музеи стремятся к созданию официальных сайтов и представительств в социальных сетях для реализации визуальных проектов. По статистике «в нашем регионе 90 музеев разного уровня, персональный сайт или страницу в сети Интернет имеет 56 музеев, что составляет 75 % от общего числа музеев (статистика 2020 года)»⁵.

В 2018 году Государственный художественный музей Алтайского края и Алтайский государственный институт культуры подписали договор о сотрудничестве. В этом же году на базе музея появилась базовая кафедра вуза. Такое сотрудничество способствует углубленной профессиональной подготовке бакалавров и магистров по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

Институт и музей расширили комплексное взаимодействие в образовательной, научной и инновационной сферах. Преподаватели института и сотрудники музея заинтересованы в совместной разработке учебных планов, проведении на базе музея учебных, производственных, преддипломных и иных практик для формирования профессиональных компетенций студентов». На практике студенты АГИК применяют навыки и умения работы с технологиями визуализации информации для сохранения культурного и природного наследия региона, полученные в рамках освоения учебной дисциплины «Информационные технологии в музейной деятельности».

---

⁵ Лисенкова Т.Б. 2020. Доклад «Основные итоги деятельности музеев Алтайского края за 2020 год». г. Барнаул. URL: http://www.culture22.ru/upload/iblock/c6f/Doklad_muzei.pdf

Важно, что студенты учатся самостоятельно вести поиск информации в сети Интернет, работать и дополнять свои проекты рисунками, графиками, видео, фотографиями и др. В рамках учебных занятий студенты изучают технику визуализации информации и учатся создавать визуальный информационный продукт. Один из популярных визуальных контентов – лонгрид, в переводе «длинный текст», является новым форматом подачи информации в сети Интернет. Создавая лонгрид, студенты учатся работать командой. Задание распределяется на несколько человек и каждый для себя определяет часть работы: 1) поиск информации об объекте и написание статьи; 2) подборка аудио-, видео-, фотоматериалов; 3) техническое сопровождение – работа над созданием лонгрида в известном онлайн конструкторе Tilda. На первом этапе создания лонгрида нужно выбрать тему и провести ее предварительное исследование. Начать надо с определения темы материала. Следует учесть, что не каждая тема может быть воплощена в формате лонгрида. Оценка визуального потенциала темы должна заключаться в поиске ответов на следующие вопросы: какие элементы могут быть воплощены в формате видео, что можно передать с помощью фотографий, где лучше использовать графику и анимацию. Если в теме отсутствуют яркие визуальные элементы, то можно вовсе отказаться от ее разработки в виде лонгрида (примеры студенческих работ на рис. 1 и 2).

Рис. 1. Сандро Боттичелли: жизнь и творчество живописца – <http://sandrobaticelly.tilda.ws/>
Fig. 1. Sandro Botticelli: the life and work of the painter

Рис. 2. Великий московский режиссер-педагог – Евгений Багратионович Вахтангов
<http://project5571434.tilda.ws/>
Fig. 2. The great Moscow director-teacher – Evgeny Bagrationovich Vakhtangov

Также на практических занятиях, студенты учатся создавать инфографику – визуальное представление любой информации или данных, иными словами – альтернативный способ передачи контента для облегчения его восприятия [Симакова, 2012]. Создавать инфографику можно используя онлайн инструменты: Venngage <https://ru.venngage.com/>. Easel.ly <https://www.easel.ly/>.

Инфографика способна лучше передать информацию для ее запоминания, чем передача простого текстового материала. На занятиях студенты разрабатывают проекты с помощью программы PowerPoint, визуализируют исторические события (с озвучкой), разрабатывают мультимедийные игры, квесты для проведения мероприятий в рамках прохождения учебной и производственной практики (рис. 3).

Одним из инструментов инфографики является таймлайн (рис. 4). Таймлайн (от англ. TimeLine – линия времени) – это инфографический инструмент, позволяющий создать разворачивающуюся во времени визуальную историю на основе событий и фактов, организованных в хронологическом порядке, и представить ее в виде временной оси. Если речь идет о таймлайне в интернет-СМИ, то он приобретает возможности обогащения временной шкалы с событиями/фактами за счет аудио-, видео-, фотоматериалов, гугл-карт, твитов, ссылок, пояснений и др. [Симакова, 2017]. Таймлайн считается наиболее подходящим для визуализации исторических событий и фактов, превращая историю не только в хронологический процесс, но и в увлекательное путешествие.

Рис. 3. Инфографика на тему «Первые люди»
Fig. 3. Infographic on the topic «First people»

Рис. 4. Эры и периоды жизни на земле
Fig. 4. Eras and periods of life on earth

В рамках исследования представлена незначительная часть работ, созданных студентами в рамках практических работ по изучению дисциплины «Информационные технологии в музейной деятельности». Представленные техники визуализации информации демонстрируют осознание обучающимися актуальности внедрения информационно-коммуникационных, цифровых технологий в сферу музейной деятельности.

Помимо общих и специальных знаний, работодатели сегодня ожидают от молодых специалистов еще и профессиональных навыков использования цифровых технологий, в том числе и визуализации информации. При этом в музейной сфере наблюдается недостаток практических знаний у выпускников. Причину этого видится в том, что зачастую музеи, работающие в условиях рыночной экономики, раньше вузов осваивают новейшие технологии.

Заключение

Из результатов проведенного исследования следует, что в условиях цифровизации экономики и общества в региональных музеях Алтайского края не так быстро этот процесс осуществляется. Как было сказано выше, из 90 музеев разного уровня, персональный сайт или страницу в сети Интернет имеет 56 музеев, что дает повод говорить о важности в подготовке новых кадров. Встреча с работодателями и создание базовой кафедры вуза на базе Государственного художественного музея Алтайского края, является важным шагом для понимания конкретных результатов в подготовке будущих выпускников вуза.

Сегодня музеи по-новому позиционируют экспозиции, музейные коллекции, что содействует расширению форм музейных коммуникаций, позволяет удерживать постоянную и привлекать новую аудиторию посетителей. Поводом для выхода в сетевое пространство и актуальностью популяризации музеев через визуализацию контента послужила пандемия, но это не значит, что все эти технологии не существовали и появились только два года назад. «Визуализация информации» термин, имеющий свою историю, но с популяризацией музеев в сетевом пространстве, приобрел новые формы.

В связи с нехваткой квалифицированных специалистов-музеологов, владеющих цифровыми технологиями, при разработке нового учебного плана по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» студентов бакалавров, по рекомендации работодателей были включены дисциплины, изучающие разные аспекты информационных технологий. Включенные в учебный план новые дисциплины, в том числе «Информационные технологии в музейной деятельности», позволяют студентам получить практические навыки по работе с новыми технологиями и соответствовать требованиям современного выпускника. При освоении учебной дисциплины «Информационные технологии в музейной деятельности», в выделенном блоке «визуализация информации» студенты изучают техники визуализации информации, создание визуального контента: лонгрида, инфографики, таймлайна и др. и размещение их в сетевом пространстве современного музея.

Практические навыки по разработке визуального контента позволяют студентам АГИК показывать высокий уровень подготовки в условиях прохождения производственной практики на базе музеев региона.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что сотрудничество кафедры «Музеологии и туризма» с работодателями позволяет учитывать требования к выпускникам-музеологам, которые по окончании обучения должны владеть новыми цифровыми технологиями для реализации стратегии развития музеев в Алтайском крае. Обучение техникам визуализации информации, разработке лонгридов и инфографики, таймлайнов, в рамках дисциплины «Информационные технологии в музейной деятельности», способствует формированию конкурентоспособного специалиста в информационной сфере.

Список литературы

- Агеева Г.М., Козлова Д.А., Куликова Н. Э. 2019. Парад лонгридов: о визуализации результатов студенческой научной деятельности. *Ogarev-online*, 13. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/parad-longridov-o-vizualizacii-rezultatov-studencheskoj-nauchnoj-deyatelnosti> (дата обращения: 27 марта 2022).
- Болина М.В., Шмидт Е.А. 2020. Использование визуализации в формировании профессиональной компетенции студентов. *Вестник Южно-уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 5(158): 25–35. DOI: 10.25588/CSPU.2020.158.5.002.
- Вербицкий А.А. 1991. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., Высш. шк., 207 с.
- Гендина Н.И., Косолапова Е.В., Родионова Д.Д., Рябцева Л.Н. 2021. Цифровизация музеев и необходимость формирования информационной культуры музеологов. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 43: 231–244. DOI: 10.17223/22220836/43/19.
- Гиниятова Е.В., Ройз Е.Е. 2013. Трансформация музейного пространства в условиях новых визуальных стратегий. *Известия Томского политехнического университета*, 322(6): 123–126.
- Глебова Л.Н., Платонова Ю.А. 2016. Мультимодальный образовательный текст массовых открытых онлайн-курсов (МООК): рекомендации по визуализации контента. *Научный диалог*, 10(58): 336–348.
- Горелов О.И., Горелова С.И., Третьяков А.Л. 2020. Развитие музея в цифровом пространстве: постановка проблемы. *Мир образования – образование в мире*, 1(77): 112–121.
- Крышталева М.К. 2015. Практики цифровой визуализации музея в web: на примере ГМЗ «Петергоф». *Вопросы музеологии*, 2(12): 107–114.
- Лисенкова Т.Б. 2020. Доклад «Основные итоги деятельности музеев Алтайского края за 2020 год». г. Барнаул. URL: http://www.culture22.ru/upload/iblock/c6f/Doklad_muzei.pdf
- Нефедьева К.В. 2013. Инфографика визуализация данных в аналитической деятельности. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 197: 89–93.
- Пескова О.В. 2012. О визуализации информации. *Вестник Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана*, 1: 158–173.
- Симакова С.И. 2012. Инфографика: визуализация цифрового контента. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 3(10): 219–226.
- Симакова С.И. 2015. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Филология и искусствоведение*, 5(360): 163–169.
- Симакова С.И. 2017. Инструменты визуализации информации в СМИ: таймлайн. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4: 207–216.
- Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н. 2021. Виртуальные выставки как актуальная форма музейной коммуникации. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 40(3): 358–367. DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-3-358-367.
- Шевченко В.Э. 2015. Визуальные коммуникации: тенденции форм и технологий передачи информации. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия: Филология и искусствоведение*, 5(360): 189–195.

References

- Ageeva G.M., Kozlova D.A., Kulikova N. E. 2019. Parade of longreads: visualization of student research projects. *Ogarev-online*, 13. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/parad-longridov-o-vizualizacii-rezultatov-studencheskoj-nauchnoj-deyatelnosti> (accessed: 27 marta 2022).
- Bolina M.V., Shmidt E.A. 2020. The use of visualization in the formation of professional competence of students. *The herald of South-Ural state humanities-pedagogical university*, 5(158): 25–35 (in Russia). DOI: 10.25588/CSPU.2020.158.5.002.
- Verbitsky A. A. 1991 Active education in higher school: a contextual approach. M., Higher School, 207 (in Russia).
- Gendina N.I., Kosolapova E.V., Rodionova D.D., Ryabtseva L.N. 2021. Digitalization of museums and the need to form an information culture of museologists. *Tomsk State University Journal of*

- Cultural Studies and Art History, 43: 231–244 (in Russia). DOI: 10.17223/22220836/43/19.
- Giniyatova E.V., Royz E.E. 2013. Transformation of museum space in new visual strategies. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 322 (6): 123–126(in Russia).
- Glebova L.N., Platonova Yu.A. 2016. Multimodal educational text of mass open online courses (MOOC): recommendations for content visualization. Scientific Dialogue, 10(58): 336–348 (in Russia).
- Gorelov O.I., Gorelova S.I., Tret'yakov A.L. 2020. Museum development in the digital space: problem statement. The world of education - education in the world, 1(77): 112–121 (in Russia).
- Kryshhtaleva M.K. 2015. Practices of museum digital visualization in web. The case of state museum-reserve "Peterhof" The Problems of Museology, 2(12): 107–114 (in Russia).
- Nefed'eva K.V. 2013. Infografikavizualizatsiyadannykh v analiticheskoydeyatelnosti [Infographics visualization of data in analytical activities]. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, 197: 89–93 (in Russia).
- Peskova O.V. 2012. About visualization of information. Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University, 1: 158–173 (in Russia).
- Simakova S.I. 2012. Infographics: visualization of digital content. Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 3(10): 219–226 (in Russia).
- Simakova S.I. 2015. The impact of new technologies on the visual content of journalistic materials. VestnikChelyabinskogogosudarstvennogopedagogicheskogouniversiteta. Seriya: Filologiya iiskusstvovedenie, 5(360): 163–169 (in Russia).
- Simakova S.I. 2017. Tools for information visualization in the media: timeline. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 4: 207–216 (in Russia).
- Shakhovalova E.G., Shakhovalov N.N. 2021. Virtual exhibitions as an actual form of museum communication. Questions of journalism, pedagogy, linguistics, 40(3): 358–367 (in Russia) DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-3-358-367.
- Shevchenko V.E. 2015. Visual communication: the trends of forms and technology of information transferring. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie, 5(360): 189–195 (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.04.2022

Received April 28, 2022

Поступила после рецензирования 2.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гриневиц Лариса Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотекovedения и информационных технологий, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Larisa A. Grinevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Library Science and Information Technology, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

УДК 316.621

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-277-288

Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций

Орлова Е.А.

Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18;

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49;

Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА»,
Россия, 143005, Московская область, г. Одинцово, ул. Говорова, д. 36

E-mail: pr-orlova@list.ru

Аннотация. В ходе реализации культурно-просветительских проектов сотрудники некоммерческой организации (НКО) «Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА» отметили снижение информированности молодежи об истории России и нарушения формирования структуры исторической памяти. Анализ исследований за последние пять лет показал, что интерес ученых к изучению процессов формирования исторической памяти молодежи исчез, при этом проблема ее формирования стоит сегодня остро как никогда. В связи с этим возникла необходимость изучения состояния исторической памяти молодежи столицы с целью поиска наиболее эффективных методов и каналов ее формирования. В работе представлен анализ некоторых результатов исследования общественного мнения, посвященного изучению элементов исторической памяти, источников получения информации о Великой Отечественной войне. Рассмотрен опыт внедрения комплексного культурно-образовательного проекта силами некоммерческой организации, направленного на возрождение и активизацию патриотического воспитания молодежи, формирование и укрепление исторической памяти и культурных ценностей. Выявлены наиболее оптимальные каналы воздействия и формирования исторической памяти молодежи (мероприятия, включающие визуализацию истории через живописные полотна, встречи с художниками, поэтами, ветеранами и военнослужащими). Результаты исследования, а также опыт реализации проектов НКО «Ассоциация «НИКА» могут стать основой для формирования программ патриотического воспитания в работе НКО, в школах и вузах.

Ключевые слова: некоммерческая организация, патриотическое воспитание, искусство, культура, историческая память, духовные ценности, Великая Отечественная война

Для цитирования: Орлова Е.А. 2022. Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(2): 277–288. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-277-288

The State of the Historical Memory of Youth and the Experience of Its Formation by Non-profit Organizations

Elena A. Orlova

Moscow Pedagogical State University

16-18 Verkhnyaya Radishchevskaya St, Moscow 109240, Russia;

Financial University Under the Government Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia;

National Association of Education, Science, Culture and Art "NIKA"

36 Govorova St, Odintsovo, Moscow region 36143005, Russia

E-mail: pr-orlova@list.ru

Abstract. During the implementation of cultural and educational projects, employees of the non-profit organization (NGO) "National Association of Education, Science, Culture and Art "NIKA" noted a decrease in

the awareness of young people about the history of Russia and violations of the formation of the structure of historical memory. An analysis of research over the past five years has shown that the interest of scientists in studying the processes of formation of the historical memory of young people has disappeared, while the problem of its formation is more acute today than ever. In this regard, it became necessary to study the state of the historical memory of the youth of the capital in order to find the most effective methods and channels for its formation. The paper presents an analysis of some results of public opinion research devoted to the study of elements of historical memory, sources of information about the Great Patriotic War, the most effective forms of information perception by young people for the formation and fixation of historical memory. The experience of implementing a comprehensive cultural and educational project by a non-profit organization aimed at reviving and activating patriotic education of young people, the formation and strengthening of historical memory and cultural values is considered. As a result of the research, the most optimal channels of influence and formation of the historical memory of young people have been identified, which can be used in the activities of a creative NGO for patriotic education (events including visualization of history through paintings, meetings with artists, poets, veterans and military personnel). The results obtained in the course of the study, as well as the experience of implementing projects of the NGO "Association "NIKA" can become the basis for the formation of patriotic education programs in the work of NGOs, in schools and universities.

Keywords: non-profit organization, patriotic education, art, culture, historical memory, spiritual values, the World War II

For citation: Orlova E.A. 2022. The State of the Historical Memory of Youth and the Experience of Its Formation by Non-profit Organizations. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 277–288 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-277-288

Введение

Современное общество, стремящееся успеть за техническим прогрессом, подвержено не только психологическим стрессам и, как следствие, изменениям моделей поведения, восприятия действительности, но и разрушению исторической памяти, постепенному вымыванию духовных ценностей. Экономические и политические изменения в России происходят быстро и часто скачкообразно, что также приводит к дезориентации граждан, потере опоры. Все эти тенденции нивелируют воспитательную функцию российской культуры и образования, отсюда и замедление, а часто и торможение формирования патриотизма среди всех слоев населения. Переключение внимания молодежи на мелкие проблемы, на незначительные, порой противоестественные, якобы культурные феномены, замещение истинных нравственных ценностей искусственно созданными – все это приводит буквально к размыванию работы по патриотическому воспитанию молодежи. С каждым днем все ярче проявляется заметная утрата российским обществом традиционно российского патриотического сознания.

Постоянное переписывание истории и выхолащивание информации из учебников, введение системы ЕГЭ, ориентированного на отработку механического заполнения теста вместо осмысления и понимания сущности исторических событий, вызвали значительное падение уровня знаний школьников и, как следствие, отсутствие знаний по истории России.

Государство прикладывает немалые усилия для патриотического воспитания российской молодежи. Так, в реализуемом на сегодняшний день под эгидой Минпросвещения федеральном проекте «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» ставится цель «Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций путем вовлечения к 2025 году 25% граждан Российской Федерации в систему патриотического воспитания»¹ [Паспорт федерального...,

¹ Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». 2021. URL: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota/ФП%20Патриотическое%20воспитание%20граждан_проект.pdf (дата обращения: 28.04.2022)

2021]. При подробном анализе программы видно, что основной упор сделан на государственные структуры и большая роль отводится школам, вузам, РДШ. При этом очень низка вовлеченность в процесс некоммерческих организаций (НКО), особенно культуроориентированных.

Обзор литературы

Большинство публикаций, направленных на раскрытие темы патриотизма, демонстрируют либо очень узкий подход, либо теоретизирование по теме, либо отчеты НКО о проделанной работе по военно-патриотическому и спортивно патриотическому воспитанию, в том числе младших школьников. Так же вызывает беспокойство отсутствие научного подхода к проблеме и анализа мнения молодых людей, их собственной оценки состояния исторической памяти общества и уровня патриотизма. Чаще всего предполагается, что молодых надо воспитывать, а мнение спрашивать у взрослых [Лютов, 2017; Кострина, 2018; Гатиятов, 2019; Полежаев, 2019; Касьянов, Чупрынников, 2020; Тюкина Л.А., 2020; Артамонов, 2021; Столбова, Цилицкий, 2021; Гринев, 2022].

А. И. Леопа, как многие исследователи, до 2014 года определяет историческую память как неотъемлемый элемент самопознания каждого из народов нашей и других стран, как часть народной души: «...в ней – выношенные в веках идеалы будущего. Интерес к истории всегда отражает потребность человека проникнуть в смысл бытия, и только такой путь ведет к человеку духовному» [Леопа, 2011, с. 26]. Ученый обращает внимание на то, «что историческую память нельзя понять и представить вне эмоциональной сферы жизнедеятельности человека» [Леопа, 2011, с. 58].

На основе результатов социологического исследования В.Э. Бойков делает вывод: «...Историческая память, являясь интеллектуальным и эмоциональным отражением событий минувших веков, обращена к опыту текущей жизни и будущему народа, страны и государства. Именно поэтому в совокупности представлений, оценок, настроений и других форм проявления общественной психики, связанных с восприятием отечественной и мировой истории, наблюдается широкое многообразие суждений. Это выражается, в частности, в особенностях понимания исторического прошлого и настоящего представителями разных возрастных групп» [Бойков, 2001, С. 45].

Отрадно, что в 2020–2022 стал возрождаться научный интерес к проблеме исторической памяти, но опять же она рассматривается в большинстве случаев в тесной связи с Великой Отечественной войной, не затрагивая иные исторические события.

Результаты междисциплинарного взгляда на историческую память и идентичность отражены в сборнике «Историческая память и российская идентичность» под ред. В.А. Тишкова и Е.А. Пивневой [Историческая память..., 2018] по итогам глобального исследования историко-филологических наук РАН. В статьях, вошедших в итоговый сборник участников программы, раскрываются механизмы и историческое развитие становления национальной идентичности у различных народов на разных исторических этапах. Однако больше внимания здесь все-таки уделено идентичности на различных этапах истории, нежели исторической памяти.

Волянский Н.П. в статье «Культурная память и историческая память: критический анализ» [2020, с. 26] выдвигает тезис о том, что культурная память является объективным механизмом функционирования и воспроизводства общественного целого и содержания концепта «историческая память». При этом автор публикации заявляет, что историческая память не имеет ничего общего с научным понятием, способным выражать глубинные свойства и характеристики объективных процессов. С его точки зрения, историческая память идеологизирована, выборочна, не объективна.

Как видим, в отношении концептов «историческая память» и «патриотизм» не сформировано единого мнения в научной среде, уделяется недостаточно внимания их изучению,

особенно в молодежной среде, несмотря на то, что сегодня государство направляет серьезные усилия именно на эту сторону воспитания детей, школьников и студентов.

Все эти тенденции свидетельствуют о том, что проблема изучения и коррекции формирования исторической памяти российской молодежи в свете стратегического изменения социальных настроений общественности стоит остро и как никогда актуальна.

Среди зарубежных ученых разных стран уделяется изучению исторической памяти и патриотизма несколько больше внимания и можно выделить фундаментальные работы.

Джеффри Бараш [Barash, 2020] связывает историческую память с коллективной, при этом он пишет о том, что два вида памяти существенно изменились с появлением новых технологий массовой коммуникации. Например, он обращает внимание на то, что технологии способны вносить изменения в фото- и видеоматериалы, из-за чего историческая память подвергается фальсификации, делает историю непрозрачной, что в свою очередь влияет и на развитие патриотизма у населения разных стран.

Австрийские и иные ученые трактуют историческую память через идентичность различных уровней. По их мнению, многие искусственные и неэффективные попытки построить национальную идентичность противостоят региональной идентичности в Австрии, которая основана на исторической памяти и имеет глубокие корни. Вольфрам Кайзер показывает трудную адаптацию Австрии к ЕС и значительны проблемы построения новой «европейской идентичности», лишенной исторической памяти и патриотизма [Bischof, Pelinka, 2017]. Аналогично трактуют понятие исторической памяти греческие ученые, но в данном случае он разделяю историческую память на реальную и воображаемую [Koulouri, 2022]. Сочетая классическую теорию с инновационными тематическими исследованиями, М. Ротберг рассматривает различные постколониальные «политики памяти», выделяя диаспорическую, травматическую и «разнонаправленную» память [Rotberg, 2009, P.112]. Многие авторы сборника «Cultural Memory: Reconfiguring History and Identity in the Postcolonial Pacific» обращаются к культурной и кросскультурной памяти, не отделяя ее от исторической [Mageo, 2001].

Маркус Шультце-Крафт [Schultze-Kraft, 2022] рассматривает взаимосвязь между мирным образованием, исторической памятью и повесткой дня поддержания мира через историческую память. Включение акцента на историческую память, не упуская из виду ее собственные подводные камни, в образование в области мира может помочь учащимся и преподавателям вплотную заняться достижением позитивных, поддерживающих мир изменений как на микро- (индивидуальном), так и на макро- (социальном и институциональном) уровнях.

Обзор отечественных и зарубежных источников показывает, что историческая память и патриотизм рассматриваются односторонне и оторвано от практики.

Таким образом, мы определили цель исследования – определение состояния исторической памяти молодежи города Москвы и выявление возможностей и роли некоммерческих организаций в воспитании патриотизма у школьников и студентов. Основные задачи исследования: анализ состояния исторической памяти студентов и школьников, поиск путей формирования и укрепления исторической памяти, патриотического воспитания молодежи, сохранения истории ВОВ, анализ опыта НКО по внедрению проектного подхода в сфере искусства и культуры для усиления патриотического воспитания и формирования исторической памяти у молодых людей, по сохранению истории ВОВ, поиск новых коммуникационных каналов с целевыми аудиториями проектов.

Материалы и методы исследования

В основу работы легли собственные исследования автора и анализ практического опыта реализации проектов, направленных на патриотическое воспитание и формирование исторической памяти детей, молодежи и взрослого населения Москвы, Московской, Калужской областей, сохранение истории Великой Отечественной войны. Были использо-

ваны следующие эмпирические методы исследования: вторичный анализ данных социологических исследований, анализ статистических данных. Метод сбора социологической информации: анкетирование, контент-анализ. Их применение обосновано поставленными в работе задачами.

Результаты исследования

В понятие «историческая память» мы вкладываем комплекс составляющих: события истории, образы исторических личностей, политиков и военных, патриотов, граждан нашей страны, героев мирного и военного времени, чья деятельность оказала влияние на ход истории.

В опросе, проведенном студентами МПГУ в ходе Медиадня в сентябре 2021 года на улицах Москвы, четко прослеживается отсутствие у детей и подростков знаний об истории и героях отечества. Так, на вопрос, кого из героев они могут назвать, дети и подростки в 90 % случаев называли человека-паука, Бэтмена. Иногда среди ответов проскальзывал вариант «папа» или «мама» («потому что они меня любят»), и только один юный респондент сказал, что считает героем своего дедушку, потому что он принимал участие в боевых действиях в ходе Великой отечественной войны. Этот простой пример наглядно показывает, что происходит разрушение системы патриотического воспитания, что в свою очередь приводит к постепенной утрате обществом патриотического сознания, нравственных и этических ориентиров. У каждого нового поколения снижается объем исторической памяти.

Еще один показательный пример демонстрируют результаты экспресс-опросов студентов гуманитарных направлений московских и региональных вузов и взрослого населения разных городов России¹. По результатам исследования не более 38 % молодых людей от 18 до 24 лет смогли дать ответ о точной дате начала ВОВ. Среди более взрослых респондентов данный показатель все-таки существенно выше и достигает 79 %. Рассказы о войне бабушек и дедушек, воевавших или работавших в тылу во время войны, припомнили только 30 % участников опроса. Только половина опрошенных смогли вспомнить, кто из их семьи воевал на фронте, выжил, погиб либо пропал без вести. По результатам данного опроса можно утверждать, что 56 % молодых респондентов в возрасте от 18 до 24 лет с уважением относятся к старшему поколению и истории Великой войны.

Результаты опроса показали, что не более 30 % молодых людей считают необходимым помнить о Великой Отечественной войне, а 20 % думают, что сейчас слишком много разных проблем и событий, чтобы сохранять память о том, что стало историей. И 10 % опрошенных считают, что самопожертвование и героизм – понятия, вышедшие «из моды», и они противоестественны для современной молодежи.

Однако, несмотря на вышеприведенные цифры, внимание и интерес молодых россиян к истории ВОВ и ее событиям постепенно развиваются, благодаря активной деятельности различных социальных и некоммерческих организаций, образовательных учреждений и государственных органов.

Как показано на рисунке, для студентов основным источником информации о ВОВ стали учителя и школьные учебники (более 70 %), советские художественные фильмы и рассказы родных (более 60 %). Среди самых ярких впечатлений респонденты отмечали посещения мест боевой славы, встречи с героями и ветеранами Великой Отечественной войны, посещения музеев и специальных тематических выставок. Практически все отметили, что большой интерес стали вызывать фильмы, раскрывающие отдельные эпизоды

¹ Опрос проводился силами студентов Финансового университета в период с 15 апреля по 30 апреля 2021 года по случайной квотной выборке с погрешностью 5 % на территории Москвы, Московской, Тульской, Челябинской, Калужской, Иркутской, Саратовской и Воронежской областей. В опросе приняло участие 565 респондентов: 350 молодых людей в возрасте от 17 до 24 лет и 215 респондентов в возрасте от 25 до 75 лет. Обработка и анализ данных производились в программе SPSS.

войны и ее историю в целом. Однако книги по данной тематике вспомнили немногие, что объясняется снижением читательской культуры населения и массовым переходом от бумажных носителей информации к электронным и, как следствие, «быстрому потреблению» информации.

Распределение ответов на вопрос «Что послужило для вас источником знаний о Великой Отечественной войне?» (в % от числа опрошенных)
 Distribution of answers to the question “What was your source of knowledge about the Great Patriotic War?” (in % of the number of respondents)

Таким образом, результаты опроса демонстрируют, что проблема возрождения исторической памяти, восстановления интереса к истории Великой Отечественной войны сейчас достаточно актуальна. Кроме того, большинство респондентов (75 %) утвердительно ответили на вопрос о том, возможно ли использовать историю Великой Отечественной войны, образы героев, феномен массового героизма как основу патриотического воспитания молодежи и конструирования исторической памяти. Против данного подхода в совокупности высказались 9 % респондентов. Незначительная часть респондентов (16 %) отразили в своих ответах неполную уверенность по данному вопросу.

Еще одно из направлений опроса было посвящено изучению наиболее эффективных форм подачи информации об исторических событиях. Так, наиболее эффективной формой получения информации респонденты считают демонстрацию изображений (картины, картинки) (66 %); текстовую информацию (60 %); видеозапись (56 %). Значительно отстали по эффективности наглядные пособия, которые можно брать в руки (буклеты, книги, альбомы, артефакты), экспериментировать с ними – всего 30 % респондентов отметили этот пункт. На последнем месте находятся непосредственный рассказ (38 %) и аудиозапись (10 %). Оба варианта – форма аудиоинформации. При этом живое общение, по мнению респондентов, намного лучше воспринимается, нежели обезличенный звук (записанный голос, аудиогид).

С учетом того, что наиболее эффективным вариантом усвоения информации для молодежи является визуализация, был предложен вопрос о том, могла бы вызвать у них интерес выставка картин, посвященная Великой Отечественной войне (см. таблицу).

Распределение ответов на вопрос «Вызвала бы у вас интерес выставка картин, посвященная Великой Отечественной войне?» (в % от числа опрошенных)

Ranking of answers to the question "Would you be interested in an exhibition of paintings dedicated to the Great Patriotic War?" (in % of all respondents)

Варианты ответов	Доля, %
Да, при условии, что мне расскажут про изображенные на картинах события и про изображенных людей	38,80
Да, мне интересно увидеть изображения событий ВОВ	24,50
Возможно, я бы зашел на такую выставку из любопытства, если бы оказался рядом	18,40
Да, но специально я бы не пошел на такую выставку	12,20
Нет, мне эта тема в принципе не интересна	2
Лучше фотографии посмотреть	2
Затрудняюсь ответить	2

Таким образом, мы можем говорить о том, что выставка является одним из эффективных вариантов донесения информации о Великой Отечественной войне до молодежи, так как, во-первых, доносит информацию через изображения (визуализацию), во-вторых, выставка как правило сопровождается живым рассказом экскурсовода, общением и другими формами рассказа по теме мероприятия, что также способствует повышению объема усвоения информации, в-третьих, выставка мобильна и ее можно перемещать в пространстве, максимально приближать географически к целевой аудитории.

Подход НКО к решению вопроса патриотического воспитания молодежи

Все рассмотренные выше формы взаимодействия с молодыми людьми и каналы донесения информации лежат в плоскости и в рамках возможностей деятельности некоммерческих организаций. К сожалению, чаще всего НКО предпочитают узконаправленные форматы работы и взаимодействия с целевой аудиторией.

Рассмотрим пример комплексного подхода НКО к решению вопроса патриотического воспитания молодежи и максимально доступного формата донесения информации о Великой Отечественной войне до детей и подростков. В рамках деятельности Национальной ассоциации деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА» была сформулирована и поставлена задача развития не только творческого потенциала молодежи, но и патриотического воспитания, сохранения исторической памяти у молодого поколения и его культурных ценностей средствами живописи, литературы, музыки. Таким образом была сформулирована идея культурно-исторического проекта «И помнит мир спасенный».

Культурно-исторический проект «И помнит вся Россия» представляет собой единый комплекс образовательных и воспитательных задач, правовых, исследовательских, поисковых и организационных мероприятий, творческих и культурных мероприятий, живописных выставок, которые позволяют добиться повышения уровня гражданского и патриотического воспитания, ответственности, возрождения исторической памяти, личной сопричастности граждан к происходящим сегодня событиям в стране, регионе, осознание своего долга, социального статуса, личностного становления.

Формы реализации проекта: выставки произведений живописи, ДПИ, концертные программы, творческие встречи, исследования и научно-практические конференции, коллективный конкурс военно-патриотической песни «Славься, Отечество!», проведение встреч ветеранов и подростков «Фронтовики, наденьте ордена!» в школах Московской области, конкурсы ученических сочинений, стихов, рисунков, фотографий, макетов и моделей «Победе посвящается...!», классные часы в школах, средних учебных заведениях с участием художников, поэтов и писателей, сольных исполнителей и творческих музыкальных коллективов.

Значительный плюс комплексных мероприятий в том, что задействован визуальный ряд, отражающий исторические моменты и делающий их более понятными, более доступными для восприятия, материализующими воспоминания, боль, эмоции, прошедшие через несколько поколений россиян. Музыкальные и театрализованные элементы позволяют вовлечь молодежь в действие, в само событие и понять его и принять как часть своей истории.

Помимо этого, было отмечено, что во время выставок подростки и дети получают значительно больше эмоций и лучше поглощают информацию, если есть возможность прикоснуться к картинам руками. Как правило, никто картинам вреда не причиняет. В глазах читается восторг познания. Возможно, это объясняется дозволенностью нарушить стереотип поведения «в музее к экспонатам прикасаться нельзя». Тактильный контакт с картиной становится возможностью прикоснуться к истории, к предметам (изображенным на картине), к людям (изображенным на картине), которых посетители выставки уже никогда не встретят.

Важную роль в формировании исторической памяти и развития патриотизма у молодежи может сыграть PR. Для того, чтобы НКО более эффективно выполняли свою роль в данном направлении, целесообразно применять стратегический подход в PR-деятельности [Игнатченко, Орлова, 2020, с. 76]. Данный подход в рамках деятельности НКО позволяет нивелировать одномерность восприятия истории целевой аудиторией, дает дополнительный стимул для личностного развития детей, подростков, студентов и взрослых людей, развивает критическое мышление. В ходе мероприятий, реализованных в рамках проекта «И помнит мир спасенный» НКО «Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА» (выставки живописных работ в совокупности со встречи с писателями и поэтами, встречи с ветеранами и военнослужащими) активизация познавательной деятельности происходит благодаря использованию игровых технологий, театрализации, у детей и молодежи формируется основа российской идентичности и самосознания личности. Моделирование различных исторических ситуаций и их проигрывание включают эмоциональную память и закрепляют полученный в ходе реализации программ результат.

Заключение

Сегодня, в условиях сильнейшего информационного давления на молодежь не только в СМИ, но и в социальных сетях, на различных сайтах и мессенджерах, создается ситуация, когда при отсутствии патриотического воспитания, снижении объема и неустойчивости исторической памяти, школьники и студенты не могут отличить фейки от правды, историю от ее суррогата, не могут определить, где герой реальный, а где вымышленный. Важно сейчас обратить внимание на то, что нужно не только научить молодежь оценивать прошлое, но и настоящее, важно показать, что историческая память – это не только история Великой отечественной войны, это в целом история России.

НКО «Ассоциация «НИКА» большое внимание уделяет просветительской работе со студентами и школьниками, одним из направлений работы является патриотическое воспитание. В связи с этим возникла необходимость изучения состояния исторической памяти молодежи столицы и поиска наиболее эффективных методов и каналов ее формирования. Как показали исследования, описанные в данной статье, более трети молодых

респондентов не могут назвать дату начала ВОВ, половина не знает, принимал ли кто-то из родных участие в войне, 20% считают, что нет необходимости все это помнить, потому что есть другие проблемы. Все это свидетельствует о том, что проблема изучения и коррекции формирования исторической памяти российской молодежи в свете стратегического изменения социальных настроений общественности стоит остро и как никогда актуальна.

Опрос показал, что выставка является одним из эффективных вариантов донесения информации о Великой Отечественной войне до молодежи. Все рассмотренные в статье формы взаимодействия с молодыми людьми и каналы донесения информации лежат в плоскости и в рамках возможностей деятельности некоммерческих организаций. В качестве примера эффективного взаимодействия с молодёжью по патриотическому воспитанию и формированию исторической памяти приводится проект «И помнит мир спасенный», реализуемый с 2019 года НКО «Ассоциация «НИКА». Проект включает передвижную выставку живописных работ, литературные композиции и выступления певцов, на мероприятия приглашаются ветераны и военнослужащие.

Таким образом, в результате исследования и анализа реализованного проекта выявлены наиболее оптимальные каналы воздействия и формирования исторической памяти молодежи, которые можно в дальнейшем использовать в деятельности НКО, школ и вузов в программах по патриотическому воспитанию. В современной динамически меняющейся социальной, политической и экономической ситуации целесообразно продолжать изучение состояния исторической памяти студентов и школьников, поиск коммуникационных каналов и площадок, технологий патриотического воспитания.

Список литературы

- Артамонов Д.С. 2021. Конструирование образа жертвы в исторической памяти: этический аспект. В кн.: Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия. Материалы XIII международной конференции, 18–20 ноября 2021, Санкт-Петербург. Под ред. В.Ю. Перова. Санкт-Петербург, Изд. ООО "Сборка": 299–300.
- Бойков В.Э., 2001. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования. *Социология власти*, 5: 44–52.
- Волянский Н.П. 2020. Культурная память и историческая память: критический анализ. В кн.: Актуальные эколого-политологические аспекты современности. Сборник научных трудов. II научно-практическая конференция (в рамках XXVIII Моисеевских чтений: «Н.Н. Моисеев о России в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения»), 3 марта 2020, Донецк. Составители К.Н. Маренич, Н.П. Рагозин. Донецк, ГОУВПО «ДОННТУ»: 26–28.
- Гатиятов Д.М. 2019. Военно-патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений воспитания и социализации кадет. В кн.: Воспитание и социализация в современной социокультурной среде. Сборник научных статей. Международная научно-практическая конференция, 28–29 ноября 2019, Санкт-Петербург. Под ред. С.В. Кривых, А.Д. Абашиной. Санкт-Петербург, Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: 139–142.
- Гринев А.В. 2022. История и историческая память как жертвы политкорректности (по материалам интернет-портала ИНОсми). *КЛИО*, 4 (184): 44–56. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_44.
- Игнатченко П.Д., Орлова Е.А. 2020. Разработка PR-стратегии общественной организации. В кн.: Современное медиапространство и информационная деятельность МЧС России. Сборник трудов. XXXI международная научно-практическая конференция «Предотвращение. Спасение. Помощь» (секция № 23), 17 марта 2021, Химки. Под ред. А.В. Сасим, Е.М. Соловцовой. Химки, ФГБВОУ ВОАГЗ МЧС РФ: 74–79.
- Историческая память и российская идентичность. 2018. Под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., РАН, 508 с.
- Касьянов В.В., Чупрынников С.А. 2020. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 4 (269): 54–61.

- Кострина А.В. 2018. Историческая память и политика исторической памяти: к вопросу о соотношении понятий. В кн.: 100-летие Великой русской революции. Проблемы и перспективы изучения. Сборник материалов всероссийских мероприятия: научно-практической конференции с международным участием, 15 ноября 2017, Казань, и студенческой конференции, 25 мая 2018, Казань. Под ред. И.А. Гатауллиной, О.М. Гильмутдиновой, Д.В. Шмелева. Казань, Изд-во КНИТУ-КАИ: 113–115.
- Леопя А.И. 2011. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 134 с.
- Люттов С.Н. 2017. Книжная культура и историческая память: трансформации в условиях глобальной информатизации. *Труды ГПНТБ СО РАН* (Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук), 12-2: 19–24.
- Полежаев Д.В. 2019. Воспитание патриотизма – общее дело: деятельность ресурсного центра гражданско-патриотического воспитания. Учебный год, 2(55): 14–19.
- Резник И.И. 2020. Важность исторической памяти. *Национальные приоритеты России*, 1(36): 38–41.
- Столбова Е.А., Цилицкий В.С. 2021. Использование цифровых технологий в реализации гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения в системе основного и дополнительного воспитания. В кн.: Управление цифровой трансформацией общего и профессионального образования. Сборник трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 3 марта 2021, Павлово. Павлово, Павловский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского": 205–208.
- Тюкина Л.А. 2020. Память и историческая память: соотношение понятий. *Верхневолжский филологический вестник*, 1(20): 181–187. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187.
- Чавыкина У. Г., Комлева А. А. 2019. Проблема гражданского и патриотического воспитания в центрах патриотического воспитания молодежи. В кн.: Актуальные вопросы социальной педагогики и психологии: теория и практика. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 19 ноября 2019, Азов. Чебоксары, Изд. дом «Среда»: 210–213.
- Barash J.A. 2020. *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago, Publ. University of Chicago Press, 280 p.
- Bischof G., Pelinka A. 2017. *Austrian Historical Memory and National Identity*. Taylor & Francis. 408 p.
- Koulouri C. 2022. *Historical Memory in Greece, 1821-1930. Performing the Past in the Present*. New York, Publ. Taylor & Francis Group, 456 p.
- Mageo M. 2001. *Cultural Memory. Reconfiguring History and Identity in the Postcolonial Pacific*. Hawai'i, Publ. University of Hawai'i Press, 222 p.
- Rotberg M. *Multidirectional memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonisation*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. 380 p.
- Schultze-Kraft M. 2022. *Education for Sustaining Peace Through Historical Memory*. Springer International Publishing, 127 p.

References

- Artamonov D.S. 2021. *Konstruirovaniye obraza zhertvy v istoricheskoy pamyati: eticheskiy aspekt* [Construction of the image of the victim in historical memory: an ethical aspect]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya etika: traditsii i perspektivy – 2021. Etika kak nauka i professiya* [Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Perspectives - 2021. Ethics as a Science and a Profession]. Materialy XIII mezhdunarodnoy konferentsii, 18–20 noyabrya 2021, Sankt-Peterburg. Ed. V.Yu. Perov. Sankt-Peterburg, Publ. OOO "Sborka": 299–300.
- Boykov V.E. 2001. *Istoricheskaya pamyat' v sovremennom rossiyskom obshchestve: sostoyaniye i problemy formirovaniya*. *Sociology of Power*, 5: 44–52.
- Voljanskij N.P. 2020. *Kul'turnaja pamjat' i istoricheskaja pamjat': kriticheskij analiz* [Cultural Memory and Historical Memory: A Critical Analysis]. In: *Aktual'nye jekologo-politologicheskie aspekty sovremennosti* [Actual Ecological and Political Aspects of Modernity]. Collection of scientific papers. II Scientific and practical conference (within the framework of the XXVIII Moses Readings: "N.N. Moiseev about Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions"), March 3, 2020, Donetsk. Comp. K.N. Marenich, N.P. Ragozin. Doneck, Publ. GOUVPO «DONNTU»: 26–28.

- Gatijatov D.M. 2019. Voенно-patrioticheskoe vospitanie kak odno iz prioritetnyh napravlenij vospitanija i socializacii kadet [Military-patriotic education as one of the priority areas for the education and socialization of cadets]. In: Vospitanie i socializacija v sovremennoj sociokul'turnoj srede [Education and socialization in the modern socio-cultural environment]. International Scientific and Practical Conference, November 28-29, 2019, St. Petersburg. Eds. S.V. Krivyh, A.D. Abashina. Sankt-Peterburg, Publ. Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena: 139–142.
- Grinev A.V. 2022. History and historical memory as victims of political correctness (according to the materials of the internet portal Inosmi). *KLIO*, 4(184): 44–56. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_44.
- Ignatchenko P.D., Orlova E.A. 2020. Development of a non-governmental organization's PR strategy. In: *Sovremennoe mediaprostranstvo i informacionnaja dejatel'nost' MChS Rossii* [Modern media space and information activities of the EMERCOM of Russia]. Collection of works. XXXI International Scientific and Practical Conference "Prevention. Salvation. Help" (section No. 23), March 17, 2021, Khimki. Eds. A.V. Sasim, E.M. Solovcova. Himki, Publ. FGBVOU VOAGZ MChS RF: 74-79.
- Istoricheskaja pamjat' i rossijskaja identichnost' [Historical memory and Russian identity]. 2018. Eds. V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. M., Publ. RAN, 508 p.
- Kas'janov V.V., Chuprynnikov S.A. 2020. Historical memory, social memory: dialectics of interaction. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: Filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija*, 4(269): 54–61.
- Kostrina A.V. 2018. Historical memory and the policy of historical memory: to the question of conformity of concepts. In: 100-letie Velikoj russkoj revoljucii. Problemy i perspektivy izuchenija [100th Anniversary of the Great Russian Revolution. Problems and prospects of study]. Collection of materials of All-Russian events: scientific and practical conference with international participation, November 15, 2017, Kazan, and student conference, May 25, 2018, Kazan. Ed. I.A. Gataullina, O.M. Gil'mutdinova, D.V. Shmelev. Kazan', Publ. Izd-vo KNITU-KAI: 113–115.
- Leopa A.I. 2011. Istoricheskoe soznanie v uslovijah sociokul'turnogo krizisa [Historical Consciousness in a Sociocultural Crisis]. Krasnojarsk, Publ. Sibirskij federal'nyj universitet, 134 p.
- Ljutov S.N. 2017. Knizhnaja kul'tura i istoricheskaja pamjat': transformacii v uslovijah global'noj informatizacii [Book culture and historical memory: transformations in the context of global informatization]. *Proceedings of SPSTL SB RAS*, 12-2: 19–24.
- Polezhaev D.V. 2019. Vospitanie patriotizma – obshhee delo: dejatel'nost' resursnogo centra grazhdansko-patrioticheskogo vospitanija [Raising patriotism is a common cause: the activities of the resource center for civic-patriotic education]. *Uchebnyj god*, 2(55): 14–19.
- Reznik I.I. 2020. Importance of historical memory. *Nacional'nye priority Rossii*, 1(36): 38–41.
- Stolbova E.A., Cilickij V.S. 2021. Digital technologies in the implementation of civilpatriotic education of the growing generation in the system of basic and additional education. In: *Upravlenie cifrovoj transformaciej obshhego i professional'nogo obrazovanija* [Managing the Digital Transformation of General and Vocational Education]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, March 3, 2021, Pavlovo. Pavlovo, Publ. Pavlovskij filial federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovanija "Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo": 205–208.
- Tjukina L.A. 2020. Memory and historical memory: term correlation. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 1(20): 181–187. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187.
- Chavykina U. G., Komleva A. A. 2019. Problema grazhdanskogo i patrioticheskogo vospitanija v centrakh patrioticheskogo vospitanija molodezhi [The problem of civil and patriotic education in the centers of patriotic education of youth]. In: *Aktual'nye voprosy social'noj pedagogiki i psihologii: teorija i praktika* [Topical issues of social pedagogy and psychology: theory and practice]. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 19, 2019, Azov. Cheboksary, Publ. Sreda: 210–213.
- Barash J.A. 2020. *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago, Publ. University of Chicago Press, 280 p.
- Bischof G., Pelinka A. 2017. *Austrian Historical Memory and National Identity*. Taylor & Francis. 408 p.

- Koulouri C. 2022. Historical Memory in Greece, 1821–1930. Performing the Past in the Present. New York, Publ. Taylor & Francis Group, 456 p.
- Morton H. 2001. Cultural Memory. Reconfiguring History and Identity in the Postcolonial Pacific. Hawai'i, Publ. University of Hawai'i Press, 222 p.
- Rotberg M. Multidirectional memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonisation. Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. 380 p.
- Schultze-Kraft M. 2022. Education for Sustaining Peace Through Historical Memory. Springer International Publishing, 127 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.04.2022

Received April 28, 2022

Поступила после рецензирования 11.05.2022

Revised May 11, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Орлова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью ИЖКМ МПГУ, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, вице-президент Национальной ассоциации деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА», Одинцово, Россия

Elena A. Orlova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Communication Management and Advertising, Public Relations, IZhKM MSGU, Associate Professor of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vice-President of the National Association of Educators, Science, Culture and Art "NIKA", Odintsovo, Russia

УДК 377.5

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-289-296

Структурно-функциональная модель системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций у студентов строительного колледжа

Серяпина Л.В., Михелькевич В.Н.

Самарский государственный технический университет,
Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: lyubovzhavoronkova@gmail.com; j918@yandex.ru

Аннотация. В строительных компаниях различных регионов Российской Федерации работает большое число иностранных рабочих. Для создания в многонациональном коллективе комфортного и благоприятного психологического климата специалист/техник-строитель должен обладать достаточными знаниями культуры и истории народов, с представителями которых он ежедневно общается и работает, с их традициями и обычаями, нормами и правилами этики, обладать межкультурными коммуникативными компетенциями. При этом федеральный государственный стандарт среднего профессионального образования по специальности 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений» не содержит требований к формированию у техников-строителей этого вида неординарных профессиональных компетенций. В научной литературе этот вопрос освещен с недостаточной полнотой. Отвечая на вызов времени, целью исследования мы поставили разработку модели системы формирования у студентов строительного колледжа – будущих специалистов среднего образования межкультурных коммуникативных компетенций. Разработанная структурно-функциональная модель системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций содержит девять функциональных, взаимосвязанных, последовательно и преемственно реализуемых блоков. Дано описание функционального предназначения, содержания и структуры каждого блока модели. Модель системы формирования у студентов межкультурных коммуникативных компетенций апробирована и используется в учебном процессе подготовки техников-строителей в Колледже Самарского государственного технического университета.

Ключевые слова: студенты строительного колледжа, межкультурные коммуникативные компетенции, модель, моделирование, транснациональные строительные компании

Для цитирования: Серяпина Л.В., Михелькевич В.Н. 2022. Структурно-функциональная модель системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций у студентов строительного колледжа. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 289–296. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-289-296

Structural and Functional Model of the System of Forming Intercultural Communicative Competences of Construction College Students

Lyubov V. Seriapina, Valentin N. Mikhel'kevich

Samara State Technical University
244 Molodogvardeyskaya St, Samara 443100, Russia
E-mail: lyubovzhavoronkova@gmail.com; j918@yandex.ru

Abstract. Construction companies in various regions of the Russian Federation employ a large number of foreign workers. To create a comfortable and favorable psychological climate in a multinational team, a specialist/construction technician must have sufficient knowledge of the culture and history of the peoples with

whose representatives he/she daily communicates and works, with their traditions and customs, norms and rules of ethics, have intercultural communicative competences. At the same time the federal state standard of secondary vocational education for the specialty 08.02.01 "Construction and operation of buildings and constructions" doesn't contain requirements to the development of uncommon professional competences in construction technicians of this type. This issue is covered with insufficient completeness in the scientific literature. Responding to the challenge of the time, we set the goal of the research to develop a model of the system of forming intercultural communicative competences of construction college students - future specialists of secondary education. The developed structural and functional model of the system of forming intercultural communicative competences contains nine functional, interrelated, consistently and successively realized blocks. The functional purpose, content and structure of each block of the model are described. The model of the system of forming intercultural communicative competences in students is tested and used in the educational process of building technicians training at the College of Samara State Technical University.

Keywords: construction college students, intercultural communicative competences, model, modeling, transnational construction companies

For citation: Seriapina L.V., Mikhel'kevich V.N. 2022. Structural and Functional Model of the System of Forming Intercultural Communicative Competences of Construction College Students. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 289–296 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-289-296

Введение

В строительных организациях Самарской области и других регионов Российской Федерации работает большое число иностранных рабочих и специалистов из стран ближнего зарубежья: Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Армении [Серяпина, 2020]. В этих условиях техникам-строителям – выпускникам Колледжа Самарского государственного технического университета (Колледжа СамГТУ), работающим в этих же строительных компаниях в первичных структурных подразделениях в должностях бригадиров, мастеров, старших мастеров, приходится повседневно общаться и трудиться с людьми других государств, других национальностей, другой культуры, разных конфессий, различных уровней образования и квалификации. Результаты проведенных собеседований и анализ опыта работы техников-строителей – выпускников колледжа в строительных компаниях свидетельствуют, что незнание культуры и истории народов, представители которых трудятся в производственном коллективе, незнание национальных обычаев и традиций, норм и правил поведения и этикета, малейшая дискриминация по национальному признаку либо в распределении трудовых функций внутри бригады, либо в оплате труда являются источником возможного возникновения межличностных, духовно-нравственных или внутрибригадных социальных конфликтов [Назаров, 2009; Мукомель, 2017; Ходжиев и др., 2017; Макарова, 2018], не способствует созданию в производственном коллективе комфортной и благоприятной психологической среды [Грошева, 2019].

Во избежание подобных негативных явлений техник-строитель должен обладать особыми межкультурными коммуникативными компетенциями. В то же время федеральный государственный стандарт среднего профессионального образования по специальности 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений», являясь универсальным нормативным документом, не содержит требований к формированию у техников-строителей этого вида неординарных профессиональных компетенций – межкультурных коммуникативных компетенций¹.

Вместе с тем вопросы формирования у студентов учреждений среднего профессионального образования межкультурных коммуникативных компетенций и в монографиче-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 08.02.01 – «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений»: приказ Минобрнауки РФ от 10.01.2018 № 2. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/4392a8b3617c455548e0f47a4fea9f97/download/880/> (дата обращения: 14.11.2021).

ской периодической литературе, и в периодических педагогических изданиях пока отражены с недостаточной полнотой. Учитывая высокую актуальность и востребованность проблемы формирования у студентов строительного колледжа межкультурных коммуникативных компетенций, авторы избрали в качестве цели исследования разработку модели системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций у студентов строительного колледжа, подготавливаемых для работы в строительных компаниях.

Методы и материалы исследования

Авторы опирались на основополагающие теоретико-методологические положения современной отечественной и зарубежной психолого-педагогической науки и использовали метод экспертных исследований и компаративного анализа. Моделирование – одно из широко используемых и высокоэффективных методов исследования сложных психолого-педагогических процессов и систем [Загвязинский, Атаханов, 2007; Писаренко, 2019; Кидесюк, 2020]. При этом средством моделирования является модель исследования процесса (объекта, системы) [Костенко и др., 2020]. Сущность модели и её практическая ценность для исследования и изучений свойств объекта достаточно полно и доступно определена известным ученым в области логики Н.И. Кондаковым: «Модель – искусственно созданный объект в виде схемы, чертежа логико-математических знаковых формул, физической конструкции и т.п., который, будучи аналогичен (подобен, сходен) исследуемому объекту, отображает и воспроизводит в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта, непосредственное изучение которого связано с какими-либо трудностями, большими затратами средств и энергии или просто недоступно, и тем самым обеспечивает процесс получения информации об интересующем нас предмете»¹.

Результаты исследования

Разработанная структурно-функциональная модель системы формирования межкультурных коммуникативных компетенций у студентов строительного колледжа представлена в графической форме (см. рисунок). Из рисунка видно, что в структурной модели содержится девять взаимосвязанных, последовательно и преемственно реализуемых функциональных блоков.

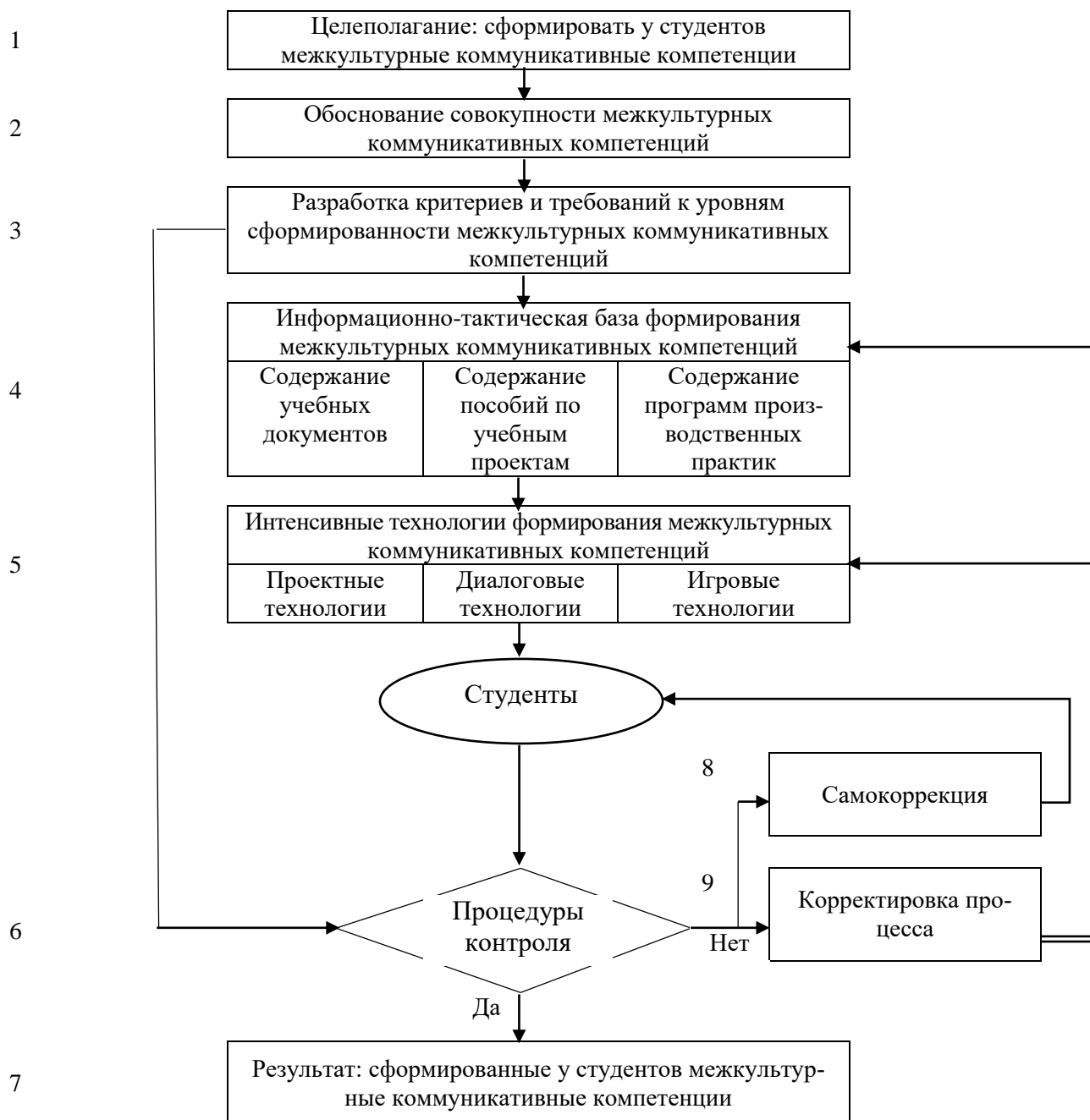
Исходный блок-1 — целеполагание – определяет цель создания и функционирования системы: сформированность у студентов межкультурных коммуникативных компетенций.

Блок-2 отражает необходимость разработки и научного обоснования совокупности межкультурных коммуникативных компетенций [Исакова, 2017; Нужная, 2017; Зеленина, Митрофанова, 2019]. В наших исследованиях совокупность межкультурных коммуникативных компетенций была выявлена и обоснована с использованием метода экспертных оценок с участием в качестве экспертов высококомпетентных специалистов строительных организаций, ученых и преподавателей строительного колледжа и университета [Серяпина, Михелькевич, 2021].

Обоснованная оптимизированная совокупность содержит в своей структуре три межкультурные коммуникативные компетенции (МКК):

1) МКК-1 выпускника колледжа – это его общие способности комфортно жить и работать в поликультурном обществе и успешно решать поставленные перед ним задачи в соответствии со спецификой жизненной ситуации, основанные на межкультурных знаниях, опыте общения с людьми разных культур, национальностей, конфессий, социальных групп, разных жизненных ценностей и традиций;

¹ Кондаков Н.И. 1975. Логический словарь-справочник. М., Наука. 720 с.

Структурно-функциональная модель формирования межкультурных коммуникативных компетенций у студентов строительного колледжа
 Structural and functional model of intercultural communicative competence formation among construction college students

2) МКК-2 выпускника колледжа – это его владение различными видами и способами речевого взаимодействия (монолог, диалог, дискуссия, полемика, спор) с коллегами по работе – людьми разных национальностей, разных конфессий, разных социальных групп, представителей других государств на русском и иностранных языках;

3) МКК-3 выпускника колледжа – это его умение уважительно относиться к мнениям и суждениям людей других культур, к их праву высказывать иную точку зрения, иметь иные взгляды на вещи и события, способность понимать различия и ценности культур

других народов и их продуктивного использования в производственной и быденной деятельности трудового коллектива.

Блок-3 отражает исследование по разработке критериев и требований к уровням сформированности у студентов межкультурных коммуникативных компетенций. В рамках реализации этого блока модели были разработаны критерии оценивания сформированности каждой из трех межкультурных коммуникативных компетенций на трех уровнях (высоком, повышенном и базовом (пороговом)) и соответствующие им контрольные тесты.

Блок-4 отражает состав информационно-дидактической базы формирования межкультурных коммуникативных компетенций. Эта база синтезирована из фрагментов и модулей ряда гуманитарных, социально-экономических и общепрофессиональных учебных дисциплин, учебного плана подготовки техников-строителей по специальности 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений»; из содержания рабочих производственных практик студентов на предприятиях строительной отрасли; из содержания учебно-методических пособий по курсовым и дипломным проектам.

Блок-5 содержит описание используемых для формирования у студентов межкультурных коммуникативных компетенций интенсивных образовательных технологий – проектной, диалоговой, игровой [Полушкин и др., 2004; Герасимов, 2009; Галицков, Михелькевич, 2014; Современные образовательные..., 2016].

Блок-6 отражает процедуры тестового контроля сформированности у студентов межкультурных коммуникативных компетенций. На рисунке он изображен в форме компаратора, в котором сравниваются фактические уровни сформированности у студентов межкультурных коммуникативных компетенций (Р) с заранее установленными, требуемыми уровнями сформированности (Т). В процессе сравнения на выходе компаратора имеется либо позитивный результат (на рисунке «Да»), когда фактические уровни сформированности компетенций оказываются больше требуемых ($P > T$), либо отрицательными (на рисунке «Нет»), когда уровень сформированности компетенций у какого-то из студентов оказывается ниже требуемого ($P < T$).

В блоке-7 содержатся позитивные результаты функционирования системы: сформированные у студентов межкультурные коммуникативные компетенции на трех требуемых уровнях.

Блоки 8 и 9 выполняют функции отрицательной обратной связи и работают только при обнаружении в процессе тестового контроля отрицательного результата. Блок-8 отражает процесс индивидуальной самокоррекции студентом своего уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции, оказавшегося при тестировании ниже базового (порогового) уровня, с доведением его до требуемого уровня сформированности.

Блок-9 модели предусматривает возможность коррекции учебного процесса ведущими преподавателями, либо пополнение или частичное изменение информационно-дидактической базы формирования межкультурных коммуникативных компетенций, либо усовершенствование какой-то технологии формирования совокупности межкультурных коммуникативных компетенций.

Заключение

Рассмотренная структурно-функциональная модель системы формирования у студентов строительного колледжа межкультурных коммуникативных компетенций имеет большую практическую ценность и теоретическую значимость. Практическая ценность модели состоит, во-первых, в том, что она использовалась авторами и может применяться другими исследователями в качестве алгоритма/навигатора траектории последовательного и преемственного выполнения исследований и разработки отдельных структурных блоков, начиная с обоснования цели создания системы и заканчивая ее апробацией и практической реализацией. Во-вторых, её практическая ценность заключается в том, что

она позволяет выявить и определить влияние каждого функционального блока системы на конечный/итоговый результат ее функционирования.

Теоретическая значимость созданной модели формирования у студентов строительного колледжа межкультурных коммуникативных компетенций прежде всего состоит в том, что она дополняет и расширяет теоретико-методологическую базу современной педагогической науки по проблеме профессиональной подготовки специалистов среднего звена, работающих в неординарной трудовой среде – в многонациональном производственном коллективе. Модель представляет значительный интерес для разработчиков и пользователей аналогичных педагогических систем, поскольку она способствует наглядно-образному и холистическому восприятию процесса формирования межкультурных коммуникативных компетенций как целостной целенаправленной системы.

Модель апробирована и используется в учебном процессе подготовки специалистов среднего профессионального образования по специальности 08.02.01 «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений» в Колледже СамГТУ. Проведенное тестирование по результатам апробации технологии формирования межкультурных коммуникативных компетенций свидетельствует, что выпускники строительного колледжа при взаимодействии с коллегами – представителями других национальностей способны успешно выстраивать деловые и внеслужебные коммуникации, уважительно относиться к мнениям, суждениям и традициям людей других культур.

Список литературы

- Галицков С.Я., Михелькевич В.Н. 2014. Проектирование: технологии обучения. Самара, Изд-во СамГАСУ, 104 с.
- Герасимов Б.Н. 2009. Интенсивные образовательные технологии. Самара, Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ, 479 с.
- Грошева Л.И. 2019. Развитие стереотипов в многонациональной среде трудовых коллективов. *Primo Aspectu*, 1 (37): 54–59.
- Загвязинский В.И., Атаханов Р. 2007. Методология и методы психолого-педагогического исследования. М., Академия, 208 с.
- Зеленина Л.Е., Митрофанова К.А. 2019. Обучение межкультурной коммуникации в системе профессионального образования: подготовка специалистов в сфере здравоохранения. *Педагогическое образование в России*, 1 (86): 50–54. DOI: 10.26170/ro19-01-07.
- Исакова А.А. 2017. Ретроспектива формирования коммуникативной компетенции. *Интеграция образования*, 1 (86): 46–53. DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.046-053.
- Кидесюк И.Н. 2020. Метод моделирования как элемент универсальных учебных действий (на примере иноязычной подготовки). *Мир науки, культуры, образования*, 4 (83): 196–198. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00728.
- Костенко А.А., Моц А.Н., Соколова О.В., Тарасьян Н.А. 2020. Психолого-педагогические основы инновационной деятельности педагогов профессионального образования. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2 (58): 126–132.
- Макарова И.К. 2018. Использование иностранной рабочей силы в России и управление интернациональными коллективами: стратегия и безопасность. *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*, 2 (15): 98–108.
- Мукомель В.И. 2017. Мигранты на российском рынке труда: адаптация, интеграция, дискриминация. В кн.: Трудовая миграция на постсоветском пространстве: тренды, проблемы, возможности регулирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 5–6 апреля 2017, Уфа. Под ред. И.В. Фроловой. Уфа, Мир печати: 18–35.
- Назаров В.В. 2009. Проблемы трудовых мигрантов в строительной отрасли: социологический аспект. *Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 11: Философия. Социология. Культурология*, 11 (149): 157–163.
- Нужная Л.В. 2017. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов. В кн.: Теория и методика преподавания иностранных языков в условиях поликультурного

общества. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию факультета иностранных языков, 5–6 декабря 2016, Красноярск. Под ред. И.А. Майер. Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева: 225–230.

- Писаренко В.И. 2019. Моделирование в современной педагогике. *Общество: социология, психология, педагогика*, 12 (68): 146–154. DOI: 10.24158/spp.2019.12.24.
- Полушкин И.А., Михелькевич В.Н., Ионесов В.И. 2004. Диалоговые технологии гражданского образования. Самара, Самарский региональный лингвистический научный центр «Диалог культур», 173 с.
- Серяпина Л.В. 2020. Возможности использования цифровых технологий в процессе формирования у студентов межкультурной коммуникативной компетентности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 22 (75): 92–98. DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-75-92-98.
- Серяпина Л.В., Михелькевич В.Н. 2021. Содержание межкультурных коммуникативных компетенций студентов строительного колледжа, подготавливаемых для работы в транснациональных строительных компаниях. В кн.: Образование в изменяющемся обществе: новый взгляд на теорию и практику (Девятые Лозинские чтения). Сборник трудов международной научно-методической конференции, 29–30 апреля 2021, Псков. Псков, Псковский государственный университет: 136–140.
- Современные образовательные технологии. 2016. Под ред. Н.В. Бордовской. М., КНОРУС. 432 с.
- Ходжиев М., Измеров Н.Ф., Бухтияров И.В. 2017. Изучение социально-психологических факторов формирования профессионального стресса у трудовых мигрантов. *Анализ риска здоровью*, 3: 109–117. DOI: 10.21668/health.risk/2017.3.13.

References

- Galitskov S.Ya., Mikhel'kevich V.N. 2014. Proektirovanie: tekhnologii obucheniya [Design: learning technologies]. Samara, Publ. SamGASU, 104 p.
- Gerasimov B.N. 2009. Intensivnye obrazovatel'nye tekhnologii [Intensive educational technologies]. Samara, Publ. NOANO VPO SIBiU, 479 p.
- Grosheva L.I. 2019. The development of stereotypes in the multinational environment of labor collectives. *Primo Aspectu*, 1 (37): 54–59 (in Russian).
- Zagvyazinskiy V.I., Atakhanov R. 2007. Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya [Methodology and methods of psychological and pedagogical research]. М., Publ. Akademiya, 208 p.
- Zelenina L.E., Mitrofanova K.A. 2019. Teaching intercultural communication in the system of professional education: training of specialists in healthcare. *Pedagogical Education in Russia*, 1: 50–54 (in Russian). DOI: 10.26170/po19-01-07.
- Isakova A.A. 2017. Retrospective analysis of communicative competence development. *Integration of Education*, 1 (86): 46–53 (in Russian). DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.046-053.
- Kidesyuk I.N. 2020. Modeling method as an element of universal educational actions (with reference to foreign language training). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4 (83): 196–198. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00728.
- Kostenko A.A., Mots A.N., Sokolova O.V., Taras'yan N.A. 2020. Psychological and pedagogical foundations of innovative activities of teachers of vocational education. *Innovation in psychological and pedagogical studies*, 2 (58): 126–132 (in Russian).
- Makarova I.K. 2018. The use of foreign labor in Russia and the management of international groups: strategy and security. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*, 2 (15): 98–108.
- Mukomel' V.I. 2017. Migranty na rossiyskom rynke truda: adaptatsiya, integratsiya, diskriminatsiya [Migrants in the Russian labor market: adaptation, integration, discrimination]. In: *Trudovaya migratsiya na postsovetском prostranstve: trendy, problemy, vozmozhnosti regulirovaniya* [Labor migration in the post-Soviet space: trends, problems, opportunities for regulation]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 5-6, 2017, Ufa. Ed. I.V. Frolova. Ufa, Publ. Mir pechati: 18-35.

- Nazarov V.V. 2009. The problems of labor migrants an the constructive sphere: sociological aspect. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Is. 11: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya, 11 (149): 157–163.
- Nuzhnaya L.V. 2017. Formirovanie mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov [Formation of intercultural communicative competence of students]. In: Teoriya i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva [Theory and Methods of Teaching Foreign Languages in a Multicultural Society]. Proceedings of the V All-Russian Scientific-Practical Conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of Foreign Languages, December 5-6, 2016, Krasnoyarsk. Ed. I.A. Mayer. Krasnoyarsk, Publ. Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. V.P. Astaf'eva: 225–230.
- Pisarenko V.I. 2019. Modeling in modern pedagogy. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika, 12 (68): 146–154. DOI: 10.24158/spp.2019.12.24.
- Polushkin I.A., Mikhel'kevich V.N., Ionesov V.I. 2004. Dialogovye tekhnologii grazhdanskogo obrazovaniya [Dialogue technologies of civic education]. Samara, Publ. Samarskiy regional'nyy lingvisticheskiy nauchnyy tsentr «Dialog kul'tur», 173 p.
- Seryapina L.V. 2020. Using digital technologies for developing intercultural communicative competence of students. Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences, 22 (75): 92–98. DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-75-92-98.
- Seryapina L.V., Mikhel'kevich V.N. 2021. Soderzhanie mezhkul'turnykh kommunikativnykh kompetentsiy studentov stroitel'nogo kolledzha, podgotavlivaemykh dlya raboty v transnatsional'nykh stroitel'nykh kompaniyakh [The content of intercultural communicative competencies of construction college students preparing to work in transnational construction companies]. In: Obrazovanie v izmenyayushchemsya obshchestve: novyy vzglyad na teoriyu i praktiku (Devyatye Lozinskie chteniya) [Education in a Changing Society: A New Look at Theory and Practice (Ninth Lozin Readings)]. Proceedings of the International Scientific and Methodical Conference, April 29–30, 2021, Pskov. Pskov, Publ. Pskovskiy gosudarstvennyy universitet: 136–140.
- Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii [Modern educational technologies]. 2016. Ed. N.V. Bordovskaya. M., Publ. KNORUS, 432 p.
- Khodzhiev M., Izmerov N.F., Bukhtiyarov I.V. 2017. Examination of social and psychological factors casuing occupational stress in labor migrants. Health Risk Analysis, 3: 109–117 (in Russian). DOI: 10.21668/health.risk/2017.3.13.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.03.2022

Received March 24, 2022

Поступила после рецензирования 6.04.2022

Revised April 6, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серяпина Любовь Владимировна, аспирант кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного, Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия

Lyubov V. Seryapina, PhD student, Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Samara State Technical University, Samara, Russia

Михелькевич Валентин Николаевич, профессор педагогики, межкультурной коммуникации и русского языка как иностранного, Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия

Valentin N. Mikhelkevich, professor of pedagogy, intercultural communication and Russian as a foreign language, Samara State Technical University, Samara, Russia

УДК 39:78:[378.1:008(571.150)]
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-297-307

Этнокультурные практики в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов

Щербакова О.С., Яговец Н.А.

Алтайский государственный институт культуры,
Россия, 656 044, г. Барнаул, ул. Юрина, 277
E-mail: olga-uzorie@mail.ru, yagovetsna@mail.ru

Аннотация. Снижение роли этнокультурных практик в общественной и семейной жизни этносов России, запустившее процесс деформации этнокультурной идентичности подрастающего поколения и системы этнокультурных ценностей, способны компенсировать жизнеспособные формы этнокультурных образовательных практик. Транслирование фольклорных жанров, органично включенных в различные формы этнокультурных практик, и в то же время являющихся предметной областью изучения в системе современного народно-певческого образования, способствуют не только сохранению традиций нематериального культурного наследия этноса, но и формированию личности руководителя коллектива с устойчивой этнокультурной идентичностью. Авторами представлен выявленный и систематизированный в результате исследования комплекс этнокультурных образовательных практик и основные педагогические условия их реализации. Раскрыта апробированная система этнокультурных образовательных практик исследовательского, художественно-творческого, образовательно-методического и досугового характера, направленная на формирование профессиональных компетенций будущего руководителя народно-певческого коллектива и способствующая передаче этнокультурных знаний и преемственности фольклорно-исполнительских умений.

Ключевые слова: образовательные практики, этнокультурные практики, этнокультурная идентичность, фольклор, руководители народно-певческих коллективов, искусство народного пения, сибирский регион, Алтайский край

Для цитирования: Щербакова О.С., Яговец Н.А. 2022. Этнокультурные практики в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 297–307. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-297-307

Ethnocultural Practices in the Training of Future Leaders of Folk Singing Group

Olga S. Shcherbakova, Natalia A. Yagovets

Altai State Institute of Culture,
277 Yurina St, Barnaul 656044, Russia
E-mail: olga-uzorie@mail.ru, yagovetsna@mail.ru

Abstract. The declining in the role of ethno-cultural practices in the social and family life of the ethnic groups of Russia, which launched the process of deformation of the ethno-cultural identity of the younger generation and the system of ethno-cultural values, can be compensated by the viable forms of ethno-cultural educational practices. Broadcasting of the folklore genres, which are organically included in the various forms of ethnocultural practices, and at the same time, being the subject area of study in the system of modern folk singing education, contributes not only to the preservation of the traditions of the intangible cultural heritage of the ethnic group, but also to the formation of the personality of the leader of the group with stable ethno-cultural identity, which determines the relevance of the work. The authors are presenting a complex of the ethno-cultural educational practices identified and systematized as a result of

the study, and the main pedagogical conditions for their implementation. A proven system of research, artistic, creative, educational, methodological and leisure ethnocultural educational practices revealed, aiming at organizing the professional competencies of the future leader of a folk singing group, contributing to the transfer of ethnocultural knowledge and the succession of the folklore performing skills.

Key words: educational practices, ethno-cultural practices, ethno-cultural identity, folklore, leaders of folk-singing groups, art of the folk singing, Siberia region, Altay region

For citation: Shcherbakova O.S., Yagovets N.A. 2022. Ethnocultural Practices in the Training of Future Leaders of Folk Singing Group. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 297–307 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-297-307

Введение

Понятие «этнокультурные практики» входит в число базовых единиц терминосистемы как минимум трёх областей обществознания и гуманистариистики: во-первых, сферы культурологического знания, исследующего специфику этнической культуры; во-вторых, области этнопедагогических исследований, рассматривающих этнокультурные практики в качестве элемента организованного образовательно-воспитательного процесса, нацеленного на формирование и развитие личности с устойчивой этнокультурной идентичностью и развитыми этнокультурными компетенциями; в-третьих, группы социальных теорий высшей школы, занятых разработкой теоретико-методологических подходов к научному осмыслению специфики и достижений народной педагогической культуры, способной обеспечить сохранение и воспроизводство традиционной культуры в условиях современной системы высшего образования.

Рассматривая феномен этнокультурных практик в системе этнической культуры, современный белорусский исследователь Н.Л. Балич приводит следующий вариант интерпретации содержания понятия: «Это стереотипные, универсальные формы привычных действий индивидов, являющихся представителями различных этносов, религий и культур, реализуемые на микроуровне в этнонациональной, религиозной, культурной, бытовой и других сферах на основе отождествления себя с определёнными социальными образцами, действующими или действовавшими ранее в этнической общности или группе» [Балич, 2017а, с. 37]. «Этнокультурные практики – основа этнического самосознания и воспроизводства этнической культуры, которая является определяющим элементом культурного кода восточных славян и воплощается в ценностях, традициях, обычаях, обрядах, верованиях, языке, устном народном творчестве, народных промыслах» [Балич, 2017б, с. 205].

Важной духовной составляющей этнокультурных практик этноса является музыкальная культура и её часть – песенный фольклор с присущим для него высокохудожественным и эмоционально выразительным музыкально-поэтическим языком, ярко раскрывающим специфику мировоззрения, этические представления и психический склад этносоциальной общности.

Этнокультурные практики, как подчеркивается в ряде работ [Балич, 2017а; Муха, 2017; Lidskog, 2017], являются базовой основой формирования национального самосознания и этнокультурной идентичности личности. Этнокультурная идентичность, по определению И.В. Малыгиной, – это «сложный социально-психологический феномен, содержание которого составляет: 1) осознание индивидом единства с этнонациональным образованием (этносом, нацией) на основе разделяемой культуры (самосознание); 2) глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этого единства...; 3) культурные практики манифестации этого единства, как индивидуальные, так и коллективные» [Малыгина, 2016, с. 43].

Структурными элементами этнокультурной идентичности, по мнению А.В. Репринцева и И.С. Сухорукова, являются «ценностно-ориентировочный, когни-

тивный, поведенческий, эмоционально-оценочный и аффективный компоненты» [Репринцев, Сухоруков, 2017, с. 143], определяющие специфику этнокультурных практик этноса.

В российской идентичности особое место занимают вопросы региональной идентичности, рассматриваемые в ряде исследовательских работ [Демешкина, 2015; Семенова, 2017; Искандеров, 2020]. Присутствие этнокультурных практик в общественной и семейной жизни современности выступает важным фактором сохранения и трансляции традиционной этнической культуры. Значимость этому придают современные реалии приоритетной направленности государственной культурной политики России на изучение, сохранение и ретрансляцию традиционной культуры.

Современные эксперты [Демешкина, 2015; Малыгина, 2016; Мкртчян, Галикян, 2017; Репринцев, Сухоруков, 2017] поднимают проблему кризиса идентичности. Отмечая заметное снижение интереса со стороны детской, подростковой и молодёжной аудитории к богатейшему материальному и нематериальному культурному наследию народов России, обрядово-ритуальному комплексу этнических сообществ, они прогнозируют риски полной утраты культурных традиций вследствие деформации этнокультурной идентичности подрастающего поколения граждан нашей страны, кризиса национальной самоидентификации в глобализирующемся мире. Ими актуализируется необходимость формирования культурной среды и личности «с устойчивой позитивной этнической идентичностью» (термин И.В. Малыгиной [2016]) «посредством создания опоры на базовые культурные ценности» [Красовская, 2020, с. 208]. Поэтому в современной социокультурной среде развивать интерес к этнической культуре, знакомить с фольклорными жанрами и приобщать к фольклорному творчеству призваны этнокультурные образовательные практики, применяемые в учреждениях основного и дополнительного образования детей, а также в средних специальных и высших образовательных учреждениях.

Образовательные практики, по мнению Н.А. Селивёрстовой, «во-первых, представляют собой целенаправленную, планомерную, нормативно регулируемую деятельность обучающего (учителя) по передаче комплекса знаний, умений, навыков и социальных ценностей, идеалов, культурных образцов обучающимся в системе непрерывного обучения и непрерывного образования, во-вторых, целостность более или менее осознанных и опривыченных действий по освоению знаний, умений, навыков и социальных ценностей, идеалов, культурных образцов в системе непрерывного обучения и непрерывного образования» [Селивёрстова, 2016, с. 51].

С.В. Фёдорова рассматривает этнокультурные практики «как формы приобщения обучающихся к национальной культуре на основе проживания различного этнокультурного опыта», которые «углубляют и конкретизируют знания о культуре своего народа» [Фёдорова, 2019, с. 249]. З.В. Медведева, поддерживая её, отмечает, что этнокультурные технологии – это «канал трансляции, благодаря которому происходит процесс изучения и присвоения этнокультурного опыта в его символике и значениях, способствующий становлению личности человека как носителя, хранителя и творца культуры» [Медведева, 2012, с. 150].

Таким образом, актуальность образовательных этнокультурных практик, способствующих формированию личности с устойчивой этнокультурной идентичностью, несомненна для социально-общественного развития детско-подростковой и молодёжной групп населения страны. Образовательные этнокультурные практики являются эффективным инструментом достижения воспитательно-образовательных результатов, поэтому они должны быть активно использованы как в системе дополнительного образования детей, так и в системе профессионального народно-певческого образования.

Модель подготовки педагогов общего и дополнительного этнокультурного образования детей в педагогических вузах России, а также формы и способы организации отдельных этнокультурных практик рассматривается в работах педагогов-практиков [Карпушина,

2011; Бакланова, 2017; Косогорова, 2017; Фёдорова, 2019]. Значимость образовательных этнокультурных практик в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов в имеющихся публикациях не рассматривается, лишь аспект формирования сценической культуры затрагивается в научно-методической публикации А.В. Воробьёвой и В.В. Путиловской [Воробьёва, Путиловская, 2017]. Данный факт подчеркивает актуальность проблемы.

Цель исследования – раскрыть возможности образовательных внеучебных этнокультурных практик в профессиональном формировании будущих руководителей народно-певческих коллективов. Объектом исследования является образовательный процесс подготовки будущего руководителя народно-певческого коллектива в институте культуры; предметом исследования выступает комплекс этнокультурных практик, нацеленный на формирование личности руководителя с устойчивой этнокультурной идентичностью и его профессиональной компетентности. Системно-аналитический и опытно-эмпирический подход определил соответствующие методы исследования, выполненного на базе Алтайского государственного института культуры.

Типология этнокультурных образовательных практик

На кафедре народного хорового пения Алтайского государственного института культуры этнокультурные практики, используемые в работе с обучающимися направления подготовки «Искусство народного пения» (направленности «Хоровое народное пение»), включают различные формы внеучебных этнокультурных мероприятий, направленных на углубленную подготовку обучающихся, активное формирование профессиональных этнокультурных компетенций и расширение профессионального кругозора. Поскольку основная задача образовательного процесса заключается в подготовке руководителей народно-певческих коллективов, способных обеспечить этнокультурное развитие сибирского региона, целью внеучебных образовательных этнокультурных практик является развитие личности с устойчивой региональной этнокультурной идентичностью, расширение знаний о специфике этнокультурных практик населения сибирского региона, исторически обосновавшихся здесь в различные временные периоды.

Представим типологию этнокультурных практик, интегрированную во внеучебную деятельность обучающихся:

- исследовательские (фольклорные экспедиции по районам Алтайского края, подготовка научных статей и интернет-публикаций по проблемам бытования народной культуры сибирского региона, участие в конференциях и научно-практических семинарах);
- художественно-творческие (концертная деятельность, конкурсы народно-певческого исполнительства, фестивали традиционной культуры и фольклорного творчества);
- образовательно-методические (фольклорные лаборатории, фольклорные мастерские, мастер-классы), подготовка фольклорных концертных программ, создание сценариев этнокультурных мероприятий;
- интерактивно-игровые (квест-игры на фольклорную тематику);
- досуговые вечерки.

Все виды этнокультурных практик направлены на этнокультурное воспитание обучающихся, которое «в своём содержании интегрирует: а) региональные этнокультурные знания (региональные образцы фольклора в контексте бытования, региональные и локальные особенности народных календарных и семейных праздников и обрядовых действий, этика коллективного фольклорно-исполнительского процесса); б) фольклорно-исполнительские умения (коллективное ансамблевое исполнение освоенного фольклора в синкретичном виде, свободное творческое самовыражение в условиях сцены, театрализованных праздников и развлекательно-игровых мероприятий; творческая интерпретации фольклорного материала в рамках традиции, самостоятельная организации фольклорного действия); в) гуманистические ценностные ориентации (интерес к творчеству и активному досугу, уважение к историко-культурному

наследию региона, мотивация в изучении региональной народной культуры и освоении местных фольклорных произведений)» [Щербакова, 2013, с. 73].

Благодаря этнокультурным практикумам в образовательном пространстве Алтайского государственного института культуры создана этнокультурная среда, позволяющая на основе совместной творческой работы педагогов и обучающихся – субъектов этнокультурного воспитания и развития – установить профессиональное и личностное общение, основанное на передаче этнокультурных знаний и фольклорно-исполнительских умений.

Педагогические условия реализации этнокультурных образовательных практик

Анализ реализации внеучебных этнокультурных практик показывает, что для их успешности необходимы следующие педагогические условия:

1) создание образовательной этнокультурной среды на основе:

– постижения специфики традиционных этнокультурных практик как целостного явления с присущими особенностями народного мировоззрения, специфики народных праздников, исполнения фольклорных жанров и народного костюма;

– исторически сформировавшихся региональных традиций русского этноса, освоившего сибирский регион в разные исторические периоды (старожилов-сибиряков и поздних российских переселенцев), а также других народов, проживающих на территории региона;

– совокупного календаря этнокультурных образовательных практик, составленного на основе традиционных народных праздников населения сибирского региона (с учетом своеобразия местных природно-климатических условий) и событийных этнокультурных мероприятий Алтайского края;

– объективных закономерностей организации этнопедагогического процесса: коллективности и индивидуальности творческого проявления, традиционности и вариативности, региональности;

2) интегрированность учебной, научно-исследовательской и творческой деятельности обучающихся;

3) актуализация этнокультурных знаний обучающихся на основе междисциплинарной деятельности, способствующей глубокому проникновению в сущность фольклорного творчества;

4) организация фольклорно-экспедиционной работы по записи локальных фольклорных образцов, бытующих у населения Алтайского края, их изучению, освоению и транслированию в различных видах этнокультурных практик, то есть организация процесса изучения и присвоения этнокультурного опыта сибиряков, способствующего формированию личности с устойчивой этнокультурной идентичностью (личности носителя, хранителя и творца);

5) включение обучающихся в этнокультурные образовательные технологии, обеспечивающие, активность, сознательность, ответственность, самостоятельность, реализацию собственных идей и перспективы личностного развития;

6) организация самостоятельной исследовательской работы обучающихся со специальной этнографической, краеведческой, народно-культурологической литературой для получения достоверной профессиональной информации с целью ее использования в этнокультурных практикумах;

7) организация неформального этнокультурного общения, обеспечивающего ситуацию свободы творчества и импровизационный характер синкретичной творческой деятельности;

8) организация межпоколенного общения, обеспечивающего преемственность традиций фольклорного творчества;

9) создание ситуаций межэтнического и межкультурного общения, обеспечивающих межэтническую толерантность и уважение иных этнокультур.

Формы этнокультурных образовательных практик

Одной из ведущих этнокультурных практик в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов является *фольклорная экспедиция*. Преподаватели и студенты большое внимание уделяют фольклорно-экспедиционной деятельности с целью записи песенного фольклора этнокультурных групп алтайского региона, его изучения, дальнейшего освоения и формирования регионального песенного репертуара народно-певческих коллективов. Знания и навыки собирательской деятельности, а также личный контакт с носителями песенного фольклора способствуют глубокому пониманию характера сибиряков, формированию целостного представления об исполнительских традициях фольклорных локусов Алтайского края, стилистике и характере исполнения того или иного фольклорного произведения. Опыт экспедиционной деятельности для обучающихся носит познавательный и научно-исследовательский характер, а также побуждает будущих руководителей к поискам новых методов и приемов работы с народно-певческими коллективами в работе над фольклорными произведениями, поскольку стремление к детальному изучению локально-региональной фольклорно-исполнительской стилистики особенно актуально для современной народно-певческой педагогики, так как обусловлено острой необходимостью грамотного и правдивого транслирования традиционных фольклорных источников.

Фольклорно-экспедиционная практика является стимулом к дальнейшей научно-исследовательской деятельности обучающихся. Сегодня педагоги и студенты кафедры работают по этнокультурной программе «Изучение, освоение и трансляция песенного фольклора старожилов-сибиряков и поздних восточнославянских переселенцев Алтайского края» (руководитель программы О.С. Щербакова) научно-исследовательской лаборатории АГИК «Культурное наследие Алтая» (руководитель лаборатории Е.А. Полякова). В рамках данной программы за последние пять лет были организованы экспедиции в сёла Алтайского края: Соловьиха, Камышенка, Петропавловка Петропавловского района (ноябрь 2017 г.); Усть-Козлуха, Карпово Краснощёковского района (ноябрь 2018 г.); Верх-Камышенка, Новокалманка, Ново-Шипуново, Усть-Пустынка Краснощёковского района (июль 2021 г.); Бор-Форпост, Селивёрстово, Коминтерн, Ново-Кормиха Волчихинского района (октябрь 2021 г.).

Собранные экспедиционные материалы расшифровываются и тщательно изучаются; результаты исследований обобщаются в научных статьях и представляются на научно-практических конференциях. Интересным опытом для обучающихся явилось участие в проекте «Этнодесант-22: интерактивная карта народов Алтайского края» (реализованном кафедрой отечественной истории и Центром устной истории и этнографии исторического факультета ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»), в результате которого на страничках означенной интерактивной карты появились научно-исследовательские интернет-публикации о бытовании фольклора в селах Краснощёковского района Алтайского края.

Таким образом, этнокультурные образовательные практики научно-исследовательского характера позволяют обучающимся получать более глубокие знания и умения в области ведения научно-исследовательской работы, изучать и применять специфические методы научного исследования произведений традиционной музыкальной культуры, овладевать профессиональной культурой изложения научного материала, выступления с докладом или сообщением, ведения дискуссии и научной полемики.

Этнокультурные образовательные практики *образовательно-методического характера* занимают важное место во внеучебной деятельности обучающихся. Посещение мастер-классов и творческих лабораторий ведущих фольклористов способствует углублению профессиональных знаний в области народно-певческого исполнительства и расширению кругозора по народной культуре сибирского региона. Сами обучающиеся под руковод-

ством преподавателей с большим интересом организуют и проводят внеучебные этнокультурные интерактивные мероприятия для учащихся детских музыкальных школ, детских школ искусств и средних специальных учебных заведений города Барнаула. Большой отклик у слушателей вызвали такие этнопрактикумы, как просветительская программа «Играй гармонь, звени балалайка» (2018 г.), квест-игры «Дорогой народных традиций: от истоков до современности» (2019 г.) и «Алтай. Песня. Традиция» (2021 г.), ежегодные фольклорно-творческие мастерские «Зимние Святки», «Широкая Масленица» и другие.

Особый интерес для обучающихся представляет Международный этнофорум «Сибирские беседы» (организатор МБУДО «ДШИ Традиция» села Власиха, г. Барнаул), в котором студенты ежегодно принимают участие не только как участники конкурса фольклорных и этнографических коллективов, но и докладчики на научно-практической конференции «Наследие и современность». В рамках этнофорума обучающиеся посещают педагогические практикумы и творческие мастерские в области освоения песенно-танцевальных, инструментальных, игровых фольклорных традиций, мастер-классы по различным видам ремёсел и декоративно-прикладному творчеству, вечёрки и другие мероприятия. Насыщенная программа этнофорума позволяет участникам окунуться в атмосферу «фольклорного праздника», расширить свои знания в области песенной традиционной культуры Алтая, народных промыслов, а также познакомиться с творчеством фольклорных коллективов Алтая.

Наибольшее число этнокультурных образовательных практик обучающихся представлено в *художественно-творческих* формах. Учебно-творческие коллективы кафедры (русский народный хор (художественный руководитель профессор О.С. Щербакова, хормейстер доцент кафедры Н.А. Яговец), фольклорный ансамбль «Узорье» (руководитель О.С. Щербакова) ансамбль народной песни «Ладо» (руководитель доцент И.Н. Соловьева), ансамбль народной музыки «Новый день» (руководитель Н.А. Яговец) представляют собой своеобразные творческие лаборатории, направленные на освоение обучающимися регионального песенного репертуара и формирование навыков его исполнения. В их составе студенты принимают участие в международных и всероссийских конкурсах народно-певческого исполнительства, фольклорных фестивалях, охватывающих широкую биографию участников и предоставляющих возможность познакомиться с традиционной культурой разных регионов нашей страны и зарубежья. На таких этнокультурных мероприятиях каждый понимает и чувствует уникальность и ценность культуры своего края, что, в свою очередь, формирует патриотические чувства к малой Родине. В фольклорно-фестивальном движении наиболее ценным для обучающихся является знакомство и общение с аутентичными коллективами – носителями традиций, в процессе которого расширяется профессиональный кругозор и формируется исполнительская культура. На фестивалях будущие руководители народно-певческих коллективов в форме активного досугового общения получают этнокультурные знания и умения, дружеская же обстановка и общий интерес способствует более глубокому восприятию и запоминанию информации.

Заключение

Выявленный и систематизированный в результате исследования комплекс этнокультурных образовательных практик и основные педагогические условия их реализации могут служить теоретическим и методическим основанием их организации в образовательных учреждениях культуры и искусства. Рассмотренные нами внеучебные этнокультурные образовательные практики, несомненно, влияют на уровень профессиональной подготовки будущих руководителей народно-певческих коллективов, и в совокупности с учебно-образовательным процессом формируют высоко компетентных специалистов в области народно-певческого исполнительства. Этнокультурные практики научно-исследовательского и образовательно-методического характера расширяют знания о реги-

ональной этнокультуре, в том числе о локальных традициях старожилов и поздних российских переселенцев Алтайского края. Художественно-творческие, интерактивно-игровые и досуговые практики позволяют обучающимся не только развивать профессиональные фольклорно-исполнительские умения, но и органично чувствовать себя в этнокультурном пространстве современной художественной среды. В целом все это способствует формированию региональной этнокультурной идентичности обучающихся и расширению знаний о специфике этнокультурных практик населения сибирского региона.

Обобщая опыт включения различных видов внеучебных этнокультурных практик в процесс подготовки будущих специалистов, подчеркнем высокий уровень профессиональной компетентности большинства выпускников направления подготовки «Искусство народного пения» Алтайского государственного института культуры, что подтверждается высоким процентом их трудоустройства по специальности в учреждениях культуры и дополнительного образования. Уровень же исполнительского мастерства солистов и учебно-творческих коллективов кафедры помогает выпускникам после окончания вуза вести успешную творческо-исполнительскую деятельность, что также указывают на эффективность применения различных видов этнокультурных образовательных практик в подготовке будущих руководителей народно-певческих коллективов.

Список литературы

- Бакланова Т.И. 2017. О необходимости подготовки в педагогических вузах России педагогов общего и дополнительного этнокультурного образования детей В кн.: Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 25 марта 2017 г. Под ред. Т.И. Баклановой, М.Г. Кайтанджян, Н.А. Опаринной. Чебоксары, ЦНС «Интерактив плюс»: 212–216.
- Балич Н.Л. 2017а. Роль этнокультурных практик в сохранении национального самосознания белорусов и русских (на примере республики Беларусь). В кн.: Межкультурные коммуникации в глобализирующемся обществе. Материалы международной научно-практической конференции, г. Краснодар – г. Ереван, 17 февраля 2017 г. Научные труды Кубанского государственного технологического университета, 6: 36–47. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1695.pdf> (дата обращения: 25.03. 2022).
- Балич Н.Л. 2017б. Этнокультурные практики – основа воспроизводства культурного кода восточных славян. Социологический альманах, 8: 193–207.
- Воробьева А.В., Путиловская В.В. 2017. Формирование сценической культуры участника народно-певческого коллектива средствами фестивального творчества. В кн.: Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 25 марта 2017 г. Под ред. Т.И. Баклановой, М.Г. Кайтанджян, Н.А. Опаринной. Чебоксары, ЦНС «Интерактив плюс»: 99–102.
- Демешкина Т.А. 2015. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири. Русин, 3 (41): 90–107. DOI: 10.17223/18572685/41/7
- Искендеров П.А. 2020 «Сибирская идентичность»: социально-экономические и этнокультурные аспекты. Вопросы истории, 3: 4–7. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202003Statyi01
- Карпушина Л.П. 2011. Этнокультурный подход к подготовке студентов педагогических вузов. Фундаментальные исследования, 12-2: 302–305.
- Косогорова Л.В. 2017. Практико-ориентированная модель подготовки студентов к профессиональной деятельности на основе педагогического потенциала традиционных национальных культур. В кн.: Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 25 марта 2017 г. Под ред. Т.И. Баклановой, М.Г. Кайтанджян, Н.А. Опаринной. Чебоксары, ЦНС «Интерактив плюс»: 178–184.

- Красовская Н.Р. 2020. Этнокультурные аспекты кризиса идентичности личности. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 4 (2): 205–210. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210
- Лаво Р.С. 2019. Проблемы этнокультурной идентичности в современном обществе. Культурная жизнь Юга России, 4 (75): 94–98.
- Малыгина И.В. 2016. Мировые тенденции и российская специфика динамики этнокультурной идентичности. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 5(73): 42–52.
- Медведева З.В. 2012. Этнокультурные образовательные технологии в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов. Вестник Бурятского государственного университета: выпуск Педагогика, 1-1: 149–153.
- Мкртчян В.С., Галикян Г.Э. 2017. Кризис идентичности в современном глобализирующемся обществе. В кн.: Межкультурные коммуникации в глобализирующемся обществе. Материалы международной научно-практической конференции, г. Краснодар – г. Ереван, 17 февраля 2017 г. Научные труды Кубанского государственного технологического университета, 6: 220–228. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1717.pdf> (дата обращения: 27.03. 2022)
- Муха В.Н. 2017. Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян: обзор результатов проекта. В кн.: Межкультурные коммуникации в глобализирующемся обществе. Материалы международной научно-практической конференции, г. Краснодар – г. Ереван, 17 февраля 2017 г. Научные труды Кубанского государственного технологического университета, 6: 261–269. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1722.pdf> (дата обращения: 25.03. 2022)
- Репринцев А.В., Сухоруков И.С. 2017. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества как проблема современной психологии и социальной педагогики. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 7(256): 142–149.
- Селиверстова Н.А. 2016. Образовательные практики как основания новых молодежных субкультур. Знание. Понимание. Умение, 3 (май-июнь): 50–54. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/3/Seliverstova_Educational-Practices/ (дата обращения: 10.10.2021).
- Семёнова В.В. 2017. Этническая идентичность поликультурного региона: особенности развития и факторы влияния (на примере Краснодарского края). В кн.: Межкультурные коммуникации в глобализирующемся обществе. Материалы международной научно-практической конференции, г. Краснодар – г. Ереван, 17 февраля 2017 г. Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды Кубанского государственного технологического университета", 6: 374–379. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1752.pdf> (27.03. 2022)
- Фёдорова С.В. 2019. Этнокультурные образовательные практики в работе со студентами вуза. В кн.: Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Материалы VII международной научной конференции, г. Барнаул, 7, 8 и 11 июня 2019 г. Под ред. С.Г. Максимовой. Вып. 8. Том 2. Барнаул, ИП Колмогоров И.А.: 249–254.
- Щербакова О.С. 2013. Этнокультурное воспитание детей и подростков на региональных народно-певческих традициях в условиях досуга. Под ред. Б.А. Федулова. Барнаул, Изд-во АГАКИ, 220 с.
- Lidskog R. 2017. The role of music in ethnic identity formation in diaspora: A research review. International Social Science Journal, 66. Iss. 219-220 (March–June): 23-38. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/issj.12091> (accessed: 25.03. 2022) DOI: <https://doi.org/10.1111/issj.12091>

References

- Baklanova T.I. 2017. O neobkhodimosti podgotovki v pedagogicheskikh vuzakh Rossii pedagogov obshchego i dopolnitel'nogo etnokul'turnogo obrazovaniya detey [On the need to train teachers of general and additional ethno-cultural education of children in pedagogical universities of Russia]. In: Etnokul'turnaya deyatel'nost' v sovremennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh i uchrezhdeniyakh kul'tury: opyt, problemy, perspektivy [Ethno-cultural activities in modern educational organizations and cultural institutions: experience, problems, prospects]. Materials of the International Scientific

- and Practical Conference, Moscow, March 25, 2017. Eds. T.I. Baklanova, M.G. Kaytandzhyan, N.A. Oparina. *Cheboksary, Publ. TsNS «Interaktiv plyus»*: 212–216.
- Balich N.L. 2017a. Role of ethno-cultural practices in preservation of national consciousness of Belarusians and Russians (on example of population of Belarus). In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii v globaliziruyushchemsya obshchestve [Intercultural communications in a globalizing society]. Materials of the International Scientific and practical conference, Krasnodar - Yerevan, February 17, 2017. Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 6: 36–47. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1695.pdf> (accessed: 25.03. 2022)*
- Balich N.L. 2017b. Ethno-cultural practices – basis for reproduction of the cultural code of the eastern slavs. *Sotsiologicheskii al'manakh, 8: 193–207.*
- Vorob'eva A.V., Putilovskaya V.V. 2017. Formirovanie stsenicheskoy kul'tury uchastnika narodno-pevcheskogo kollektiva sredstvami festival'nogo tvorchestva [Formation of the stage culture of a member of a folk singing group by means of festival creativity]. In: *Etnokul'turnaya deyatel'nost' v sovremennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh i uchrezhdeniyakh kul'tury: opyt, problemy, perspektivy [Ethno-cultural activities in modern educational organizations and cultural institutions: experience, problems, prospects]. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 25, 2017. Eds. T.I. Baklanova, M.G. Kaytandzhyan, N.A. Oparina. Cheboksary, Publ. TsNS «Interaktiv plyus»*: 99–102.
- Demeshkina T.A. 2015. Traits of the Slavic Identity in the Self-Identificatio of a Siberian Native. *Rusin, 3(41): 90–107. DOI: 10.17223/18572685/41/7 (in Russia)*
- Iskenderov P.A. 2020 "Siberian identity": social-economic and ethno-cultural aspects. *Voprosy istorii, 3: 4–7. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202003Statyi01*
- Karpushina L.P. 2011. Thnocultural approach education of students of higher pedagogical institutions. *Fundamental'nye issledovaniya, 12-2: 302–305.*
- Kosogorova L.V. 2017. Praktiko-orientirovannaya model' podgotovki studentov k professional'noy deyatel'nosti na osnove pedagogicheskogo potentsiala traditsionnykh natsional'nykh kul'tur [Practice-oriented model of preparing students for professional activities based on the pedagogical potential of traditional national cultures]. In: *Etnokul'turnaya deyatel'nost' v sovremennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh i uchrezhdeniyakh kul'tury: opyt, problemy, perspektivy [Ethno-cultural activities in modern educational organizations and cultural institutions: experience, problems, prospects]. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 25, 2017. Eds. T.I. Baklanova, M.G. Kaytandzhyan, N.A. Oparina. Cheboksary, Publ. TsNS «Interaktiv plyus»*: 178–184.
- Krasovskaya N.R. 2020. Ethnocultural aspects of the crisis of personal identity. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 4(2): 205–210. DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210*
- Lavo R.S. 2019. Problems of ethnocultural identity in modern society. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 4(75): 94–98.*
- Malygina I.V. 2016. World trends and russian specifics the dynamics of ethnic and cultural identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 5 (73): 42–52.*
- Medvedeva Z.V. 2012. Ethnic-cultural educational technologies in civil and patriotic education of future teachers. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta: Iss. Pedagogika, 1-1: 149–153.*
- Mkrtchyan V.S., Galikyan G.E. 2017. The crisis of identity in the modern globalized society. In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii v globaliziruyushchemsya obshchestve [Intercultural communications in a globalizing society]. Materials of the International Scientific and practical conference, Krasnodar – Yerevan, February 17, 2017. Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 6: 220–228. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1717.pdf> (accessed: 27.03. 2022)*
- Mukha V.N. 2017. Ethno-cultural practices in the structure of daily belarusians and russians: review of the project. In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii v globaliziruyushchemsya obshchestve [Intercultural communications in a globalizing society]. Materials of the International Scientific and practical conference, Krasnodar – Yerevan, February 17, 2017. Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 6: 261–269. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1722.pdf> (accessed: 25.03. 2022)*

- Reprintsev A.V., Sukhorukov I.S. 2017. Formation of ethnocultural identity of adolescents and young people as a problem of modern psychology and social pedagogy. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 7 (256): 142–149 (in Russia).
- Seliverstova N.A. 2016. Educational Practices as Bases of New Youth Subcultures. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 3 (may-iyun'): 50–54. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/3/Seliverstova_Educational-Practices/ (accessed: 10.10.2021).
- Semenova V.V. 2017. Ethnic identity in the multicultural region: the peculiarities of development and factors of influenc. In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii v globaliziruyushchetsya obshchestve* [Intercultural communications in a globalizing society]. Materials of the International Scientific and practical conference, Krasnodar - Yerevan, February 17, 2017. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 6: 374–379. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0043/1752.pdf> (accessed: 27.03. 2022)
- Fedorova S.V. 2019. Ethnocultural educational practices in work with university students. In: *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve* [Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space]. Proceedings of the VII International Scientific Conference, Barnaul, June 7, 8 and 11, 2019. Ed. S.G. Maksimova. Iss. 8. Vol. 2. Barnaul, Publ. IP Kolmogorov I.A.: 249–254.
- Shcherbakova O.S. 2013. *Etnokul'turnoe vospitanie detey i podrostkov na regional'nykh narodno-pevcheskikh traditsiyakh v usloviyakh dosuga* [Ethnocultural education of children and adolescents on the basis of regional folk singing traditions in leisure conditions]. Ed. B.A. Fedulov. Barnaul, PublIzd-vo AGAKI, 220 p.
- Lidskog R. 2017. The role of music in ethnic identity formation in diaspora: A research review. *International Social Science Journal*, 66. Iss. 219-220 (March–June): 23-38. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/issj.12091> (accessed: 25.03.2022) DOI: <https://doi.org/10.1111/issj.12091>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.02.2022

Received February 22, 2022

Поступила после рецензирования 28.03.2022

Revised March 28, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щербакова Ольга Семёновна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры народного хорового пения, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Olga S. Shcherbakova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Folk Choral Singing, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

Яговец Наталья Александровна, доцент кафедры народного хорового пения, Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Россия

Natalya A. Yagovets, Associate Professor of the Department of Folk Choral Singing, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81'282.8

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-308-316

Демонстрация языкового явления «фигура речи» в текстах СМИ Нигерии

Багана Ж., Алаева М.В., Жевлакова П.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

Аннотация. Средства массовой информации (СМИ) играют важную роль в отражении жизни общества и формировании мнений. Цель СМИ состоит не только в информировании людей о происходящем в мире, но и в том, чтобы помочь им понять и правильно интерпретировать события. Данную задачу в публицистических текстах выполняет такой синтаксический феномен, как инверсия, представляющий интерес для современных исследований. Целью данной работы является установление роли экспрессивных синтаксических конструкций в текстах англоязычных средств массовой информации, функционирующих на территории Нигерии. Новизна подходов заключается в исследовании инверсии через прагматическую призму на примере публицистических текстов СМИ Нигерии. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что важная задача, которую выполняет инверсия, заключается в вынесении, подчеркивании более значимых частей предложения и текста в целом, что обеспечивает воздействие публицистического текста на целевую аудиторию. Посредством включения данного лингвистического явления в различные письменные тексты и устные выступления выражается индивидуальное отношение спикера к предмету речи.

Ключевые слова: синтаксис, прямой порядок слов, инверсия, стилистическая инверсия, грамматическая инверсия, публицистический текст, СМИ, экспрессивные средства

Для цитирования: Багана Ж., Алаева М.В., Жевлакова П.Г. 2022. Демонстрация языкового явления «фигура речи» в текстах СМИ Нигерии. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 41(2): 308–316. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-308-316

Demonstration of the Linguistic Phenomenon of "Figures of Speech" in the Texts of the Nigerian Media

Zherome Bagana, Margarita V. Alaeva, Polina G. Zhevlakova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: margarita-alaeva@rambler.ru

Abstract. The mass media plays an important role in reflecting the life of society and forming opinions. The purpose of the media is not only to inform people about what is happening in the world, but also to help them understand and interpret events correctly. This task in journalistic texts is performed by such a syntactic phenomenon as inversion, which is of interest to modern research. The purpose of this work is to establish the role of expressive syntactic constructions in the texts of English-language mass media

operating in Nigeria. The novelty of the approaches lies in the study of inversion through a pragmatic prism on the example of journalistic texts of the Nigerian media. As a result of the analysis, it is concluded that an important task performed by inversion is to make, emphasize the more significant parts of the sentence and the text as a whole, which ensures the impact of the journalistic text on the target audience. By including this linguistic phenomenon in various written texts and oral speeches, the speaker's individual attitude to the subject of speech is expressed.

Keywords: Syntax, direct word order, inversion, stylistic inversion, grammatical inversion, journalistic text, media, expressive means

For citation: Bagana J., Alaeva M.V., Zhevlakova P.G. 2022. Demonstration of the Linguistic Phenomenon of "Figures of Speech" in the Texts of the Nigerian Media. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 308–316 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-308-316

Введение

Средства выразительного синтаксиса представляют интерес для лингвистов [Гальперин, 2007; Злобина, 2013; Шумович, 2013] в течение последних нескольких десятилетий. Канонически формирование порядка слов изучается стилистикой, которая рассматривает инверсию как выразительное средство.

В английском языке инверсия – сложное явление, представляющее научный интерес и выступающее в качестве объекта множества исследований и повода для различных дискуссий. Например, инверсия является объектом обсуждения в работах И.Р. Гальперина [2007], И.С. Злобиной [2013], Л.Ф. Серова [1989].

Традиционно инверсия относится к изменению синтаксически правильного порядка подлежащего, сказуемого-глагола и объекта в предложении. Этот процесс также известен как «анастрофа». Порядок слов является важной особенностью синтаксиса во многих языках. Для английского это имеет решающее значение, поскольку в этом языке существует фиксированный порядок слов, в соответствии с которым строятся предложения, обычно это «субъект – глагол – объект». Многие другие языки допускают более свободные расположения членов предложения.

За последние несколько лет порядок слов и инверсия в частности стали предметом обширных лингвистических исследований. Существует множество подходов к этой теме, которые выходят за рамки настоящего исследования и, с генеративной или функциональной точки зрения, касаются различных аспектов порядка слов.

Наиболее заметными местами в предложении считаются первое и последнее: первое место, потому что вся сила ударения ощущается в начале высказывания, и последнее место, потому что после него есть пауза. Этот традиционный порядок слов выработал определенную интонационную конструкцию. Благодаря частоте повторения эта конструкция накладывается на любое предложение, даже несмотря на изменения, внесенные в последовательность составных частей. Отсюда и столкновение между семантически незначимыми элементами предложения, когда они расположены в структурно значимом положении, и интонацией, которая следует распознанному шаблону.

В то же время стоит отметить, что инверсия не так распространена в разговорной речи: носители английского языка используют данный синтаксический прием в официальном стиле и чаще всего в письменной форме, поэтому его так часто можно встретить в текстах средств массовой информации. Кроме этого, к инверсии нередко прибегают авторы эссе и литературных произведений. Существует более 15 видов инверсии, но только некоторые из них используются в публицистических текстах. При этом для оформления публицистических текстов способность данного языкового явления эмоционально воздействовать на целевую аудиторию и передавать оттенки значений имеет большую значимость.

Цель работы заключается в определении характерности экспрессивных синтаксических конструкций в текстах англоязычных средств массовой информации (на примере англоязычных публицистических текстов СМИ Нигерии).

Объектом исследования послужили синтаксические конструкции англоязычных текстов СМИ с измененным порядком слов.

Материалом для исследования послужили публицистические тексты и заголовки с англоязычных источников СМИ, популярных в Нигерии (Vox.com, Sciencemag.org, Nature.com, Variety.com, Scientificamerican.com, Project-syndicate.org и других).

Среди основных методов данного исследования следует упомянуть такие, как реферирование тематической литературы, сопоставительный, стилистический и синтаксический анализ.

Результаты и их обсуждения

В английском языке любое изменение традиционного порядка слов играет важную роль и имеет значительную стилистическую ценность, лингвисты различают, соответственно, два типа инверсии: грамматической и стилистической [Гальперин, 2007, с. 45].

Стилистическая инверсия (*англ. the stylistic inversion*) придает высказыванию эмоциональную окраску, поскольку в этом случае акцент делается на одной из составляющих предложения. Инверсия служит выразительным средством в литературной парадигме.

Грамматическая инверсия (*англ. the grammatical inversion*) относится к синтаксической структуре, в которой два члена предложения меняют свои канонические позиции, то есть они инвертированы. Структурно обычно различают два типа грамматической инверсии:

1) полная инверсия (*англ. full inversion (FI)*). Например, “*All along one wall climbed a beautiful rambling rose*” [Foley, 2012, p. 327];

2) вспомогательная инверсия (*англ. subject-auxiliary inversion (SAI)*). Например, “*...deep blue sky arched high over the moorland. Never, never had Mary dreamed of a sky so blue. In India skies were hot and blazing <...>*” [Briner, 2012, p. 241].

Инверсия, подразумевающая перемещение слов в предложении, нарушение их прямого, более привычного порядка, выполняет в языке несколько функций: логическую, грамматическую, экспрессивную, коммуникативную, прагматическую и структурно-семантическую. Данное языковое явление важно для постановки акцента в высказывании (в предложениях без особого акцента сохраняется стандартный порядок слов), усиления экспрессивности или придания предложению более официального формата.

В лингвистике инверсия – это любая из нескольких грамматических конструкций, в которых два выражения меняют свой канонический порядок. Некоторые языки, в частности другие германские и романские языки, используют инверсию во многих случаях подобно английскому. Наиболее ярко это проявляется при образовании вопросительных предложений. Такое сходство в синтаксических структурах обозначено в первую очередь тем фактом, что инверсия в упомянутых языках не ограничена вспомогательными глаголами, то есть предметы могут быть инвертированы любым типом глагола, хотя в отдельных языках существуют свои собственные правила и ограничения [Шумович, 2013, с. 108].

Тойин Омойени Фалола, нигерийский историк и профессор гуманитарных наук, полагает, что изучение данных правил и ограничений, а также рассмотрение случаев вариативного инвертирования важно для более глубокого понимания текстов и их перевода на другие языки. Так, например, стилистическая вариативность, феномен, который так часто наблюдается в заголовках англоязычных газетных статей в Нигерии, представляет особые трудности для перевода и усложняется в процессе развития языка СМИ, появления новых изданий и стандартов прессы [Falola, Genova, 2009, p. 367].

Публицистически тексты также стремятся влиять на общественное мнение по политическим и другим вопросам. Элементы оценки могут наблюдаться в самом выборе и спо-

собе подачи новостей, в использовании специфической лексики, такой как утверждение, ставящее под сомнение сообщаемые факты, и синтаксические конструкции, указывающие на отсутствие уверенности со стороны репортера в правильности сообщаемых фактов или его желание избежать ответственности (например, *'Mr. X was said to have opposed the proposal'; 'Mr. X was quoted as saying...'*).

Заголовки новостей, помимо предоставления информации о предмете, также несут в себе значительную оценку (размер и расположение заголовка, использование эмоционально окрашенных слов и элементов эмоционального синтаксиса), указывая таким образом на интерпретацию фактов в следующей новости. Но, конечно, главным средством интерпретации и оценки является газетная статья и редакционная статья в частности. Редакционные статьи характеризуются субъективной трактовкой фактов, политических или иных. Они имеют много общего с классическими образцами публицистического письма. Однако газетное оценочное письмо безошибочно несет на себе печать газетного стиля. Таким образом, представляется естественным рассматривать газетные статьи, включая передовицы, как входящие в систему английского газетного стиля. Но следует отметить, что в то время как передовицы носят преимущественно оценочный характер, тематические статьи в газетах, как правило, содержат значительный объем информации, и соотношение информативного и оценочного существенно варьируется от статьи к статье.

Основная функция газетного стиля – информировать читателя. Само собой разумеется, что основная часть лексики, используемой в газетных статьях, является нейтральной и общелитературной. Но помимо этого, газетный стиль имеет свои специфические лексические особенности и характеризуется широким использованием специальных политических и экономических терминов, нетерминативной политической лексики, газетных штампов, аббревиатур, неологизмов, иностранных слов.

Однако в современных англоязычных газетах и журналах Нигерии наблюдается определенная тенденция экспериментировать с порядком слов до такой степени, что данное сообщение может даже стать непонятным. В этом случае может быть практически неограниченное количество перестановок членов предложения.

Рассматривая встречающиеся в текстах газетных статей Нигерии типы инверсии, стоит отдельно остановиться на таком виде, как синтаксическая обстоятельственная инверсия, так как именно она завоевала наибольшую популярность в данном проявлении публицистического стиля. Чтобы проиллюстрировать описанное явление, целесообразным представляется привести следующие примеры:

– *However from today, Santander is paying just 1.5pc on balances up to £20,000. A £5 monthly fee still applies;*

– *In May 2002, at the time of Boschetti's first restructuring plan, the medium-term target was a 10 percent share.*

Второе место по частоте использования среди выраженных в текстах СМИ Нигерии типов языкового явления занимает инверсия, основанная на перемене мест составного сказуемого или его части с существительным в предложении. Такой тип инверсии чаще встречается в текстах экономической направленности и способствует приданию высказыванию эмоциональной выразительности [Перехода, 2009, с. 133]. Чтобы детальнее рассмотреть данное понятие, стоит обратить внимание на такие примеры:

– *Not only is that rate faster than the 5% gain posted just at the recession began but it's also the fastest pace since 1990;*

– *Also conspicuous is its attention to the rule of law and private property.*

Анализ практического материала исследования, представленного статьями на экономическую тематику из популярного СМИ-источника *The Economist*, показал, что распространена также постановка между подлежащим и сказуемым обстоятельства времени или дополнения. Следующие предложения иллюстрируют данный тип инверсии:

– *Sales and traffic at U.S. brick-and-mortar stores on Thanksgiving Day and Black Friday declined from last year, as stores offered discounts well beyond the weekend and more customers shopped online;*

– *However, industry observers yesterday suggested that Mr Munro might try to find a backer to take Matalan private.*

Также проанализировав популярные новостные сводки The Guardian Nigeria News мы рассмотрели несколько примеров инверсии:

1. *On his European counterparts Mr Berlusconi has called to do more to help with the worsening economic situation.*

В данном типе инверсии объект стоит в начале предложения. В этом примере инверсия имеет несколько функций. В первую очередь данная инверсия выполняет грамматическую функцию, а затем уже информационную. Рема помещается перед темой. С помощью инверсии указывается необходимая часть предложения. Инверсия нарушает традиционный порядок слов, и это противоречие привлекает внимание читателей.

2. *Had the authorities not evacuated low-lying neighbourhoods last Saturday, enormous amount of people would have died.*

Согласно всем грамматическим нормам английского языка мы не можем использовать сокращенную отрицательную форму, когда мы используем «перевернутый» порядок слов для выражения нереального или невозможного состояния в прошлом. Вместо этого мы обязаны использовать полную форму not. Конечно, если бы мы использовали более обычное предложение if для выражения этой условной идеи, сокращенная отрицательная форма была бы нормой. Данное синтаксическое явление использовано с целью получения эмоционального окраса предложения.

3. *Crystal clear the aim is: to keep personal power and the power of the party of crooks and thieves.*

В данном примере представлен тип инверсии, при котором предикатив ставится перед подлежащим. Автор этой новостной сводки хотел подчеркнуть всю ясность цели, и именно поэтому он поставил предикативный признак перед подлежащим. Здесь мы имеем функцию эмоциональной окраски инверсии.

4. *Part of a major economic restructuring tax rises and privatizations will form.*

В данном примере есть объект, помещенный в начало предложения. Здесь речь идет о создании эффекта, используемого для того, чтобы глубже погрузить читателя в историю. В первой части предложения Part of a major economic restructuring помещен фокус внимания.

5. *Most service providers offer a road map. But how many are willing to dig in and help pave the road? At the heart of Unisys Services is our customerize philosophy.*

В данном типе инверсии перед подлежащим стоят как модификатор, так и сказуемое. Его функция не только грамматическая, но и логико-информативная. В конкретном примере рема размещена на первом месте, чтобы подчеркнуть новую информацию и привлечь внимание читателя. Если мы сделаем традиционный порядок слов, то получим следующее:

Our customerize philosophy is at the heart of Unisys Services.

Это предложение уже имело эмоциональную окраску из-за экспрессивной лексики, а слово customerize выделено жирным шрифтом. При изменении порядка слов эффект привлечения внимания становится сильнее. Поэтому инверсия здесь имеет большой смысл. Он выделяет необходимую информацию и оказывает эмоциональное воздействие на читателя. Это придает дополнительную эмоциональную окраску предложению.

6. *Should you not wish to sign the contract, you must let them know before the end of June.*

Следует обратить внимание на то, что в публицистических текстах СМИ Нигерии мы также можем встретить инверсионную структуру с should, когда мы говорим о настоящих и будущих условиях. Использование should здесь не имеет ничего общего с обяза-

тельством, а просто является альтернативой настоящему простому в более обычном предложении *if*.

7. *In a petition yesterday titled 'Public Notice To Samuel Aruwan, Kaduna State Commissioner for Home Affairs from Concerned Natives of Kurdan Village, Zango Kataf LGA of Kaduna State', the community leaders alleged that the government was inciting Fulani herdsmen against the natives in Southern Kaduna.*

Данный тип инверсии демонстрирует пример грамматической инверсии, то есть когда модификатор и сказуемое стоят перед подлежащим.

Рассмотрев примеры предложений, где приведены случаи использования такого лингвистического явления как инверсия, можно сделать вывод о том, что существуют различные способы его включения в тексты газетных статей, что способствует расширению функциональной сферы инверсии и препятствует однообразию ее структурного выражения. Оформив результаты анализа в виде диаграммы, мы получили следующие показатели (см. рисунок).

Частота употребления инверсии в СМИ Нигерии
Frequency of use of inversion in Nigerian media

В англоязычных публицистических текстах СМИ Нигерии в большей степени преобладает частичная инверсия – 85 % и лишь 25 % занимает полная инверсия.

Из частичной инверсии наибольший процент употребления относится к обстоятельным выражениям в препозиции – 60 %; затем чаще всего употребляется частичная инверсия (обстоятельства времени) – 40 % и завершает список частичная инверсия (придаточное предложение в препозиции) – 20 %.

Таким образом, инверсия является характерной чертой публицистических текстов, ее наличие придает выражениям экспрессивности и яркости, а в качестве наиболее значимого фактора выступает тот факт, что читатель непременно обратит внимание на заголовок или новость в СМИ.

Заключение

В синтаксической теории аксиомой является то, что определенные части речи занимают соответствующие синтаксические позиции. Так, инверсия означает, что субъект и предикатив меняются местами. Такая интерпретация нарушает основные лингвистические принципы структурной лингвистики.

На основе произведенного анализа можно прийти к заключению, что наличие инверсии является характерной чертой для текстов не только художественного жанра, но также и публицистического.

Инверсия используется для придания акцента или риторического характера в более формальных ситуациях, в политических речах, в новостях, а также в литературе. Некоторые носители языка могут иногда использовать их в повседневной беседе.

Анализ инверсии в публицистических текстах СМИ Нигерии показал, что данный стилистический прием может выполнять несколько функций в предложении. Каждая из этих функций имеет свою собственную цель. Иногда инверсия помогает выделить слово, чтобы читатель запомнил название или рекламируемый товар. Иногда это помогает придать эмоциональную окраску поверхностному смыслу высказывания. С помощью инверсии мы можем повысить информативность сообщения и привлечь внимание читателя. Функция интенсификации служит для усиления выразительного ударения на конкретном слове в предложении.

В ходе работы мы сделали вывод, что инверсия используется в публицистических текстах как для информативной, так и для эмоциональной окраски.

В этом исследовании мы проанализировали использование инверсии в текстах газетных статей и ее прагматический аспект:

- определили стилистическую инверсию, ее классификацию и структуру,
- выявили лингвистические особенности использования стилистической инверсии,
- объяснили способы перевода стилистической инверсии и трудности перевода инверсии,
- проанализировали прагматические функции и трудности перевода стилистической инверсии.

Инверсия в англоязычных текстах СМИ Нигерии фокусирует внимание аудитории на более важной составляющей предложения. Таким образом, инверсия делает публицистические тексты более эмоциональными и позволяет автору выражать различные позиции. Данный лингвистический феномен также можно рассматривать как эффективный инструмент убеждения, что является неоспоримым преимуществом для воздействия и подачи информации целевой аудитории через средства массовой информации. В большинстве проанализированных случаев инверсия была частичной.

Список источников

- Mirror D. 2022. Available at: <http://www.mirror.co.uk> (accessed 11/15/2021).
- Pinsker B. 2016. Data Dive: Where have all the Hatchimals gone? Reuters. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-datadive-hatchimals-idUSK-BN13K20N> (accessed: 18.11.2021).
- Telegraph. 2022. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/personal-banking/savings/santanders-best-buy-123-rate-disappears-today---here-are-your-op/> (accessed: 21.11.2021).
- The Guardian. 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/uk/commentisfree> (accessed: 21.11.2021).

Список литературы

- Гальперин И.Р. 2007. Текст как объект лингвистического исследования. М., Ком Книга, 144 с.
- Гроза О.Л., Дворецкая О.Б., Казырбаева Н.Ю., Клименко В.В., Мичурина М.Л., Новикова Н.В., Рыжкова Т.Н., Шалимова Е.Ю. 2012. Английский язык: Английский язык нового тысячелетия / *New Millennium English*. Обнинск, Титул, 176 с.
- Давыдова Н.А. 2011. Инверсия в английском дискурсе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 633: 88–94.
- Злобина И.С. 2013. Экспрессивная функция порядка слов в современном английском языке. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 2-2: 58–61.
- Ильиш Б.А. 1948. Современный английский язык. Москва, Изд-во литературы на иностр. языках, 347 с.
- Ильиш Б.А. 1958. История английского языка. Москва, Изд-во литературы на иностр. языках, 418 с.
- Кошечкина И.Г. 2012. Проблемы языкознания и теории английского языка. Грамматический строй современного английского языка. Теоретический курс. Москва, ЛИБРОКОМ, 178 с.

- Расторгуева Т.А. 2008. Очерки по исторической грамматике английского языка. Москва, ЛИБРОКОМ, 168 с.
- Серова Л.Ф. 1989. Коммуникативная инверсия как приём стилизации. В кн.: Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Межвузовский сборник. Под ред. О.В. Бокий. Л., Изд-во Ленинградского университета: 42–49.
- Смирницкий А.И. 1959. Морфология английского языка. Москва, МГУ им. Ломоносова, 350 с.
- Перехода Е.И. 2009. Стилистическая инверсия в современном английском языке. *Альманах современной науки и образования*, 2-3 (21): 133–135.
- Шумович А.А. 2013. Программа радионовостей: синтаксическая специфика текста. *Научные стремления*, 8: 106–111.
- Birner V.J. 2012. *The Discourse Function of Inversion in English*. Routledge Routledge Taylor & Francis Group.
- Comrie B. 1985. *Tense*. Cambridge, Cambridge University Press, 214 с.
- Falola T., Genova A. 2009. *Historical Dictionary of Nigeria*. The Scarecrow Press Inc, Lanham, Maryland, 473 p.
- Foley M., Hall D. 2012. *My GrammarLab Advanced C1 / C2*. Harlow, Pearson Longman.

References

- Gal'perin I.R. 2007. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. M., Publ. Kom Kniga, 144 p.
- Groza O.L., Dvoretzkaya O.B., Kazyrbaeva N.Yu., Klimenko V.V., Michurina M.L., Novikova N.V., Ryzhkova T.N., Shalimova E.Yu. 2012. *Angliyskiy yazyk: Angliyskiy yazyk novogo tysyacheletiya / New Millennium English* [English: The English language of the new millennium / New Millennium English]. Obninsk, Publ. Titul, 176 p.
- Davydova N.A. 2011. Inversion in the english discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 633: 88–94
- Zlobina I.S. 2013. Expressive function of modern english language. *Herald of Vyatka State University*, 2-2: 58–61 (in Russian).
- Il'ish B.A. 1948. *Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Modern English]. M., Publ. Izd-vo literatury na inostr. yazykakh, 347 p.
- Il'ish B.A. 1958. *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of the English language]. Moskva, Publ. literatury na inostr. yazykakh, 418 p.
- Koshevaya I.G. 2012. *Problemy yazykoznaniiya i teorii angliyskogo yazyka. Grammaticheskiy stroy sovremennogo angliyskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs* [Problems of linguistics and theory of the English language. The grammatical structure of modern English. Theoretical course]. M., Publ. LIBROKOM, 178 p.
- Rastorgueva T.A. 2008. *Ocherki po istoricheskoy grammatike angliyskogo yazyka* [Essays on the Historical Grammar of the English Language]. M., Publ. LIBROKOM, 168 p.
- Serova L.F. 1989. *Kommunikativnaya inversiya kak priem stilizatsii* [Communicative inversion as a stylization technique]. In: *Analiz stiley zarubezhnoy khudozhestvennoy i nauchnoy literatury* [Analysis of styles of foreign fiction and scientific literature]. *Mezhvuzovskiy sbornik*. Ed. O.V. Bokiy. L., Publ. Izd-vo Leningradskogo universiteta: 42–49.
- Smirnitskiy A.I. 1959. *Morfologiya angliyskogo yazyka* [Morphology of the English languag]. Moskva, Publ. MGU im. Lomonosova, 350 p.
- Perekhoda E.I. 2009. *Stilisticheskaya inversiya v sovremennom angliyskom yazyke* [Stylistic Inversion in Modern English]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2-3 (21): 133–135.
- Shumovich A.A. 2013. *A programm of radionews: syntactis specifics of text*. *Scientific Aspirations*, 8: 106–111.
- Birner V.J. 2012. *The Discourse Function of Inversion in English*. Routledge Routledge Taylor & Francis Group.
- Comrie B. 1985. *Tense*. Cambridge, Cambridge University Press, 214 с.
- Falola T., Genova A. 2009. *Historical Dictionary of Nigeria*. The Scarecrow Press Inc, Lanham, Maryland, 473 p.
- Foley M., Hall, D. *My GrammarLab Advanced C1/C2*. Pearson. 2012.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.03.2022
Поступила после рецензирования 8.04.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Received March 30, 2022
Revised April 8, 2022
Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багана Жером, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Алаева Маргарита Владимировна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Жевлакова Полина Георгиевна, студент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zherome Bagana, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Margarita V. Alaeva, PhD student, Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Polina G. Zhevlakova, student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-317-328

Интернет-мем и юмор

Канашина С.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76
E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

Аннотация. Для понимания природы постмодернизма и современной культуры в целом важно изучение юмористических жанров интернет-коммуникации, являющихся воплощением постмодернистского юмора. Поскольку данная тема остается малоизученной, автором поставлена цель – проанализировать природу юмора в интернет-мемах в контексте современной интернет-коммуникации, выявить и описать его особенности. В качестве материала были использованы 500 интернет-мемов из англоязычных интернет-ресурсов. В результате были выявлены формы юмора, детабуизация, фольклорный характер и карнавализация. Многообразие форм юмора воплощается в бытовании в мемах разнообразных юмористических проявлений, среди которых сатира, ирония, сарказм и пародия, и обусловлено дискурсивными свойствами данных единиц, а именно: юмористической направленностью, игровым характером и гротескностью. Детабуизация реализуется в активном использовании слов-табу и тем-табу, в нарушении коммуникативных табу для создания юмористической тональности. Фольклорный характер юмора в интернет-мемах прослеживается в анонимности, креативности и опоре на коллективное мировоззрение. Благодаря фольклорному началу, юмор в интернет-мемах выражается в оригинальной устно-письменной форме с такими особенностями, как коллоквиализация, отклонение от языковой нормы, эллипсис и т.д. Карнавализация обеспечивает особый, фамильярный, шутовской, бросающий вызов официальности юмор в мемах. Таким образом, выявленные характеристики свидетельствуют об оригинальной и многогранной природе юмора, которая отражает, с одной стороны, специфику интернет-коммуникации и, с другой стороны, жанровые свойства интернет-мема.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, юмор, детабуизация, карнавализация, фольклор, ирония, пародия

Для цитирования: Канашина С.В. 2022. Интернет-мем и юмор. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 317–328. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-317-328

Internet Meme and Humour

Svetlana S.V. Kanashina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia
E-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

Abstract. The analysis of humorous genres of internet communication which are the embodiment of postmodern humour is important for understanding the nature of postmodernism and modern culture in general. Due to the fact that this field is underresearched, the author sets the goal to analyse the nature of humour in internet memes within the context of modern internet communication and to find out and describe its features. The material of the study includes 500 internet memes retrieved from numerous English internet websites. The research revealed a great variety of humour types, detabooization, folklore underpinning and carnivalization. A great variety of humour types is represented in diversified humorous manifestations such as satire, irony, sarcasm and parody and is mainly caused by the discursive features

of these phenomena which are humorous basis, playful character and grotesque. Detabooization is realized in the active use of taboo words and taboo topics, as well as the violation of communicative taboos to create a humorous flavour. Folklore underpinning of humour in internet memes is traced in anonymity, creativity and reliance on collective consciousness. Due to folklore underpinning, humour in internet memes is presented in the original speech-like form with such peculiarities as colloquialization, violation of language norm, ellipsis, etc. Carnivalization ensures a special, familiar, clownish, challenging formality humour. To sum up, the revealed characteristics testify to the original and multi-faceted nature of humour in internet memes, which reflects, on the one hand, special features of internet communication and, on the other hand, genre peculiarities of internet memes.

Key words: internet meme, internet communication, humour, detabooization, carnivalization, folklore, irony, parody

For citation: Kanashina S.V. 2022. Internet Meme and Humour. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 317–328 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-317-328

Введение

Одной из основных характеристик современной эпохи постмодернизма является юмор [Рубе, 2006; Фефелова, 2016], который зачастую воплощается в нестандартных и оригинальных формах. Постмодернистский юмор может находить выражение в едкой иронии, язвительной сатире, сарказме и т.д. [Садиева, 2018]. Своеобразие постмодернистского юмора заключается в иррациональности и хаотичности, что делает его интересным для научного осмысления.

Современные юмористические жанры интернет-коммуникации являются воплощением постмодернистского юмора, поэтому их изучение важно для понимания природы постмодернизма и современной культуры в целом. Кроме того, рассмотрение комических интернет-жанров значимо для таких научных областей, как лингвистика, журналистика, социология, литературоведение и т.д.

Самобытным феноменом интернет-коммуникации является интернет-мем, представляющий собой вирусную единицу с разнообразной формой выражения (видео, аудио, текстовые знаки, полимодальные единицы) [Shifman, 2013; Wang, Wang, 2015; Wiggins, Bowers, 2015]. Самыми многочисленными и интересными для анализа являются полимодальные интернет-мемы, передающие информацию с помощью вербального и визуального компонентов [Щурина, 2010; Никитина и др., 2018]. За счет наличия вербального и визуального компонентов юмор в полимодальных мемах репрезентируется в иллюстративной, наглядной и выразительной форме, что делает юмористический потенциал интернет-мемов богаче и эффективнее [Баслина, Ухова, 2014].

Методологической основой исследования послужили работы в области теории интернет-мемов и интернет-коммуникации Е.М. Александровой [2017]; Е.Ю. Баслиной, Л.В. Ухова [2014], А.И. Дубских [2019]; А.А. Кулаженко, Н.Н. Бычковой [2017]; О.А. Никитиной, О.А. Гудковой, Ф. Зандер [2018]; О.В. Лутовиновой [2008]; Ю.В. Щуриной [2010] и др.; работы по карнавализации М.М. Бахтина [1990]; И.М. Дзялошинского [2019]; В.А. Дубовского [2016] и другие.

На фоне большого количества исследований, посвященных лингвистическим аспектам интернет-мема, вопрос об особенностях юмора в данных единицах остается малоизученным. Автором впервые предпринята попытка детально рассмотреть и обобщить особенности юмора в интернет-мемах.

Цель исследования – проанализировать природу юмора в интернет-мемах в контексте современной полифоничной и многообразной интернет-коммуникации. Задачами данного исследования являются выявление и описание главных особенностей юмора в интернет-мемах.

Объекты и методы исследования

Работа проведена в русле современного дискурсивного подхода, согласно которому интернет-мем представляет собой полимодальный дискурс, в котором информация транслируется с помощью вербального и визуального кодов. Полимодальная форма обуславливает особый характер юмористических репрезентаций в интернет-мемах, поскольку юмор в данных единицах передается не только вербальными знаками, в отличие от юмора в номодальных текстах, но и невербальными средствами. Полимодальная форма позволяет сделать юмор выразительным, наглядным и визуализированным в интернет-мемах.

Методология исследования включает такие методы, как описательно-аналитический (сбор, анализ и обобщение материала), семантического анализа, лингвокультурного анализа, дискурс-анализа. Рассмотрение конкретных примеров потребовало применения мультимодального анализа, разработанного Г. Крессом и Т. ван Леувенем, для изучения взаимодействия вербального и визуального компонентов в интернет-мемах.

Материалом исследования послужили 500 интернет-мемов, отобранных методом случайной выборки из многочисленных англоязычных интернет-ресурсов (Facebook, Imgflip, Memecenter, Memedroid, Memegenerator, Reddit, Twitter и др.).

Согласно дискурсивному подходу, интернет-мемы рассматривались как дискурсивные единицы коммуникации, передающие целостную информацию и обусловленные экстралингвистическим контекстом. Для исследования юмора в интернет-мемах изучалась семантика данных единиц, формирующаяся в результате взаимодействия вербального и невербального компонентов, и учитывались лингвокультурные экстралингвистические факторы. В работе представлен анализ девяти интернет-мемов, наглядно демонстрирующих результаты исследования.

Результаты исследования

В результате анализа 500 англоязычных интернет-мемов были выявлены такие особенности юмора, как многообразие форм юмора, детабуизация, фольклорный характер и карнавализация. Рассмотрим подробнее каждую особенность.

1. *Многообразие форм юмора в интернет-мемах.* Эта характеристика реализуется в бытовании множества разнообразных юмористических форм в интернет-мемах. В данных единицах можно встретить такие формы юмора, как сатира, ирония, сарказм, пародия и т.д. Жанр интернет-мема предлагает богатую панораму юмористических проявлений, что обусловлено такими дискурсивными особенностями интернет-мема, как юмористическая направленность, игровой характер, гротескность.

Поскольку интернет-мем интегрировал в себя признаки родственных юмористических жанров (карикатура, анекдот, шутка), он репрезентирует те юмористические особенности, которые свойственны данным жанрам. Таким образом, интернет-мем демонстрирует сатиричность и злободневность, свойственные карикатуре, ироничность и сарказм, характерные для шутки, абсурд и краткость, присущие анекдоту [Александрова, 2017].

Полифоничность проявлений юмора в интернет-мемах обусловлена также множественностью различных приемов, которые используются для создания юмористического эффекта. Авторы мемов прибегают к таким приемам, как преувеличение и преуменьшение, гротеск, олицетворение, анимализация, сравнение, метафора, каламбур, паронимическая аттракция, абсурд, эффект обманутого ожидания и т.д. Кроме того, мощным средством создания юмористической тональности выступают прецедентные феномены, которые запускают отсылку к значимой, заведомо известной информации. Особое место среди юмористических приемов занимает когнитивный диссонанс. Обилие юмористических средств приводит к многоликости юмористических репрезентаций в интернет-мемах.

Рассмотрим пример на рис. 1. В данном интернет-меме наблюдается сатира, потому что автор мема обличает отрицательные стороны политики президента США Дональда Трампа. Сопроводительная надпись переводится так: «Не вижу реальную действительность, не слышу реальную действительность, не говорю то, что соответствует реальной действительности». Графический ряд визуализирует вербальный компонент в карикатурном виде. В интернет-меме имплицитно выражена идея о том, что Д. Трамп игнорирует факты, не признает реальное положение дел, и не говорит правду. Юмор в данном меме выражен в полимодальной форме с опорой на вербальный и визуальный компоненты. Средствами создания юмористической направленности служат карикатурные портреты Д. Трампа, а также параллелизм, лексические повторы и градация в вербальном компоненте.

Рис. 1. Интернет-мем с сатирической характеристикой ¹
Fig. 1. Satirical internet meme

В интернет-меме на рис. 2 отмечается саркастическая тональность за счет насмешки, выраженной в язвительной форме. Сопроводительная надпись переводится следующим образом: «Ты публикуешь все свои проблемы на Facebook? Должно быть, это решает все проблемы». Автор мема использует сарказм, чтобы передать критическое отношение к современной тенденции выставлять напоказ личную информацию в социальных сетях. Данный мем относится к серии мемов Вилли Вонка (Willy Wonka), в которых персонаж из фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» (1971) выражает недоверие и сарказм по отношению к собеседнику.

На рис. 3 представлен интернет-мем с пародией на картину Леонардо да Винчи «Мона Лиза», в которой актуализируются такие характеристика юмора, как насмешка и вымысел. В основе пародии лежит прецедентность, т.е. заведомо знакомое реципиенту произведение Леонардо да Винчи. Автор мема прибегает к пародии для комического высмеивания современной культуры селфи. Кроме того, наблюдается абсурд за счет несоответствия пресуппозиций реципиента при упоминании известной картины и алогичного графического компонента, в результате чего рождается когнитивный диссонанс.

¹ Facebook. <https://www.facebook.com/FunnyTrumpMemes/about> (accessed: 21.01.2020).

Рис. 2. Интернет-мем, передающий сарказм ¹
Fig. 2. Sarcastic internet meme

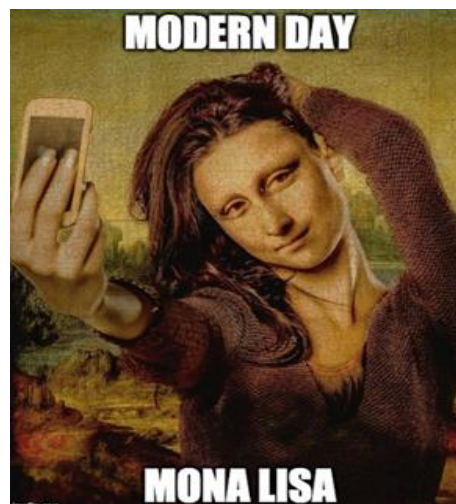

Рис. 3. Интернет-мем с насмешкой и вымыслом ²
Fig. 3. Mocking and fictional internet meme

2. *Детабуизация* – это интенсивное использование слов- и тем-табу [Куницына, 2010]. Данное явление реализуется либо в употреблении обсценных языковых средств, либо в обсуждении тем-табу, например, связанных с человеческими болезнями, умственными и физическими недостатками, Богом, смертью и т.д. [Куницына, 2010].

Юмор в интернет-мемах зачастую носит детабуированный характер, что подтверждается активным воспроизведением обсценной лексики для достижения юмористического эффекта. Кроме того, юмористические приемы нередко строятся на нарушении коммуникативных табу. Примерами могут служить насмешки над представителями определенных этносов, инвалидами, гендерный юмор.

Одним из аспектов детабуированного юмора в интернет-мемах является десакрализация культурно значимых символов (высмеивание церкви, Иисуса Христа, использование религиозных символов в бытовом сниженном контексте и т.д.). Несмотря на религиозный плюрализм в англосаксонской культуре и светские традиции, тема религии остается деликатной в обществе, и юмористическая репрезентация данной сферы противоречит культурным нормам. Детабуизация юмора обусловлена дискурсивной природой мемов, которая предполагает анонимность [Дубских, 2019], отсутствие редакторской правки и цензуры, стремление привлечь внимание реципиента эпатажным контентом. В целом детабуизация юмора в интернет-мемах выражается в смеховой стихии без границ, юмор в данных единицах зачастую грубый и непристойный. Интернет-мемы выполняют функцию трибуны, с помощью которой можно транслировать детабуированный юмор. Одним из аспектов данного феномена является демократизация, позволяющая интернет-пользователям без ограничений реализовывать юмористические интенции. С другой стороны, детабуизация отражает стихийный, нерегулируемый характер юмора в интернет-мемах.

На рис. 4а представлен интернет-мем, в котором детабуированный юмор выражается в десакрализации образа католической церкви. Сопроводительная надпись переводится так: «Деньги – зло, отдайте их нам». Очевидно, автор мема затрагивает болезненный во-

¹ You post all your problems on Facebook? That must solve all Everything. ГТТТ. Anti Cowboys Dallas Memes. Me.me. Available at: <https://me.me/i/you-post-all-of-your-problems-on-facebooke-that-must-52d4289fbde94ccf900d5bc9c5d3e435> (accessed: 18.01.2020).

² Modern Day; Mona Lisa. 2017. Imgflip. Available at: <https://imgflip.com/i/1vzu6r> (accessed: 18.01.2020).

прос о богатстве церкви, юмор служит средством выражения мнения автора. Шутка в данном меме выполняют дискредитирующую функцию.

На рис. 4б продемонстрирован интернет-мем, в котором используется дискриминирующий дискурс. Сопроводительная надпись переводится следующим образом: «Я не расист. Расизм – это преступление, а преступления относятся к чернокожим людям». Данный мем относится к серии мемов с персонажем из фильма «Властелин колец» Боромиром. Юмористический эффект построен на алогизме и когнитивном диссонансе. Автор мема нарушает коммуникативное табу, предусматривающее запрет на дискриминацию по расовому признаку.

а

б

Рис. 4. Интернет-мемы, демонстрирующие детабуированный юмор^{1, 2}.

Fig. 4. Internet memes based on detabooized humour

3. *Фольклорный характер* юмора в интернет-мемах обусловлен тем, что мемы как жанр относятся к интернет-фольклору [Кулаженко, Бычкова, 2017]. Интернет-фольклор представляет собой богатое культурное и дискурсивное явление, особенностью которого является аккумуляция народного творчества в интернет-среде.

Интернет-мем воплощает такие признаки интернет-фольклора, как анонимность, креативность, опора на коллективное мировоззрение. Фольклорное начало обуславливает характер юмористического потенциала в интернет-мемах. Во-первых, анонимность обеспечивает свободу юмористического выражения с возможностью юмористической репрезентации острых и деликатных проблем. Креативность как категория интернет-фольклора создает предпосылки для оригинального, нетривиального, творческого выражения юмористического начала в интернет-мемах. Опора на коллективное мировоззрение влияет на юмор в том смысле, что юмористической репрезентации зачастую подвергаются те феномены, которые представляют важность для представителей социума.

Стоит отметить уникальный устно-письменный характер речевых сообщений в интернет-мемах, который также отражает фольклорное начало. Как известно, фольклор традиционно функционировал в устной форме. С появлением интернет-коммуникации произошел переход от устной формы бытования фольклора к устно-письменной [Лутовинова, 2008], предполагающей письменную фиксацию устной речи. В результате данной трансформации появилось такое явление, как устно-письменная речь, для которой свойственно отклонение от языковой нормы, эллипсис, коллоквиализация, сниженное стилистическое

¹ Memecenter. <https://www.memecenter.com/fun/787403/church-logic/comments> (accessed: 20.01.2020)

² Memedroid. <https://www.memedroid.com/memes/tag/RACISM/2> (accessed: 01.02.2020)

оформление, нарушение речевого этикета. Вышеупомянутые языковые особенности часто репрезентируются в интернет-мемах, в результате юмор становится не пресным и серым, а оригинальным, живым, нестандартным за счет устно-письменной формы выражения.

Фольклорный характер подтверждается также бытованием множества фольклорных интернет-персонажей, которые юмористически репрезентируются в интернет-мемах. Среди данных персонажей, популярных в русскоязычной интернет-коммуникации, можно упомянуть «Свидетеля из Фрязино», «Ждуна», «Упоротого лиса» и т.д. В англоязычной интернет-коммуникации знаменитыми стали «Угрюмый кот» (The Grumpy Cat), «Лягушонок Пепе» (Pepe the Frog), «Успешный ребенок» (Success Kid) и т.д.

Рассмотрим пример на рис. 5а с известным персонажем интернет-фольклора Чаком Норрисом (Jack Norris). Сопроводительная надпись переводится так: «Я бросил гранату и убил 50 людей, и потом граната взорвалась».

а

б

Рис. 5. Интернет-мем, демонстрирующий фольклорный характер юмора^{1,2}
Fig. 5. Folklore internet memes

Серия мемов про Чака Норриса отличается устойчивой юмористической коннотацией и определенной семантической установкой. Вот, что пишут авторы книги «Антология фольклора рунета»: «Чак Норрис – звезда Голливуда, популярный исполнитель героических ролей в фильмах-боевиках. Его однообразно-суровое выражение лица и соответствующие фильмы сделали Чака объектом бесконечных насмешек как на Западе, так и у нас. В интернете можно найти массу анекдотических историй, обыгрывающих нечеловеческую крутизну и непобедимость экранных героев Чака, в общественном сознании слившихся с образом самого актера в единое целое» [Бокарев, Гагин, 2007, с. 4]. Данный мем наглядно демонстрирует фольклорный характер юмора, заключающийся в актуализации собирательного образа Чака Норриса, который сформировался в результате народного творчества интернет-пользователей.

На рис. 5б можно увидеть интернет-мем из серии «Угрюмый кот» (The Grumpy Cat). Сопроводительная надпись переводится таким образом: «Как я себя чувствую в понедельник». Графический компонент, демонстрирующий хмурого, недовольного кота, дополняет

¹ Memegenerator. <https://memegenerator.net/instance/37854246/chuck-norris-meme-i-once-threw-a-grenade-killed-50-people-then-the-grenade-exploded> (accessed: 02.2020)

² Grumpy Cat Not Amused. How i feel; every Monday. 2017. Imgflip. <https://imgflip.com/i/1hblsk> (accessed: 11.02.2020).

семантику мема. Фольклорный характер юмора в данном меме подтверждается тем, что юмористический эффект построен на воспроизведении обобщенного, юмористически окрашенного образа «Угрюмого кота», родившегося в процессе коллективного творчества пользователей интернета.

4. *Карнавализация* определяется как «транспонирование карнавальных форм народной смеховой культуры на язык различных художественных средств» [Дукин, 2014, с. 1]. Термин карнавализация относится к теории М.М. Бахтина, который в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» обосновал влияние средневекового карнавала на культуру Нового времени [Бахтин, 1990]. По мнению М.М. Бахтина, средневековая карнавальная культура отличалась двуми́рностью, выраженной в противопоставленности смехового восприятия действительности и официальной (церковной и государственной) стороны жизни [Бахтин, 1990]. В качестве неотъемлемых характеристик карнавальная культура М.М. Бахтин выделял театрально-зрелищную форму, вовлеченность участников в действо, шутовство и дурачество, праздничную атмосферу, снятие иерархических барьеров [Бахтин, 1990]. Сегодня многие исследователи отмечают актуализацию карнавальная культура в интернет-коммуникации [Górka, 2014; Дубовский, 2016; Дзялошинский, 2019].

Карнавализация юмора в интернет-мемах выражается, прежде всего, в смеховом осмыслении серьезных аспектов действительности. Интернет-мемы демонстрируют высмеивание политических лидеров, карикатурную репрезентацию острых актуальных проблем, пародии на официальные заявления чиновников и т.д. Даже глобальные угрозы и кризисы (климатический кризис, угроза применения ядерного оружия некоторыми странами, перенаселение и т.д.) представлены в интернет-мемах в шутовском виде. В духе средневекового карнавала серьезная и официальная сторона бытия уступает место смеховой стихии в интернет-мемах.

Кроме того, карнавализация юмора прослеживается в фамильяризации как категории карнавального мироощущения [Бахтин, 1990]. Интернет-пользователи имеют возможность выразить фамильярное, бесцеремонное и недопустимое за рамками интернет-коммуникации отношение к тем субъектам, которые по своему статусу требуют уважения, например, к представителям власти, политическим лидерам, деятелям культуры и т.д. Благодаря фамильяризации в интернет-мемах иерархические барьеры снимаются и рождается развязный, не признающий авторитеты юмор.

Интернет-мем на рис. 6а отражает такую характеристику карнавализации, как высмеивание официальной стороны жизни. Автор мема комично репрезентирует премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона. Сопроводительная надпись переводится так: «Борис Джонсон солгал королеве. Не британец. Непатриотичный. Недопустимое поведение». Юмористический эффект построен на экстралингвистическом контексте. Реципиенту предлагается «декодировать» авторскую импликацию, опираясь на биографические факты политика (американские корни, скандальная репутация). Карнавализация воплощается в данном случае в развенчании официальных ценностей и низложении символического авторитета [Дукин, 2014].

На рис. 6б представлен интернет-мем, в котором сопроводительная надпись переводится следующим образом: «Только в Америке мы верим в прогноз погоды от грызуна, а наш президент отрицает доказательства климатических изменений, представленные учеными». В интернет-меме наблюдается прецедентность, выраженная в аллюзии к фильму «День сурка», в котором описывается традиционный праздник в США. Ежегодно 2 февраля американцы, наблюдая за поведением сурка, строят предположения о скором наступлении весны. Автор мема апеллирует к заявлениям Д. Трампа о том, что глобального потепления не существует. Карнавальная характер юмора подтверждается смеховым осмыслением официального политического начала и снижением образа президента.

Рис. 6. Интернет-мем с карнавализацией^{1, 2}
Fig. 6. Carnavalized internet memes

Карнавализация юмора воплощается также в шутовстве и дурачестве, которые являются неотъемлемыми атрибутами карнавальской культуры [Бахтин, 1990]. Юмор в интернет-мемах отличается игровой направленностью и часто основан на нелепости, абсурде, фарсе, свойственных средневековым шутам. Визуализированность интернет-мемов добавляет оттенок зрелищности и театральности, без которых также не обходились выходки средневековых шутов.

Заключение

Таким образом, в результате исследования были выявлены главные характеристики юмора в интернет-мемах, такие как многообразие форм юмора, детабуизация, фольклорный характер и карнавализация. Многообразие форм юмора в интернет-мемах обусловлено бытованием разнообразных юмористических проявлений, среди которых можно назвать сатиру, иронию, сарказм, пародию и т.д. Данная особенность отражает жанровое сходство интернет-мемов с карикатурой, анекдотом и шуткой, в которых наблюдается богатая панорама юмористических форм. Detaбуизация юмора прослеживается в интенсивном использовании слов-табу и тем-табу, в результате чего юмор в интернет-мемах становится свободным от общепринятых коммуникативных и этикетных норм. Detaбуизация может реализовываться в юмористической эксплуатации таких тем, как расизм, гендерная дискриминация, церковь и т.д. Использование обсценной лексики для создания юмористического эффекта является одним из аспектов детабуированного юмора в интернет-мемах. Фольклорный характер юмора проявляется в анонимности, креативности и опоре на коллективное мировоззрение. Появление множества фольклорных интернет-персонажей, активно репрезентирующихся в интернет-мемах, также свидетельствует о фольклорном начале в мемах. Карнавализация юмора определяется как воспроизведение средневековой карнавальской культуры для выражения смеховой стихии в интернет-мемах. Аспектами карнавализации юмора являются противопоставление официальной стороне жизни, смеховое осмысление серьезных явлений действительности, фамильяризация, атмосфера шутовства и дурачества.

¹ Twitter. <https://twitter.com/lunaperla/status/1171755390205399040?lang=de> (accessed: 11.02.2020)

² Happy Groundhog Day. 2017. Memes the original since 2008. Reddit. https://www.reddit.com/r/memes/comments/5ro9sw/happy_groundhog_day/ (accessed: 11.02.2020).

Вышеупомянутые особенности позволяют охарактеризовать юмор в интернет-мемах как нестандартный и оригинальный, с одной стороны, развивающийся в контексте современной интернет-коммуникации и отражающий такие свойства интернет-коммуникации, как анонимность, устно-письменный характер, выразительность, наглядность, с другой стороны, ориентированный на вызов условностям и этикету и опирающийся на нарушение коммуникативных канонов.

Выявленные основные характеристики юмора в интернет-мемах не исчерпывают предмет исследования, поэтому юмор в интернет-мемах является перспективным направлением для дальнейшего изучения и требует глубокого анализа для развития теории интернет-мемов и теории интернет-коммуникации.

Список литературы

- Александрова Е.М. 2017. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8-2 (74): 65–69.
- Баслина Е.Ю., Ухова Л.В. 2014. Демотивационный постер как речевой жанр сетевого юмора. *Ярославский педагогический вестник*, 1 (1): 135–140.
- Бахтин М.М. 1990. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Худож. лит., 544 с.
- Бокарев Т.А., Гагин А.В. 2007. Антология русского рунета. Под ред. А.В. Гагина. М., ООО «Рекком», 204 с.
- Дзялошинский И.М. 2019. Медиакарнавал в эпоху глобализации. *Меди@льманах*, 3 (92): 18–28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.
- Дубовский В.А. 2016. Трансформация феномена карнавализации в условиях информационного общества: интернет-карнавал. *Социальные трансформации*, 26: 48–51.
- Дубских А.И. 2019. Интернет-пространство как сфера реализации отрицательной самопрезентации юмористическими средствами. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2 (199): 14–20. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-2-14-20.
- Дукин Р.А. 2014. Репрезентации карнавальных процессов в социальных медиа. *Огарёв-Online*, 24(38): Социологические науки: 5. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/representacii-karnavalnykh-processov-v-socialnykh-media> (дата обращения: 01.02.2020).
- Кулаженко А.А., Бычкова М.Н. 2017. Интернет-мем в межличностной офлайн-коммуникации. *Коммуникативные исследования*, 3 (13): 96–105. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.96-105.
- Куницына О.М. 2010. Детабуизация как стратегия оформления рекламного текста. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 593: 107–116.
- Лутовинова О.В. 2008. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 71: 58–65.
- Никитина О.А., Гудкова О.А., Зандер Ф. 2018. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса. *Язык и культура*, 43: 74–87. DOI: 10.17223/19996195/43/5.
- Садиева К.М. 2018. Характерные особенности русского постмодернизма. *Мир науки, культуры, образования*, 1(68): 419–420.
- Фефелова Г.Г. 2016. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9-2 (63): 170–173.
- Щурина Ю.В. 2010. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия: Филология. История*, 57: 82–86.
- Górka M. 2014. The meme as an example of carnivalized internet communication. *Kwartalnik Naukowy OAP UW "e-Politikon"*, 9: 215–242.
- Pye G. 2006. Comedy theory and the postmodern. *Humor – International Journal of Humor Research*, 19(1): 53–70. DOI: 10.1515/HUMOR.2006.003.
- Shifman L. 2013. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 18(3): 362–377. DOI: 10.1111/jcc4.12013.

- Wang J., Wang H. 2015. From a marketplace to a cultural space: Online meme as an operational unit of cultural transmission. *Journal of Technical Writing and Communication*, 45(3): 261–274. DOI: 10.1177/0047281615578847.
- Wiggins B.E., Bowers G.B. 2015. Memes as genre: A structural analysis of the memescape. *New media & society*, 17 (11): 1886–1906. DOI:10.1177/1461444814535194.

References

- Aleksandrova E.M. 2017. The creolized meme as a new form of linguistic jokes existence. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8-2 (74): 65–69.
- Baslina E.Yu., Ukhova L.V. 2014. A demotivational poster as a speech genre of network humour. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(1): 135–140 (in Russian).
- Bakhtin M.M. 1990. *Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [François Rabelais and Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M., Publ. Khudozh. lit., 544 p.
- Bokarev T.A., Gagin A.V. 2007. *Antologiya russkogo runeta* [Anthology of the Russian Runet]. Ed. A.V. Gagin. M., Publ. OOO «Rekkom», 204 p.
- Dzyaloshinskiy I.M. 2019. Media carnival in an era of globalization. *Medi@l'manakh*, 3 (92): 18–28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.
- Dubovskiy V.A. 2016. Transformation of the carnivalization phenomenon in the information society: internet carnival. *Sotsial'nye transformatsii*, 26: 48–51.
- Dubskikh A.I. 2019. Internet-space as a sphere for realization of negative self-presentation by humoristic means. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2(199): 14–20 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-2-14-20.
- Dukin R.A. 2014. Representations of carnival processes in social media. *Ogarev-Online*, 24(38): *Sotsiologicheskie nauki*: 5. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/reprezentacii-karnavalnykh-processov-v-socialnykh-media> (accessed: 01.02.2020).
- Kulazhenko A.A., Bychkova M.N. 2017. Internet meme in interpersonal offline communication. *Communication Studies*, 3(13): 96–105 (in Russian). DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.96-105.
- Kunitsyna O.M. 2010. Detabooing as a strategy in advertising text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 593: 107–116.
- Лутовинова О.В. 2008. Internet as a new “oral-written” communication system. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 71: 58–65 (in Russian).
- Nikitina O.A., Gudkova O.A., Zander F. 2018. Internet meme as a multimodal phenomenon of the german internet-discourse. *Yazyk i kul'tura*, 43: 74–87. DOI: 10.17223/19996195/43/5.
- Sadieva K.M. 2018. Characteristic features of Russian postmodernism. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (68): 419–420.
- Fefelova G.G. 2016. Language means of expressing the comic in humorous discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9-2(63): 170–173.
- Shchurina Yu.V. 2010. *Komicheskie kreolizovannye teksty v internet-kommunikatsii*. *Vestnik of NovSU*, 57: 82–86.
- Górka M. 2014. The meme as an example of carnivalized internet communication. *Kwartalnik Naukowy OAP UW "e-Politikon"*, 9: 215–242.
- Pye G. 2006. Comedy theory and the postmodern. *Humor – International Journal of Humor Research*, 19(1): 53–70. DOI: 10.1515/HUMOR.2006.003.
- Shifman L. 2013. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 18(3): 362–377. DOI: 10.1111/jcc4.12013.
- Wang J., Wang H. 2015. From a marketplace to a cultural space: Online meme as an operational unit of cultural transmission. *Journal of Technical Writing and Communication*, 45 (3): 261–274. DOI: 10.1177/0047281615578847.
- Wiggins B.E., Bowers G.B. 2015. Memes as genre: A structural analysis of the memescape. *New media & society*, 17(11): 1886–1906. DOI: 10.1177/1461444814535194.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.02.2022
Поступила после рецензирования 13.02.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Received February 11, 2022
Revised February 13, 2022
Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канашина Светлана Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kanashina, PhD in linguistics, Associate Professor at the English Language Department No 3, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation.

УДК 81-116.3'42

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-329-338

Dynamic Representation of a Female Gender Role as a Part of a Woman's Image (on the Basis of English Proverbs and Anti-proverbs)

Nadezhda V. Kiriukhina

I.S. Turgenev Oryol State University
39B Komsomolskaya St, Oryol 302001, Russia
E-mail: mila0870@yandex.ru

Abstract. The research of gender factor on the basis of English proverbs and anti-proverbs gives a more detailed understanding of nationally specific category of femininity since this approach reveals both traditional system of views and qualifications of female role and modern representation of the image of woman as seen in innovative proverbial texts. In this piece the author examines English traditional proverbs and anti-proverbs in order to discover social changes in the representation of a female image verbalized in paremias. The analysis showed a fairly pronounced gender asymmetry and opposition of the sexes, which is manifested in a predominantly negative assessment of a woman, her character traits, inclinations and actions. In traditional proverbs, a woman is significantly inferior to a man in her position in society, as evidenced by a large number of lexical units positively characterizing a man, representing him as a being of a higher order compared to a woman. The top signs of a woman are her external attractiveness, emotionality, sensuality, and to be the mistress of the house, the owner and manager of material wealth and finances. The linguistic analysis of anti-proverbs showed that negative connotations in the image of woman still prevail in English speaking society, however, the existence of neutral or positive female characteristics is also marked. The research revealed social changes in attribution of originally masculine qualities, they now seem to be "beyond" biological sex or, in other words, intergender. Among these are: competitiveness, equal rights in occupations, posts and in everyday activities (domestic chores, driving a car), access to politics, ability to express one's own desires and undertake independent actions.

Keywords: proverb, anti-proverb, image, femininity, semantic gender markers, structural gender markers.

For citation: Kiriukhina N.V. 2022. Dynamic Representation of a Female Gender Role as a Part of a Woman's Image (on the Basis of English Proverbs and Anti-proverbs). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 329–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-329-338

Динамическое представление женской гендерной роли как часть образа женщины (на материале английских пословиц и антипословиц)

Кирюхина Н.В.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Россия, 302001, Орел, ул. Комсомольская, 39 Б
E-mail: mila0870@yandex.ru

Аннотация. Исследование гендерного фактора на основе английских пословиц и антипословиц позволяет получить более детальное представление о национально специфической категории «фемининность», поскольку данный подход выявляет как традиционную систему взглядов и квалификаций женской гендерной роли, так и современное представление об образе женщины. Автор исследует английские традиционные пословицы и антипословицы с целью обнаружить социальные изменения в репрезентации женского образа, вербализованного в паремиях и нео-паремиях. Анализ показал достаточно выраженную гендерную асимметрию и контрадикторность полов, что проявляется

в преимущественно негативной оценке женщины, ее черт характера, склонностей и поступков. В традиционных пословицах женщина значительно уступает мужчине по своему положению в обществе, о чем свидетельствует большое количество лексических единиц, положительно характеризующих мужчину, представляющих его как существо более высокого порядка по сравнению с женщиной. Вершинными признаками женщины являются ее внешняя привлекательность, эмоциональность, чувственность, хозяйственность, а также подчёркивается её склонность быть распорядительницей материальных благ и финансов семьи. Лингвистический анализ антипословиц показал, что негативные коннотации в образе женщины по-прежнему преобладают в англоязычном обществе, однако отмечается и наличие нейтральных или положительных женских характеристик. Выявлены социальные сдвиги в атрибуции женщинам изначально мужских качеств, которые как бы вышли за пределы биологического пола, или стали интергендерными. Среди таковых: конкурентоспособность, равноправие в профессиональной деятельности, должностях и в повседневной жизни (домашние дела, вождение автомобиля), вхождение в политическую среду, способность выражать собственные желания и предпринимать самостоятельные действия.

Ключевые слова: пословица, антипословица, образ, категория фемининности, семантические гендерные маркеры, структурные гендерные маркеры

Для цитирования: Kiriukhina N.V. 2022. Dynamic Representation of a Female Gender Role as a Part of a Woman's Image (on the Basis of English Proverbs and Anti-proverbs). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 329–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-329-338

Introduction

The problem of gender asymmetry, fixed and expressed in a language, has been paid attention to by many Russian and foreign researchers. V. N. Telia in her monograph on Russian phraseology devotes a section to the issues of representation of the female image, upon completion of which, the author comes to the following conclusions: 1) in Russian society, a woman is not seen as the weaker sex; 2) the gender role of a woman is often expressed via the stereotype of a woman-housewife; 3) in case of a gastronomic metaphor, a woman is represented as a “tasty morsel”; 4) the chastity of the girl and the loyalty of a wife to her husband are encouraged in Russian culture, while frequent changes of men in a woman's life are condemned; 5) a woman is characterized by the status of “subhuman” in the everyday sense [Telia, 1996].

Gender linguistics issues are also highlighted in the work of A. V. Kirilina, which examines the content of nationally specific stereotypes in the phraseological fund of the Russian and German languages. The analysis of gender stereotypes allows the author to come to the conclusion: 1) androcentrism exists in two compared language cultures, and is manifested in the public orientation towards masculine assessments and definitions; 2) a woman is often likened to inanimate objects, therefore, is perceived as an object; 3) a positive assessment of female qualities is seen in those spheres, which are beneficial for a man [Kirilina, 1999]. Moreover, the monograph of I.V. Zykova is also worth to be noted here, since in this piece of work the author conducts a systematic study of the gender factor, verbalized in English phraseology, which makes it possible to outline the range of problems and tasks to be further considered and solved within the framework of gender linguistics [Zykova, 2003].

When it comes to foreign works, one cannot fail to mention the work by A. T. Litovkina, dedicated to the methods of feminine stereotyping in the texts of English anti-proverbs, which affect the public perception of the female prototype. Furthermore, the work examines and analyzes the moral qualities, manners and style of female behaviour, as well as other qualities of a woman that are included in the category of “femininity” at the present development stage of the English-speaking community [Litovkina, 2019].

The purpose of this work is to trace the dynamic development of a female image using the material of English proverbs and anti-proverbs. Considering this, the following tasks are determined: 1) to conduct a linguistic analysis of traditional proverbs with the subsequent identification

of the most socially demanded feminine gender qualities; 2) to conduct a linguistic analysis of anti-proverbs with the subsequent establishment of the most socially relevant feminine gender characteristics; 3) the synthesis of the obtained data. This research seems to be of current interest since such an approach uncovers two proverbial word pictures: a traditional one and a modern or ultra-modern one, both compared and contrasted to each other. Furthermore, the analysis of gender factor in anti-proverbs compared to traditional proverbs reveals socially determined changes in gender roles assimilation and gives an in-depth understanding of the most socially relevant gender stereotypes and the content of traditional opposition male/ female or “masculinity”/ “femininity”.

Objects and methods of analysis

More than 400 proverbs and anti-proverbs were selected for linguistic analysis from the dictionaries by A.T. Litovkina and W. Mieder (2002) as well as The Penguin Dictionary of English Proverbs edited by R. Fergusson and J. Law (2000).

The linguistic material was collected via existence in the proverb (or anti-proverb) either or both semantic/ structural gender markers. Semantic gender marker is distinguished by the presence of an implicit gender marker in the proverbial text with the absence of component words in a proverb structure, directly related to a male or female person, for example, "If a *hen* does not prate, she will not lay". This proverb is used by members of the English community in relation to a gender role of a wife, who is traditionally attributed to excessive talkativeness, grumpiness and intractability. At the same time, structural gender markedness is characterized by the presence of gender markers in the plane of expression of a proverb such as "*Widows* are always rich". For conducting the research the author also used the descriptive and analytical method, definitions' analysis, component analysis, the semantic and structural analysis of linguistic material, comparative analysis, which in their totality wholly reveal the meaning of a proverb and anti-proverb.

For the aims of semantic analysis of proverbs the thematic role of “qualitative” was offered, which represents the quality of the object as a combination of the semantics of proverbial predicate and the corresponding actants in proverbial structure [Abakumova, 2013; Abakumova, Korostenski, 2020; Abakumova, Kiriukhina, 2021].

Results and discussion

An analysis of English proverbs and anti-words gave an opportunity to reveal the dynamics of the development of the category of "femininity" in English proverbial picture of the world. It was revealed gender-role shifts exist in English speaking community, which the distribution of apical feminine traits in traditional and modern proverbial funds. The most common qualitatives, constructing an image of a woman, are: *dangerous, talkative, emotional, evasive, wasteful, seductive, attractive, domineering*. A specific feature of the English linguocultural space is an image of a woman as a deceiver who tries to trap a man. A common idea of a woman as a dangerous subject for a man is verbalized in many English proverbs, which served as a stimulus for creating an expectation of threat (to a man).

In modern English paremiological picture of the world we can determine a significant decrease in the frequency of assimilation of a woman to inanimate objects what is manifested in the almost complete absence of object metaphors in the structure of English anti-proverbs. This fact is thought to have certain links, first, with the traditional female perception as a free and independent human-being, and second, with the dynamics of femininity category development, which continues to replenish with traditional masculine characteristics: *the desire to dominate, the ability to make decisions, being competitive, working, driving, being careful, and having political knowledge*.

Thus, the modern English cultural community is marked by a tendency to level the boundaries of the masculine and feminine spheres, which is manifested in the attribution of archetypal masculine qualities to a female referent.

The term “gender” is the central notion of linguistic genderology and is understood as “a set of social and cultural norms that society prescribes for people to fulfill, depending on their biological sex” [Denisova, 2002, p. 14]. Gender goes through the processes of institutionalization and is implemented into the collective consciousness via the entry into society of each individual and, subsequently, is actualized through the gender display [Hoffman, 1994], which is “a variant of the identity display, socially determined diversity of the gender manifestation at the level of interpersonal communication; the main mechanism for creating gender in the process of face-to-face interaction” [Denisova, 2002, p. 56]. With each communicative act, there is a basic identification of the communicative partner based on his or her gender, the process of which is characterized as an arbitrary, unconscious background of social interaction. As a result, gender “develops the exact characteristics of the male and female, which at the same time create the rationale for the different attitudes of the society towards men and women” [Kirilina, 1999, p. 6]. The sociocultural nature of gender, as well as the mechanisms of its ritualization and institutionalization, point to the need to study gender stereotypes in culture and how they are reflected in language. A gender stereotype is defined in this article as “generalized ideas (beliefs) formed in culture about how men and women really behave” [Denisova, 2002, p. 50]. The concept of a gender stereotype is closely related to the concept of a gender role, but differs from the latter in that a gender stereotype describes the qualities and characteristics that are relevant and actually existing at a particular moment in the development of society, attributed to male and/or female persons, while gender a role is “one of the types of social roles, a set of expected patterns of behaviour (or norms) for men and women”¹ [Denisova, 2002, p. 49].

Proverbs, in turn, form a very interesting linguistic material, which, along with phraseological units, is widely used to study “masculinity” and “femininity”, the oppositional categories of gender linguistics. Since this work analyzes the image of a woman, which forms the core of the category “femininity”, then under this category, following I. V. Zykova, it is proposed to understand: “the operational term of gender linguistics, which is formed from the sum of ideas about the most diverse hypostases of a woman and about everything, what can directly or indirectly relate to her; is a collective image of everything “feminine” / female” [Zykova, 2003, p. 213]. In other words, the category of femininity encompasses “the characteristic forms of behaviour expected from a woman in a society”².

Proverbs that include popular observation, naming, interpretation, evaluation, as well as knowledge and ideas about the world as a whole, are a real treasure trove of culturally loaded information about the way of life and the system of assessments fixed in a particular linguistic community. Many Russian and foreign researchers drew attention to the ambiguous nature of the proverb. V. N. Teliya, who names proverbs as literary texts “emerged from the people”, believes that proverbs and sayings, being a separate genre class, belong to the heritage of folk linguistic creativity, containing wise remarks and conclusions of people based on their value system [Teliya, 1996]. The outstanding paremiologist G. L. Permyakov also drew attention to the threefold nature of the proverb, since it is “on the one hand, the phenomenon of language, similar to ordinary phraseological units; on the other, logical units (judgments, inferences); on the third, artistic miniatures reflecting the facts of reality in a vividly chased form” [Permyakov, 1979, p. 8]. In this work, it is proposed to understand a proverb as O. B. Abakumova interprets it: “a phraseological unit with a sentence structure, most complicated language sign with textual characteristics and pragmatic functions, contains practical evaluative judgment, potential indirect speech act, more often of a directive type, in an actualized mode is used as tactical means of implementing the speaker's communicative strategy” [Abakumova, 2013].

¹ Slovar' gendernykh terminov [Dictionary of gender terms]. 2002. Ed. A.A. Denisova. M., Publ. Informatsiya XXI vek

² Giddens A. 1999. Sociologija [Sociology]. Ed. V. A. Jadov. Per. V. Malishenko. M., Publ. Editorial URSS, 703 p.

The proverbial picture of the world as a fragment of the linguistic picture of the world has the ability to reflect the objective reality through the linguistic consciousness of a particular people. Moreover, as noted by N. F. Alefirenko, “the language picture of the world is a transformative force, which forms the idea of the world around people through the language as an “intermediate world” for the native speakers of this language” [Alefirenko, 2019, p. 11]. The researcher notes that the linguistic image is only a reflection of reality in a person's consciousness, but not reality itself. It is through the images, through the metaphors that represent them in phraseology and paremiology, culturally significant characteristics and assessments of the phenomena of reality, a person and his behavior in typical situations within the framework of their culture are transmitted. Moreover, it is a matter of fact that the images are structural units of linguoculture. In accordance with a reasonable remark of M. L. Kovshova and P. A. Dronov: “images are read in the codes of culture (somatic, zoomorphic, phytomorphic, spatial, anthropic, artifact); cultural connotations arising in the course of this reading are woven into the semantics of an idiom” [Dronov, Kovshova, 2019, p. 191]. For example, the image of the proverb “*Better wed over the mixen than over the more*” is interpreted in the spatial code and correlates with the archetypal opposition far / close. This proverb contains a communicative implication and a culturally specific prescription “it is better to choose a bride from your close environment, who has a similar social status”.

Folklore researchers, referring proverbs to texts, believe that their semantics consists of a theme (idea), image and syntactic construction (structure) (see the works of Caño, Kuusi, Grigas, etc.), but the leading part, according to K. Grigas [Grigas, 1996], is played by nuclear image associated with metaphor. The “conceptual and metaphorical hypothesis” of the analysis of the nature of imagery is associated with the works of R. Gibbs, J. Lakoff, M. Johnson and others [Lakoff, Johnson, 1980; Gibbs, 1990;] and boils down to the fact that the figurative motivation of idioms is not based on specific visual representations provoked by a literal reading of the corresponding idiom, but on rather abstract ways of interpreting some entities in the terms of others. For example, “*Consciousness is a place to live,*” “*Rage is a heat,*” “*Love is a journey*” [Lakoff, Johnson, 1980]. These methods of interpretation are fixed in the language and are part of the worldview of this linguistic and cultural community. R. Gibbs calls them, following G. Lakoff, “conceptual metaphors” [Lakoff, Johnson, 1980; Gibbs, 1990].

In addition, this article uses the term anti-proverb and scientific literature gives various terms to denote such anti-proverbs: alteration, parody, transformation, variation, sarcastic remark, deliberate proverb innovation, mutation, etc. [Litovkina, 2017, p. 15]. In this article the authors understand the term “anti-proverb” as suggested by W. Mider and A. T. Litovkina as an innovation formed on the basis of a traditional proverb modifying its meaning [Mider, Litovkina, 2002]. The specificity of the genre of anti-proverbs as innovative proverbial transformations is characterized by the desire of one or another linguo-cultural community to revise the system of values and assessments that exist at one time or another in the history of sex-role relations, which are reflected within the proverbial picture of the world. It is believed that anti-proverbs convey a more relevant content of cultural codes, national gender stereotypes, sex-role expectations, as well as the content of the categories of masculinity and femininity of a particular linguo-cultural community.

The study of the semantics of English proverbs showed that the image of a woman is most often evaluated through the following qualitatives: *externally attractive, but excessively emotional, overly expressive, illogical, lacking intellect, morally unstable, deceptive, and evasive*. The most relevant types of conceptual metaphor distinguished in the article are: orientational metaphor of “far/near” type, (*A woman's place is in the home* – qualitative of private space), ontological metaphors with their subtypes: an object metaphor (*A woman and a glass are ever in danger* – qualitative of fragility, instability), a container metaphor (*Women are the devil's net* – qualitative of danger), a zoomorphic metaphor (*Women are like wasps in their anger* – qualitative of aggressiveness), a botanic metaphor (*The fairest rose at last is withered* – qualitative of

ephemerality of beauty), a gastronomic metaphor (*A fair woman without virtue is like palled wine* – qualitative of satiety, surfeit). The consideration of the female archetype in English linguo-culture serves as a direct stimulus for generation of various gender stereotypes, among which the core ideas are: 1) female mind is inferior in its cognitive capabilities to the male; 2) a woman is an overly talkative, chatty creature; 3) natural emotional incontinence of a woman makes her follow her feelings and intuition; 4) the metaphor "woman is a tidbit" illustrates the seductiveness and external attractiveness associated with the characteristics of the object of sale, value of various kinds. The gender role of women is associated with a lower social status compared to men, limited space of activity, and the role of a housewife. Moreover, in English culture, the role of a woman as a wife is assessed rather negatively, as a desire to dominate, to subjugate her power, to use her husband's material resources uncontrollably [Abakumova, Kirikhina, 2021, p. 288-290].

The image of a woman, verbalized through gender-marked proverbs in the English language, has both positive and negative assessments and shades of meaning. The gender role of a woman is often viewed in the following negative qualitatives: 1) excessively talkative and emotional: *"Three women make a market"*, *"Deeds are males, and words are females"*, *"A woman's tongue wags like a lamb's tail"*, *"A sieve will hold water better than a woman's mouth's secret"*, *"A deaf husband and a blind wife are always a happy couple"*; 2) foolish, illogical: *"Women in state affairs are like monkeys in glass shops"*, *"Women have long hair and short brains"*, *"A woman cuts her wisdom teeth when she is dead"*; 3) dangerous, fatal, deathly: *"No war without a woman"*, *"Women are the devil's net"*, *"You may ding the devil into a wife, but you'll never ding him out of her"*; 4) deceitful and feigned: *"Women naturally deceive, weep and spin"*, *"It is no more pity to see a woman weep, than to see a goose go barefoot"*, *"Women are saints in church, angels in the street, and devils at home"*; 5) greedy, selfish, wasteful: *"Wife and children are bills of charges"*, *"Women and wine, game and deceit, make the wealth small, and the wants great"*, *"Mills and wives are ever wanting"*; 6) cunning, evasive: *"A woman needs but look on her apron-string to find an excuse"*, *"Women will say anything"*, *"A woman's strength is in her tongue"*, *"Find a woman without an excuse, and find a hard without a meuse"*; 7) undesirable for a man, burdensome: *"Better hand loose than in an ill tethering"*, *"Marry your son when you will, your daughter when you can"*. It is noteworthy that the comparison of a woman with a man has a pronounced contradictory and value asymmetry, where a woman is attributed a lower social status: *"A man of straw is worth a woman of gold"*, *"A bad woman is worse than a bad man"*. In English proverbs, the gender stereotype is also enshrined in the wife - the head of the family, who acts as the mistress of not only the hearth, but commands all family members.

Among the positive qualitatives correlated with a female referent, the English society emphasizes her as being: 1) wise: *"An ounce of mother wit is worth a pound of learning"*, *"Women in mischief are wiser than men"*, *"An ounce of mother is worth a ton of priest"*; 2) economic: *"Men make houses, women make homes"*, *"Men get wealth and women keep it"*, *"The wife is a key to the house"*; 3) kind, necessary for a man: *"A good wife is a goodly prize, saith Solomon the wise"*, *"Wives must be had, be they good or bad"*, *"He that does not love a woman, sucked a sow"*; 4) meek, modest: *"Silence is a woman's best garment"*, *"It is a good horse that never stumbles, and a good wife that never grumbles"*, *"Maidens must be mild and meek, swift to hear and slow to speak"*.

Most of the anti-proverbs of the English language convey negative connotation of the image of a woman, which is manifested by the same set of assessments, explicitly and implicitly expressed through proverbial innovations. The modern image of a woman still retains the following characteristics: stupid, talkative, dangerous, a burden and a hindrance for a man, deceitful, loving to command her husband, materialistic and corrupt, loving money of a man / husband. However, we can highlight some qualities and characteristics that have found their expression in anti-proverbs in connection with the realities of the life of English society. Many anti-proverbs still present women as a sexual object: *"Behind every good moan – there's a wom-*

an” (*qualitative of sexually demanded*) (Compare “*Behind every great man there’s a great woman*”), “*A woman who thinks the way to a man’s heart is through his stomach is aiming a little too high*” (*qualitative of sexually demanded*) (Compare “*The way to a man’s heart is through his stomach*”). The involvement of a modern woman in traditionally masculine spheres such as profession, work, politics, driving a car is reflected in the language, which is demonstrated by the presence of the following anti-proverbs: “*Old female lawyers never die; they just lose their appeals*» (*qualitative of being involved into the working sphere*) (Compare “*Old soldiers never die (, they simply fade away*”), “*A woman's place is in the House ... and in the Senate*” (*qualitative of being involved into political issues*) (Compare “*A women's place is in the home* ”), “*Hell hath no fury like a woman driver*” (*qualitative of an inexperienced, bad driver*), (Compare “*Hell hath no fury like a woman scorned*”), “*Among women drivers, one bad turn deserves another*” (*qualitative of an inexperienced, bad driver*) (Compare “*One good turn deserves another*”). The active participation of women in traditionally masculine areas could not but affect the gender role of a woman-mother, if earlier everyday life for a woman consisted of taking care of children, her husband and home, today this list has expanded significantly, and therefore the loss of an extremely positive assessment of the mother's image is recorded: “*Lots of babies must be rocking themselves nowadays*” (*qualitative of not caring*) (Compare “*The hand that rocks the cradle rules the world*”), “*Behind every great mother stands a man who prodded her along*” (*qualitative of not caring*) (Compare “*Behind every great man there is a woman*”).

Among the positive and neutral feminine characteristics in anti-proverbs stand out: 1) the independence of decisions and the independence of a woman, taking into account her desires and ambitions: “*A woman’s place is every place*” (*qualitative of being free, independent*), “*A woman’s place is in the house....or anywhere else she wants to be*” (*qualitative of being free, independent*) (Compare “*A woman’s place is in the home*”); 2) competitiveness, rivalry with a man in the professional field: “*Behind every successful man there’s a woman-competing for his job*” (*qualitative of being competitive, striving*), “*Behind every great woman there’s a man who tried to stop her*” (*qualitative of being competitive, striving*) (Compare “*Behind every great man there is a woman*”); 3) qualitative of choosy, careful: “*It’s not easy for a beautiful girl to believe that love is blind*” (Compare “*Love is blind*”), 4) seeking to marry or meet a man: “*Husband-seeking women: Too many looks spoil the troth*” (*qualitative of needing a man*) (Compare *Too many cooks spoil the broth*”).

Conclusion

The study of the semantics of the considered proverbs in the considered linguoculture showed that the image of a woman is most often evaluated in terms of excessive emotional expressiveness, illogicality, inconsistency, lack of intelligence. Such consideration of the female archetype serves as a direct stimulus for the generation of various gender stereotypes, among which the notions stand out: 1) about the female mind as inferior in its cognitive capabilities to the male; 2) about a woman as an overly talkative, chatty creature; 3) about the natural emotional restraint of a woman who tends to obey feelings and trust intuition more than reason; 4) the metaphor “a woman is a tidbit” illustrates the seductiveness and external attractiveness associated with the characteristics of the object of sale, values of various kinds.

The carried out linguistic analysis also showed that, in contrast to traditional proverbs opposing the spheres of human life according to sex, anti-proverbs allow to fix a decrease in the level of contradictory spheres of the masculine and feminine, which is confirmed by the expansion of the circle of participation of women in various areas of human social life, previously traditionally correlated with masculinity, namely, professional competence, driving a car, participation in politics. In addition, the present anti-proverbs tend to note that traditionally masculine qualities are attributed to a female referent, among which are competitiveness, independence of desires, independence of actions and decisions, prudence, caution.

Nevertheless, the proverbial fund of the English language is still characterized by a tendency towards androcentrism, which is manifested in the greater activity of feminine lexemes in proverbial texts. This fact testifies to the greater interest of society (more precisely, men) in assessing and characterizing women, their life, actions, value and moral attitudes and personal qualities from the standpoint of their value and necessity for a man. Thus, the assessment of the gender feminine role occurs either through determining the relationship of a woman to a man, or through determining the value and necessity of a woman for a man. This fact testifies to the androcentricity of the studied linguoculture, in which the linguocultural representation of a woman is directly influenced by the centres of accentuation of the sets of certain feminine gender stereotypes and expectations developed on the basis of the male world view.

A specific feature of the English linguocultural space is the image of a woman - a deceiver, setting up her nets for a man whom she plans to trap. The stereotypical idea of a woman as a subject of increased danger to a male partner is reproduced in many English proverbs. In this regard, the English language clearly formed the expectation of a threat associated with an encroachment on the personal space and material resources of a man, which led to a reluctance to tie the knot, since the English proverbial picture of the world ascribes to a woman the desire to dominate a man/husband.

A further prospect of the study may be to conduct a similar linguistic procedure in order to detect the dynamics of the development of the masculine image.

References

- Abakumova O.B. 2013. Poslovichnye kontsepty v paremicheskom diskurse [Proverb concepts in paremic discourse]. Abstract ... doc. philol. sciences. Orel, 47 p.
- Abakumova O.B., Kiryukhina N.V. 2021. Metaphoric representation of the image of a woman in Russian and English proverbs. In: Pushkinskie chteniya-2021: khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst [Pushkin readings-2021: artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXVI International Scientific Conference, June 5-6, 2021, St. Petersburg. Ed. T.V. Maltseva. Sankt-Peterburg, Publ. LGU imeni A.S. Pushkina: 284–293.
- Alefirenko N.F. 2019. Idiomaticheskiy «KAMERTON» kognitivnopragsmaticheskogo registra v yazykovoy kartine mira [Idiomatic "tuning fork" of the cognitive-pragmatic register in the language picture of the world]. In: Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivnopragsmaticheskie registry [Phraseology in the language picture of the world: cognitive-pragmatic registers]. Collection of scientific papers based on the results of the 4th Intern. scientific conf. in cognitive phraseology, March 26-27, 2019, Belgorod. Eds. N.F. Alefirenko, E.G. Ozerova, K.K. Stebunova et al. Belgorod, Publ. OOO «Epitsentr»: 9–15.
- Dronov P.S., Kovshova M.L. 2019. Obrazy obidy v russkoi leksike i fraseologii [Images of offence in Russian vocabulary and phraseology]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1 (134): 188–195.
- Kirilina A.V. 1999. Gender: lingvisticheskiye aspekty [Gender: the linguistic aspects]. Moscow, Publ. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 189 p.
- Permyakov G.L. 1979. Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrecheniy dvukhsot narodov [Proverbs and sayings of the peoples of the East. Systematized collection of sayings of two hundred peoples]. M., Publ. "Nauka", 671 p.
- Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M., Publ. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 288 p.
- Zykova I.V. 2003. Sposoby konstruirovaniya gendera v angliyskoy frazeologii [Ways of constructing gender in English phraseology]. M., Publ. Editorial URSS, 232 p.
- Abakumova O.B., Korostenski J. 2020. Reference, evaluation and codes of culture in Russian and Czech proverbs of truth and lie. XLinguae, 13 (2): 133-139. DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.10.
- Fergusson R. 2000. The Penguin Dictionary of Proverbs. London, Publ. Penguin Books Ltd. 384 p.

- Gibbs R.W. 1990. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive linguistics*, 1-4: 417–451. DOI: 10.1515/cogl.1990.1.4.417.
- Goffman E. 1994. *Interaktion und Geschlecht [Interaction and gender]*. Frankfurt am Main, Publ. Campus, 194 p.
- Grigas K. 1996. Problems of the Type in the Comparative Study of Proverbs. *Journal of the Baltic Institute of Folklore*, 1: 106–127.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago and London, Publ. The University of Chicago Press, 242 p.
- Litovkina A.T. 2017. *Teaching Proverbs and Anti-Proverbs*. Komárom, Publ. Univerzita J. Selyeho, 260 p.
- Litovkina A.T. 2019. *Women Through Anti-Proverbs*. Cham, Publ. Palgrave Macmillan, 211 p. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.39119>.
- Mieder W., Litovkina A.T. 2002. *Twisted Wisdom: Modern Anti-proverbs*. Burlington, Publ. The University of Vermont, 260 p.

Список литературы

- Абакумова О.Б. 2013. Пословичные концепции в паремическом дискурсе. Автореф. ... докт. филол. наук. Орел, 47 с.
- Абакумова О.Б., Кирюхина Н.В. 2021. Метафорическая репрезентация образа женщины в русских и английских пословицах. В кн.: *Пушкинские чтения-2021: художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXVI Международной научной конференции, 5-6 июня 2021 г., Санкт-Петербург*. Под ред. Т. В. Мальцевой. Санкт-Петербург, ЛГУ имени А.С. Пушкина: 284–293.
- Алефиренко Н.Ф. 2019. Идиоматический «КАМЕРТОН» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира. В кн.: *Фразеология в языковой карте мира: когнитивно-прагматические регистры. Сборник научных трудов по итогам 4-го междунар. научная конф. по когнитивной фразеологии, 26–27 марта 2019 г., Белгород*. Под ред. Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озеровой, К.К. Стебуновой и др. Белгород, ООО «Эпицентр»: 9–15.
- Дронов П.С., Ковшова М.Л. 2019. Образы обиды в русской лексике и фразеологии. *Вестник Волгоградского государственного педагогического университета*, 1 (134): 188–195.
- Зыкова И.В. 2003. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М., УРСС, 232 с.
- Кирилина А.В. 1999. *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва, Институт социологии РАН, 189 с.
- Пермяков Г.Л. 1979. *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. М., Наука, 671 с.
- Телия В.Н. 1996. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М., Школа «Языки русской культуры», 288 с.
- Abakumova O.B., Korostenski J. 2020. Reference, evaluation and codes of culture in Russian and Czech proverbs of truth and lie. *XLinguae*, 13 (2): 133–139. DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.10.
- Fergusson R. 2000. *The Penguin Dictionary of Proverbs*. London, Publ. Penguin Books Ltd. 384 p.
- Gibbs R.W. 1990. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive linguistics*, 1-4: 417–451 (in English). DOI: 10.1515/cogl.1990.1.4.417.
- Goffman E. 1994. *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt am Main, Publ. Campus, 194 p.
- Grigas K. 1996. Problems of the Type in the Comparative Study of Proverbs. *Journal of the Baltic Institute of Folklore*, 1: 106–127.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago and London, Publ. The University of Chicago Press, 242 p.
- Litovkina A.T. 2017. *Teaching Proverbs and Anti-Proverbs*. Komárom, Publ. Univerzita J. Selyeho, 260 p.
- Litovkina A.T. 2019. *Women Through Anti-Proverbs*. Cham, Publ. Palgrave Macmillan, 211 p. DOI: <https://doi.org/10.1558/genl.39119>.
- Mieder W., Litovkina A.T. 2002. *Twisted Wisdom: Modern Anti-proverbs*. Burlington, Publ. The University of Vermont, 260 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.03.2022

Поступила после рецензирования 05.05 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Received March 30, 2022

Revised May 5, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирюхина Надежда Васильевна, ассистент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Kiryukhina, assistant of the Department of English Philology, I.S. Turgenyev Oryol State University, Orel, Russia

УДК 811

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-339-350

Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации

Миронова Д.М., Окунева Е.А., Распопин Д.И.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: mir-lina@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на повсеместное распространение школьного образования, стандартизацию языка и наличие литературной нормы, в лексике языка интернет-сетей в различных регионах присутствует достаточно различий, чтобы успешно определять региональную принадлежность текста. До сих пор в недостаточной степени раскрыт вопрос о существовании диалектов письменного языка сети. Целью данного исследования являлся поиск и описание диалектов языка интернета. В результате удалось установить существование различимых диалектных групп, доказать влияние географического фактора на формирование и распределение этих групп, а также сгруппировать субъекты Российской Федерации в группы по диалектному признаку. Новизна исследования заключается в применении методов машинного обучения и статистического анализа больших данных для выполнения поставленных целей. Результаты работы способствуют развитию представлений о языке сети как о неоднородной структуре, что может помочь развить более комплексный взгляд на функционирование русского языка и сформировать новые перспективы его изучения.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинное обучение, регионализмы, язык интернет-сети, диалект, карта

Для цитирования: Миронова Д.М., Окунева Е.А., Распопин Д.И. 2022. Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 339–350. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-339-350

Revealing of the Internet Dialects Manifestation of the Regions of the Russian Federation

Diana M. Mironova, Efrosinya A. Okuneva, Daniil I. Raspopin

Southwest State University,
94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation
E-mail: mir-lina@yandex.ru

Abstract. Despite the ubiquity of school education, the standardization of the language and the presence of a literary norm, there are enough differences in the vocabulary of the language of the Internet network in different regions to successfully determine the regional affiliation of the text. So far, the question of the existence of dialects of the written language of the web has been insufficiently disclosed. The purpose of this study was to find and describe the dialects of the Internet language. The result has been to establish the existence of distinguishable dialect groups, to prove the influence of the geographical factor on the formation and distribution of these groups, and to group the subjects of the Russian Federation into dialect groups. The novelty of the research lies in the application of methods of machine learning and statistical analysis of big data in order to achieve the goals set. The results of the work contribute to the development of ideas of the language network as a heterogeneous structure, which may help to develop a more comprehensive view of the functioning of the Russian language and form new perspectives for its study.

Keywords: computer linguistics, machine learning, regionalisms, Internet language, dialect, map

For citation: Mironova D.M., Okuneva E.A., Raspopin D.I. 2022. Revealing of the Internet Dialects Manifestation of the Regions of the Russian Federation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 339–350 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-339-350

Введение

Данная статья является логическим продолжением работы «Применение технологий машинного обучения для выявления, анализа и классификации диалектов в социальных сетях» [Минакова и др., 2021]. В предыдущей статье была выдвинута и подтверждена гипотеза о существовании явных и выявляемых межрегиональных различий в лексике языка интернет-сети. Было установлено, что несмотря на повсеместное распространение школьного образования, стандартизацию языка и наличие литературной нормы, в письменной речи различных регионов присутствует достаточно различий, чтобы успешно определять региональную принадлежность текста при помощи методов машинного обучения. Распознаваемая разница не могла быть следствием опоры моделей машинного обучения на названия улиц, городов, популярных торговых центров и других уникальных для региона объектов, равно как не может объясняться случайностью, о чем свидетельствует достигаемая при определенных условиях 80 % точность классификации.

Для обозначения различимой разницы в интернет-языке регионов нами был использован термин «интернет-диалект».

Необходимо подчеркнуть важность географического аспекта интернет-диалектов. Первоначально их существование было следствием влияния особенностей устной разговорной речи региона (классических диалектов) на письменную речь жителей этого региона ввиду высокой скорости интернет-коммуникации, которая позволяла трансформировать мысль в письменный текст за предельно малое время [Лутовинова, 2008; Нелюбина и др., 2014; Мирзоева, 2019]. В таких условиях логично было бы ожидать схожести письменного высказывания с устным, что подразумевает также и возможное наличие в письменном высказывании диалектного следа региона автора.

В предыдущей работе было установлено, что одним из свойств интернет-диалекта является его выраженность.

Выраженность интернет-диалекта – это относительный показатель распознаваемости текстов определенного региона. Важным для нашего исследования свойством выраженности интернет-диалекта является ее математическая измеримость, поскольку это свойство было установлено из анализа статистических данных, полученных после применения моделей машинного обучения для классификации текстов разных регионов.

После проверки работоспособности технологий и методик на небольшой выборке из 8 городов было решено применить схожие методы в масштабах всей страны. Разумеется, такой шаг требовал получения значительного массива данных и его последующей обработки.

Объект и методология исследования

Для определения статистических характеристик выборки текстов, конкретизации и обобщения результатов в исследовании применялся метод статистического анализа. Индивидуальные фрагменты выборки сопоставлялись друг с другом с помощью сравнительного анализа. Идентификация и классификация регионов по языковым особенностям осуществлялась с привлечением методов машинного обучения. Также на каждом этапе исследования использовался описательный метод, представленный приемами наблюдения, обобщения, классификации и интерпретации данных.

Для сбора необходимого массива текстов в предыдущей статье было предложено использовать самые популярные тематические сообщества регионов в социальной сети

«ВКонтакте». В настоящей работе методика была изменена с целью предельно эффективного извлечения из социальной сети регионального текстового материала. Теперь группы выбирались не по критерию соответствия той или иной тематике, а по популярности. Так, для каждого региона собирались комментарии от 4 до 8 самых популярных городских сообществ. Если по тем или иным причинам в области, крае, республике или автономном округе помимо крупного административного центра присутствовали и другие крупные города, то загружались также комментарии, полученные из этих городов. [Leng, 2012; Kulkarni et al., 2015; Булатова, Билялова, 2021].

Ввиду различного уровня интернет-активности субъектов Российской Федерации не во всех субъектах удалось собрать минимально необходимое для обучения моделей и тестирования количество текстов. По завершении загрузки было собрано более 68 миллионов текстов из 68 субъектов страны.

Алгоритм обработки текстовых данных также был изменен с целью предельного сближения текстов, с которыми будут работать модели машинного обучения, с естественными текстами из сети. Для этого было решено отказаться от постановки слов в начальную форму. Теперь из каждого текста исключались знаки препинания, удалялись лишние пробелы между словами, в начале и конце предложения, все символы переводились в нижний регистр.

Дополнительным этапом стал поиск и устранение дубликатов. Если одинаковые фразы встречались в нескольких регионах, они удалялись из всех текстов с целью уменьшения шумовой нагрузки на модель во время обучения.

Проведение эксперимента

Первоначально была предпринята попытка в точности повторить эксперимент предыдущих исследований. Для этого при помощи средств из Python-библиотеки `scikit-learn` был построен классификатор «каждый-против-каждого», а в дальнейшем – и несколько других вариаций классификаторов, таких как классификатор линейных поддерживающих векторов, модель экстремального градиентного бустинга (как в классическом варианте, так и в `LGBM` реализации от Microsoft и в «`catboost`» реализации от компании Яндекс. Обоснование выбора классификатора и подробное описание его работы дано в нашей предыдущей статье [Минакова и др., 2021, с. 211].

Как и ожидалось, тенденция падения точности при увеличении количества классов классификации проявила себя, позволив достичь лишь средней точности в 1,5–3,5 %. Тем не менее даже при такой точности классификации среди регионов обнаружилось экстремально явные по степени различимости регионы. Таковыми оказались Республика Северная Осетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Рязанская область. В то время как точность классификаций прочих регионов колебалась около озвученного среднего значения, точность классификаций этих регионов составляла на менее 30–40 %, что как минимум в 20 раз превосходит среднее значение точности.

Далее была предпринята попытка искусственно свести задачу построения множественной классификации к получению бинарной. Для этого все регионы были распределены в две группы так, чтобы количество обучающих данных в двух группах было приблизительно одинаковым.

Однако уже после первых проверок стало ясно, что для предельно эффективного использования такого метода необходимо иметь представление о диалектных группах интернет-диалектов. Таким образом, мы были вынуждены скорректировать задачу. Теперь, в отличие от первого эксперимента, конечной целью было не построение модели, способной распознать принадлежность текста по всей стране, а построение классификаторов для каждой уникальной пары регионов с целью сбора данных о выраженности их интернет-диалектов и потенциальных способах группировки этих регионов в диалектные группы.

Для достижения этой цели вновь был применен классификатор «каждый-против-каждого», на этот раз запрограммированный вручную для получения дополнительных статистических данных. Базовой единицей этого классификатора стал мультиномиальный наивный Байесовский классификатор из Python-библиотеки scikit-learn [Manning et al., 2008; Кондрашева, Тинина, 2019; Буриева, 2021].

Алгоритм работы классификатора и сбора статистических данных заключался в следующем. Сначала выбирались тексты первого и второго регионов. Далее массивы разбивались на набор тренировочных и тестовых данных в пропорции 90:10 %. Тестовые данные – это уникальные данные, на которых модель не обучалась. Через них достигается корректность тестирования.

После обучения модели на вход ей подавались тестовые тексты первого региона. Процент текстов, принадлежность которых к первому региону была успешно определена, сохранялась в таблицу. То же самое происходило и для тестовых текстов второго региона.

После повторения процедуры на всех уникальных парах регионов была получена таблица, в которой содержатся данные об успешности классификации текстов каждого региона, когда альтернативой классификации был некий другой регион.

На основании этих данных для каждого региона был вычислен коэффициент выраженности его интернет-диалекта. Было решено определить коэффициент выраженности как сумму процентов успешных классификаций текстов этого региона во всех парах с участием этого региона.

Особенности, замеченные в первом эксперименте, отразились и здесь. Наибольшей выраженностью обладали Республика Северная Осетия, Республика Дагестан, Республика Кабардино-Балкария, Рязанская область.

Было решено графически изобразить выраженность интернет-диалектов регионов на карте (рис. 1).

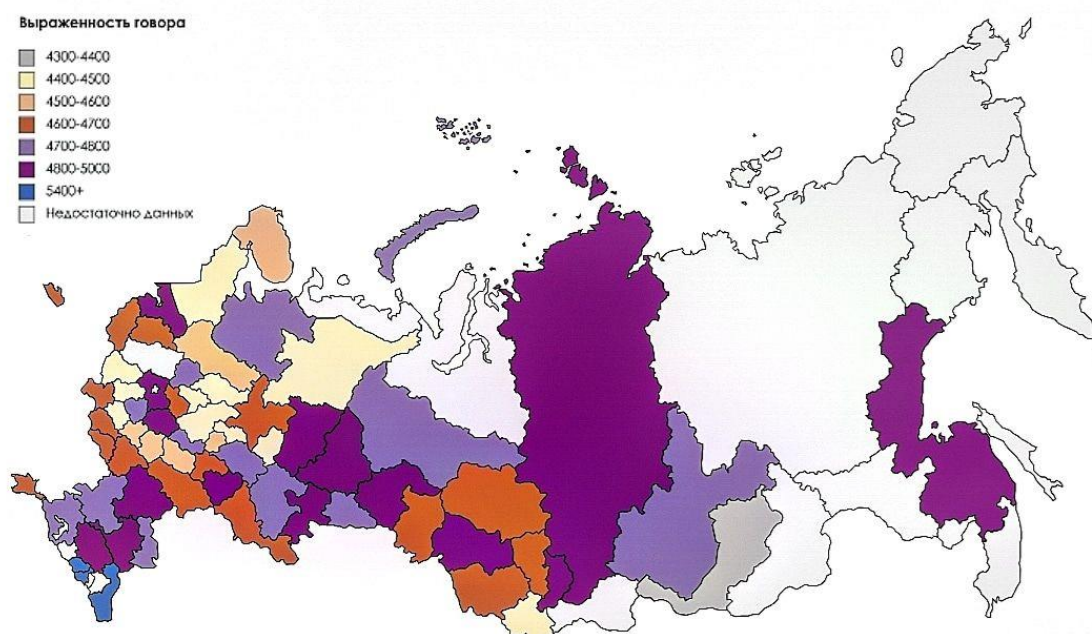

Рис. 1. Выраженность интернет-диалектов субъектов Российской Федерации
Fig. 1. Differentiability of Russian regions' internet dialects

На карте находят выражение несколько интересных тенденций:

1. В центральной части России, в непосредственной близости от Московской области, выраженность диалектов достаточно слаба. Тенденция резко меняется при движении

на юг и на запад: Белгородская, Курская, Воронежская области – регионы-носители исторически подтвержденных диалектов [Филин, 1965; Лексический атлас..., 2014].

2. Высокой выраженностью обладают Псковская область и Новгородская область. Как и в случае с Курской, Белгородской и Воронежской областями, эти два региона обладают исторически подтвержденными диалектами [Филин, 1965; Лексический атлас..., 2014].

3. Выраженным и исторически подтвержденным диалектом обладает Ленинградская область [Филин, 1965; Лексический атлас..., 2014].

4. Высокой выраженностью обладают области проживания различных народностей России – Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Пермская область. Подобная тенденция высокой выраженности наблюдается для большинства регионов, в которых русский язык используется наряду с иным национальным языком [Алексеев, 2013; Бадрях, Ширнэн, 2015; Голев, 2019].

5. Можно говорить о выраженности сибирских областей, Алтайского края, Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровская область. Крупные сибирские города обладают достаточно выраженными интернет-диалектами.

6. Выраженным диалектом обладает Хабаровский и Приморский край. Расположение на дальнем востоке России позволило этим регионам развить достаточно выраженный интернет-диалект.

7. Регионы на юге России обладают весьма выраженными интернет-диалектами. Предельно яркими являются Кавказские диалекты, несколько уступают им в выраженности Крым, Краснодарский Край, Севастополь.

Данная карта отражает важнейшую для интернет-диалектов тенденцию – регионы с существующими, лингвистически выделенными территориальными диалектами обладают также ярко выраженными интернет-диалектами. Так как интернет-диалект – это следствие влияния диалекта устной речи на письменную, отсутствие такой корреляции на карте свидетельствовало бы о ее ошибочности.

Полученную информацию необходимо учесть для дальнейшей классификации интернет-диалектов в диалектные группы. Успешной оказывается та группировка, которая соответствует географическому и диалектологическому критериям.

Таким образом, логично предполагать наличие неких паттернов группировки интернет-диалектов, паттернов, напоминающих группировку диалектов устной речи. Тем не менее в той же степени ошибочно было бы ожидать полного повторения группировки устных диалектов, так как, в отличие от устного общения, в интернет-коммуникациях никак не учитывается расстояние между собеседниками, так что определенные речевые выражения, характерные для одного региона, вполне могут оказаться в другом.

Несмотря на то, что в одной диалектной группе могут оказаться регионы, не примыкающие друг к другу географически, у разрыва между регионами все-равно есть определенный предел. Язык отражает реалии и культурный контекст региона, поэтому совершенно ошибочно было бы соединять в одной группе южный курортный Краснодарский край и северный Ямало-Ненецкий автономный округ. Реалии двух регионов слишком сильно отличаются друг от друга.

Зафиксировав озвученные факторы и критерии, нами была предпринята попытка сгруппировать регионы по их интернет-диалектологической принадлежности.

Методология группировки

Первоначально для группировки необходимо иметь сведения о том, какие регионы наиболее тесно связаны с точки зрения их диалектов.

Получить подобные сведения из имеющихся сугубо математических данных можно было лишь одним способом. Так как для каждого региона имеется ряд данных об успеш-

Благодаря наличию двух черт на графике можно условно разбить регионы на две категории: те, что оказались под чертой, и те, что оказались над ней.

Регионы, оказавшиеся над чертой, – это регионы, в паре с которыми целевой регион классифицировал свои тексты успешнее, чем в среднем. Иными словами, по определенным причинам эти два региона контрастируют друг с другом. Данный фактор является весомой причиной не включать эти два региона в одну группу, и этот фактор тем весомее, чем сильнее выступает регион над линией среднего.

Далее наш интерес был сосредоточен на регионах, оказавшихся под чертой. Чем ниже опускается под чертой регион, тем хуже, по тем или иным причинам, удалось целевому региону классифицировать свои тексты в паре с этим регионом. Если на графике региона целевой регион так же находится под чертой, опускаясь при этом сопоставимо низко, то это позволяет утверждать существование некоей закономерности. Возможно, она свидетельствует о том, что письменный язык двух регионов похож между собой, что является поводом поместить их в одну интернет-диалектную группу.

Так как за графиками стоят фактические математические величины, то и тесноту связи интернет-диалектов регионов можно измерить математически.

На основании этого вывода была предпринята попытка произвести группировку регионов в интернет-диалектные группы путем вычисления тесноты связи между регионами и внутренней тесноты связи группы. Таким образом, существовало две функции, которых было необходимо максимизировать для признания группировки успешной.

Во время проверки результатов группировки был обнаружен главный недостаток такой методики. Такие факторы, как подавление регионом с сильно выраженным интернет-диалектом региона с более слабо выраженным интернет-диалектом и случайные корреляции нарушили ход группировки и привели к появлению в одной группе регионов, находящихся на большом удалении друг от друга. Так, Алтайский край по математической классификации находился в одной группе с Москвой, а Новосибирская область входила в состав диалектной группы, включавшей также Белгородскую, Курскую и Воронежскую области.

Тем не менее в математической классификации были обнаружены интересные результаты. Так, Крым и Севастополь оказались в одной диалектной группе, Республика Северная Осетия, Республика Дагестан и Кабардино-Балкарская Республика были изолированы от остальных в отдельную группу. При ближайшем рассмотрении даже в неподходящих по установленным критериям группах наблюдались следы сосуществования двух разных диалектных групп. Примером этого являлась группа, в которой Курская, Белгородская, Воронежская области сосуществовали с Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областями. Очевидно, что две независимые друг от друга группы оказались вместе только посредством обнаруженной в процессе математической группировки случайной корреляции между несколькими городами.

Следующим шагом стала попытка группировки вручную, но с опорой на математическую метрику.

В результате детального анализа было выявлено существование особо сильных диалектных центров, которые, даже не будучи связанными с регионом и его группой, обнаруживали свое присутствие в списке наиболее подходящих кандидатов для группировки.

Опираясь на математическую метрику, а также принимая во внимание критерии успешной группировки, нами была составлена следующая карта групп интернет-диалектов России (рис. 3).

При составлении этой карты были сделаны следующие наблюдения:

1. Самым устойчивым по внутренней тесноте связи, географическому и диалектному критериям оказался регион, помеченный на карте розовым цветом и включающий в состав Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Архангельскую, Мурманскую, Кировская области.

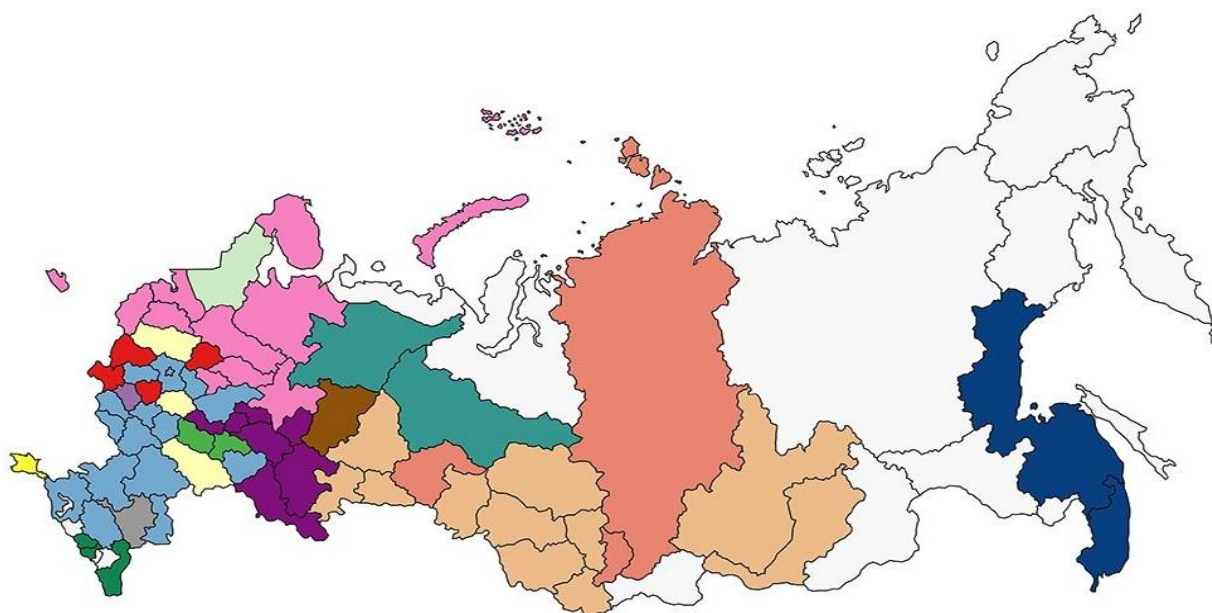

Рис. 3. Карта интернет-диалектов России
Fig. 3. Russian internet dialect map

2. Пермская область (помеченная на карте коричневым цветом) оказалась в центре пересечения минимум трех диалектных групп. Такое местоположение было отражено в математических метриках Пермской области, она испытывала влияние и с севера, и с юга, и из Сибири.

3. Регионы, использующие русский совместно с другим языком, преимущественно помечены на карте фиолетовым цветом. Это говорит о том, что такие регионы, как Республика Татарстан, Республика Чувашия, Республика Марий Эл, Оренбургская область, Республика Башкортостан, достаточно близки друг другу своими интернет-диалектами.

4. Приморский и Хабаровский края географически изолировали себя в отдельную группу.

5. На карте просматриваются условные очертания Южно-Русского диалекта, который начинается из Курской области и идет на Юг до Ростовской области и Краснодарского края.

6. В регионах, находящихся на пересечении диалектных групп, почти всегда прослеживалось влияние и присутствие нескольких диалектных групп сразу. Это говорит о плавности перехода от одной диалектной группы к другой.

Несмотря на выявленные особенности, признать такую группировку удачной невозможно по нескольким причинам.

Во-первых, на карте присутствуют группы, не соответствующие ни одному из выделенных русскими лингвистами диалектов [Филин, 1965].

Во-вторых, для подтверждения успешности группировки необходимо отдельно провести лингвистический анализ каждой группы, проверить схожесть словарного запаса, региональных клише и в целом исследовать письменную речь членов группы.

В-третьих, на карте присутствуют несколько изолированных регионов (Карелия, Калмыкия, Орел), которые, по всей логике, должны быть распределены в близлежащие группы, однако этого не позволяет сделать отсутствие математической корреляции между этими регионами и близлежащими группами [Лексический атлас..., 2014; Петрухина, Дедова, 2019].

В-четвертых, математическая корреляция лишь частично подкрепляет группировку. В некоторых случаях части групп оказываются все еще нестабильны, что приводит к увеличению математической успешности группировки тогда, когда регионы распределяются в неверные, с точки зрения двух оставшихся критериев, группы.

Такие ограничения математического метода объясняются большим масштабом классификации, приводящим к появлению большого числа случайных корреляций. На данный момент методы машинного обучения хорошо зарекомендовали себя в группировке текстов в небольшое число хорошо различимых классов [Классификация текстов..., 2017; Хазеев, 2019]. В свою очередь, локальные особенности языка зачастую выражаются на уровнях фонетики и словообразования, в лексике, морфологии и сочетаемости слова, поэтому изучение этих особенностей с помощью компьютерных технологий требует внимания к единицам, меньшим, чем тексты.

Заключение

Выводы, полученные в работе, подтверждают гипотезы, выдвинутые нами в предыдущей статье. Удалось установить факт влияния особенностей устной речи на письменную, что позволяет оспорить популярную точку зрения о размытии языковых особенностей в интернет-пространстве [Игнатенко, 2009; Иванова, 2011].

Способы, которыми в языке достигается выражение особенностей региональной устной речи необходимо изучить подробнее, это означает, что выводы, полученные в работе, открывают целый ряд вопросов для изучения лингвистами.

Технологии, примененные в процессе исследования, доказывают возможность создавать практически ничем не ограниченные по объему выборки текстов из сети для статистического и других исследований русского языка.

Факт достижения точности классификации до 80 % при определенных условиях позволяет с уверенностью судить о наличии статистически значимых закономерностей в исследованных нами данных. Увеличение размеров выборки и числа регионов позволяет установить локальный характер расхождений текстов из разных регионов, что означает, что способность успешно классифицировать регион происхождения текста напрямую коррелирует с наличием в тексте диалектных или редких слов.

Для дальнейшего уточнения полученных данных существует возможность включить в выборку текстов не только комментарии в социальных сетях. В таком случае размер выборки вырастет с использованных нами 68 миллионов текстов до нескольких сотен миллионов, что обеспечит еще более высокую степень статистической достоверности полученных результатов.

Полученные выводы позволяют судить о неоднородности языка сети.

Немаловажным выводом является так же то, что помимо современного влияния письменного языка сети на устную речь в той же степени верен и факт обратного влияния. Помимо этого, выводы, полученные в работе, позволяют утверждать, что наличие единой литературной нормы и массовое обучение правописанию отнюдь не искоренили диалекты из письменной обиходной речи обычных людей.

Список источников

- Классификация текстов с помощью сверточных нейронных сетей. 2017. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/post/332078/> (дата обращения: 10 сентября 2021).
- Филин Ф.П. 1965. Словарь русских народных говоров. Вып. 1: А. М., Л., Наука, 303 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/01.pdf> (дата обращения: 10 февраля 2021).
- Multinomial Naïve Bayes classifier documentation page, scikit-learn python API. 2007-2022. Scikit-learn. org. Available at: https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.naive_bayes.MultinomialNB.html (accessed: 25 June 2021).

Список литературы

- Алексеев М.Е. 2013. Языки народов России и постсоветского пространства: проблемы изучения и перспективы развития. *Родной язык*, 1: 8–17.
- Бадрах А., Ширнэн Ц. 2015. К вопросу о функционировании русского языка в интернет среде. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 5 (5): 134–141. URL: <http://sciforedu.ru/article/1573> (дата обращения: 8 февраля 2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1505.12>.
- Булатова И.З., Билялова А.А. 2021. Особенности интернет-коммуникации в системе национального русского языка. *Международный научно-исследовательский журнал*, 3-3(105): 107–110. URL: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2021/03/3-105-3.pdf> (дата обращения: 9 августа 2021). DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.080.
- Буриева М. 2021. О симплификации языка в интернет-пространстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 5(847): 22–33. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/5_847_H.pdf (дата обращения: 19 августа 2021). DOI: 10.52070/2542-2197_2021_5_847_22
- Голев Н.Д. 2019. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах рунета): инновационный лексикографический проект. *Вопросы лексикографии*, 16: 113–137. DOI: 10.17223/22274200/16/7.
- Иванова Т.С. 2011. Речевое поведение Интернет-общения. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*, 3: 132–136.
- Игнатенко И.И. 2009. Языковые и коммуникативные процессы в эпоху глобализации. *Наука и школа*, 3: 24–27.
- Кондрашева Е.В., Тинина А.О. 2019. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления. *Эпоха науки*, 18: 134–139. URL: http://eraofscience.com/EofS/Vypyski2019/18_iyun2019/30.pdf (дата обращения: 19 августа 2021). DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11830.
- Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 2014. Под ред. А.С. Герда. Санкт-Петербург, Издательство Нестор-История, 808 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23245144> (дата обращения: 10 февраля 2021).
- Лемешко Б.Ю. 1997. Робастное оценивание параметров распределений. *Заводская лаборатория. Диагностика материалов*, 63(5): 43–49. URL: https://ami.nstu.ru/~headrd/seminar/publik_html/Z_lab_1.htm (accessed: 19 августа 2021).
- Лутовинова О.В. 2008. Интернет как новая 'устно-письменная' система коммуникации. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*, 11(71): 58–65.
- Минакова И.В., Распопин Д.И., Окунева Е.А. 2021. Исследование диалектов в письменной речи социальных сетей. *Modern Humanities Success*, 3: 211–221. URL: <https://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2021/03/mhs-3.pdf> (дата обращения: 10 февраля 2021).
- Мирзоева Л.Ю. 2019. Словотворчество в интернет-сети и проблемы экологии языка. *Экология языка и коммуникативная практика*, 2(17): 26–34. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/08/4.-Mirzoeva-L.Yu_.pdf (дата обращения: 4 сентября 2021). DOI: 10.17516/2311-3499-055.
- Нелюбина Е.А., Амитрова М.В., Гусарова Ю.В. 2014. Языковые особенности интернет-дискурса. *Балтийский гуманитарный журнал*, 4(9): 21–23.
- Петрухина Е.В., Дедова О.В. 2019. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 57: 137–159. DOI: 10.17223/19986645/57/8.
- Хазеев Д.Р. 2019. Приложение нейронных сетей к определению стиля текста. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*, 22. Вып.: Новые информационные технологии в автоматизированных системах. Материалы двадцать второго научно-практического семинара, г. Москва, 19 апреля 2019 г. М., ВШЭ: 121–124.
- Kulkarni V., Perozzi B., Skiena S. 2015. Freshman or Fresher? Quantifying the Geographic Variation of Internet Language. Available at: [arXiv:1510.06786 \[cs.CL\]](https://arxiv.org/abs/1510.06786) (accessed: 25 June 2021). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1510.06786>

- Leng Z. 2012. A study of the features of Internet language. In: 2nd International Conference on Consumer Electronics, Communications and Networks (CECNet), Yichang, China, 21-23 April 2012. IEEE Xplore: 97-100. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/6201466> (accessed: 21 June 2021). DOI: 10.1109/CECNet.2012.6201466.
- Manning C.D., Raghavan P., Schuetze H. 2008. Introduction to Information Retrieval. Cambridge University Press, 506 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511809071>.

References

- Alekseev M.E. 2013. Yazyki narodov Rossii i postsovetskogo prostranstva: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya [Languages of the peoples of Russia and the post-Soviet space: problems of study and development prospects]. *Rodnoy yazyk*, 1: 8–17.
- Badrakh A., Shirnen Ts. 2015. The study of use of russian language in internet environment. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 5(5): 134–141. Available at: <http://sciforedu.ru/article/1573> (accessed: 8 февраля 2021) (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1505.12>.
- Bulatova I.Z., Bilyalova A.A. 2021. Aspects of internet communication in the system of the national russian language. *International research journal*, 3-3(105): 107–110. Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2021/03/3-105-3.pdf> (accessed: 9 august 2021) (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.080.
- Burieva M. 2021. On Language Simplification on the Internet. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(847): 22–33. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/5_847_H.pdf (accessed: 19 august 2021) (in Russian). DOI: 10.52070/2542-2197_2021_5_847_22.
- Golev N.D. 2019. A modern dialect vocabulary discourse dictionary (based on runet materials): an innovative lexicographic project. *Russian Journal of Lexicography*, 16: 113–137 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/7.
- Ivanova T.S. language behavior of internet communication. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 3: 132–136 (in Russian).
- Ignatenko I.I. 2009. Linguistic and communicative processes in global age. *Science and School*, 3: 24–27 (in Russian).
- Khazeev D.R. 2019. Prilozhenie neyronnykh setey k opredeleniyu stilya teksta [Application of Neural Networks to Text Style Determination]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 22. Is.: *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh* [New information technologies in automated systems]. *Materialy dvadtsat' vtorogo nauchno-prakticheskogo seminara, g. Moskva, 19 aprelya 2019 g. M., Publ. VShE*: 121–124.
- Kondrasheva E.V., Tinina A.O. 2019. Verbal aggression in the language of media: the varieties and causes. *Epokha nauki*, 18: 134–139. Available at: http://eraofscience.com/EofS/Vypyski2019/18_iyun2019/30.pdf (accessed: 19.07.2021). DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11830.
- Kulkarni V., Perozzi B., Skiena S. 2015. Freshman or Fresher? Quantifying the Geographic Variation of Internet Language. Available at: [arXiv:1510.06786 \[cs.CL\]](https://arxiv.org/abs/1510.06786) (accessed: 25 June 2021). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1510.06786>.
- Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)]. 2014. Ed. A.S. Gerd. Sankt-Peterburg, Publ. Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, 808 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?Id=23245144> (accessed: 10 fevralya 2021).
- Lemeshko B.Yu. 1997. Robust methods for the estimation and rejection of anomalous measurements. *Industrial Laboratory. Diagnostics of Materials*, 63(5): 43–49. Available at: https://ami.nstu.ru/~headrd/seminar/publik_html/Z_lab_1.htm (accessed: 19.07.2021) (in Russian).
- Leng Z. 2012. A study of the features of Internet language. In: 2nd International Conference on Consumer Electronics, Communications and Networks (CECNet), Yichang, China, 21-23 April 2012. IEEE Xplore: 97-100. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/6201466> (accessed: 21 June 2021). DOI: 10.1109/CECNet.2012.6201466.
- Lutovinova O.V. 2008. Internet as a new “oral-written” communication system. *Scientific journal of Herzen University*, 11(71): 58–65 (in Russian).
- Manning C.D., Raghavan P., Schuetze H. 2008. Introduction to Information Retrieval. Cambridge University Press, 506 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511809071>.

- Minakova I.V., Raspopin D.I., Okuneva E.A. 2021. Research of dialects in the written speech of social networks. *Modern Humanities Success*, 3: 211–221. Available at: <https://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2021/03/mhs-3.pdf> (accessed: 10 fevralya 2021) (in Russian).
- Mirzoeva L.Yu. 2019. Word creation in internet network and language ecology. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2(17): 26–34. Available at: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/08/4.-Mirzoeva-L.Yu_.pdf (accessed: 4 сентября 2021). DOI: 10.17516/2311-3499-055.
- Nelyubina E.A., Amitrova M.V., Gusarova Yu.V. 2014. Language features of internet discourse. *Baltic humanitarian journal*, 4 (9): 21–234 (in Russian).
- Petrukhina E.V., Dedova O.V. 2019. The internet as a source of linguistic information (for studying the dynamics of russian word formation). *Tomsk State University Journal of Philology*, 57: 137–159 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/8.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.12. 2021

Received December 30, 2021

Поступила после рецензирования 15.02.2022

Revised February 15, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Миронова Диана Михайловна, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Diana M. Mironova, Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russia

Распопин Даниил Игоревич, студент кафедры таможенного дела и мировой экономики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Daniil I. Raspopin, student of the cathedra of customs and global economics of South-West State University, Kursk, Russia

Окунева Ефросинья Андреевна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Efrosinya A. Okuneva, student of the cathedra of theoretical and applied linguistics of South-West State University, Kursk, Russia

УДК 811. 133. 1'36(045)
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-351-364

О развитии конъюнктивных свойств французских полифункциональных единиц (на примере лексем *enfin* и *finalement*)

Овсейчик Ю.В.

Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, 21
E-mail: ovsei77@rambler.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования количественных и качественных характеристик полифункциональных французских единиц *enfin* и *finalement* в роли союзов и конкретизаторов сочинительных союзов в диахронии. Охарактеризованы индивидуальные траектории развития конъюнктивных свойств каждой из лексем, сохраняющих свою исходную темпоральную семантику. Выявлено, что при установлении отношения между двумя пропозитивными компонентами P_1 *enfin/finalement* P_2 общая ситуация реализуется в трех регулярных контекстуальных вариантах: результат, итог, исход. Продемонстрировано, что выявленные семантические свойства лексем *enfin/finalement* сохраняются при их использовании в качестве конкретизаторов сочинительных союзов, но проявляются с ограничениями на образование разного рода сочиненных рядов и на сочетаемость с союзами определенной семантикой. Установлено, что лексема *enfin* приобретает больший конъюнктивный потенциал в современном языке. Полученные новые данные о семантических и функциональных свойствах лексем *enfin* и *finalement* в роли союзов и конкретизаторов сочинительных союзов необходимы для последующего сопоставления с данными такого рода о других полифункциональных единицах французского языка.

Ключевые слова: сочинительный союз, полифункциональная единица, диахрония, частотность, конъюнктивные свойства, семантические свойства

Для цитирования: Овсейчик Ю.В. 2022. О развитии конъюнктивных свойств французских полифункциональных единиц (на примере лексем *enfin* и *finalement*). Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 351–364. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-351-364

On the Development of the Conjunctive Properties of the French Polyfunctional Items (on the Example of *Enfin* and *Finalement*)

Yuliya U. Ausechyk

Minsk State Linguistic University
21 Zacharava St, Minsk 220034, Belarus
E-mail: ovsei77@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the quantitative and qualitative characteristics of the polyfunctional French items *enfin* and *finalement* as coordinators and concretizers of coordinators in diachrony. Individual paths of the development of each items conjunctive properties retaining their original temporal semantics are characterized. It was revealed that when establishing a relationship between two propositions P_1 *enfin/finalement* P_2 , the general situation is realized in three regular contextual variants: result, total, outcome. It is shown that the identified semantic properties of the *enfin/finalement* are preserved when they are used as concretizers of coordinators, but they manifest themselves with restrictions on the formation of various kinds of coordination constructions and on compatibility with certain semantics of the coordinator. It has been established that the item *enfin*

acquires a greater conjunctive potential in the modern language. The obtained new data on the semantic and functional properties of *enfin* and *finalement* as coordinators and concretizers of coordinators are necessary for subsequent comparison with data of this kind on other French polyfunctional items.

Key words: coordinator, polyfunctional item, diachrony, frequency, conjunctive properties, semantic properties

For citation: Ausechyk Y.U. 2022. On the Development of the Conjunctive Properties of the French Polyfunctional Items (on the Example of *Enfin* and *Finalement*). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 351–364 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-351-364

Введение

Углубление и усложнение представлений человека об окружающей действительности предопределяет его стремление к эксплицитному выражению логических связей, что закономерно приводит к увеличению связующих слов.

Единицы, выполняющие связующую, реляционную (фр. *relation* ‘отношение’), функцию, в традиционных терминах союз и союзное слово являются объектами многочисленных современных исследований на материале европейских языков [Badiou-Monferran, 2000; Haspelmath, 2009; Урысон, 2011; Канюшкевич, 2019; и др.]. В академических изданиях французские связующие единицы, оформляющие сочинительную связь, дифференцируются на собственно сочинительные союзы *et, ou, ni, mais, car, donc, or* [Riegel et al., 2016., p. 452; Grevisse, 2018, p. 525], и их аналоги, функциональные эквиваленты [Гак, 2000, с. 221], окказиональные союзы [Riegel et al., 2016., p.452], союзные наречия [Grevisse, 2018, p. 525].

Для обозначения показателя связи того или иного типа отношения между высказываниями или частями высказывания часто используется термин коннектор, который отражает общую функцию единиц, принадлежащих к разным классам слов (сочинительные союзы, подчинительные союзы, наречия, наречные обороты и т.д.) [Reboul, Moeschler, 1998]. См. также [Grieve, 1996]. Аналоги сочинительных союзов, как и сами сочинительные союзы, рассматриваются как служебные слова и строевые элементы лексики [Щерба, 1957], функтивы или скрепы [Черемисина, Колосова, 1987], дискурсивные слова [Ducrot, 1980; Баранов и др. 1993; Баранов и др., 1998], дискурсивные маркеры [Schiffrin, 1987; Подлеская, Кибрик, 2009; Мурашкова, 2014], операторы [Adam, 1984], а также, артикуляторы логической структуризации всего текста или одного из его тематических блоков [Culioli, 1989; Paillard, 1991] и т.д.

Очевидно, что существующее терминологическое разнообразие в обозначении связующих единиц свидетельствует, в общем, о полифункциональной природе самих единиц и об их функционально-семантической специфике, в частности. Соответственно, различие их дискурсивного и недискурсивного употреблений является одной из актуальных проблем в современной лингвистике, что, на наш, взгляд, требует разрешения ряда частных вопросов, одним из которых является выявление траектории развития конъюнктивных свойств полифункциональных единиц в диахронической перспективе с привлечением репрезентативного множества контекстов.

Объект и методы исследования

Мы различаем французские ядерные связующие единицы, собственно сочинительные союзы, и периферийные связующие единицы, которые в ряде контекстов выполняют роль сочинительных союзов.

Объектом исследования являются лексемы *enfin* ‘наконец’ и *finalement* ‘в конце концов’, которые в соответствии с нашим пониманием относятся к периферийным единицам.

Первая письменная фиксация этих единиц относится к периоду старофранцузского языка (1195 г. и 1280 г. соответственно). Они имеют общую этимологию (лат. < *finis* «fin, bout, extrémité, issue, terme, aboutissement, résultat» ‘окончание, конец, край, исход, срок, завершение, результат’ [Godefroy]) и сохраняют в современном языке общее темпоральное значение, а именно: указание на определенную последовательность происходящего.

Исследуемые единицы употребляются в трех схожих функциях в современном языке: в функции наречия, в функции союзного наречия и в функции дискурсивного слова¹ [Centre National ..., 2012 - CNRTL].

Цель исследования – выявление закономерностей развития союзных свойств французских лексем *enfin* и *finalement*.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса французского языка Frantext [Frantext, 2022]. Разножанровые текстовые документы датированы XI–XXI вв. и распределены следующим образом: 59 документов общим объемом 2 829 657 словоупотреблений датированы 1 001–1299 гг.; 339 документов общим объемом 10 916 214 словоупотреблений – 1300–1499 гг.; 352 документа общим объемом 16 751 287 словоупотреблений – 1500–1799 гг.; 1103 документа общим объемом 49 338 547 словоупотреблений – 1800–1980 гг.; 554 документа общим объемом 42 312 582 словоупотребления – 1981–н/в.

В ходе исследования применены количественный метод, описательный метод с использованием приемов наблюдения, обобщения и интерпретации результатов, метод дистрибутивного, контекстуального, логико-семантического и функционально-семантического анализа.

Результаты и их обсуждение

Для выявления траектории употребительности лексем *enfin*/*finalement* установлена частотность единиц на один миллион словоупотреблений в каждом из подкорпусов (см. рисунок).

Частотность лексем *enfin* и *finalement* на один миллион словоупотреблений в диахронии
Frequency of *enfin* and *finalement* per one million word usages in diachrony

¹ При дискурсивном употреблении единицы используются для кодирования значения, отличного от пропозиционального содержания (см. также [Баранов, 1993; Подлесская, Кибрик, 2009]. Анализ такого способа употребления единиц не входит в задачи исследования (об этом подробно в [Алексеева, 2005]).

Диаграмма (см. рисунок) демонстрирует, с одной стороны, различие в характере употребительности единиц (резкие колебания частотности более употребительной единицы *enfin* и более сглаженные колебания частотности лексемы *finalement*) и, с другой стороны, сходство кривых частотности (пологое начало – скачок – падение – медленный рост), что отражает эволюцию их качественных характеристик, т.е. семантических и функциональных свойств, в ходе развития французского языка.

На основании дистрибутивных свойств единиц *enfin/finalement* сопоставлена их употребительность в роли наречия и союза относительно абсолютного количества их вхождений в подкорпусах. При анализе дистрибуции (табл. 1) отдельно учитывались контексты, в которых единицы *enfin/finalement* использовались для: а) характеристики знаменательных частей речи (глагол, прилагательное, наречие) в качестве наречия, б) связи двух независимых предложений в союзной функции и в) конкретизации ядерных сочинительных союзов.

Таблица 1
Table 1

Динамика употребительности полифункциональных лексем *enfin* и *finalement*
 The dynamics of the use of polyfunctional items *enfin* and *finalement*

единицы подкорпуса (гг.)	<i>enfin</i>					<i>finalement</i>				
	всего, 100%	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	всего, 100 %	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄
1) 1001–1299	9	22,2	11,1	0,0	66,7	0	0,0	0,0	0,0	0,0
2) 1300–1499	124	25,0	12,9	17,74	44,36	14	14,29	50,0	14,29	21,42
3) 1500–1799	31 250	30,66	37,59	8,49	23,26	108	21,3	22,22	37,96	18,52
4) 1800–1980	76 224	28,04	42,82	6,2	22,94	4 832	47,5	20,55	14,16	17,79
5) 1981– н/в	17 771	43,81	31,24	4,78	20,17	4 350	48,74	26,25	8,92	16,09
всего	125 378	30,93	39,84	6,58	22,65	9 304	47,72	23,28	11,98	17,02

Примечание: X₁ – количество вхождений лексем в роли наречия относительно общего количества вхождений лексемы, %; X₂ – количество вхождений лексем в роли союза относительно общего количества вхождений лексемы, %; X₃ – количество вхождений лексем в роли конкретизатора сочинительного союза, %; X₄ – иное, %.

Полученные данные (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что единицы *enfin/finalement* изначально обладают полифункциональной природой, т.е. используются в роли наречия, союза или конкретизатора союза с разной интенсивностью в разные периоды развития языка. При этом количество контекстов с наречным употреблением лексем *enfin/finalement* в ходе освоения дискурсивной практики увеличивается с 22,2 до 43,81 % и с 14,29 до 48,74 % соответственно. Относительно употребления единиц в роли союза отметим, что употребительность лексемы *enfin* имеет более значительные колебания по сравнению с употребительностью лексемы *finalement* в третьем, четвертом и пятом подкорпусах, ср.: от 31,24 до 42,82 % vs от 20,55 до 26,25 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах соответственно. Тенденция к использованию лексем *enfin/finalement* в роли конкретизаторов сочинительных союзов изначально носит точечный характер во втором подкорпусе. В третьем и последующих подкорпусах отмечается существенный рост употребительности сочетания *Conj_{co}+enfin* по сравнению с *Conj_{co}+finalement* (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Динамика употребительности сочетаний $\text{Conj}_{\text{co}+} \text{enfin}$ и $\text{Conj}_{\text{co}+} \text{finalement}$
 The dynamics of the use of combinations $\text{Conj}_{\text{co}+} \text{enfin}$ and $\text{Conj}_{\text{co}+} \text{finalement}$

подкоруса	1		2		3		4		5		всего, ед.	
	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF	FNL	ENF
<i>et</i>	0	0	1	13	31	1 157	609	2 115	306	401	947	3 686
<i>mais</i>	0	0	1	9	2	882	48	1 780	71	389	122	3 060
<i>car</i>	0	0	0	0	0	431	4	477	3	36	7	944
<i>ou</i>	0	0	0	0	8	106	2	186	3	8	13	300
<i>donc</i>	0	0	0	0	0	50	20	150	5	14	25	214
<i>ni</i>	0	0	0	0	0	27	1	21	0	2	1	50
<i>or</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
всего	0	0	2	22	41	2 653	684	4 729	388	850	1 115	8 254

Примечание: FNL – *finalement*, ENF – *enfin*

Как следует из данных (см. табл. 2) единицы *enfin/finalement* сочетаются со всеми союзами кроме союза *or*, сочетаний с которым не установлено. При этом исследуемые единицы чаще используются для конкретизации соединительного союза *et* и противительного союза *mais*.

Полагаем, что исследуемые единицы в зависимости от контекста по-разному реализуют свой конъюнктивный потенциал, что требует квалификации типа отношений, обозначаемых единицами *enfin/finalement* в роли союза. Перейдем к рассмотрению их качественных характеристик в роли союзов.

Лексемы *enfin/finalement* в роли сочинительных союзов

Для интерпретации семантики лексем в роли союзов проиллюстрируем наречное употребление единиц *enfin/finalement*, которые характеризуют действие или состояние как завершённое к определенному моменту времени:

1. *Je menais une existence obscure et tranquille sans connaître le chagrin ni l'ennui. J'étais contente enfin.* – Я вела темное и тихое существование, не зная ни горя, ни скуки. Я была счастлива наконец [Chandernagor, 1981];

2. *Donc les communistes, après vous avoir refusé de travailler avec vous..., ont finalement décidé de travailler avec vous.* – Так что коммунисты, отказавшись работать с вами, ..., наконец решили с вами работать [Beauvoir, 1981].

В контекстах данного типа единицы взаимозаменяемы, о чем имеется помета в лексикографических изданиях «*enfin, sup. finalement*» [Centre National..., 2012 - CNRTL].

Единицы-союзы в целом маркируют соединение двух ситуаций: первой, исходной, ситуации (P_1) и второй, производной, ситуации (P_2). Количество исходных ситуаций неограниченно. Обобщенно смысловые отношения между соединенными компонентами ($P_1 \text{ enfin/finalement } P_2$) интерпретируем следующим образом: 'Ситуация P_n имеет место в момент времени T , потому что до T имела место ситуация P_1 или серия ситуаций $P_{1,2,3...n-1}$ '.

Выделенная общая ситуация (P_1 *enfin/finalement* P_2) подвергается различным типам регулярного варьирования в разнообразных контекстах. Для их выявления и систематизации различаем следующие смысловые признаки: а) характер исходной и производной ситуаций ((не-) целенаправленная, (не-) контролируемая субъектом деятельность), б) представление о завершенности исходной ситуации, в) указание на осмысление ситуации, г) указание на ожидание определенного результата. Поясним изложенное. Согласно Ю.Д. Апресяну, результат подразумевает целенаправленную деятельность, которая поддается контролю со стороны субъекта и уже завершилась. Исход есть указание на ожидание какого-то определенного результата. Возможность временного зазора характерна для результата и отсутствует у исхода. Итог всегда подразумевает определенное осмысление ситуации [Новый объяснительный..., 2003, с. 967–972].

Несмотря на общий способ употребления для связи двух пропозиций (P_1 *enfin/finalement* P_2) лексема *enfin* в роли соединителя используется без ограничений на производную ситуацию, которая может представлять результат (пример 3), итог (пример 4) и исход (пример 5), лексема *finalement*, в свою очередь, используется для обозначения исхода (пример 6) и итога (пример 7). Поскольку единицы используются перед последним элементом в ряду перечисляемых, мы квалифицируем их в данном типе контекстов как аналоги соединительного союза *et*, замена на который допустима.

3. *Le vieil homme restait immobile... (P₁). Enfin [=et] il sortit de sa robe son chapelet d'ébène et il s'accroupit dans la poussière (P₂). – Старик остался неподвижен, ... Наконец он достал из мантии свои черные четки и сел в пыли на корточки [Le Clézio, 1980];*

4. *J'ai même dû faire venir un interne en cardiologie pour me faire expliquer certains passages (P₁). Enfin [=et] je comprends tout maintenant (P₂). – Мне даже пришлось пригласить стажера-кардиолога, чтобы тот объяснил мне некоторые детали. Наконец-то теперь я все понимаю [Beauchemin, 1981];*

5. *Monsieur de Fénelon ne me détrompa point (P₁). Enfin [=et] nous tombâmes d'accord sur tout (P₂). – Г-н де Фенелон не разубедил меня. И мы обо всем договорились [Chandernagor, 1981];*

6. *Elles réclamèrent à boire et il y eut une discussion sordide à propos du prix des consommations (P₁). Finalement [=et] on servit aux dames des coupes de mousseux (P₂). – Они попросили выпивку, и возникла грязная дискуссия о цене выпивки. Наконец дамам подали бокалы с игристым вином [Sabatier, 1980];*

7. *C'était une pièce... un tapis d'apparence si précieuse qu'Edmond hésita avant d'y poser les pieds (P₁). Finalement [=et] il marcha dessus pour rejoindre le siège désigné (P₂). – Это была комната... с ковром, который выглядел настолько драгоценным, что Эдмонд колебался, прежде чем ступить на него. В конце концов он прошел по нему, чтобы занять указанное место [Flaubert, 1878].*

Добавим, что изначально соединенными становятся преимущественно последовательно наблюдаемые в ограниченный момент времени объекты, действия, события или состояния. Например:

Les accidens qui s'observent dans toutes les hémorragies, ..., sont la prostration de forces (P₁), les foiblesses (P₂), la pâleur du visage (P₃), un serrement du pouls (P₄), des sueurs froides (P₄), enfin un affoiblissement de l'estomac (P₅). – Симптомы, которые наблюдаются при всех кровотечениях... это упадок сил, слабость, бледность лица, учащение пульса, холодный пот, наконец ослабление желудка [Geoffroy, 1800].

Лексемы *enfin/finalement* в качестве служебного слова, таким образом, актуализируют как собственную темпоральную семантику, так и семантику соединенных пропозитивных компонентов в целом, маркируя результат, исход, итог. Логично возникает вопрос о

том, сохраняется ли указанная семантика единиц при их использовании в роли конкретизаторов сочинительных союзов. Для ответа на этот вопрос перейдем к обсуждению семантических и функциональных свойств лексем в сочетаниях *Conj_{co}+enfin* и *Conj_{co}+finalement*.

Лексемы *enfin/finalement* в роли конкретизаторов сочинительных союзов

В роли конкретизаторов соединительных союзов *et* и *ni* лексемы *enfin* и *finalement* используются без ограничений в именных, глагольных и атрибутивных сочиненных рядах. Указанные сочетания служат для присоединения слова, стоящего последним в ряду перечисляемых для: а) указания на результат целенаправленной контролируемой субъектом деятельности, завершившийся к данному моменту (примеры 8–9); б) обозначения осмысления, обобщения, суммирования некоторого жизненного опыта (примеры 10–11).

8. *Ma mère fut malade plus de deux mois et enfin elle se guérit.* – *Моя мама болела больше двух месяцев и, наконец, вылечилась* [Scarron, 1651];

9. *...là les bien-aimez de Dieu en tombant sont soutenus de sa main, qui les tient ferme, les ranse, les console, & finalement les relève.* – *...там возлюбленных Божьих в падении поддерживает Его рука, которая крепко держит их, исцеляет, утешает и наконец поднимает* [Spanheim, 1687].

10. *...les arbres et les plantes d'abord, puis les troupeaux de bêtes, les moutons, les chevaux, les châteaux, les oiseaux, et enfin les hommes, qui mouraient de soif dans les champs.* – *...сначала деревья и растения, затем стада зверей, овец, лошадей, верблюдов, птиц и, наконец, людей, которые умирали от жажды в полях* [Le Clézio, 1980];

11. *...la tendance forte qui agence à l'échelle de l'histoire les institutions, les modes de vie, les aspirations et finalement les personnalités.* – *...устойчивая тенденция, которая упорядочивает институты, образ жизни, устремления и, в конечном счете, личности в масштабах истории* [Lipovetsky, 1983];

В отрицательных контекстах в современном языке допустима замена сочетания *et enfin* и *et finalement* на *ni enfin* и *ni finalement*. Ср.:

12. *...vous ne voyez point l'apparence de l'île plus grande dans la brume, ni finalement le monstre des deux chiens plus grand dans le brouillard.* – *...вы не видите появления ни большого острова в тумане, ни, наконец, чудовища из двух больших собак в тумане* [Calmette, 1920];

13. *Les esclaves ou les déportés n'avaient certainement pas, malgré leur condition, ni les mêmes croyances, ni le même langage, ni enfin les mêmes regards sur le monde.* – *Рабы или депортированные, конечно, не имели, несмотря на свое положение, ни тех же верований, ни того же языка, ни, наконец, того же взгляда на мир* [Khan, 2021].

Отметим, что в ходе развития французского языка в ряде контекстов при связывании однородных членов союз *et* опускается, а лексема *enfin* выполняет роль союза, присоединяя последний компонент сочиненного ряда, указывающий на результат. Ср.:

14. *...les dents noircissent, se carient, se déchaussent, vacillent et enfin tombent.* – *...зубы чернеют, покрываются кариесом, оголяются, расшатываются и, наконец, выпадают* [Geoffroy, 1800];

15. *Véra étale sur la table une grande feuille de papier bleu marine, ouvre en leur milieu les cahiers et les livres, les dispose en tous sens sur la feuille, les change de place, suppute, réfléchit, puis découpe, replie, referme, lisse, appuie, enfin contemple.* – *Вера расстилает на столе большой лист темно-синей бумаги, раскрывает тетради и книги посередине, рас-*

ставляет их во все стороны на листе, меняет местами, считает, думает, потом режет, складывает, закрывает, гладит, жмет, наконец созерцает [Sarraute, 1983].

Об изменении функциональных, конъюнктивных, свойств единицы *enfin* свидетельствуют также контексты, в которых она образует атрибутивные сочиненные ряды при указании на взаимосвязь признаков или свойств. Начиная с конца XVIII в. лексема *enfin* соединяет однородные прилагательные, например: *littéraire enfin satisfaisante* 'литературный, наконец удовлетворительный', *tendre enfin bon* 'нежный, наконец хороший', *social enfin exempt* 'социальный, наконец, свободный', *française enfin organique* 'французский, наконец органичный', *humain enfin possible* 'человеческий, наконец возможный'. Между тем для связи двух прилагательных лексема *finaleme nt* без союза *et* не используется. Ср.: *les négociations sérieuses, intensives & finalement productives* 'переговоры серьезные, интенсивные и в конечном итоге продуктивные', *des causes confuses, et finalement ignobles* 'запутанные и, в конечном счете, презренные причины', *ma vie égarée et finalement chanceuse* 'моя потерянная и наконец удачная жизнь', *les erreurs nécessaires et finalement fécondes* 'ошибки кажутся необходимыми и в конечном итоге плодотворными', *une extension libre et finalement totale du nom* 'свободное и, наконец, полное расширение имени'.

Использование лексем *enfin* и *finaleme nt* в роли конкретизаторов противительного союза *mais* допустимо в двух типах контекстов: а) исходная и производные ситуации не взаимоисключаются и б) связь между ситуациями основана на отношении «вопреки ожиданию». Сочетания с союзом *mais*, обозначающим отношение взаимоисключения, в корпусе не фиксируются.

В контекстах первого типа используется лексема *enfin*. Содержание второй пропозиции дополняет, корректирует содержание первой пропозиции, ограничивая ее контролируемым и ожидаемым результатом. Ср.:

16. *Évidemment, il ne faut pas avoir peur de répéter, ni de crier le commandement; mais enfin, je le constate, une réunion d'enfants ressemble à une mécanique bien engrenée: inutile que le conducteur touche toutes les pièces de la machine, il suffit de mettre en branle la force motrice.* – Очевидно, не надо бояться ни повторять, ни выкрикивать команду; а ведь я вижу, коллектив детей похож на хорошо отлаженный механизм: водителю не нужно прикасаться ко всем частям машины, достаточно привести в движение движущую силу [Sabatier, 1980].

В контекстах второго типа используются две лексемы. Акцент делается на неожиданном исходе, не контролируемом субъектом, который противоречит исходной ситуации. Ср.:

17. *Je fus longtemps entre la mort et la vie, mais enfin la jeunesse fut la plus forte.* – Я долго был между смертью и жизнью, но в конце концов юность оказалась сильнее [Scarron, 1651];

18. *Le Français se lance à sa recherche, veut tuer, mais finalement pardonne et s'éloigne lorsqu'il apprend que son enfant est morte.* – Француз отправляется на ее поиски, хочет убить, но в конце концов прощает и уходит, когда узнает, что его ребенок мертв [Deffoux, 1929].

Ср. также контексты, в которых возможно соединение однородных членов по аналогии с соединительным союзом *et*: *le risque normal mais finalement salutaire* 'нормальный, но в конечном счете спасительный риск', *assez obscurs, mais finalement évidents* 'довольно неясные, но в конечном итоге очевидные'.

Сочетания *ou enfin* и *ou finaleme nt* также используются для присоединения слова, стоящего последним в ряду перечисляемых. Показательно, что единицы *enfin/finalement* используются с союзом *ou*, маркирующим исключительно нестрогую дизъюнкцию. При

этом более частотное сочетание *ou enfin* указывает на ожидание определенного исхода из нескольких перечисленных существующих альтернатив.

19. *...en tout cas le mettre en lieu commode pour s'entretenir seul, et rêver à son aise, ou enfin lui donner un temps propre pour se plaindre à loisir de sa mauvaise fortune.* – ...в любом случае поставьте его в удобное место, чтобы он мог побыть один и спокойно помечтать, или наконец дайте ему время, чтобы вдоволь пожаловаться на свое несчастье [Aubignac, 1657].

Сочетание *ou finalement* используется редко и специализируется в обозначении необратимого последствия среди нескольких возможных производных ситуаций для одной исходной ситуации.

20. *Dans les tumeurs blanches, le cartilage est toujours atteint, mais secondairement (P₁). Il peut être infiltré de tubercules (P₂), décollé (P₃) et macéré (P₄) ou finalement détruit (P₅).* – При туберкулезных опухолях всегда поражается хрящ, но вторично. Он может содержать инфильтраты, отслаиваться и быть размягченным или окончательно уничтожен [Calmette, 1920].

Сочетания *car enfin/finalement* более употребительны, чем сочетания *donc enfin/finalement* (см. табл. 2), что, по-видимому, объясняется семантикой союзов: *car* указывает на причину, *donc* на следствие.

Рассмотрим сначала сочетаемость лексем с *enfin/finalement* союзом *car*. Количество контекстов с сочетанием *car enfin* существенно превосходит количество контекстов с *car finalement*. В лексикографических источниках имеется помета о сочетании *car enfin*, обозначающем «en dernière analyse, tout compte fait, tout bien considéré» ‘в конечном счете, все учтено, все взвешено’ [Centre National ..., 2012 - CNRTL]. Данное сочетание указывает на то, что осмыслены существующее положение вещей (пример 21) или текущая ситуация (пример 22), подведен итог рассуждений (пример 23).

21. *L'émulation, parmi les hommes, n'est que le desir d'être le premier dans le monde, et de s'élever au-dessus des autres par sa fortune et son crédit; car enfin les hommes ont d'autres besoins que les enfants.* – Соревнование у людей есть только желание быть первыми в мире и возвыситься над другими своим состоянием и репутацией, ибо ведь у взрослых иные потребности, чем у детей [Bernardin, 1814];

22. *Mais j'étais un peu irrité car enfin cette dame par obstination nous avait fait partir à minuit.* – Но я был немного раздражен, потому что, в конце концов, эта дама из упрямства заставила нас уйти в полночь [Sartre, 1939];

23. *Il paraît aussi que les Allemands en sont malades de ne pas avoir de port sur l'Atlantique et nous nous regardons d'un air satisfait, car nous avons un océan et deux mers, nous, et de la bauxite en masse, et du beurre et des fraises et tutti frutti. Et de jolies filles, car enfin, nous sommes toutes réussies à cette table, avoue, André? – Кажется также, что немцам надоело, что у них нет порта на Атлантике, а мы с довольным видом смотрим друг на друга, потому что у нас один океан и два моря, у нас и залежи бокситов, и масло, и клубника, и тутти фрутти. И хорошенькие девушки, потому что, в конце концов, мы все успешны за этим столом, признайся, Андре? [Groult, Groult, 1994].*

Выявлены единичные контексты, в которых используется сочетание *car finalement*. Речь идет о взвешенно принятом решении:

24. *L'ossature de béton armé, indépendante des murs de façade, est plus espacée que dans les magasins de livres; car finalement on prit le parti de faire alterner un casier haut de 2m 35, avec un casier bas de 0m 88 dont la partie supérieure, recouverte de linoléum, peut*

servir de table pour le reclassement des estampes. – Независимый от фасадных стен железобетонный каркас стоит дальше, чем в книжных магазинах; потому что в итоге мы приняли решение чередовать высокий стеллаж 2 м 35 с низким стеллажом 0 м 88, верхняя часть которого, покрытая линолеумом, может служить столом для систематизации оттисков [Cain, 1959];

Отметим, что в корпусе фиксируются единичные случаи использования лексемы *finalement* в качестве причинного союза, указывающего на обоснование непосредственно предшествующего утверждения:

25. *Il n'a pas peur des Russes, finalement les Russes sont des gens comme tout le monde. – Он не боится русских, ведь русские такие же люди, как и все [Giono, 1982].*

Низкая употребительность сочетаний *donc enfin/finalement*, полагаем, объяснима семантической избыточностью единиц, вводящих производную ситуацию. Ввиду синтаксической мобильности единицы *donc* сочетание *donc enfin* преимущественно используется в постпозиции к глагольной группе, характеризуя производную ситуацию как итог (пример 26) или результат (пример 27).

26. *On comprit dès lors que de chercher les plantes dans les livres des grecs et des latins, ce n'étoit pas le meilleur moyen de faire de grands progrès. On résolut donc enfin d'aller chercher des lumières dans les lieux mêmes où les anciens avoient écrit. – Тогда поняли, что искать растения в книгах греков и латинян – не лучший способ добиться больших успехов. Поэтому было окончательно решено искать просветления в тех самых местах, где писали древние [Rollin, 1738].*

27. *Michèle dépose 200 F en espèces et signe un chèque de 1 000 F. Sans provision... On hospitalise donc enfin Marie-Claire. – Мишель вносит 200 франков наличными и подписывает чек на 1000 франков. Без провизии... Итак наконец мы госпитализируем Мари-Клер [Halimi, 1992];*

Сочетание *donc finalement* используется для указания на взаимосвязь между признаками:

28. *Bertrand entre tous lui paraît le plus aimable, donc finalement le plus intelligent, le plus subtil. – Бертран кажется ему самым любезным из всех, а значит самым умным, самым тонким [Rheims, 1987].*

Таким образом, в большинстве случаев в сочетаниях $\text{Conj}_{\text{co}}+\text{enfin}$ и $\text{Conj}_{\text{co}}+\text{finalement}$ лексемы *enfin/finalement* сохраняют семантический компонент указания на результат, итог, исход, тем самым уточняя тип отношения, выражаемого ядерными союзами. Единицы-конкретизаторы имеют ряд ограничений как на использование в определенных сочиненных рядах, так и на сочетаемость с союзами в зависимости от их семантики. Лексема *enfin* при образовании сочиненного атрибутивного ряда приобретает свойство маркировать каузальный характер отношений, что свидетельствует о ее большем конъюнктивном потенциале в сравнении с лексемой *finalement*.

Заключение

Две лексемы *enfin* и *finalement* в ходе развития языка сохраняют свой полифункциональный характер (наречие и союз) и исходно схожую темпоральную семантику. При установлении связи между пропозитивными компонентами посредством исследуемых единиц их семантика обнаруживает синкретизм, т.е. они совмещают как темпоральное значение, так и конъюнктивное, указывая на то, что в некоторой последовательности ситуаций одно событие, действие, состояние является последним, конечным, во времени, в пространстве или в рассуждениях. В современном французском языке единицы *enfin* и *finalement* обозначают уже не только некоторый доступный для восприятия продукт, ре-

альное действие, измеримое достижение (результат), но и сигнализируют об окончательной точке в рассуждениях (итог) или ожиданиях (исход).

Две исследуемые единицы демонстрируют разные траектории развития употребительности. Отличия употребительности лексем – единица *enfin* более частотна, чем *finalement* – есть результат изменения их семантических и функциональных свойств, что проявляется в их разных сочетаемостных свойствах. Единица *enfin* более частотна в роли союза и конкретизатора сочинительного союза в современном французском языке. Использование единиц *enfin* и *finalement* в роли конкретизаторов сочинительных союзов (сочетания $\text{Conj}_{\text{co}}+\textit{enfin}$ и $\text{Conj}_{\text{co}}+\textit{finalement}$) облегчает декодирование связи между разнообразными сущностями во внеязыковой действительности.

Список источников

- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., Помовский и партнеры, 207 с.
- Канюшкевіч М.І. 2019. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: у 3 ч. Ч. 1. Дыяпазон А–З. Пад рэд. М.І. Канюшкевіч. Гродна, ГрДУ імя Я. Купалы, 304 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2003. Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., Школа «Языки славянской культуры», 1488 с.
- Aubignac Fr.Н. 1657. La Pratique du théâtre. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Beauchemin Y. 1981. Le Matou. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).
- Beauvoir S. 1981. La cérémonie des adieux. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Bernardin de Saint-Pierre H. 1814. Harmonies de la nature. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Cain J. 1959. Les Transformations de la Bibliothèque nationale. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Calmette A. 1920. L’Infection bacillaire et la tuberculose chez l’homme et chez les animaux. B Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).
- Chandernagor Fr. 1981. L’Allée du Roi. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).
- Centre National des ressources textuelles et lexicales. 2012 - CNRTL. Available at: <http://www.cnrtl.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Deffoux L. 1929. Chronique de l’Académie Goncourt. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Flaubert G. 1878. Correspondance. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).
- Frantext. 2022. Национальный корпус французского языка. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).
- Geoffroy É.-L. 1800. Manuel de médecine pratique. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Giono J. 1982. Coeur, passions, caractères. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Godefroy F. 1881-1902. Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle. 10 vol. Paris. Available at: <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy/> (accessed: 12.01. 2022).
- Groult B., Groult F. 1994. Journal à quatre mains. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01. 2022).

- Halimi G. 1992. La Cause des femmes. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Khan R. 2021. Racée. Frantext. Режим доступа: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Le Clézio J.-M. G. 1980. Désert. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Lipovetsky G. 1983. L'Ère du vide: essais sur l'individualisme contemporain. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Rheims M. 1987. Les Greniers de Sienna. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Rollin Ch. 1738. Histoire ancienne des Égyptiens. В кн.: Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Sabatier R. 1980. Les Fillettes chantantes. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Sarraute N. 1983. Enfance. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Sartre J.-P. 1939. Lettres au castor et à quelques autres. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Scarron P. 1651. Le roman comique. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).
- Spanheim Fr. 1687. Le souvenir salutaire. Frantext. Available at: <http://www.frantexte.fr/> (accessed: 12.01.2022).

Список литературы

- Алексеева А.А. 2005. Дискурсивное слово “enfin” – коннектор или артикулятор? (на материале французского языка). *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3: 118–123.
- Баранов А.Н., Бонно К., Василевская Н.Б. 1998. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., Метатекст, 446 с.
- Гак В.Г. 2000. Теоретическая грамматика французского языка. М., Добросвет, 832 с. URL: <https://superlinguist.ru/francuzskii-iazyk-skachat-knigi-besplatno/gak-v-g-teoreticheskaia-grammatika-francuzskogo-iazyka.html> (дата обращения: 23.01.2022)
- Мурашковская Е.М. 2014. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 5: 53–59.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А. 2009. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. В кн.: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог 2009», 27–31 мая 2009, Бекасово. Вып. 8 (15). Под ред. А.Е. Кибрик. М., РГГУ: 390-395.
- Урысон Е.В. 2011. Опыт описания семантики союзов. М., Языки славянских культур, 339 с.
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. 1987. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, Наука, Сибирское отделение, 197 с.
- Щерба Л.В. 1957. О частях речи в русском языке. В кн.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. Под ред. М.И. Матусевич. М., Учпедгиз: 63-84.
- Adam J.-M. 1984. Des mots au discours: l'exemple des principaux connecteurs. *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*, 43: 107–122. DOI: <https://doi.org/10.3406/prati.1984.1325>
- Badiou-Monferran Cl. 2000. Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées» chez La Bruyère. Paris: Champion (Bibliothèque de grammaire et de linguistique), 644 p.
- Culioli A. 1989. Donc. *Supostavitelno Ezikoznanie / Contrastive linguistics*, 14 (5): 16–20.
- Ducrot O. 1980. Les mots du discours. Les Éditions de Minuit, 240 p.
- Grevisse M. 2018. Le bon usage. Grammaire française. Paris, Duculot, 1762 p.
- Grieve J. 1996. Dictionary of Contemporary French Connectors. London, Routledge, 544 p. DOI.org/10.4324/9780203436523.

- Haspelmath M. 2009. Coordination. In: *Language Typology and Syntactic Description*. Ed. T. Shopen. Vol.2. Cambridge, CUP, 50 p.
- Schiffrin D. 1987. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, 364 p.
- Paillard D. 1991. D'ailleurs ou comment enchaîner l'un a l'autre? (*Essai de traitement lexicologique*). *Le gré des langues*, 2: 60–67.
- Reboul A., Moeschler J. 1998. *Pragmatique du discours. De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours*. Paris, Armand Colin, 220 p.
- Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. 2016. *Grammaire méthodique du français*. Paris, P.U.F., 1124 p.

References

- Alekseeva A.A. 2005. Diskursivnoe slovo “enfin” – konnektor ili artikulyator? (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Discursive word “enfin” – connector or articulator? (based on the French language)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 3: 118–123.
- Baranov A.N., Bonno K., Vasilevskaya N.B. 1998. Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive words of the Russian language: an experience of contextual semantic description]. Eds. K. Kiseleva, D. Payar. M., Publ. Metatekst, 446 p.
- Gak V.G. 2000. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka [Theoretical Grammar of French]. M., Dobrosvet, 832 s. Available at: <https://superlinguist.ru/francuzskii-iazyk-skachat-knigi-besplatno/gak-v-g-teoreticheskaya-grammatika-francuzskogo-iazyka.html> (accessed: 23.01.2022).
- Murashkovskaya E.M. 2014. Approaches to discourse markers analysis. *Bulletin of the Moscow state regional university. Series Linguistics*, 5: 53–59 (in Russian).
- Podlesskaya V.I., Kibrik A.A. 2009. The role of discourse markers in local discourse structure: a corpus study. In: *Computational Linguisticstand Intellectual Technologies. Materialy ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2009»*, 27–31 maya 2009, Bekasovo. Iss. 8 (15). Ed. A.E. Kibrik. M., Publ. RGGU: 390-395 (in Russian).
- Uryson E.V. 2011. Opyt opisaniya semantiki soyuzov [Experience in describing the semantics of unions]. M., Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 339 p.
- Cheremisina M.I., Kolosova T.A. 1987. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of the Complex Sentence]. Novosibirsk, Publ. Nauka, Sibirskoe otdelenie, 197 p.
- Shcherba L.V. 1957. O chastyakh rechi v russkom yazyke [About parts of speech in Russian]. In: *Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Ed. M.I. Matushevich. M., Publ. Uchpedgiz: 63–84.
- Adam J.-M. 1984. Des mots au discours: l'exemple des principaux connecteurs. *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*, 43: 107–122. DOI: <https://doi.org/10.3406/prati.1984.1325>.
- Badiou-Monferran Cl. 2000. Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées» chez La Bruyère. Paris, Champion (Bibliothèque de grammaire et de linguistique), 644 p.
- Culioli A. 1989. Donc. *Supostavitelno Ezikoznanie / Contrastive linguistics*, 14 (5): 16–20.
- Ducrot O. 1980. *Les mots du discours*. Les Éditions de Minuit. 240 p.
- Grevisse M. 2018. *Le bon usage. Grammaire française*. Paris, Duculot, 1762 p.
- Grieve J. 1996. *Dictionary of Contemporary French Connectors*. London, Routledge, 544 p. DOI.org/10.4324/9780203436523
- Haspelmath M. 2009. Coordination. In: *Language Typology and Syntactic Description*. Ed. T. Shopen. Vol.2. Cambridge, CUP, 50 p.
- Schiffrin D. 1987. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, 364 p.
- Paillard D. 1991. D'ailleurs ou comment enchaîner l'un a l'autre? (*Essai de traitement lexicologique*). *Le gré des langues*, 2: 60–67.
- Reboul A., Moeschler J. 1998. *Pragmatique du discours. De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours*. Paris, Armand Colin, 220 p.
- Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. 2016. *Grammaire méthodique du français*. Paris, P.U.F., 1124 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Поступила после рецензирования 06.04.2022

Принята к публикации 10.06.2022

Received March 10, 2022

Revised April 6, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсейчик Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания, Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Auseichyk Yulia Vladimirovna, PHD (philology), associate professor, Doctoral student of Department of General Linguistics, Minsk State linguistic university, Minsk, Belarus.

УДК 81'373

DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-365-372

Функционирование глаголов противостояния типа quarrel в современном политическом дискурсе

Пупынина Е.В.¹, Маркелова О.В.¹, Никулина Д.Е.¹, Мухартова Д.А.²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: pupynina@bsu.edu.ru; markelova@bsu.edu.ru; dasha.nikulina@mail.ru;

² Гимназия № 22,

Россия, 308036, г. Белгород, бульвар Юности, 14

E-mail: daria.muhartowa@yandex.ru

Аннотация. Политический дискурс является объектом исследования многих поколений исследователей и не только лингвистов. Среди них можно назвать психологов, философов, социологов, журналистов и других. В связи с последним научная парадигма исследования представлена многими научными школами и направлениями, которые отмечены в статье. В фокусе внимания авторов – функциональные особенности глаголов с семантикой противопоставления, которые широко представлены в политическом дискурсе и используются для введения политического дискурса. Одной из синонимических групп названных глаголов являются глаголы с гиперсемой «спорить/argue», которая детерминирует их общие функциональные признаки. Наличие гипосем каждого глагола предопределяет специфику их функционирования и их дистинктивные характеристики. Дифиниционный и компонентный анализы позволили в полной мере представить лексикографический и комбинаторный потенциал каждой лексемы. Данная методика может быть перенесена на изучение и других лексем со значением противостояния.

Ключевые слова: политический дискурс, лексема «противостояние», дискурсивный анализ, ситуация «спор», прагмалингвистика

Для цитирования: Пупынина Е.В., Маркелова О.В., Никулина Д.Е., Мухартова Д.А. 2022. Функционирование глаголов противостояния типа quarrel в современном политическом дискурсе. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 365–372.
DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-365-372

Functioning of Quarrel-type Confrontation Verbs in Modern Political Discourse

Elena V. Pupynina¹, Oksana V. Markelova¹, Darya E. Nikulina¹, Darya A. Mukhartova²

¹ Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: pupynina@bsu.edu.ru; markelova@bsu.edu.ru; dasha.nikulina@mail.ru;

² Gymnasium No. 22

14 Yunosti boulevard, Belgorod 308036, Russia

E-mail: daria.muhartowa@yandex.ru

Abstract. Political discourse is the object of research of many generations of researchers, moreover, not only linguists. Among them are psychologists, philosophers, sociologists, journalists, etc. In connection with the latter, the scientific research paradigm is represented by many scientific schools and directions, which are noted in the article. The focus of this article is on the functional features of verbs with the semantics of opposition, which are widely represented in political discourse and are used to introduce political discourse. One of the synonymous groups of these verbs are verbs with the hyperseme "argue",

which determines their common functional features. The presence of hyposemes of each verb determines the specifics of their functioning and their distinctive characteristics.

Diffinition and component analysis allowed us to fully present the lexicographic and combinatorial potential of each lexeme. This technique can be transferred to the study of other lexemes with the meaning of confrontation.

Keywords: political discourse, lexeme "confrontation", discursive analysis, situation "dispute", pragmalinguistics

For citation: Pupylnina E.V., Markelova O.V., Nikulina D.E., Mukhartova D.A. 2022. Functioning of Quarrel-type Confrontation Verbs in Modern Political Discourse. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 365–372 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-365-372

Введение

Дискурс в целом и политический дискурс в частности в течение длительного времени находится в центре внимания ученых. В связи с этим неслучайно в научной литературе представлено несколько подходов к определению дискурса, среди которых можно упомянуть следующие:

– коммуникативный (т. е. функциональный): дискурс в качестве вербального общения (это функционирование языка, употребление, речь) или как диалог либо беседа, то есть в виде диалогического высказывания, или как речь с точки зрения говорящего, составляющая противоположность повествованию, не учитывающему данной позиции. В понимании коммуникативного подхода трактуется термин «дискурс» как «знаковая структура, которую дискурсом делает ее объект, субъект, обстоятельства создания, время и место»;

– структурно-синтаксический: дискурс в качестве фрагмента текста, синтаксическое образование, которое выше предложения (абзац, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство). Здесь под дискурсом понимают два либо несколько предложений, что находятся одно с другим в смысловой связи, связность при этом рассматривается в качестве одного из главных признаков дискурса;

– структурно-стилистический: дискурс в качестве нетекстовой организации разговорной речи, который характеризуется нечетким разделением на части, преобладанием ассоциативных связей, ситуативностью, спонтанностью, стилистической спецификой, высокой контекстностью;

– социально-прагматический: дискурс в качестве текста, погруженного в жизнь, общение, или как идеологически ограниченный либо социальный тип высказываний, или как «язык в языке», представленный при этом особой социальной данностью, в которой есть собственные тексты [Хурматуллин, 2009].

Такая классификация дает возможность понять то, что дискурс имеет тройственную природу: одна сторона его направлена к прагматике, ситуациям общения с типовым характером, вторая – к процессам, которые происходят в сознании самих участников общения, к характеристикам сознания этих участников, а третья направлена собственно к тексту.

Существенную роль в изучение дискурса внесли Н.Д. Арутюнова [1990], А.П. Чудинов [2006], В.И. Карасик [2004], Е.И. Шейгал [2004], Т.А. Ван Дейк [2013] и многие другие. В работах указанных авторов затрагиваются основополагающие вопросы, связанные с изучением дискурса. Н.Д. Арутюнова дала определение дискурсу, которое помогает понять разницу между дискурсом и текстом. Дискурс – это текст, погруженный в жизнь [1990, 136]. А.П. Чудинов большое внимание уделял описанию политического дискурса и функционированию в нем политических метафор. Что касается работ В.И. Карасика, то он внес большой вклад в описание типов дискурса. В фокусе работ Е.И. Шейгал [2004] находятся проблемы, связанные с дистинктивными характеристиками политического дискурса. Заслуга Т.А. Ван Дейка [2013] заключается прежде всего в описании особенностей

дискурса, создании понятий и методов изучения критического дискурс-анализа, представлении своего видения данного феномена.

В данной статье исследуется один из частных вопросов, а именно функционирование глаголов противостояния в политическом дискурсе, который недостаточно освещен в научной литературе.

Объект и методы исследования

В качестве основных методов исследования рассматриваемого объекта – функционирования глаголов со значением противопоставления в рамках политического дискурса – является метод дифференциального анализа, который помогает понять особенности рассматриваемого в статье синонимического ряда лексем, а также компонентный анализ, позволяющий увидеть и проанализировать семный состав всех изучаемых лексем и вывести гиперсемию. Также последний из названных методов позволил установить специфику каждой лексемы и определить гипосемию, которая детерминирует правое и левое развертывание синтаксического ряда, выбор субъектов и объектов построений, в том числе и синтенциональных, а также возможность появления тех или иных наречий, определяющих глагольные лексемы.

Результаты и обсуждение

Одна из главных функций дискурса – это воздействие на собеседника. Как следствие, его важной характеристикой (и политического дискурса в том числе) надо считать коммуникативно-прагматическую установку, которая подразумевает целенаправленный отбор субъектов речи с целью оказания на адресат какого-то определенного воздействия [Смирницкий, 1956].

Политический дискурс, согласно Е.И. Шейгал, рассматривается в качестве институционального общения, которое, отличительно от лично-ориентированного, применяет определенные профессионально-ориентированные знаки, то есть имеет собственный подъязык (лексику, фразеологию и паремиологию). Учитывая значимость, которой наделен ситуативно-культурный контекст, политический дискурс является феноменом, суть которого можно выразить в формуле «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Виноградов, 1996, с. 123].

Политический дискурс – это специфическая разновидность дискурса, поскольку ее цель – завоевать и удержать политическую власть. Ему свойственны системообразующие признаки, такие как цель коммуникации, участники коммуникации, способ коммуникации – избираемые тактики и стратегии.

А.Н. Баранов развивает идею языка политики, которая понимается как «особая система знаков, специально разработанная для политической коммуникации: развивающая социальный консенсус, принятие и оправдание политических и социально-политических решений в контексте многочисленных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек не является объектом идеологического воздействия и манипуляции, а также субъектом политической деятельности» [Баранов, Караулов, 1994, с. 330].

В книге «Парламентские дебаты: традиции и новации» А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич считают, что политический дискурс представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правила публичной политики, освященные традициями и доказанные опытом...» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. При таком узком понимании политического дискурса ограничиваются институциональные формы коммуникации.

В связи с тем, что в данной статье рассматривается роль и особенности функционирования глаголов с семантикой противостояния, нам нужно остановиться вкратце на по-

нятии «противостояние». Данное понятие используется в различных отраслях знаний: в физике, исторических науках, медицине, психологии.

Противостояние – это сложная деятельность, часто состоящая из последовательности или сочетаемости различных действий: вербальных, физических, интеллектуально-эмоциональных. Кроме того, как Н.Д. Арутюнова отмечает, объемность понятия «действие» расширилась до такой степени, что, среди прочего, она также включает не действия, воздержания от действия, отказ [Арутюнова, 1990; Переверзев, 2000, с. 257].

В английском языке в политическом дискурсе широко используются глаголы с семантикой противопоставления, что является вполне естественным, так как в таком типе дискурса лексемы с такой семантикой, типичной для ведения политических споров, дискуссий, приведения аргументации с разной степенью непринятия мнения собеседника [Wilson, 1990; Negrine, 1996; Шейгал, 2004; Лассвелл, 2006].

В нашей выборке фактического материала встретились следующие лексемы с названной семантикой (*quarrel, cavil, quibble, bicker, wrangle, squabble*). Эти лексемы являются синонимами и определяются в словарях через лексему *argue* как наиболее «объемной» в семантическом плане. И это значение выступает в качестве гиперсемы. Все названные лексемы имеют свои собственные гипосемы, порождающие характер дискуссии, спора и т.д. Эти особенности исследуемых лексем детерминируют особенности их функционирования в контекстах.

Доказательством этого является их лексикографическое толкование, которое может быть представлено следующим образом:

Quarrel: to have an argument – поссориться (Longman Dictionary of Contemporary English) [Longman Dictionary..., 2005];

to disagree with someone in an angry way – яростно с кем-то не соглашаться (Cambridge Dictionary) [Cambridge Dictionary, 2022];

cavil: to raise irritating and trivial objections; find fault with unnecessarily (usually followed by *at* or *about*) – излишне придираться [Dictionary.com, 2022];

quibble: to argue about small unimportant details – спорить о мелких незначительных вещах (Longman Dictionary of Contemporary English) [Longman Dictionary..., 2005];

Bicker: to engage in petulant or peevish argument, wrangle – заниматься раздражительным спором, пререкаться [Dictionary.com, 2022];

to argue, especially about something very unimportant – спорить о чем-то особенно важном (Longman Dictionary of Contemporary English) [Longman Dictionary..., 2005];

Wrangle: to argue or dispute, especially in a noisy or angry manner – спорить или ссориться, особенно в шумной или грубой манере (Longman Dictionary of Contemporary English) [Longman Dictionary..., 2005];

Squabble: to engage in a petty quarrel – заниматься мелкой ссорой [Dictionary.com, 2022];

to argue about something unimportant – спорить о чем-то незначительном (Longman Dictionary of Contemporary English) [Longman Dictionary..., 2005].

Как видно из дефиниций в значении этих лексем содержится компонент, передающий значение «противоречие, спор, несогласие». Но степень, «градус» этого противоречия различен. В более категоричной форме это значение передается лексемой *quarrel*, о чем свидетельствует представленная дефиниция лексемы, а также примеры:

Finance Minister Oleksandr Danylyuk told the details of a quarrel with Prime Minister Vladimir Groisman at the meeting of Cabinet on 23 May.

The vote of confidence from McConnell is a marked shift from the dynamic between the two Republicans four years ago, when they quarreled often during Bevin's primary challenge to McConnell.

Как видно из них, лексема *quarrel* предполагает наличие при глаголе собеседника – обобщенного или индивидуального для ведения спора.

В современном английском политическом дискурсе *wrangle* имеет значения «спорить» или «ссориться». Помимо этого, часто встречается словосочетание *wrangle over* – ожесточенно спорить по какому-либо поводу [American Heritage ..., 1994, p. 12].

Для лексемы *wrangle* типична трансляция более эмоционального спора или ссоры, которые сопровождаются такими эмоциями как шум, гнев, агрессия, так это видно из следующих примеров:

Five Australian lawmakers were forced from Parliament on Wednesday in an ongoing legal wrangle over a 117-year-old constitutional ban on dual citizens standing for election [McGuirk, 2018].

Yet while the president and investigators publicly wrangle over collusion, obstruction and “spying,” Trump continues his assault on something as valuable as democracy itself: the English language. As the president makes daily pronouncements on Twitter, one only wishes he occasionally colluded with a dictionary [Schneider, 2018].

Эмоциональную окраску спора передает и глагол *bicker*. В своем значении «препираться» он впервые встречается в среднеанглийский период в 1330. В современном английском языке он не только не утратил своего первоначального значения, но и приобрел такие значения как пререкаться и спорить. И он часто встречается в словосочетании с *over* – спорить о чём-либо:

Both sides will bicker over whether this is a self-inflicted wound or another three-dimensional chess move. The real question is about actual sides, a question Ryan might’ve pondered as the Farm Bill burned.

Mahathir’s updates on possible action against the deposed Barisan Nasional administration came as his own four-party Pakatan Harapan coalition openly bickered over the composition of the cabinet [Jaipragas, 2018].

В последнем примере степень эмоционального накала передается путем введения наречия *openly*, что усиливает эмоциональную окраску глагола *bicker over*.

Что касается глаголов *quibble*, *cavil*, *squabble*, то они передают значение спорить, ссориться из-за каких-то мелочей, неважных для принятия решений, что собственно и отражено в их лексикографическом толковании и видно из предоставленных ниже примеров:

Critics may cavil about how much real change Macron actually delivers. He may indeed become a French Tony Blair with a similarly mixed legacy, but that’s not the point.

As for the details of the bill, one could cavil at the idea of the losing party’s political appointees as protectors of the winning transition team. But disclosure to the bipartisan leadership of the intelligence committees guarantees that both parties will have insight into unmasking requests in this period [Sear, 2017].

Необязательность спора, его факультативность и отсутствие основы для его ведения достигаются за счет использования обобщенного (*critics*) или неопределенно-личного лица (*one*), употребления модальных глаголов *may*, *could*. Другими словами, за счет указанных особенностей структур достигается деперсонализация лица и синтаксической конструкции в целом.

Лексема *quibble* имеет схожее с глаголом *cavil* значение и, как правило, требует употребления определенного субъекта, выраженного именем собственным или нарицательным, как в нижеследующих примерах.

«... *And while some in our party prefer to quibble about who is more partisan on this issue or that, I believe there is much more at stake: common decency...*» – Nancy Pelosi, an American politician serving as the Minority Leader.

Chief Minister Siddaramaiah’s quibble over whether he would return as chief minister if the Congress returned to power in Karnataka, notwithstanding, he continued his fierce onslaught against the BJP, saying that Prime Minister Narendra Modi’s 16 rally blitz of the state would have no impact whatsoever.

Впервые лексема *squabble* появилась в 1595–1605 в скандинавском диалекте. В шведском *skrabbel* имело значение ссориться, когда в норвежском *skvabba* – судачить, болтать. Этот глагол употребляется с предлогами *over/about*:

In the meantime, the PA continues to coordinate with the very Israeli security apparatus that guns down its people, while Hamas obstinately holds on to its forceful control of the Gaza Strip. What both parties may not realise is how lost and hopeless the Palestinian people feel while they squabble over pitiful political issues.

Theresa May forced to intervene as her key Cabinet ministers squabble about Brexit terms [Abukhater, 2018].

В этих примерах употребляется обобщенный объект спора, но отсутствует объект коммуникации (спора), что свидетельствует также о характере дискуссии с некоторыми незначительными спорными моментами.

Как видно из приведенного анализа, большинство глаголов этого синонимического ряда может вводить придаточные предложения, раскрывающие существо споров, дискуссий, обсуждений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что дискурс, по меткому определению Н.Д. Арутюновой, есть текст, погруженный в жизнь, а политический дискурс – это текст, погруженный в политическую жизнь, который характеризуется своим набором обязательных/факультативных парципантов [Арутюнова, Падучева, 1985]. Говоря о политическом дискурсе, представленного с помощью глаголов противопоставления, в частности с гиперсемой «спорить» (*quarrel, cavil, quibble, bicker, squabble*), можно утверждать, что в рамках этого синонимического ряда они имеют разную степень эмоциональной выраженности значения противостояния: от экспликации отрицательного компонента в их семантической структуре в лексемах *quarrel, wrangle* до слабо отрицательного значения в семантике глаголов *cavil, squabble, quibble*. Промежуточную позицию занимает глагол *bicker*, транслирующий значение «заниматься спором, с раздражением пререкаться».

Политический дискурс многогранен и, конечно, в рамках одной статьи не представляется возможным представить и дать анализ всем глаголам противостояния, для этого требуется рассмотреть и другие группы глаголов, сделав их сопоставительный анализ.

Список источников

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1994. Словарь русских политических метафор. М., Помовский и партнеры, 330 с.
- Abukhater J. 2018. Where is the Palestinian leadership amid this catastrophe? Al Jazeera Media Network, 16 May 2018. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2018/5/16/where-is-the-palestinian-leadership-amid-this-catastrophe> (accessed: 06.06.2022).
- Cambridge Dictionary. 2022. Cambridge. Available at: <https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/resources> (accessed: 06.06.2022).
- Dictionary.com. 2022. Dictionary. Available at: www.dictionary.com (accessed: 06.06.2022).
- Jaipragas B. 2018. Malaysian PM Mahathir begins big government clean up, but is his ruling coalition in a mess? This week in Asia, 14 May 2018. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/2146083/malaysian-pm-mahathir-begins-big-government-clean-his-ruling> (accessed: 06.06.2022).
- Longman Dictionary of Contemporary English. 2005. Longman, Pearson Education Limited, 1968 p.
- McGuirk R. 2018. 5 lawmakers leave Australian Parliament due to foreigner ban. AP NEWS, 9 May 2018. Apnews. Available at: <https://apnews.com/article/f80a7c53793d49dea6bf0807d8c8f8c3> (accessed: 06.06.2022).

- Schneider C. 2018 Donald Trump's Twitter assault on the English language weakens him and America. USA Today, 29 May 2018. Usatoday. Available at: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2018/05/29/donald-trump-tweets-assault-english-language-undermine-america-column/638888002/> (accessed: 06.06.2022).
- Sears R.V. 2017. How Macron and Trump changed politics. Toronto Star, 11 June 2017. Thestar.com. Available at: <https://www.thestar.com/opinion/commentary/2017/06/11/how-macron-and-trump-changed-politics.html> (accessed: 06.06.2022).
- American Heritage Dictionary: Third Edition 3rd Edición. 1994. Houghton Mifflin Company, 960 p.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. 1985. Истоки, проблемы и категории прагматики. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Серия: Новое в лингвистике. Под ред. Е.В. Падучевой. М., Прогресс: 3–42.
- Арутюнова Н.Д. 1990. Метафора и дискурс. В кн.: Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., Прогресс: 5–32.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. 1991. Парламентские дебаты: традиции и новации: Советский политический язык: (от ритуала к метафоре). М., Знание, 64 с.
- Ван Дейк Т.А. ван. 2013. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., Книжный дом «Либроком», 344 с.
- Виноградов С.И. 1996. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи. В кн.: Лазуткина Е.М., Виноградов С.И., Даниленко В.П., Граудина Л.К. Культура русской речи и эффективность общения. Под ред. Е.Н. Ширяева, Л.К. Граудиной. М., Наука: 121–151.
- Карасик В.И. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., Гнозис, 389 с.
- Лассвелл Г. 2006. Язык власти. Пер. М.В. Толмачева. В кн.: Политическая лингвистика. Вып. 20. Под ред. А.П. Чудинова. Екатеринбург: 264–279. (Lasswell H.D. 1949. Style in the language of politics. In: H.D. Lasswell, N. Leites et al. Language of politics: Studies in quantitative semantics. New York: 20–39.)
- Переверзев К.А. 2000. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии. В кн.: Логический анализ языка: Языки пространств. Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левониной. М., Языки русской культуры: 255–267.
- Смирницкий А.И. 1956. Лексикология английского языка. Под ред. В.В. Пассек. М., Издательство литературы на иностранных языках, 269 с.
- Хурматуллин А.К. 2009. Понятие дискурса в современной лингвистике. Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 151(6): 31–37.
- Чудинов А.П. 2006. Политическая лингвистика. М., Флинта: Наука, 256 с.
- Шейгал Е.И. 2004. Семиотика политического дискурса. М., Гнозис, 326 с.
- Negrine R. 1996. The Communication of Politics. London, Sage, 208 p.
- Wilson J. 1990. Politically Speaking: the Pragmatic Analysis of Political Language. Cambridge (Mass.), Basil Blackwell, 203 p.

References

- Arutyunova N.D., Paducheva E.V. 1985. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems and categories of pragmatics]. In: Novoe v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics]. Iss. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. Seriya: Novoe v lingvistike [New in linguistics]. Ed. E.V. Paducheva. M., Publ. Progress: 3–42.
- Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In: Teoriya metafory [Theory of metaphor]. Eds. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. M., Publ. Progress: 5–32.
- Baranov A.N., Kazakevich E. G. 1991. Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii: Sovetskiy politicheskiy yazyk: (ot rituala k metaforye) [Parliamentary debates: traditions and innovations: Soviet political language: (from ritual to metaphor)]. M., Publ. Znanie, 64 p.
- Van Dejk T.A. van. 2013. Diskurs i vlast': reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kom-munikacii. M., Knizhnyj dom «Librokom» [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication], 344 p.
- Vinogradov S.I. 1996. Normativnyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty kul'tury rechi [Normative and communicative-pragmatic aspects of speech culture]. In: Lazutkina E.M., Vinogradov S.I., Danilenko V.P., Graudina L.K. Kul'tura russkoy rechi i effektivnost' obshcheniya

- [The culture of Russian speech and the effectiveness of communication]. Eds. E.N. Shiryaev, L.K. Graudina. M., Publ. Nauka: 121–151.
- Karasik V.I. 2004. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. M., Gnozis, 389 p.
- Lasswell H.D. 2006. The Language of Power. Per. M.V. Tolmacheva. In: Political Linguistics. Iss. 20. Ed. A.P. Chudinov. Ekaterinburg: 264–279 (in Russian). (Lasswell H.D. 1949. Style in the language of politics. In: H.D. Lasswell, N. Leites et al. Language of politics: Studies in quantitative semantics. New York: 20-39.)
- Pereverzev K.A. 2000. Prostranstva, situatsii, sobytiya, miry: k probleme lingvisticheskoy ontologii [Spaces, situations, events, worlds: towards the problem of linguistic ontology]. In: Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki prostranstv [Logical Analysis of Language: Languages of Spaces]. Eds. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. M., Publ. Yazyki russkoy kul'tury: 255–267.
- Smirnitkiy A.I. 1956. Leksikologiya angliyskogo yazyka [Lexicology of the English language]. Ed. V.V. Passek. M., Publ. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 269 p.
- Khurmatullin A.K. 2009. The Concept of Discourse in Modern Linguistics. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki, 151 (6): 31–37 (In Russian).
- Chudinov A.P. 2006. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. M., Flinta, Nauka, 256 p.
- Sheygal E.I. 2004. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. M., Publ. Gnozis, 326 p.
- Negrine R. 1996. The Communication of Politics. London, Sage, 208 p.
- Wilson J. 1990. Politically Speaking: the Pragmatic Analysis of Political Language. Cambridge (Mass.), Basil Blackwell, 203 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.03.2022

Поступила после рецензирования 27.05.2022

Принята к публикации 10.06.2022

Received March 21, 2022

Revised May 27, 2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пупынина Елена Владимировна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Elena V. Pupylnina, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Маркелова Оксана Владимировна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Oksana V. Markelova, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Никulina Дарья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikulina Darya E., Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Мухартова Дарья Андреевна, преподаватель английского языка, гимназия № 22, г. Белгород, Россия

Mukhartova Darya Andreevna, English teacher at the Grammar School No. 22, Belgorod, Russia

УДК 811.111`253`20`
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-373-385

Словообразовательный потенциал телескопических слов

Стрельцов А.А.

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д.105
E-mail: al-astr@yandex.ru

Аннотация. В последние десятилетия количество телескопизмов, также известных как бленды или слова-слитки, в английском языке неуклонно увеличивается и в меньшей степени этот процесс наблюдается в других европейских языках, в том числе русском (самом восточном из языков, употребляемых в Европе). Основной причиной этого является стремление к экономии языковых средств и словотворчеству, в том числе посредством языковой игры. Обобщив точки зрения разных авторов, мы смогли дать определение блендинга – это объединение двух и более исходных слов, по меньшей мере одно из которых представлено в усечённой форме, или же их наложение в рамках одной производной единицы, и указать отличия блендинга от других способов сокращения слов – усечения и аббревиации, а также от словосложения. Блендинг относится к неморфологическим способам словообразования, при котором происходит сложение неполных морфов, не являющихся самостоятельными лексемами. Участвующие в процессе словослияния осколки слов бывают нерегулярными и регулярными, последние имеют тенденцию к суффигованию, превращению квазиморфемы в аффиксоид. Нами рассмотрены группы примеров, в составе которых представлены словообразовательные элементы -burger, -rama, -scape, -tel, -teria, -torium, -(a)thon, -tron, -topia, -mobile, -versity, -cade, -mania/-maniac, -xit, -(a)geddon, -elfie, -licious, -(a)holic, -onomics, -gate, некоторые из которых являются продуктивными и в русском языке. Также установлено, что бленды могут выступать основой для образования других блендов, а также содержать иноязычные компоненты, заимствованные, в случае с английским, из языков романской группы.

Ключевые слова: деривация, словотворчество, производное слово, суффиксоид, блендинг, телескопия, словослияние

Для цитирования: Стрельцов А.А. 2022. Словообразовательный потенциал телескопических слов. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 373–385. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-373-385

Word-building Potential of Telescoped Words

Aleksey A. Streltsov

Southern federal university,
105 Big Sadovaya St., Rostov-on-Don, Rostov Region, 344006, Russia
E-mail: al-astr@yandex.ru

Abstract. This article discusses some of the issues of telescopic word formation, also known as blending or lexical amalgamation. In the last decades, their number in the English language has been steadily increasing and, to a lesser extent, this process is observed in other European languages, including Russian. The main reasons for this are linguistic economy and word creation, including through a language game. Having summarized the points of view of different authors, we were able to give a definition of blending – this is the coinage of two or more source words, at least one of which is clipped, or their overlapping within one derived lexical unit, and indicate the differences between blending and other types of curtailed words – clippings and abbreviations, as well as from compounding. Blending is a non-morphological way of word formation: blends are formed by means of fusion of incomplete morphs

that are not independent lexemes. Fragments of words participating in the process of word fusion are irregular and regular, the latter tend to transform a quasimorpheme into an affixoid. We have considered groups of examples, which include suffix-like elements -burger, -rama, -scape, -tel, -teria, -torium, - (a)thon, -tron, -topia, -mobile, -versity, -cade, -mania / -maniac, -xit, - (a)geddon, -elfie, -licious, - (a)holic, -onomics, -gate, some of which are also productive in Russian. We also determined that blends can serve as the basis for the formation of other blends, and also contain foreign language components borrowed, in the case of English, from the Romance languages.

Key words: derivation, to coin words, derived word, suffixoid, blending, telescoping, word-fusion

For citation: Streltsov A.A. 2022. Word-building Potential of Telescoped Words. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 373–385 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-373-385

Введение

Основными способами словообразования в английском языке до недавнего времени считались аффиксация, словосложение, конверсия, сокращение и аббревиация, а все остальные способы упоминались как второстепенные. Между тем в последние десятилетия резко возрос интерес к такому способу образования новых слов, как словослияние, также известному как контаминация, телескопия, или блендинг, подтверждением чему является большое число статей в научных журналах, а также целый ряд диссертационных исследований.

Есть несколько причин популярности данного способа, но чаще всего выделяют две из них:

1) проявление общей тенденции языка к экономии языковых средств, обеспечивающей передачу максимального количества информации в единицу времени – говорящие для достижения цели общения осуществляют отбор самых рациональных языковых средств. В научной литературе это описано как закон, или принцип, «экономии речевых усилий» – “verbal economy law”, “linguistic economy”, или же «принцип наименьшего усилия» – “principle of the least effort” [Лашкевич, 2005, с. 101; Bakaradze, 2010, p. 86; Хрущева, 2011, с. 13; Абросимова, 2012, с. 19; Савчин, 2012, с. 295; Иванова, 2013, с. 252; Mikić Šolić, 2015, p. 32; Гетманская, 2017, с. 111; Lefilliâtre, 2019. p. 22];

2) проявление лингвальной креативности, под которой «традиционно понимают естественную способность индивидуума общаться, понимать и создавать потенциально бесконечное множество слов, выражений и сложных синтаксических конструкций» [Лаврова, 2013, с. 21], отражение стремления личности к самореализации, креативности, выражению собственной индивидуальности [Лаврова, 2013, с. 5], реализации лингвокреативной способности [Минеева, 2015, с. 64], самореализации и самоидентификации, выражению исключительности своего Я [Косова, 2018, с. 130]. Это «обусловлено желанием выразить мысль как можно полнее, точнее и ярче. При этом происходит активное приращение эмоциональной составляющей, которая способствует созданию более яркого образа в однословной единице» [Абросимова, 2012, с. 20]. С последним согласен также [Нухов, 2016, с. 801]: «В качестве ведущего признака слов-слитков можно, без сомнения, назвать их особую выразительность по сравнению с обычными словами английского языка». Иногда бленды характеризуются не шутовой юмористической, а иронически-шутовой, или даже грубовато-уничижительной окраской, неуважительной, глумливой тональностью: чеченьки = чеченцы + печеньки и узбечики = узбеки + кузнечики, то есть коннотации носят ярко выраженный отрицательный характер оценочно-иронического свойства [Омельченко, 1989, с. 36; Лаврова, 2011, с. 128; Коробкина, 2020, с. 7].

Таким образом, мы, вслед за [Bednárová-Gibová, 2014] можем заключить, что словослияние (блендинг) считается одним из основных современных средств языковой экономии, в то же время обладающим высоким «лингвокреативным потенциалом» (термин [Липилина, 2006, с. 89]). При этом мы не можем полностью согласиться с утверждением [Григорьева, 2019, с. 490], что «все бленды являются результатом сознательного языкового словотворчества, целью которого является не соблюдение тех или иных норм словообразования, а получение необходимого игрового эффекта»: так, яркость и выразительность контаминированному слову придаёт «игра на контрасте», «сочетаемость несочетаемого»: *kidult* = *kid* + *adult* – взрослый, ведущий себя как ребёнок, *slearning* = *sleeping* + *learning* – спящий во время занятия, *complisult* = *compliment* + *insult*, или *фр. blancboula* = *blanc* (белый) + *bamboula* (негритянский танец) – негритянский танец бамбула в исполнении белокожих.

Схожий эффект получается при использовании в процессе словообразования «книжной» лексики вместе с общеупотребительной, или же иноязычных элементов: *adhocrasy* = *лат. ad hoc* (специальный, «для данного случая») + *bureaucrasy* – адхократия, *coffnoscenti* = *coffee* + *cognoscenti* (знатоки), *priviligentsia* = *privilege* + *intelligentsia*, *beautillion* = *фр. beau* + *cotillion* – вечеринка по случаю совершеннолетия для молодого человека, *нем. ceil* = *англ. cool* + *нем. geil* – прикольный, очень клёвый.

В действительности «лудическая (игровая) природа» [Лаврова, 2013, с. 11], она же «игровой характер» [Нухов, 2017], или же «лудический элемент», [Mikić Čolić, 2015, p. 26] присутствует в образовании далеко не всех слов-слитков – как отмечает [Перфильева, Галанкина, 2019, с. 212]: «В русском языке она обычно воспринимается как элемент языковой игры (или как средство выразительности)», в отличие от английского языка. Поэтому более взвешенной представляется точка зрения [Коробкина, 2020, с. 4], указавшей на «способность телескопных слов экономно передать смысл сложного понятия и выразить оценку или экспрессию, внести элемент игры в процесс словообразования», что дополняет ранее сделанный вывод.

Также было бы преувеличением относить блендинг к «нарушителям» процесса словообразования. И в этой связи мы считаем необходимым тщательно рассмотреть данный способ.

Результаты и обсуждение

Каждый исследователь стремится дать своё определение процесса словослияния, но обычно под блендингом понимают объединение/слияние двух (и более) исходных слов, по меньшей мере одно из которых представлено в усечённой форме, или же их наложение (*laseiling*, *abroadcast*, *alcoholiday*) в рамках одной производной единицы. В первом случае новые слова (бленды) создаются путем соединения нескольких (одного, двух, реже – трёх) компонентов – произвольных фрагментов исходных единиц – особых лексических отрезков, называемых осколочными элементами (*splinters*), которые не существуют в языке сами по себе, а появляются в момент образования слова-слитка [Лашкевич, 2005, с. 99; Хрущева, 2011, с. 9; Минеева, 2015, с. 58; Шейфель, 2016, с. 293; Никанорова, 2017, с. 46; Амахина, 2018, с. 34]: *smog* < *smoke* + *fog*, *happenstance* < *to happen* + *circumstance*.

Именно наличие «осколочного» элемента в структуре контаминированного слова отличает словослияние от морфологических способов: в первом случае происходит сращение полных и осколочных морфов/морфем (или же только осколочных), а «осколок» является словообразовательным элементом меньше одного морфа – его сегментом [Тарасова, 1991, с. 4; Хрущева, 2009, с. 95], тогда как аффиксация и словосложение предполагают использование морфем. Основное же отличие от сокращения в том, что последнее «образует самостоятельное слово, что нехарактерно для осколка» [Лаврова, 2013, с. 22], а заявление, что при слиянии, в отличие от сокращения, не используются соединительные гласные [Пекарская, 2013] является спорным (*нобелиат* < *Нобель* + *лауреат*). С другой стороны, «основное различие между блендингом и аббревиацией заключается в том, что

полученная аббревиатура представляет собой слово-заместитель, употребляющееся вместо соответствующего развернутого словосочетания, тогда как бленд функционирует как самостоятельное слово со всем комплексом входящих в него значений» [Шейфель, 2016, с. 293]. Кроме того, «в блендинге экономия меньше, чем при аббревиации» [Хрущева, 2011, с. 99]. Также косвенным подтверждением этих различий способов образования может служить образование блендов с участием аббревиатур:

ЦУМатоха < ЦУМ+суматоха, СМИротворец < СМИ + миротворец, ЕГЭмпинг < ЕГЭ + демпинг, МИДсестра – шуточное название должности официального представителя МИД РФ Марии Захаровой, GOPossibility < GOP (Grand Old Party неофициальное название – неофициальное название Республиканской партии США) + possibility.

Не просто установить грань между сложнокращёнными словами и блендами. Как указывает [Лаврова, 2013, с. 22] «комплексные сокращения тяготеют к подчинительному атрибутивно-препозитивному словосочетанию, первым компонентом которого может выступать как прилагательное, так и существительное в атрибутивной функции: litcrit = literary criticism, sysadmin = system administrator, regex = regular expression». Вслед за [Арнольд, 1986, с. 195; Хрущева, 2009, с. 96; Никанорова, 2017, с. 46] мы полагаем, что семантическая связь бленда с исходными словами может быть аддитивной, когда бленд представляет собой фразу из равнозначных полных основ и рестриктивной, когда бленд образован из атрибутивного словосочетания, где первый элемент определяет второй.

В целом же мы разделяем точку зрения известного исследователя данного языкового явления: «Блендинг является самостоятельным способом словообразования, пограничным с аббревиацией и словосложением» [Хрущева, 2009, с. 9].

Таким образом блендинг – не морфологический способ создания новых слов, поскольку в ходе него используются лексические единицы субморфемного уровня – квазиморфемы, – любой сегмент слова, отличающийся от морфемы границами и значением [Эрстлинг, 2010, с. 140; Перфильева, Галанкина, 2019, с. 209]. Как указывала известный исследователь данного способа словообразования: «Долгое время контаминанты по причине того, что они состоят из квазиморфем, не рассматривались серьезно в словообразовательной системе английского языка» [Лаврова, 2013, с. 14]. Мы считаем, это было ошибкой: бленды, как и другие слова, обладают планом выражения и планом содержания, что отмечали ещё [Шевелева, 2003, с. 9; Сухорукова, 2004, с. 8], а участвуют в их создании, «сколочные» элементы, или осколки, которые, будучи короче морфов, выполняют их семантические функции. Это происходит вследствие «свёртывания» – формальной компрессии исходных составляющих, сопровождающейся компрессией семантики – семантической конденсацией содержания, выражаемого исходным словом (или словами) [Тарасова, 1991, с. 6; Лашкевич, 2005, с. 100; Сафарова, 2017, с. 14].

При этом [Сухорукова, 2004, с. 9] обращала внимание на «достаточность/недостаточность семантической функции каждого компонента единицы». Причина в том, что «морфологические осколки характеризуются нерегулярностью формы и наличием определенной семантико-смысловой связи с морфемами или словами, от которых они образованы» [Лаврова, 2013, с. 22]: первая из этих особенностей позволила дать определение телескопии как способу «нерегулярного сокращения морфов» [Шевелева, 2003, с. 3], но она же «свидетельствует и о некоторой нерегулярности, нестандартности значения данного элемента, который вне телескопного слова, в изолированном виде характеризуется высокой степенью непредсказуемости» [Лашкевич, 2005, с. 100], вследствие чего «полная форма слова-источника не всегда может быть восстановлена из части, входящей в бленд... а следовательно, значение бленда не может быть понято верно» [Беляева, 2015, с. 256]: bigness = big + business – крупнейшие корпорации, "большой бизнес", где второй компонент омонимичен суффиксу -ness. Впрочем, в большинстве случаев, оба компонента, даже «не будучи полностью эксплицитно представленными в производном слове, отчетливо осознаются воспринимающим устный / письменный текст» [Минеева, 2015, с. 58], поскольку

ку «основная масса телескопных лексем и их фрагментов широко известна, семантически прозрачна», что гарантирует «адекватное восприятие и быстрота восприятия телескопизмов, используемых в разных сферах речевого общения» [Омельченко, 1989, с. 36].

Обобщив несколько повторяющихся и взаимодополняющих точек зрения, можно заявить, что существует множество слов-слитков, нерегулярность морфов в которых – кажущаяся, а сами они являются квазиморфами в узком смысле этого слов. При возрастании частоты употребления отдельных элементов может наблюдаться стабилизация конечного осколка, т. е. его суффиксирование – переход высокочастотных неуникальных «осколочных» элементов этих образований в разряд словообразовательных полуаффиксов или аффиксоидов. Это компоненты слова-слитка, повторяющиеся в ряде аналогичных образований с одним и тем же значением в ряде слов, что делает их значение достаточно предсказуемым, и приближающиеся по своей словообразовательной функции к префиксу или суффиксу. Аффиксоид – это переходная ступень на пути демотивации – превращения значимого слова в префикс или суффикс, сопровождаемая семантическим переосмыслением (или, как это называет [Дьячкова, 2014]: осколочные элементы, «семантически выветриваясь», превращаются в словообразовательные суффиксы и наделяются собственным лексическим значением, поскольку значения аффиксоидов более абстрактные и не требуют для понимания реконструкции формы и значения всей лексической единицы. Примерами подобных квазисуффиксов выступают -burger, -holic, -(a)thon, -gate, -tel, -scape, -(e\a)(t)eria, – (au)torium, (r)ama, - tron, -onics, -cast, -arian, -nik, - mat(ic) [Берман, 1959, с. 106; Омельченко, 1989, с. 35; Липилина, 2006, с. 91; Ермоленко, 2007, с. 22; Хрущева, 2011, с. 11; Мурзаков, 2013, с. 15; Нухов, 2017, с. 252]. Ниже мы приводим список блендов, имеющих «серийный» характер:

-burger (< hamburger): cheeseburger, baconburger, tofuburger, veggiburger, westernburger;

-mat (< automat): maticashomat, laundromat, Lawn-a-mat, Akustomat

-rama (< panorama): riverama – панорамный вид реки, glamorama – обзор жизни людей, занимающихся шоу–бизнесом, motorama, cinerama, circorama, aromarama, colourama, ride-o-rama, infinit-o-rama, Afrikarama, sonorama;

-scape (< landscape): blandscape – унылый пейзаж, nescapе – сетевое пространство, cityscape, soundscape, icescape, lurscape, streetscape, riverscape

-tel (< hotel): motel, boatel – береговой отель с удобствами для швартовки судов, flootel, aquatel – стоянка плавучего дома, gotel – гостиница для путешественников, airtel, doughtel – дорогостоящий отель, Eurotel

-teria (< cafeteria): canditeria – кондитерская, washeteria – прачечная (амер.), автомойка (брит.), healthateria – вегетарианское кафе, groceteria – продовольственный магазин самообслуживания, booketeria – книжный магазин, cleaneteria, hatateria, marketeria, cowfeteria, luncheteria, breakfasteria,

-torium (< auditorium): drinkatorium – бар, пивная, healthatoruim – вегетарианское кафе, motortorium – гараж, odditorium – кунсткамера, barbatorium, bathatorium, lubritorium
cafetorium = cafeteria + auditorium

-(a)thon (< marathon): bikeathon – длительное катание на велосипеде, dancethon – долгий и утомительный танец, telethon – многочасовая телепередача, телемарафон, walkathon – необычно длительная прогулка, drinkathon – вечеринка, связанная с большим потреблением алкоголя, talkathon – бесконечные разговоры cleanathon

-tron (< electron): magneton, partron, laddertron, cyclotron, bevatron

К этому списку можно добавить -topia (< utopia): autopia, subtopia, pornotopia, infotopia, Fruitopia; -mobile (< automobile): artmobile, airmobile, batmobile, motelmobile, dishmobile, youngmobile, taxmobile; -versity: poliversity, megaversity, multiversity; -cade (< cavalcade): aircade – группа самолётов сопровождения, autocade – вереница машин, участвующая во встрече (кортеж – А.С.), musicade – оркестр, принимающий участие во

встрече, aquacade – праздник на воде, shouldercade – группа людей, несущих что-то на плечах в знак протеста tractorcade – демонстрация протеста фермеров, motorcade – кортеж, автоколонна и демонстрация протеста на машинах, travelcade, -licious (< delicious): babelicious – привлекательная внешне женщина, bootylicious – молодая женщина с пышным, привлекательным задом, divalicious – характеристика независимой, уверенной в себе, стильной и элегантной женщины, cougarlicious – «пума», привлекательная и обеспеченная пожилая женщина, hunkalicious – характеристика энергичного, обаятельного, чувственно-остроумного и галантного мужчины, ritualicious, tweet(a)licious, snugglicious, bubblicious, goldilicious, goodilicious, purplicious, sacrilicious, Margealicious, ovulicious (последние три примера из м/ф «Симпсоны») [Борисенко, 1976, с. 94; Жлуктенко и др., 1983, с. 110; Тарасова, 1991, с. 4; Лашкевич, 2005, с. 101; Липилина, 2006, с. 91; Enarson, 2006; Ермоленко, 2007, с. 6; Хрущева, 2009, с. 99, 100; Жукова, 2010, с. 8; Дьячкова, 2014, с. 68; Mirzaie, 2014; Храброва, 2017, с. 166, 170; Дельва, 2018, с. 5; Перфильева, Галанкина, 2019, с. 209, 211, 212].

Как указывает [Эрстлинг, 2010, с. 140] в «английских словах можно выделить «квазиморфему» -(u)nnel», в подтверждение чего приводит слова funnel – дымоход, tunnel – тоннель, gunnel – ручеек, канава, channel – пролив, канал. Мы считаем, что участие этого сегмента в образовании новых слов до недавнего времени было не установлено, и являлось псевдолингвистическим, пока не появился бленд Chunnel = Channel + tunnel.

Уже длительное время используется элемент -mania/-maniac: indigomania = indigo children + mania, infomania – стойкое желание и почти зависимость постоянно проверять социальные сети, почту, личные сообщения. Batmania – batman + mania – одержимость фильмом "Batman"; Pokemania – чрезмерное увлечение детей покемонами; madmaniac = madman + maniac, atomaniac < atom + maniac, Osamaniac – женщина, испытывающая сексуальное влечение к Усаме бен Ладену, а также Obamania и Obamaniac.

Выход Великобритании из Европейского союза, получивший название Brexit, привёл к появлению в СМИ целого ряда слов, образованных по аналогии: Scotxit, Grexit (< Greece) – выход Греции из еврозоны, Nexit (< the Netherlands), Frexit (< France), Swexit (< Sweden), Fixit (Finland) – последнее совпало по звучанию с английским выражением Fix it – устранить неполадки, исправить что-либо. В последние десять лет появились слова Calexit (< California) – выход штата Калифорния из состава США, и Megxit (< Megan) – разрыв принца Гарри и с королевской семьёй из-за своей жены Меган Маркл. В свою очередь, «вслед за 'Grexit' появился бленд 'Grexident' < Greek + accident (выход Греции из Еврозоны из-за цепи случайных событий). Некоторые журналисты предпочитают употреблять бленд 'Grexodus' вместо 'Grexit', объясняя свое предпочтение этимологией слова» [Никанорова, 2017, с. 50], – отсылкой к книге «Исход» Ветхого Завета. Псевдоморфема 'Gr' также была отмечена в составе слов Grocovery < Greek + recovery и 'Greferendum' < Greek + referendum.

Повышенное внимание к срокам предстоящего конца света и предстоящих кризисов привела не только к появлению слов alpacalypse < alpaca + apocalypse 1) конец света 21.12.2012, будто бы предсказанный календарем майя (альпака, животное, родственное ламе, символизирует цивилизацию майя); 2) бедствие, угрожающее популяции альпака. Trumprocalypse < (Donald) Trump + apocalypse, и esopolypse < ecology + apocalypse – экологический апокалипсис. Впрочем, мы считаем, что пока рано говорить об устойчивости элемента -(a)lypse, в отличие от квазиморфа, производного от слова Armageddon: Auckgeddon (< Auckland); Bramageddon (< bra); farmageddon (< farm) – парк ужасов в сельской местности; infogeddon (< information) – множество «пугающих» скандалов из-за утечек в СМИ; econogeddon/moneygeddon (< economy/money) – постоянная боязнь экономического/финансового кризиса; jobageddon – страх лишиться работы; aquageddon, snowageddon, starmageddon, stormageddon – боязнь стихийных бедствий, stupid-geddon, ирмагеддон (< [ураган] Ирма). Kornienko

В последние 20 лет появился ряд производных слов с аффиксоидом *-elfie* (< *selfie*) – автофотопортрет, селфи: *helfie* (< *hair*) – селфи волос, *drelfie* (< *drunk*) – селфи в пьяном виде, *belfie* (< *butt*) – селфи ягодиц, *relfie* (< *relationship*) – селфи пары, состоящей в отношениях, *welfie* (< *workout*) – селфи, сделанное на тренировке, *shelfie* (< (*book*)*shelf*) – фотография с книгами, предметами искусства (фигурками) и т.п., выставленными на полках.

Можно выделить три аффиксоида, которые уже много лет сохраняют высокую продуктивность не только в английском, но и русском языке:

1) *-(a)holic* (< *alcoholic*) со значением «зависимый от чего-л.».

Workaholic – человек, который много работает, *coffeaholic* – человек, который очень любит кофе; *politicaholic* – человек, которая чрезвычайно заинтересована политикой, *shopaholic* – шопоголик, *bookaholic* – книгоман, *gimoholic* – излишне увлеченный спортом, *chocaholic* – любитель шоколада, *wordaholic* – болтун, любитель поговорить, *negaholic* – человек, который всегда негативно думает о себе и о других, *computerholic* – человек, одержимый компьютером, *netaholic* – страдающий Интернет-зависимостью, *twitterholic* – участник Твиттера, пристрастившийся к нему так, что это отвлекает его от других сфер жизни, а также *blogoholic*, *beerholic*, *cleanaholic*, *clothesaholic*, *colaholic*, *creamaholic*, *jadeaholic*, *milkaholic*, *movieholic*, *cashaholic*, *infoholic*, *newsaholic*, *writaholic*, *gameaholic*, *danceaholic*, *love-holic*, *sexaholic*, *spendaholic*, *sugarholic*, *rageholic*, *thingaholic*, *wikiholic*, *drugaholic*, *crediholic*, *foodaholic*, *golfaholic*.

В русском языке много заимствований с этим элементом, представленных транскрипциями и полукальками: *трудоголик/работоголик*, *шопоголик*, *чистоголик*, *пивооголик*, *вещеголик*, *наркоголик*, *инфоголик*, *сексоголик*, *сетеголик*, но также есть ряд слов, не имеющих аналогов в английском языке и, предположительно, образованных по данной модели: *лекарствоголик*, *криминалкоголик*, *интернетоголик*, и *покупкоголик*;

2) *-onomics* (< *economics*).

Здесь можно выделить несколько подгрупп:

а) экономическая политика, проводимая в Соединённых штатах Америки во время президентства того или иного политического деятеля: *reaganomics* (< (Ronald) Reagan, 40-й президент США), *Nixonomics* (< (Richard) Nixon, 37-й президент США), *bushonomics* (< (George) Bush, 41-й президент США), *Clintonomics* (< (Bill) Clinton, 42-й президент США), *Obamanomics* (< (Barack) Obama, 44-й президент США)

б) экономическая политика, отстаиваемая каким-либо политическим деятелем или проводимая в какой-либо другой стране:

thatcher-nomics (< (Margaret) Thatcher, премьер-министр Великобритании), *rogernomics* (< Roger (Douglas), министр финансов Новой Зеландии), *rubinomics* (< (Robert) Rubin, экономический советник Билла Клинтона), *McGovernomics* (< (George) McGovern, американский сенатор и кандидат в президенты, уступивший Ричарду Никсону).

в) специальная лексика “*Freakonomics*” (название книги Стивена Д. Левитта и Стивена Дж. Дабнера), *freeconomics*, *cybernomics*, *mediconomics*, *bimbonomics*, *flexinomics*, *lawsonomics*.

В русском языке есть заимствования *рейганомика*, *клинтономика*, *обаманомика*, и производные слова, образованные по модели: *путиномика*, *откатономика* [Липилина, 2006, с. 91; Enarson, 2006; Хрущева, 2009, с. 100; Абросимова, 2012, с. 22; Савчин, 2012, с. 294; Mirzaie, 2014; Нухов, 2016, с. 785; Перфильева, Галанкина, 2019, с. 212];

3) *-gate* (< *Watergate*) со значением (около) политический скандал.

Предысторию его появления приводит российский исследователь: агенты партии республиканцев незаконно проникли в предвыборный штаб демократической партии, который находился в отеле *Watergate*, что привело к отставке президента Р. Никсона, который оказался замешан в этой акции. С тех пор имя отеля *Watergate* стало нарицательным. «Англичане быстро поняли, что для придания соответствующим контаминантам негатив-

ной оценочности, чтобы все сразу же вспомнили об Уотергейте (слово, которое ассоциируется с понятием «скандал») [Голодов, 2016, с. 9].

Этот компонент в последние десятилетия был очень продуктивен как словообразовательное средство: Irangate – политический скандал, связанный с тайной продажей США оружия Ирану, Iraqgate – политический скандал, связанный с вторжением американских войск на территорию Ирака, Hollywoodgate – скандал, связанный с обвинением голливудского режиссера Д. Бергмана в присвоении 100 000 долларов, Muldergate – скандал, вызванный деятельностью министра информации ЮАР К. Мулдера, Dallasgate, Contragate, Monicagate, Camillagate, Notting Hillgate, debategate, Berlin-gate, Dieselgate, Server-gate; в немецком языке: Handtaschen (дамская сумочка)-Gate, Konstantin-Gate, Waterkantgate, Scheißegate, в русском языке: Сердюков-гейт, диссер-гейт, Панамагейт. «Компонент -gate применяется каждой газетой по своему вкусу. При этом, наряду с обозначениями настоящих сенсационных скандалов, с помощью -gate репортеры иногда пытаются раздуть до масштабов скандала и довольно незначительные происшествия» [Голодов, 2016, с. 14]. Нам удалось найти всего один пример использования данного суффиксоида в испанском языке: piñeragate (< Piñera) – Мигель Хуán Себастьян Пиньера Эченике – президент Чили.

Бленды могут сами выступать производной основой для образования блендов. Например, vog < volcanic + smog < + fog – смесь вулканического дыма и тумана, qubit < quantum + bit < binary + digit – наименьший элемент для хранения информации в квантовом компьютере, multiplex < multiple + cineplex < cinema + complex – разновидность многозальных кинотеатров или набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу, voxel < volume + pixel < pix + element (слово pix < pics < pictures известно с начала 1930-х, и к моменту появления компьютерных мониторов уже успело закрепиться в словаре).

Существительное слово blog образовано от слов web + log по редкой модели ab + cd = bcd. В свою очередь, от него были образованы слова to blogcast < blog + to broadcast, (to) bleg < blog + (to) beg – написать обращение к пользователям Интернета с вопросом или просьбой прокомментировать сообщения в блоге (или сам пост), blogebriety < blog + celebrity, flog < fake + blog, vlog < video + blog, moblog < mobile + blog, edublog < educational + blog – блог-сайт, ориентированный на образование, написанный преподавателем или студентом, blogosphere < blog + -sphere – этика ведения блога в Интернете. Есть два бленда, образованные с участием слова spam < spiced + ham: splog < spam + blog – блог, который состоит из спама, или более широко, любой блог, чей создатель сам не публикует сообщения и blam < blog + spam advertising/marketing. В последнем случае имеет место уникальное явление – образование бленда посредством двух других блендов.

Также можно отметить два этимологически спорных случая: слияние слов escalating и elevator привело к образованию слова escalator (эскалатор), а оно, в свою очередь, стало основой для слов escalift < escalator + lift и travolator < travel + escalator, а также snobody – личность социально и культурно незначительная, но с претензиями на значительность, которое образовано от snob (< sine nobilitate) + nobody.

Заключение

Популярность блендинга как способа словообразования обусловлена как тенденцией к экономии языковых средств, так и проявлением лингвокреативной способности говорящих. Нередко имеет место игра слов, в результате которой слова-бленды приобретают особую выразительность и выражают различные оценочные коннотации: юмористическую, ироническую или даже уничижительную. Иногда желаемый эффект достигается игрой на контрасте, а также использованием иноязычных элементов.

Под блендингом понимают слияние двух (реже – трёх) произвольных фрагментов («осколочных» элементов) исходных слов, по меньшей мере одно из которых представлено в усечённой форме, или же их наложение в рамках одной производной единицы. Блен-

динг является неморфологическим и «пограничным» способом словообразования, поскольку предполагает сложение сокращённых компонентов слов (иногда – аббревиатур), не являющихся морфемами.

Отдельные компоненты слов употребляются в процессе словообразования настолько часто, что их можно отнести к аффиксоидам: -burger, -holic, -(a)thon, -gate, -tel, -scape, -(e\а)(t)eria, -(au)torium, (r)ama, -tron, -onics, -cast, -arian, -nik, -mat(ic), -topia, -versity, -cade, -licious, -mania(c). Некоторые известны лингвистам ещё со второй половины прошлого века, другие -(e)xit, -(a)geddon, -elfie были выделены уже в этом веке. Не все аффиксоиды являются высокопродуктивными в английском языке, к этой группе можно с уверенностью отнести только элементы -(a)holic, -onomics, -gate. В целом блендинг является продуктивным способом образования новых слов, что подтверждается не только большим количеством лексем, в том числе неологизмов, но и возможностью блендов участвовать в создании новых блендов.

Список литературы

- Абросимова Л.С. 2012. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 12 (1): 18–22.
- Амахина С.Р. 2018. Новые слова в английском языке в сфере информационных технологий. *Juvenis scientia*, 4: 34–35.
- Арнольд И.В. 1986. Лексикология современного английского языка. М., Высшая школа, 295 с.
- Беляева Н.В. 2015. Блендинг как форма концептуальной интеграции (на материале английских неологизмов). Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2: 254–260.
- Берман И.М. 1959. О «вставочном» типе словообразования. Вопросы языкознания, 2 (март-апрель): 104–107.
- Борисенко И.И. 1976. Телескопия в современном английском языке. В кн.: Вопросы языковой структуры: исследования по романо-германской филологии. Киев, Вища школа: 90–95.
- Голодов А.Г. 2016. Политические контаминанты с серийными компонентами (на материале немецкого и русского языков). Иностранные языки в высшей школе, 1 (36): 7–14.
- Григорьева П.В. 2019. Блендинг как тип неузального словообразования: к уточнению понятия. Мир науки, культуры, образования, 3 (76): 488–491.
- Дельва А.Е. 2018. Контаминация (блендинг) в современном английском языке: Фонетический аспект. В кн.: Современные лингвокоммуникативные практики. Межвузовский сборник научных статей. Том. Выпуск 1. Под ред. Д.А. Розеватова. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина - филиал ФГБОУ ВПО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации": 3–6.
- Дьячкова Е.С. 2014. «Осколочные» элементы телескопных слов как источник полусуффиксов. Вестник Алтайской государственной педагогической академии: Гуманитарные науки, 21: 67–70.
- Ермоленко Ю.П. 2007. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 25 с.
- Жлуктенко Ю.А., Березинский В.П., Борисенко И.И. 1983. Английские неологизмы. Киев, Наукова думка, 172 с.
- Жукова А.Н. 2010. Семантические и прагматические характеристики лексической контаминации в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 20 с.
- Иванова Н.К. 2013. Английские аббревиатуры-неологизмы: особенности образования и написания. Вестник Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 4: 52–60.
- Коробкина Н.И. 2020. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации. Экология языка и коммуникативная практика, 1: 1–10. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2020/05/Korobkina-N.I.-1.pdf> (дата обращения: 29.05.2022). DOI: 10.17516/2311-3499-096
- Косова О.А. 2018. Контаминанты немецкого языка и трудности их перевода на русский язык. Филологические открытия, 6: 128–136.

- Лаврова Н.А. 2011. Towards blending as a word-building pattern. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 11: 171–175.
- Лаврова Н.А. 2013. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 48 с.
- Лашкевич О.М. 2005. Семантика слов-слитков в современном английском языке. Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2: 99–104.
- Липилина Л.А. 2006. Лексические слияния в современном английском языке. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Филологические науки, 2: 87–92.
- Минеева З.И. 2015. Контаминация в образовании номинаций человека. Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 25(2): 58–68.
- Мурзаков А.А. 2013. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 27 с.
- Никанорова И.А. 2017. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе. В кн.: Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник статей. Под ред. И.Е. Коптеловой. Москва, Издательско-торговая корпорация "Дашков и К": 44–50.
- Нухов С.Ж. 2016. Семантика контаминированных образований и сферы их распространения в английском языке. Вестник Башкирского университета, 21 (3): 795–803.
- Омельченко Л.Ф. 1989. Английская композита: структура и семантика. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 45 с.
- Пекарская И.В. 2013. Лексическая контаминация как принцип и орнаментальный элокутив: к проблеме соотношения понятий и типологии. Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 4: 90–98.
- Перфильева Н.В., Галанкина И.И. 2019. Деривационная контаминация в английском языке и её влияние на русское словообразование (на примере коммерческих наименований). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 4(820): 206–218. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_820.pdf (дата обращения: 29.05.2022).
- Савчин І.М. 2012. Телескопія як один із словотворчих засобів мовної економії англійської мови. Наукові записки Національного університету "Острозька академія". Серія: Філологічна, 26: 293–296. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nznuoaf_2012_26_89 (дата звернення: 19.02.2022).
- Сафарова У.А. 2017. Семантические отношения между компонентами контаминированных слов. Ilmiy Axborotnoma. Gumanitar fanlar seriyasi: Filologiya, Pedagogika, Psixologiya, O'qitish metodikasi, 2 (102/2): 11–15. URL: http://new.samdu.uz/images/ilmiyjurnal/N8fC0eYJC5_ilmiy_jurnal.pdf (дата обращения: 29.05.2022).
- Сухорукова О.Н. 2004. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе: на материале англоязычной прессы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 24 с.
- Тарасова Л.А. 1991. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 24 с.
- Храброва В.Е. 2017. Английский лексический блендинг в контексте лингвистической полемики и образовательной ценности. В кн.: Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность. Ежегодный сборник научных трудов. Под ред. Т.А. Барановской. Москва, PEARSON: 163–174.
- Хрущева О.А. 2009. Блендинг в системе словообразования. Вестник Оренбургского государственного университета, 11(105): 95–101.
- Хрущева О.А. 2011. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 23 с.
- Шевелева А.Н. 2003. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 20 с.
- Эрстлинг Л.В. 2010. Телескопные слова во французском языке. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология, 4(22): 132–142.

- Bakaradze E.K. 2010. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation. *International Journal of Arts and Sciences*, 3(16): 86–105.
- Bednářová-Gibová K. 2014. Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines. *Jazyk a kultura*, 5(19-20). Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo19-20_r.html (accessed: 29.05.2022).
- Lefilliâtre B. 2019. The cognitive motivation and purposes of playful blending in English. *Corela Cognition, représentation, langage*, 17-2: 21–50. Available at: <https://docplayer.fr/212844625-Corela-cognition-representation-langage.html> (accessed: 29.05.2022).
- Mikić Čolić A. 2015. Word formation of blends. *Mostariensia: časopis za društvene i humanističke znanosti*, 19 (2): 21–36. Available at: <https://hrcak.srce.hr/file/226396> (accessed: 29.05.2022).
- Mirzaie N.H. 2014. New blends in English language. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 2(2): 15–26. Available at: <https://www.eajournals.org/wp-content/uploads/New-Blends-in-English-Language.pdf> (accessed: 29.05.2022).

References

- Abrosimova L.S. 2012. Blending from the Aspect of cognitive-communicative paradigm. *Proceedings of Saratov University. Ser. Philology. Journalism*, 12 (1): 18–22 (in Russian).
- Amakhina S.R. 2018. New English words in information technology vocabulary. *Juvenis scientia*, 4: 34–35 (in Russian).
- Arnol'd I.V. 1986. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka [Lexicology of Modern English]*. M., Publ. Vysshaya shkola, 295 p.
- Belyaeva N.V. 2015. Blending as a form of conceptual integration (on the material of english neologisms). *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2: 254–260 (in Russian).
- Berman I.M. 1959. O «vstavochnom» tipe slovoobrazovaniya [On the "inserted" type of word formation]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2 (mart-aprel'): 104–107.
- Borisenko I.I. 1976. *Teleskopiya v sovremennom angliyskom yazyke [Telescoping in Modern English]*. In: *Voprosy yazykovoy struktury: issledovaniya po romano-germanskoy filologii [Questions of language structure: studies in Romano-Germanic philology]*. Kiev, Publ. Vishcha shkola: 90–95.
- Golodov A.G. 2016. Political Contaminations with Frequently Occurring Components (based on German and Russian political language). *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1 (36): 7–14 (in Russian).
- Grigor'eva P.V. 2019. Blending as a type of unusual derivation: to clarify the concept. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3 (76): 488–491.
- Del'va A.E. 2018. Kontaminatsiya (blending) v sovremennom angliyskom yazyke: Foneticheskiy aspekt [Contamination (blending) in modern English: A phonetic aspect]. In: *Sovremennye lingvokommunikativnye praktiki [Modern linguo-communicative practices. Interuniversity collection of scientific articles]*. Vol. Iss. 1. Ed. D.A. Rozevatov. Saratov, Publ. Povolzhskiy institut upravleniya imeni P.A. Stolypina – filial FGBOU VPO "Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii": 3–6.
- D'yachkova E.S. 2014. The elements of the clipped words as a source of semi-suffixes. *Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii: Gumanitarnye nauki*, 21: 67–70.
- Ermolenko Yu. P. 2007. *Nominativnye modeli formirovaniya novykh slov metodom styazheniya v sovremennom angliyskom yazyke [Nominative models for the formation of new words by contraction in modern English]*. Abstract diss. ... cand. philol. Sciences. Moskva, 25 p.
- Zhluktenko Yu.A., Berezinskiy V.P., Borisenko I.I. 1983. *Angliyskie neologizmy [English neologisms]*. Ed. Yu.A. Zhluktenko. Kiev, Publ. Naukova dumka, 172 p.
- Zhukova A.N. 2010. *Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki leksicheskoy kontaminatsii v sovremennom angliyskom yazyke [Semantic and pragmatic characteristics of lexical contamination in modern English]*. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Samara, 20 p.
- Ivanova N.K. 2013. English neologisms-abbreviations: peculiarities of formation and spelling. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 4: 52–60.
- Korobkina N.I. 2020. Ecology of blend occasionalisms in public communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1: 1–10. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2020/05/Korobkina-N.I.-1.pdf> (accessed: 29.05.2022) (in Russian). DOI: 10.17516/2311-3499-096

- Kosova O.A. 2018. Kontaminanty nemetskogo yazyka i trudnosti ikh perevoda na russkiy yazyk [Contaminants of the German language and the difficulties of their translation into Russian]. *Filologicheskie otkrytiya*, 6: 128–136.
- Lavrova N.A. 2011. Towards blending as a word-building pattern. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 11: 171–175.
- Lavrova N.A. 2013. Kontaminatsiya kak slovtvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Contamination as a word-creative model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (on the material of modern English)]. Abstract dis. ... doc. philol. Sciences. Moskva, 48 p.
- Lashkevich O.M. 2005. The semantics of blendings in modern english. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2: 99–104.
- Lipilina L.A. 2006. Lexical blends in English. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologicheskie nauki*, 2: 87–92.
- Mineeva Z.I. 2015. Contamination in the derivation of nominations for people. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 25 (2): 58–68.
- Murzakov A.A. 2013. Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty sliyaniya v angliyskom yazyke [Functional-pragmatic aspects of fusion in English]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. St-Peterburg, 27 p.
- Nikanorova I.A. 2017. Blending in modern political and economic discourse. In: *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nye problemy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya* [Language. Culture. Society. Actual problems, research methods and teaching problems]. Ed. I.E. Koptelova. Moskva, Publ. Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K": 44–50.
- Nukhov S.Zh. 2016. Combinatorial formulas of english blends. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 21(3): 795–803.
- Omel'chenko L.F. 1989. Angliyskaya kompozita: struktura i semantika [English composite: structure and semantics]. Abstract dis. ... doc. philol. Sciences. Kiev, 45 p.
- Pekarskaya I.V. 2013. Lexical contamination as a principle and ornamental elocution: to the problem of concepts and typology correlation. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 4: 90–98.
- Perfil'eva N.V., Galankina I.I. 2019. Derivational contamination in english and its influence on russian word formation (an analysis of commercial names). *Vestnik of Moscow state Linguistic university. Humanitarian sciences*, 4 (820): 206–218. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_820.pdf (accessed: 29.05.2022).
- Savchin I.M. 2012. Teleskopiya yak odin iz slovtvorchikh zasobiv movnoï ekonomii angliys'koï movi [Telescopy as one of the word-forming means of language economy of the English language]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademiya". Seriya: Filologichna*, 26: 293–296. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nznuoaf_2012_26_89 (accessed: 29.05.2022).
- Safarova U.A. 2017. Semantic relations between the components of contaminated words. *Ilmiy Axborotnoma. Gumanitar fanlar seriyasi: Filologiya, Pedagogika, Psixologiya, O'qitish metodikasi*, 2(102/2): 11–15. Available at: http://new.samdu.uz/images/ilmiyjurnal/N8fC0eYJC5_ilmiy_jurnal.pdf (accessed: 29.05.2022) (in Uzbekistan).
- Sukhorukova O.N. 2004. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti teleskopicheskikh edinits v massovo-informatsionnom diskurse: na materiale angloyazychnoy pressy [Structural-semantic and functional features of telescopic units in mass-information discourse: on the material of the English-language press]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 24 p.
- Tarasova L.A. 1991. Strukturno-semanticheskie aspekty teleskopii v sovremennom angliyskom yazyke [Structural-Semantic Aspects of Telescope in Modern English]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. M., 24 p.
- Khrabrova V.E. 2017. Angliyskiy leksicheskiy blending v kontekste lingvisticheskoy polemiki i obrazovatel'noy tsennosti [English Lexical Blending in the Context of Linguistic Controversy and Educational Value]. In: *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: massovaya kommunikatsiya i yazykovaya lichnost'* [Communication in the Modern Multicultural World: Mass Communication and Linguistic Personality]. *Ezhegodnyy sbornik nauchnykh trudov*. Ed. T.A. Baranovskaya. M., Publ. PEARSON: 163–174.
- Khrushcheva O.A. 2009. Blending in the system of word formation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11 (105): 95–101.

- Khrushcheva O.A. 2011. Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blending [Universal and linguistic and cultural features of blending]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Chelyabinsk, 23 p.
- Sheveleva A.N. 2003. Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s toчки zreniya kognitivnoy lingvistiki (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Structure and semantics of telescopic derivatives from the point of view of cognitive linguistics (based on the material of modern English)]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. St-Peterburg, 20 p.
- Erstling L.V. 2010. Portmanteau words in the french language. St. Tikhon's University Review. Series III: Philology, 4 (22): 132–142. (in Russian)
- Bakaradze E.K. 2010. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation. International Journal of Arts and Sciences, 3 (16): 86–105.
- Bednárová-Gibová K. 2014. Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines. Jazyk a kultúra, 5 (19-20). Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo19-20_r.html (accessed: 29.05.2022).
- Lefilliâtre B. 2019. The cognitive motivation and purposes of playful blending in English. Corela Cognition, représentation, langage, 17-2: 21–50. Available at: <https://docplayer.fr/212844625-Corela-cognition-representation-langage.html> (accessed: 29.05.2022).
- Mikić Čolić A. 2015. Word formation of blends. Mostariensia: časopis za društvene i humanističke znanosti, 19 (2): 21–36. Available at: <https://hrcak.srce.hr/file/226396> (accessed: 29.05.2022).
- Mirzaie N.H. 2014. New blends in English language. International Journal of English Language and Linguistics Research, 2(2): 15–26. Available at: <https://www.eajournals.org/wp-content/uploads/New-Blends-in-English-Language.pdf> (accessed: 29.05.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.08.2021

Received August 27, 2021

Поступила после рецензирования 28.02.2022

Revised February 28, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцов Алексей Александрович, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Streltsov, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation and Information Technologies in Linguistics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

УДК 808.2:801.55=161(075.8)
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-386-396

Functioning of Grammar Case Forms of Russian Substantives as Stylistic Devices

Zhang Xinxin

Jilin University of Finance and Economics
3699 Jingyue, Nangan District, Changchun, Jilin 130117, China
E-mail: 18274043@qq.com

Abstract. The aim of the research is to reveal stylistic devices functioning by way of grammar case forms of nouns in the Russian poetry. The main linguistic methods used in the study are: descriptive and analytical, semantical and stylistic, distributive and quantitative. The material of the study is represented by poetic works of the XX century from the National Corpus of the Russian language as well as certain poetic collections. The novelty of the study is comprised of stylistic devices represented by grammar case forms of Russian substantives. The results that obtained could be used to further develop the conception of aesthetics of language and speech.

Key words: poetic text, case form of nouns, aesthetic potential of grammar case, stylistic device

Acknowledgements: this research is financially supported by Jilin Province of the PRC under the project "Aesthetic resources of morphological means (on the material of the poetry of V. Mayakovsky)" (Project No. 2020B216), "Aesthetic resources of morphological means (on the material of the poetry of M. Tsvetayeva)" (Project No. JJKH20210150SK).

For citation: Zhang X. 2022. Functioning of Grammar Case Forms of Russian Substantives as Stylistic Devices. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(2): 386–396. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-386-396

Функционирование грамматических падежных форм русских существительных как стилистических приемов

Чжан Синьсинь

Цзилиньский университет финансов и экономики
3699 Цзиньюэ, Район Наньгуань, Чанчунь, Цзилинь, 130117, Китай
E-mail: 18274043@qq.com

Аннотация. Цель исследования – выявить стилистические приемы, функционирующие посредством грамматических падежных форм существительных в русской поэзии. Основными лингвистическими методами, использованными в исследовании, являются: описательный и аналитический, семантический и стилистический, дистрибутивный и количественный. Материал исследования представлен поэтическими произведениями XX века из Национального корпуса русского языка, а также отдельными поэтическими сборниками. Новизна исследования заключается в использовании стилистических приемов, представленных грамматическими падежными формами русских существительных. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего развития концепции эстетики языка и речи.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке провинции Цзилинь КНР в рамках проекта «Эстетические ресурсы морфологических средств (на материале поэзии В. Маяковского)» (Проект № 2020B216), «Эстетические ресурсы морфологических средств (на материале поэзии М. Цветаевой)» (Проект № 2020B216). JJKH20210150SK).

Ключевые слова: поэтический текст, падежная форма существительных, эстетический потенциал грамматического падежа, стилистический прием

Для цитирования: Zhang X. 2022. Functioning of Grammar Case Forms of Russian Substantives as Stylistic Devices. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 386–396. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-386-396

Introduction

Morphological category of case of nouns is known to be one of insufficiently studied problems of Russian grammar. Several aspects of its description (place in classification models of morphological categories, semantic structure, expressive resources) have been studied by G.I. Panova and other researchers. When defining fundamental characteristics of case forms of nouns, we shall use G.I. Panova's position that characterizes case form as a category of word formation, semantic with structural value, of morpho-syntactic nature [Panova, 2010, p. 111].

In interdisciplinary context studying aesthetic potential of this category is of interest. It is a well-known fact that the problem of aesthetics of language units has not been properly studied yet. We shall use the G.A. Khairutdinova's position stating that studying this problem requires broad understanding of aesthetic potential of language units. In the basis of the problem lies the concept of the aesthetic as the most general and fundamental category of the aesthetics [Khairutdinova, 2013, p. 280].

Literature review

The problem of literary text development is one of the most disputable in philology. One of the ways to organize a text is to use stylistics devices. Researchers define this phenomenon in various ways. According to S.E. Nikitina and N.V. Vasilieva, stylistic device is a means to organize an expression or a text that enhances its expressiveness. From L.A. Novikov's point of view, aesthetically experienced meaning is expressed through some device that serves as its literary form. Aesthetically valuable form correlates with its active dialectically contradictive meaning. Hence, every metaphor as a device presents contradiction between the actual world and fictional, imaginary world and, thus, it also serves as a literary constructive component of a text [Novikov, 2001, p. 32].

It should be mentioned that from the point of view of systematic approach to studying this problem, it is relevant to consider figure of speech and trope as variations of stylistic devices. For instance, the attribute of a figure of speech is a rather formal nature (making syntagmatic model) [Alekseeva et al., 2003, p. 452].

According to the theory of I.R. Galperin, stylistic devices in their linguistic nature present generalized, typicalized expressive means of language. It is essential to mention that a stylistic device is relevant to the problem of aesthetics of language units. According to I.R. Galperin, in speech stylistic devices are used for specific emotional and aesthetic purposes [Galperin, 2005, p. 137]. Various devices are studied to a different degree: functions of metaphors and similes are studied the most whereas rhythm and its functions are studied the least. "Creating visually or sensually perceptible images that envelop the thought is a well-known means of additional information, that is named and estimated differently. Some tend to see in the image, created by metaphor or simile, additional shades of thought characterizing the object or phenomenon, others estimate metaphors and similes as a means of causing a desirable emotional reaction to the expressed thought in a reader" [Galperin, 2005, p. 137-138].

V.P. Moskvina defines a stylistic device as a figure of speech that serves aesthetic function [Moskvina, 2007, p. 734].

According to O.N. Lintvar, all stylistic devices belong to the expressive language means but not all expressive language means are stylistic devices. Stylistic device is a deliberate and conscious enhancement of a structural or semantic feature of a language unit that became generalized, typicalized and serves as a generative model. Due to long use a language fact can trans-

form into a stylistic device [Lintvar, 2013, p. 131]). This position is shared by E.V. Semenova and N.V. Nemchinova [Semenova, Nemchinova, 2017, p. 25].

Many scholars understand stylistic device as one of the means of organizing a text that serves aesthetic function or as a tool to enhance expressiveness of a text. Moreover, some researchers surmise that employing stylistic devices is based on pragmatically motivated deviation from a language norm. From our point of view, the most relevant approach for our study is the one by S.E. Nikitina and N.V. Vasilieva. Hence, we shall use their concept of stylistic devices as means of organizing a text. We also support L.A. Novikova's position stating that stylistic devices possess aesthetic value.

Problem of classification of stylistic devices presents considerable interest too. It causes dispute among the scholars as there is no common classification of stylistic devices.

I.R. Galperin defines three groups of stylistic devices. The first group contains stylistic use of various types of lexical meanings. This type of devices is based on interaction of vocabulary and contextual denotative meanings: relations of similarity (metaphor), of adjacency (metonymy), relations on literal and opposite word meaning (irony), interaction of denotative and connotative meanings (epithet, oxymoron, hyperbole) and others. The second group includes stylistic devices describing phenomena and events: periphrasis, euphemisms and similes. The third group includes devices that use phraseological units: sayings, proverbs, aphorisms, allusions and quotes [Galperin, 1958, p. 123-177].

A thorough research on classification of stylistic devices has been done by V.P. Moskvin. In his point of view, general classification of expressive means requires 13 speech evaluation parameters: correctness/incorrectness, disambiguity/ambiguity, clearness/vagueness, accuracy/inaccuracy, variety/ lack of variety, etc. For instance, to add variety to the speech, the following devices are used: periphrasis, synonymical substitution and other ways to avoid tautology. Figures of homogenous speech are: alliteration, assonance, paronomasia, antanaclasis [Moskvin, 2006, p. 15-18].

The problem of classifying expressive means of a language and stylistic devices was studied by O.N. Lintvar. She divides them into 2 groups: descriptive (metaphor, metonymy, hyperbole, irony, periphrasis) and expressive devices (inversion, rhetorical question, parallel constructions, contrast). In her opinion, "descriptive means are characterized as paradigmatic because they are based on associations of the words that were preferred with other words, not represented in the text. Expressive means are syntagmatic as they are based on linear positioning of units" [Lintvar, 2013, p. 131].

We shall employ the theory by V.P. Moskvin for his classification of stylistic devices is the most solid and covers all the ways of text organization.

Aims, materials and methods of research

According to our point of view, aesthetic resources of grammar case of nouns can be analyzed in several aspects: reflecting a particular aesthetic category, forming figurativeness of a text, originality of literature genre the text inclines to, author's individual style, functioning of given language units as stylistic devices [Chzhan, 2018, p. 182]. The last aspect is the least studied which causes our interest in it. The aim of our article is to reveal stylistic devices in which functioning of grammar case forms of Russian nouns is involved. The main methods used in the study are: descriptive, analytical, semantic, stylistic, distributive and quantitative. The material includes poems of 20th century from National corpus of the Russian language [Natsional'nyy korpus ..., 2003-2022.]. The amount of material is approximately 1000 contexts.

Results and discussion

Studying aesthetic resources of grammar case category requires analysis of stylistic devices in which grammar category of case of nouns is actualized. The analysis revealed that case

forms are employed in 14 stylistic devices: amplificaton, amphithesis, anaphora, antanaclasis, genitive metaphor, homeoptoton, nominative theme, metamorphosis, polyptoton, rhetorical addressing, rhyme, solecism, chiasm, echo-rhyme. We shall analyze case forms in some of the given stylistic devices.

Amphithesis. This device belongs to the figures of contrast and it is used to describe the whole by denoting its extremes [Moskvin, 2007, p. 106]. In the given example, amphithesis takes place with the use of genitive case of various nouns with prepositions *от* and *до*:

*Ведь с Вами связаны жестоко
людей ушедших имена:*

от императора до Блока,

от Пушкина до Кузмина. (Я. Смеляков. «Анна Ахматова»).

Translation: “You are cruelly related to the gone people’s names: from emperor to Blok, from Pushkin to Kuzmin.” In rarer instances genitive case forms of the same noun are used, for example, the word *край*:

...И мое это небо от края до края,

И закатов багрянец, и зорь позолота. (В. Блаженный. «Я по-прежнему та неприметная птаха...»).

Tr.: “And this is my sky from edge to edge, and the crimson of the sunset, and the gold of dawns.”

Anaphora. It is a repetition of the beginning of speech units. Any language units can serve as anaphora: a phoneme or phoneme combination, a morpheme, a word, word combination, a phrase, a syntactic construction [Moskvin, 2007, p. 114]. As our analysis demonstrates, all case forms are used as anaphora with or without a preposition. Nominative case:

*Хоть где-то, где-то, чуть маяча,
Томит им души до беды*

Москва – мечта,

Москва – задача,

Москва – награда за труды. (А. Твардовский. «Москва в пути»).

Tr.: “At least somewhere barely signalling, pestering their souls to misfortune, Moscow is a dream, Moscow is a problem, Moscow is a reward for work.” Genitive case:

В ста верстах от столицы всех надежд,

от гостиниц «Украина», «Будапешт»,

от кафе молодёжных,

от дружинников надёжных,

от посольских лимузинов,

от валютных магазинов,

от ужасно серьёзных министерств,

<...>

от «Вечеркиных» кроссвордов,

от вытья: «Судью на мыло!»,

от конгрессов ради мира,

от гастролей «Айс-ревю»

тихо-тихо, как в раю. (Е. Евтушенко. «В ста верстах»).

Tr.: “In hundred versts from the capital of all hopes, from the hotels “Ukraina” and “Budapest”, from youth cafes, from reliable vigilantes, from Polish limousines, from shops with currency, from dreadfully serious ministries <...>, from “Vecherka” crosswords, from the shouts “Maim the ref”, from peace congresses, from “Ice revue” tour it is quiet like in heaven.” Dative case:

Как лунатик

Благодаря луне,

Как укротитель

Благодаря львам,

Как волнорез

Благодаря волне –

Вы существуете

Благодаря мне,

Я – благодаря вам! (Л. Мартынов. «Это...»).

Accusative case:

Долбят пещерным ломом

Сквозь храм седьмого века,

Сквозь черепицу крыши,

Сквозь череп человека. (К. Симонов. «Бомбежка по площадям»).

Tr.: “Cracking with cave crowbar through the temple of the 7th century, through the roof, through human skull.” Ablative case:

Простучит.

Задыхаясь. Воя.

Расшатавшийся. Кривой.

Между звездами и землею,

между осенью и зимою,

между Горловкой и Москвой. (Я. Смеляков. «Прощанье»).

Tr.: “It will knock. Out of breath. Howling. Shattered. Gnarly. Between stars and the Earth, between autumn and winter, between Gorlovka and Moscow.” Prepositional case:

Мы выйдем без цветов,

в помятых касках,

в тяжелых ватниках,

в промерзших полумасках... (О. Берггольц. «Я никогда героем не была...»).

Tr.: “We will go out without flowers, in rumpled helmets, in heavy philistines, in frozen half-masks.” The most frequent form is accusative case form with preposition за:

А надо бы сказать спасибо:

За кринку молока парного,

За черную ковригу хлеба,

За небо с кромкою лиловой,

<...>

За двух небожливых галок,

<...>

За ветки в глиняном кувшине,

За ветер, веявший с востока,

За вкус черники темно-синей,

За связки чеснока и лука... (И. Чиннов. «А надо бы сказать спасибо...»);

Я предлагаю тост

За мост

За мост

Крымский

За мост

Москворецкий

За мост

Бруклинский

За мост

Через канал Суэцкий

За мост

Который

Разъединяет реки

Соединяет горы

За мост

Соединяющий

Суши

За мост

Разъединяющий

Души

За Мост

Тост (И. Холин. «Тост»).

Tr.: “We should say thank you: for a milk jug, for black loaf of bread, for the sky with purple line, for two brave daws, for branches in the jar, for the wind from the East, for the taste of dark-blue blueberry, for the armful of onion and garlic... I am proposing a toast for the bridge, for the Crimean bridge, for Moskvoretskiy bridge, for Brooklyn bridge, for the bridge over Suez Canal, for the bridge that divides rivers and unites mountains, for the bridge that unites the lands, for the bridge that divides souls, for the bridge a toast.”

Homeoptoton. The essence of this device is type of morphemic repetition, which creates suspense with recurring identical or similar endings that is impossible in non-inflected languages [Moskvin, 2007, p. 207]. According to R.O. Jakobson, homeoptoton in its semantics resembles a metaphor because equality of suffixes denotes equality of grammar meanings of words. Thus, the same association by similarity as in metaphor appears here [Jakobson, 1987, p. 29]. The following example is given:

Порядок поротых и гнутых,

в часах, секундах и минутах,

в годах – везде большой порядок. (Б. Слуцкий. «Июнь был зноен. Январь был зябок...»).

Tr.: “The order of the curved in hours, seconds and minutes, in years – order everywhere.” In this poem the words “час”, “секунда”, “минута”, “год” (with preposition в) are used in prepositional case in plural form with the -ah ending repetition, such as in the following instance:

И висят городами украденными,

Золотыми обмолвками, ябедами,

Ядовитого холода ягодами –

Растяжимых созвездий шатры,

Золотые созвездий жиры... (О. Мандельштам. «Стихи о неизвестном солдате»).

Tr.: “Stretched marquees of constellations, golden fats of constellations are hanging like stolen cities, golden slips of tongue and tattlers, like berries of poisonous frost...” In this poetic extract, the words “город”, “обмолвка”, “ябеда”, “ягода” are used in ablative case of plural form. It is apparent that using homeoptoton doesn’t only serve to express author’s idea, but enhances rhythmic organization of the poetic text as well as its acoustic expressiveness.

Metamorphosis. Comparing metamorphosis with similar structures, N.D. Arutyunova notes that “metaphor as a characterization of object always remains object-oriented. On the contrary, in metamorphosis the subject disappears, only its shapeshift remains”. According to the researcher, metaphor emphasizes the essential, consequently the constant feature of an object whereas simile and especially metamorphosis emphasize the episodic transformation” [Arutyunova, 1990, p. 29-30]. The contexts in which this device is employed are numerous. The following example demonstrates aesthetic potential of grammar case of nouns:

Катьку-дуру обнимает,

Заговаривает...

Запрокинулась лицом,

Зубки блещут жемчугом...

Ах ты, Катя, моя Катя,

Толстоморденькая... (А. Блок. Поэма «Двенадцать»).

Tr.: “Embracing silly Katya... Enchanting... Her face falling back... Teeth shine as pearls... Oh, Katya, my Katya, with plump face...” In the given extract, the author compares teeth with pearl with the use of ablative case form of the noun *zhemchug* (pearl). In the following example, metamorphosis is represented by the ablative case form of the noun “хозяйка” (“hostess”) allowing to create a bright image of winter:

*Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошла,
Чтоб вошла рачительной хозяйкой
В смежные лесные терема
Щеголиха в белой разлетаке –
Русская румяная зима!* (Д. Кедрин. «Скинуло кафтан зеленый лето...»).

Tr.: “Autumn dressed in yellow coat, swept all over the forests in order to enter as a hostess into forest tower chambers an elegant woman in a white fly-away – a Russian rosy winter”.

Polyptoton. This device presents a repetition of a word in various grammar forms [Moskvin, 2007, p. 566]. K. Balmont creates a multidimensional image with using a noun *Сладим-река* (Sladim river) in all case forms except genitive:

*Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река течет,
Радуйся – в Сладим-Реке, в Сладим-Реке есть мед,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке прильнем,
Радуйся – с Сладим-Рекой мы в рай, мы в рай войдем,
Радуйся – Сладим-Река поит и кормит всех,
Радуйся – Сладим-Река смывает всякий грех,
Радуйся – в Сладим-Реке вещанье для души,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке спеши,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть рай,
Радуйся – в Сладим-Реке Сладим-Реку вбирай,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть мед,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река зовет. («Радуйся»).*

Tr.: “Rejoice – Sladim river, Sladim river runs, Rejoice – in Sladim river, in Sladim river there is honey, Rejoice – to Sladim river, to Sladim river we will snuggle up to, Rejoice with Sladim river we will fly into rage, Rejoice – Sladim river will feed and give to drink to anyone, Rejoice – Sladim river washes away any sin, Rejoice – in Sladim river there is a telling to the soul, Rejoice – to Sladim river you should rush, Rejoice – Sladim river is heaven, Rejoice – Sladim river you should embrace, Rejoice – Sladim river is homey, Rejoice – Sladim river call you.” S. Shervinskiy employs genitive, accusative and prepositional case forms in plural of the noun “камень” (“stone”) to demonstrate how lively the water currents are which serves to create an image of a fountain:

*Плески, выплески, блески и блески,
Через камни, в камнях, из камней,
Брызги, дребезги, всплески и плески / В ноги женщин, в ноздри коней. («Фонтан Треви»).*

Tr.: Splashes, outbursts, sparkles and shines, through stones, in stones, from stones, Splutters, shatters, splashes and plashing to the women’s feet, to the horses’ nostrils.

Chiasm. It is a device that has two repeating components with inversion [Moskvin, 2007, p. 804]. According to S.E. Nikitina and N.V. Vasilieva, chiasm is an antithesis with double lexical repetition in a form of crossed parallel parts in two contiguous word combinations or sentences [Nikitina, Vasil'eva, 1996, p. 143-144]. This is an example of chiasm:

*Как много вещей хотел бы я нарисовать –
И маму, розовощекую, как кукла,
И куклу, печальную, как мама. (В. Блаженный. «Всегда был наперником смерти...»).*

Tr.: “So many things I wanted to draw – my mother as rosy-cheeked as a doll, and the doll as sad as my mother.”

*Судьба, понятно, не причина,
Но эта даль всего верней*

Сибирь с Москвой *сличать учила,*

Москву с Сибирью *наших дней.* (А. Твардовский. «К концу дороги»).

Tr.: “Destiny is obviously not the reason, but this distance mostly taught to compare Siberia with Moscow, Moscow and Siberia of modern days.”

Полон стакан,

Пуст стакан.

Гомон гитарный, луна и грязь.

Вправо и влево качнулся стан.

Князем – цыган!

Цыганом – князь!

Эй, господин, берегись, – жжет!

Это цыганская свадьба пьет! (М. Цветаева. «Цыганская свадьба»).

Tr.: “The glass is full, the glass is empty, guitar sounds, the moon and dirt, the glass inclined left and right. To a gypsy – the king! To the king – a Gypsy! Hey, my lord, beware, it is hot! It is a gypsy wedding drinks!” In the first instance, chiasm is manifested with cross-use of nouns (мама and кукла) in accusative and nominative cases. Variations of case forms take place in subject lexemes, that enhances such text features as euphonia and expressiveness.

Echo-rhyme. This device is a combination of passage division and rhyming picking up as an accentuation tool. It also covers those cases when one of the rhyming words is included into the other [6, 934]. In our opinion, echo-rhyme, studied in the context of the aesthetics of morphological category of case, manifests in two different ways.

In the first case, there are variant case forms oriented to the particular sphere of communication and have a special label “inf.,” “poet.,” etc. In the given example, variant genitive case form of the noun *снег* is analyzed.

В ранний час, в мою теплую негу

Долетают с мороза слова, –

Вон, на дворик, распухший от снегу,

Привезли из деревни дрова. (П. Сухотин. «В ранний час, в мою теплую негу...»).

Tr.: In the early hour, in my warm delight, the words of frost come to me, there, to the yard full of snow they brought some wood.” Variant ablative case form of singular noun *судьба* is also frequent:

Я – зримый – зеркало стремлений,

Гранимый призраком алмаз

Пересеченных преломлений:

Мигнув, отбрасываюсь – в вас,

Как переполненный судьбою

На вас возложенный венец:

Созрею, отдаваясь бою

Родимых, греющих сердец. (А. Белый. «Первое свидание»).

Tr.: “I am visible – a mirror of aspirations, a brilliant of crossed fractions grinded by a ghost: blinking I shine on you, as if filled with destiny on your wreath: I’ll bloom embracing the beat of close warming hearts.” In the following fragment, prepositional case form of the noun *сад* is used:

– Как мы были, пели в тихом саде,

Парень с молодой,

Поливали рано по рассаде

Ключевой водичей. (С. Клычков. «– Как мы были, пели в тихом саде...»).

Tr.: “As we were and sang in the silent garden a man with a young woman were watering rootstocks early with spring water.”

In the second case, echo-rhyme is represented by archaic case forms. In the following example, an archaic form of vocative case in the word *человек* is presented:

*Гляди-ка, **человече**,
чуденький *человечина*,
как луга кипучее **вече**
на все лады расцвечено,
как луга море сухое
июлем взбаламучено
и лето слепо-глухое
перечерчено и измучено.* (С. Петров. «Гляди-ка, *человече*...»).

Tr.: “Look, man, a strange man, as a meadow a swirling *veche* is coloured in all ways, as a meadow a dry sea is disturbed by July and the summer, blind and deaf, crossed and fatigued.” Archaic forms of genitive case in plural nouns are also employed:

*Я под выкрики метели,
Шорох снежных **крыл**
Молча встал с моей постели,
Двери **приоткрыл**.* (П. Потемкин. «Этой ночью кот мяукал...»).

Tr.: “Through blizzard’s screams and rustle of winter wings I got up from my bed and opened the doors.” Dative case forms of plural nouns are also present:

*Я не видел, не увижу **Ваших** слез,
не услышу я шуршания колес,
носящих Вас к заливу, к **деревам**,
по отечеству без памятника **Вам**.* (И. Бродский. «Закричат и захлопочут петухи...»).

Tr.: “I didn’t and I will not see your tears, will not hear the rumble of the wheels taking you to the bay and the trees through the motherland without the monument to you.”

Conclusions

In terms of compositional organization of poetic texts case forms of nouns are used in 14 stylistic devices: amplification, amphithesis, anafora, antanaclasis, genitive metaphor, homeoptoton, nominative theme, metamorphosis, polyptoton, rhetorical addressing, rhyme, solecism, chiasm, echo-rhyme. The most frequently used ones are amplification, amphithesis, anaphora, genitive metaphor, homeoptoton, metamorphosis, rhyme and echo-rhyme. From our point of view, revealing the entire list of stylistic devices using case forms of nouns must widen our knowledge about aesthetic potential of particular morphological category. Comparison of the new data with the knowledge from the researches on other categories can contribute to the more precise definition of their aesthetic capabilities. The given conclusions can be used in further developing of the concept of speech and language aesthetics.

List of sources

Список источников

- Alekseeva L.M., Annushkin V.I., Bazhenova E.A. i dr. 2003. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M.N. Kozhina. Moskva, Publ. Flinta, Nauka, 694 p.
- Алексеева Л.М., Аннушкин В.И., Баженова Е.А. и др. 2003. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Флинта, Наука, 694 с
- Moskvin V.P. 2007. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D, Publ. Feniks, 944 p.
- Москвин В.П. 2007. *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь*. М., ЛЕНАНД, 944 с.

- Nikitina S.E., Vasil'eva N.V. 1996. Eksperimental'nyy sistemnyy tolkovyy slovar' stilisticheskikh terminov [Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms]. M., Publ. Rosh. akad. nauk, In-t yazykoznaniiya, 172 p.
- Никитина С.Е., Васильева Н.В. 1996. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., Рос. акад. наук, Ин-т языка, 172 с.
- Ranova G.I. 2010. Morfologiya russkogo yazyka: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Morphology of the Russian language: Encyclopedic dictionary-reference book] M., Publ. KomKniga (URSS), 448 p.
- Панова Г.И. 2010. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М., КомКнига (URSS), 448 с.

References

- Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In: Teoriya metafory [Theory of Metaphor]. Per. from English, French, German, Spanish, Polish. lang. ed. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. M., Progress: 5-32.
- Gal'perin I.R. 1958. Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka [Essays on the style of the English language]. M., Publ. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 458 p.
- Gal'perin I.R. 2005. Izbrannye Trudy [Selected Works]. M., Publ. Vysshaya shkola, 256 p.
- Chzhan S. 2018. Morphological categories of number and case of nouns in the aspect of aesthetic categories representation. *Philology. Theory & Practice*, 2-1 (80): 182-185 (in Russia). DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-1.50.
- Khayrutdinova G.A. 2013. Morfologicheskie sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza v kontekste problemy estetiki yazykovykh edinit [Morphological means of creating an artistic image in the context of the problem of aesthetics of language units]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 155 (5): 279–286.
- Lintvar O.N. 2013. About classifications question of language expressive means and stylistic devices. *Philology. Theory & Practice*, 12-1 (30): 129–131 (in Russia).
- Moskvin V.P. 2006. Vyzritel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar' [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures: General and particular classifications. Terminological dictionary]. M., Publ. LENAND, 376 p.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. 2003-2022. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 10.09.21).
- Novikov L.A. 2001. Znachenie kak esteticheskaya kategoriya yazyka [Meaning as an aesthetic category of language]. In: Novikov L.A. *Izbrannye trudy: v 2 t. [Selected works: in 2 vols.]*. Vol. II. Esteticheskie aspekty yazyka [Aesthetic aspects of language]. *Miscellanea*. M., Publ. RUDN: 37–55.
- Semenova E.V., Nemchinova N.V. 2017. Stilistika angliyskogo yazyka [Stylistics of the English language]. Krasnoyarsk, Publ. Sibirskiy federal'nyy un-t, 104 p.
- Yakobson R.O. 1987. Osnova slavyanskogo sravnitel'nogo literaturovedeniya [Basis of Slavic Comparative Literature]. Per. from English. V.V. Turovsky. In: Yakobson R.O. *Raboty po poetike [Poetic works]*. Ed. M.L. Gasparov. M., Publ. Progress: 23–79. (Jakobson R. 1985. *The Kernel of Comparative Slavic Literature*. In: Jakobson Roman. *Selected Writings, VI: Early Slavic Paths and Crossroads*. Mouton Publishers, Berlin-New York-Amsterdam: 1–64.)

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. 1990. Метафора и дискурс. В кн.: Теория метафоры. Пер. с английского, французского, немецкого, испанского, польского. яз. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., Прогресс: 5–32.
- Гальперин И.Р. 1958. Очерки по стилистике английского языка. М., Издательство литературы на иностранных языках, 458 с.
- Гальперин И.Р. 2005. Избранные труды. М., Высшая школа, 256 с.
- Чжан С. 2018. Морфологические категории числа и падежа существительных в аспекте отражения эстетических категорий. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2-1 (80): 182-185. DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-1.50.
- Линтвар О.Н. 2013. К вопросу о классификации выразительных средств языка и стилистических приемов. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12-1 (30): 129-131.

- Москвин В.П. 2006. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации Терминологический словарь. М., ЛЕНАНД, 376 с.
- Национальный корпус русского языка. 2003-2022 гг. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.21).
- Новиков Л.А. Значение как эстетическая категория языка. В кн.: Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. Том. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М., Изд-во РУДН: 37–55.
- Семенова Е.В., Немчинова Н.В. 2017. Стилистика английского языка. Красноярск, Сибирский федеральный ун-т, 104 с.
- Хайрутдинова Г.А. 2013. Морфологические средства создания художественного образа в контексте проблемы эстетики языковых единиц. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 155 (5): 279–286.
- Якобсон Р.О. 1987. Основа славянского сравнительного литературоведения. Пер. с англ. В.В. Туровского. В кн.: Якобсон Р.О. Работы по поэтике. Под ред. М.Л. Гаспарова. М., Прогресс: 23-79. (Jakobson R. 1985. The Kernel of Comparative Slavic Literature. In: Jakobson Roman. Selected Writings, VI: Early Slavic Paths and Crossroads. Mouton Publishers, Berlin-New York-Amsterdam: 1–64.)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01. 2022

Received January 19, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжан Синьсинь, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Цзилинского университета финансов и экономики, Чанчунь, Китай

Zhang Xinxin, Ph.D. Candidate of philology, Associate professor at Russian Language Office, Jilin University of Finance and Economics, Changchun, China

УДК 808.5

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Дискурсивный анализ особенностей устной и письменной речи Дональда Трампа

Шустов Д.В.¹, Пойменова А.С.², Прохоров Н.А.³

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

³ Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: shustov_689@mail.ru; lukhanina_a@bsu.edu.ru; prokhorovkoyla@yandex.ru

Аннотация. На основе дискурсивного анализа письменной и устной речи Д. Трампа авторами показаны специфика и дистинктивные характеристики политического дискурса, а также представлена личность Дональда Трампа как трикстера лингвистического типа. Авторы отмечают такие особенности политического дискурса, как оценочность, агрессивность и тесно связанные с ней эффективность, отстаивание собственной точки зрения. В качестве основных характеристик трикстера авторы выделяют амбивалентность моральных установок, целеустремленность, насмешливость, языковую игру, стремление показать умственное и тактическое превосходство. В работе отмечены средства предоставления такого типа трикстера, а именно: использование возвышенной лексики, клише, использование аллюзий и другое. В письменном варианте текста наблюдается авторская паузация, нарушение тональности предложений.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, лингвопсихологический тип, трикстер, политический дискурс

Для цитирования: Шустов Д.В., Пойменова А.С., Прохоров Н.А. 2022. Дискурсивный анализ особенностей устной и письменной речи Дональда Трампа. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 41(2): 397–404. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Discursive Analysis of the Features of Donald Trump's Oral and Written Speech

Dmitry V. Shustov¹, Alisa S. Poimenova², Nikolay A. Prokhorov³

¹ V.G. Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russia

² Belgorod Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia

³ Saint Petersburg State University Russia,

7/9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russia

E-mail: shustov_689@mail.ru; lukhanina_a@bsu.edu.ru; prokhorovkoyla@yandex.ru

Abstract. Based on the discursive analysis of D. Trump's written and oral speech, the authors show the specifics and distinctive characteristics of political discourse, as well as the personality of Donald Trump as a linguistic trickster. The authors note such features of political discourse as evaluativeness, aggressiveness and closely related effectiveness, defending one's own point of view. As the main characteristics of the trickster, the authors distinguish ambivalence of moral attitudes, purposefulness, mockery, language play, the desire to show mental and tactical superiority. The paper notes the means of providing this type of trickster, namely: the use of lofty vocabulary, cliches, the use of allusions and more. In the written version of the text, there is an author's pause, a violation of the tonality of sentences.

Keywords: discursive analysis, linguopsychological type, trickster, political discourse

For citation: Shustov D.V., Poimenova A.S., Prokhorov N.A. 2022. Discursive Analysis of the Features of Donald Trump's Oral and Written Speech. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 397–404. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-397-404

Введение

Проблема изучения дискурса находится в центре внимания не одного поколения лингвистов и является крайне актуальной и в настоящее время, о чем свидетельствуют многочисленные работы по данному вопросу. Несомненно, процесс изучения данного феномена способствует проникновению в его сущность, выкристаллизовыванию его характеристик и оформлению различных подходов к его изучению.

Многие исследователи, в частности С.Н. Генералова и Ю.Ю. Суханов, отмечают, что к настоящему моменту однозначной научной концепции политического дискурса как феномена так и не сложилось [Генералова, 2010; Никулина, 2017; Суханов, 2018]. Прежде всего следует отметить проблему его онтологического статуса. С одной стороны, его, безусловно, следует отнести к институциональному дискурсу, поскольку затрагиваемые основные темы и ключевые концепты политики явно выходят за рамки персонального дискурса. Но, как и другие виды институционального дискурса, политический дискурс несёт на себе печать личностного и тем самым персонального отношения к политике тех людей, которые обсуждают эти вопросы не только в публичных местах, но и в кругу друзей, семьи т. д., т. е. в рамках типичных ситуаций бытового дискурса как одной из двух ключевых разновидностей персонального дискурса [Карасик, 2002; Карасик, Дмитриева, 2005]. Тема политики является одной из наиболее распространённых в бытовых разговорах.

Характеризуя дискурс, В.З. Демьянков выделяет следующие характеристики политического дискурса: его оценочность и агрессивность, эффективность и отстаивание собственной точки зрения [Демьянков, 2002]. Рассмотрим данные характеристики подробнее.

Агрессивность политического дискурса определяется самой сущностью политики, где основной интенцией определённой стороны является демонстрация несостоятельности взглядов, действий или программы своего оппонента политическим деятелем. Тем самым оценочность становится неременным свойством политического дискурса как отражения определённой политической линии.

Следующая характеристика – эффективность – неразрывно связана с агрессивностью, поскольку если в бытовом дискурсе агрессия может быть простым выражением отрицательной эмоции, не преследующим какого-либо воздействия на объект этой агрессии, то в политическом дискурсе агрессия является выражением реальной борьбы, реального антагонизма.

Третья характеристика – отстаивание собственной точки зрения – является прямым следствием наличия двух предыдущих характеристик политического дискурса. Без неё две предыдущие характеристики использовались бы впустую, и поэтому целью любой политической дискуссии является убеждение всех занятых в этой дискуссии лиц в правильности именно своей точки зрения, для чего политический деятель может использовать самые различные средства – от косвенных намёков и аллюзий до прямых криминальных действий [Будаев, 2016].

Исходя из представленных характеристик политического дискурса, попытаемся на примере одного выступления показать фигуру Д. Трампа как трикстера. Авторы работы под трикстером понимают лингвопсихологический тип личности, характерными чертами которого являются амбивалентность моральных установок, целеустремленность, насмешливость, языковая игра, стремление утвердить умственное и тактическое превосходство [Прохорова, Чекулай, 2011].

Особый интерес для исследования Д. Трампа как языковой личности представляют его официальные речи, адресованные как к американской нации, так и к мировому сообществу. В частности, с позиций комплексного лингводискурсивного анализа представляет интерес его «Обращение к нации» 8 января 2020 года в связи с конфликтной ситуацией между США и исламской Республикой Иран (далее «Обращение»), которое представлено в письменной и устной формах [Remarks by President ..., 2020].

Как представляется, дедуктивный алгоритм исследования в данном случае является более перспективным, чем индуктивный.

Результаты и обсуждение

Сразу можно отметить, что существенного расхождения между двумя формами речевой представленности данного фрагмента выявлено не было. Основным методом исследования указанной речи с позиций характеристики её «хозяйина» является, безусловно, критический дискурс-анализ. Следует отметить несколько случаев неполного соответствия излагаемых в исследуемой речи фактов действительности. В частности, обращают на себя внимание следующие связанные высказывания Президента США: «*We are now the No. 1 producer of oil and natural gas anywhere in the world. We are independent, and we do not need Middle East oil*» [Remarks by President ..., 2020]. Действительно, по данным ОПЕК (Организации стран-экспортёров нефти) и британской нефтегазовой компании British Petroleum США вышли на первое место по добыче как нефти, так и газа в мире на конец 2016 года [Добыча сырой..., 2021].

В то же время по добыче нефти на конец 2016 года по данным обеих указанных организаций на первом месте находилась Саудовская Аравия, на втором месте – Российская Федерация, а Соединённые Штаты занимали лишь третью позицию. Как отмечает Статистический Ежегодник мировой энергетики, «Добыча сырой нефти в Соединенных Штатах значительно возросла в связи с ростом объемов разведки и добычи нефти из богатых сланцевых запасов, что привело к самому большому за всю историю ежегодному увеличению добычи для одной страны. Это связано с запуском новых проектов, устойчивым спросом на нефть и более высокими ценами [Добыча сырой ..., 2021].

Таким образом, первое высказывание Президента США внешне соответствует действительности. Однако следующее за ним высказывание указывает на явное лукавство оратора, во-первых, потому что независимость стран – производителей основных энергоносителей в современном мире является безусловно относительной, поскольку эти страны ведут добычу и торговлю с постоянной «оглядкой» на своих конкурентов, во-вторых, потому что расплаты по энергоносителям производятся на неустойчивой биржевой основе, а в-третьих, и в главных, потому что незыблемый статус американской национальной валюты как средства расчёта подвержен реальным рискам.

Не менее интересно и следующее высказывание: «*Iran went on a terror spree, funded by the money from the deal, and created hell in Yemen, Syria, Lebanon, Afghanistan and Iraq*». Дело даже не в том, что Ирану предыдущей администрацией США были выделены деньги как попытка «задобрить» государственный истеблишмент ИРИ в её действиях в связи с укреплением собственной ядерной инфраструктуры. Параллельно к трикстерским характеристикам Трампа как личности, занимающей высший пост в супердержаве, следует отнести и то, как бесцеремонно он оценил предыдущую администрацию Обамы, используя прямое оскорбление *foolish* в следующем высказывании: «*Iran's hostilities substantially increased after the foolish Iran nuclear deal was signed in 2013, and they were given \$150 billion, not to mention \$1.8 billion in cash*»¹. Дело в том, что Д. Трамп явно преувеличивает недружелюбное отношение Ирана к указанным странам.

¹ В обоих высказываниях слово *deal* обозначают кореферентное событие, хотя и в этом случае представляется, что Трамп либо не до конца владеет фактами, либо намеренно искажает их, поскольку соглаше-

Как нетрудно заметить, отношения двух стран едва ли можно назвать враждебными, или, по заявлению Трампа, *creating hell*. Естественно, обе страны в своих взаимоотношениях руководствуются не в последнюю очередь своими геополитическими интересами в данном регионе, но назвать такие отношения враждебными было бы некорректно.

С позиций критического дискурс-анализа текста данного «Обращения...» следует обратить внимание и на такую важную категориальную характеристику институционального дискурса, как адресант и адресат представленных в данном тексте сообщений [Богин, 1984]. Как видно, объектом данного исследования является адресант сообщения как языковая личность. Но эти участники дискурса связаны таким же неразрывным отношением, как аверс и реверс медали. Практически невозможно характеризовать адресанта без учёта в анализе фактора адресата. С этих позиций адресат сообщения является сложным [Водак, 2006; Иванцова, 2010]. С одной стороны, по крайней мере, формально, он представлен американской нацией в целом и теми отдельными гражданами США, которым не безразлично место своей страны в современном мировом сообществе. Но, с другой стороны, самим собой разумеющимся является и то, что благодаря СМИ данное обращение будет слушаться и/или читаться руководителями других государств – игроков на международной политической арене.

Таким образом, в ходе критического дискурс-анализа было выяснено, что речь исследованного «Обращения...» является образцом игры трикстера в том плане, что изложенная в нём недостоверная или неточная информация подаётся как безусловная истина, подкреплённая возвышенной риторикой, что придаёт данному «Обращению...» большую убедительность в его состоятельности, искренности и конструктивизме [Ахметшин, Горбатов, 2015]. В его тексте используется большое количество возвышенных слов (*orchestrated, drenched in blood, unprovoked strike, normous untapped potential, prosperity*), подобрано соответствующее оцениваемой ситуации лексико-аксиологическое наполнение, использованы необходимые клише для того, чтобы убедить граждан США в искренности намерений администрации Белого Дома и в личной порядочности, искренности и альтруизме самого Дональда Трампа.

Важным аналитическим этапом в настоящем исследовании представляется анализ дискурсивной микроструктуры текста указанного «Обращения...» путем использования положения теории речевых структур У. Манна и С. Томпсона, которые определяют её как «теорию, описывающую основной аспект организации текста на естественном языке». Среди основных уровней структуры можно назвать суперструктуру (*Holistic structure*), отвечающую за организацию текста на самом верхнем уровне и зависящую от его жанровой принадлежности; структуру связей (*Relational structure*) и синтаксическую структуру в привычном понимании (*Syntactic structure*) [Mann, Thompson, 1985].

С учётом того, как был сегментирован транскрипт этого выступления, сразу же обращает на себя внимание сегмент, переданный первым предложением: «*As long as I am President of the United States, Iran will never be allowed to have a nuclear weapon*». Оно явно выбивается из общей логической и дискурсивно-риторической структуры текста, поскольку, хотя и согласовано семантически, почему-то появляется перед приветствием. Как представляется, это также речевая стратегия трикстера [Asher, 1986; Чекулай, 2006]. Она, очевидно, основана на аллюзии со следующим историческим фактом. В сенате Древнего Рима Марк Порций Катон Старший начинал любую речь словами: «*Карфаген должен*

ние об урегулировании ядерной проблемы в Иране было подписано 14 июля 2015 года. Тем не менее, 24 ноября 2013 года в Женеве был подписан Совместный план действий, по которому Иран принимал обязательство прекратить обогащение урана свыше 5%, уничтожить все запасы обогащенных до 20% ядерных материалов и остановить строительство новых центров по обогащению урана [<https://tass.ru/info/5185728>]. В оправдание данного заявления Трампа можно сказать, что он, возможно, имел в виду начальный момент в заключении ряда договоров об уступках ИРИ в отношении США и других западных стран в связи с собственной ядерной программой.

быть разрушен», и его имя в мировой культуре стало синонимом нестигаемости и уверенности в правоте своего отношения к чему-либо важному или опасному. По всей видимости, Дональд Трамп вспомнил об этом и решил повторить этот риторический приём более чем через две тысячи лет и тем самым, как и Катон, который за это получил прозвище «Цензор», т.е. «Неподкупный», прослыть символом стойкости и убеждённости [Bailey, 1985; Lane, 2017].

Анализируя письменный текст выступления, следует отметить, что в нём не обнаружено никаких существенных отклонений от нормативного оформления политических документов данного жанра [Матыцина, 2019]. Однако в ходе исследования данный текст был сопоставлен с видеозаписью этого обращения (время звучания 9 минут 38 секунд), и в озвучивании его Президентом Трампом были обнаружены некоторые несоответствия микроструктуры данного текста в письменном и в устном видах речи, в частности:

1. (Видеозапись: 1.39 – 1.47): Высказывание «Iran has been the leading sponsor of terrorism, and their pursuit of nuclear weapons threatens the civilized world» Трамп сегментировал следующим образом – пауза после слова terrorism практически отсутствует, но зато она появляется после слова pursuit.

2. (Видеозапись: 1.53 – 2.00): В высказывании «Last week, we took decisive action to stop a ruthless terrorist from threatening American lives» пауза появляется после слова stop.

3. (Видеозапись: 2.02 – 2.11): В высказывании «At my direction, the United States military eliminated the world's top terrorist, Qassim Suleimani» пауза появляется после слова top;

4. (Видеозапись: 3.19 – 3.30): На стыке высказываний «By removing Suleimani, we have sent a powerful message to terrorists. If you value your own life, you will not threaten the lives of our people» вместо нисходящего тона в конце первого высказывания было повышение тона, после чего, по типу введения прямой речи после короткой паузы, прозвучало следующее высказывание.

5. (Видеозапись: 4.54 – 5.09): В высказывании «The regime also greatly tightened the reins on their own country, even recently killing 1,500 people at the many protests that are taking place all throughout Iran» были сделаны паузы после слов protests и place, а сами эти слова, как и последнее слово высказывания Iran, были произнесены с нисходящим тоном.

Кроме указанных случаев, в тексте было зарегистрировано более 30 подобного рода расхождений между рекомендуемой пунктуационными правилами паузации и её реального звучания.

Можно предположить несколько гипотез данного нарушения сегментации. Во-первых, она может быть объяснена болезненным состоянием Трампа в тот момент. Во-вторых, Трамп намеренно делил текст на фонетические синтагмы таким образом, как представлял себе необходимым без каких-либо интенций. И, в-третьих, такая паузация была произведена намеренно, с целью показать торжественный и грозный характер данного «Обращения...». В любом случае, вторая и третья гипотезы являются прямыми доказательствами того, что Трамп представляет собой именно лингвopsихологический тип трикстера, поскольку:

а) если имела место вторая гипотеза, то это свидетельство независимости трикстера от мнения окружающих и от объективных правил чего-либо, что было бы попыткой внести определённый регламент в его действия, чего трикстер абсолютно не приемлет;

б) в случае релевантности третьей гипотезы несовпадение сегментации в письменном варианте «Обращения...» и в озвучивании её Трампом является свидетельством языковой игры, что, как указывалось выше, является характерной чертой трикстера как языковой личности.

Можно также предположить, что текст был написан специально подготовленным спичрайтером, а Трамп только озвучил его. Кроме того, видеозапись показывает, что Трамп произносит его без письменной опоры, а его речь является достаточно беглой для политика высокого ранга. В этой связи гипотеза «трикстера» представляется наиболее релевантной.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что политический дискурс в его узком понимании активных действий непосредственно на политической стезе направлен в определённой мере на манипулирование как аудиторией, так и своими противниками, а в случае внутрипартийной борьбы – и своими сторонниками. Это даёт основания предполагать, что для эффективного изучения особенностей определённой личности политика, которое может дать реальные результаты по прогнозу его дальнейших действий на политической арене, необходимы усилия не только лингвистов, психологов и политологов, но и представителей различных дисциплин, в том числе и в области специфических разделов семиотики. Общий портрет личности складывается из малозаметных мелочей, которые при последующем анализе оказываются важными для объективной оценки его политической деятельности и личностных характеристик. В рамках анализа языковой личности, в данном случае трикстера, важны как вербальные, так и невербальные средства, которые позволяют осмыслить типаж говорящего и выявить его дистинктивные характеристики.

Таким образом, онтологически политический дискурс представляет собой сложную систему сочетания объективных и субъективных тактик и стратегий общей линии действий, в том числе и в области коммуникации. Для его эффективного лингвистического исследования следует опираться на уже разработанные методики анализа дискурса.

Список источников

- Добыча сырой нефти. 2021. Данные о мировой энергетике и климате - ежегодник 2021. Enerdata. Режим доступа: yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statistics.html
- Lane R. 2017. Inside Trump's Head: An Exclusive Interview with the President, and the Single Theory That Explains Everything. Forbes, 10 Oct. 2017. Available at: <https://www.forbes.com/donald-trump/exclusive-interview/#33edd99abdec> (accessed: .....2022).
- Mann W.C., Thompson S.A. 1985. Assertions from Discourse Structure (Technical Report No. ISI/RS-85-155). CA, Publ. Information Sciences Institute. Available at: https://www.sfu.ca/rst/05bibliographies/bibs/ISI_RS_85_155.pdf
- Remarks by President Trump on Iran. 2020. National Security & Defense, 8 January 2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran/>

Список литературы

- Ахметшин А.Р., Горбатов А.В. 2015. Атрибутивные признаки архетипа трикстера. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 32: 81–85.
- Богин Г.И. 1984. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста. Дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 354 с.
- Будаев Э.В. 2016. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований. *Политическая лингвистика*, 6 (60):12–17.
- Водак Р. 2006. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу. *Политическая лингвистика*, 19: 107–116.
- Генералова С.Н. 2010. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 5 (1): 95–101.
- Демьянков В.З. 2002. Политический дискурс как предмет политологической филологии. *Политическая наука*, 3: 31–44.
- Иванцова Е.В. 2010. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. Томск, Издательство Томского университета, 160 с.
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. 2005. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. В кн.: *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Сборник научных трудов. Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, Парадигма: 5–25.*

- Матыцина М.С. 2019. Критический дискурс-анализ: теоретико- методологические подходы, направления. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18 (3): 206–216. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.17
- Никулина Д.Е. 2017. Политический дискурс как объект лингвистического исследования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9-1(75): 147–149. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/42.html> (дата обращения: 01.11.2022).
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В. 2011. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 6 (101), вып. 9: 213–221.
- Суханов Ю.Ю. 2018. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 9(1): 200–212. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212
- Чекулай И.В. 2006. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, Изд. Белгородского гос. ун-та, 234 с.
- Asher N. 1986. Belief in Discourse Representation Theory. *Journal of Philosophical Logic*, 15: 127–189. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00305490>
- Bayley P. 1985. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. In: Campaign language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna, Publ. Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna: 77–174.

References

- Akhmetshin A.R., Gorbatov A.V. 2015. Attributive signs of archetype of trickster. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 32: 81–85 (in Russian).
- Bogin G.I. 1984. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam teksta [A model of linguistic personality in its relation to text varieties]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Leningrad, 354 p.
- Budaev E.V. 2016. Critical analysis of political discourse: main trends of contemporary foreign research. *Political Linguistics*, 6(60):12–17 (in Russian).
- Vodak R. 2006. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in cda. *Political Linguistics*, 19: 107-116 (in Russian).
- Generalova S.N. 2010. Political discourse in the linguistic-culturological paradigm. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 5(1): 95–101.
- Dem'yankov V.Z. 2002. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Political Science*, 3: 31–44.
- Ivantsova E.V. 2010. Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti [Linguopersonology: Fundamentals of the Theory of Linguistic Personality]. Tomsk, Publ. Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 160 p.
- Karasik V.I. 2002. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Karasik V.I., Dmitrieva O.A. 2005. Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguistic and cultural type: towards the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological Linguistics: Linguistic and Cultural Types]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Ed. V.I. Karasik. Volgograd, Publ. Paradigma: 5–25.
- Matytsina M.S. 2019. Critical discourse analysis: theoretical and methodological approaches. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(3): 206–216 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.17
- Nikulina D.E. 2017. Political discourse as an object of linguistic research. *Philology. Theory & Practice*, 9-1 (75): 147–149 (in Russian). URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/42.html> (accessed: 01.11.2022).
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V. 2011. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве [“Trickster” as a linguo-psychological type and its representation by linguistic means in the artistic space]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 6 (101), Iss.16: 213–221.

- Sukhanov Yu.Yu. 2018. Political discourse as object of linguistic analysis. RUDN journal of language studies, semiotics and semantics, 9 (1): 200–212 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212
- Chekulay I.V. 2006. Funktsional'no-deyatel'nostnyy podkhod k izucheniyu printsipov otsenochnoy kategorizatsii v sovremennom angliyskom yazyke [Functional-activity approach to the study of the principles of evaluative categorization in modern English]. Belgorod, Publ. Izd. Belgorodskogo gos. un-ta, 234 p.
- Asher N. 1986. Belief in Discourse Representation Theory. Journal of Philosophical Logic, 15: 127–189. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00305490>
- Bayley P. 1985. Live Oratory in the Television Age: The Language of Formal Speeches. In: Campaign language: Language, Image, Myth in the U.S. Presidential Elections 1984. Bologna, Publ. Cooperativa Libraria Universitaria Editrice Bologna: 77–174.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.03.2022

Received March 27, 2022

Поступила после рецензирования 27.05.2022

Revised May 27, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шустов Дмитрий Вадимович, преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Dmitry V. Shustov, Lecturer of the Department of Foreign Languages of the V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Пойменова Алиса Сергеевна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Alisa S. Poimenova, Postgraduate Student of the Department of English Philology and Intercultural Communication of Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Прохоров Николай Александрович, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Prokhorov Nikolay Alexandrovich, Master's student of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 81-112.2

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-2-405-414

Эволюция принципов описания простого прошедшего времени во французских грамматиках XVI–XVIII вв.

Щербинин А.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1057096@bsu.edu.ru

Аннотация. Изучение категориального уровня описания языка во французской грамматической традиции XVI–XVIII вв. представляет интерес для современной историографии лингвистики. Одной из категорий, получивших неоднозначную трактовку в грамматиках этого периода, является категория времени. Автором изучена эволюция принципов описания данной категории во французских грамматиках XVI–XVIII вв. на примере такого времени, как простой перфект. Рассмотрены следующие аспекты: полнота освещения этого времени, термины, использованные грамматистами для его обозначения, специфика отражения вариативности его форм и императивов нормы в его отношении. Для решения поставленных задач использованы такие методы, как диахронический, интерпретирующий, метод системно-структурного анализа. В ходе исследования выявлено, что в изученных грамматиках наибольшие изменения в описании простого перфекта коснулись терминов, использованных грамматистами для обозначения этого времени, и правил его употребления в речи.

Ключевые слова: французские грамматика XVI–XVIII вв., динамика, глагол, категория времени, простое прошедшее время, терминология, вариативность, норма, узус

Для цитирования: Щербинин А.Ю. 2022. Эволюция принципов описания простого прошедшего времени во французских грамматиках XVI–XVIII вв. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41(2): 405–414. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-405-414

Evolution of the Passé Simple Tense Description in the French Grammars of the XVI-XVIII Centuries

Andrey Yu. Shcherbinin

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1057096@bsu.edu.ru

Abstract. The study of the categorical level of language description in the French grammatical tradition of the XVIth–XVIIIth centuries is of interest for modern historiography of linguistics. One of the categories that received an ambiguous interpretation in the grammars of this period is the category of tense. This article examines the evolution of the principles for describing this category in French grammars of the XVIth–XVIIIth centuries on the example of the Passé Simple tense. This article examines the following aspects: the specificity of the description of this tense, its position among other tenses of the French verb that were described in the studied grammars, the terms used by the grammarians to designate it, the specifics of reflecting the variability of its forms, and the imperatives of the norm in relation to it. The following methods were used in this research: diachronic, interpretive, the method of system-structural analysis. The study revealed that in the studied grammars, the greatest changes in the description of the Passé Simple tense touched the terms used by the grammarians to designate this tense and the rules for its use in speech.

Keywords: French grammars of the XVI–XVIII centuries, dynamics, verb, tense category, *Passé Simple*, terminology, variation, norm, usage

For citation: Shcherbinin A.Yu. 2022. Evolution of the *Passé Simple* Tense Description in the French Grammars of the XVI–XVIII Centuries. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(2): 405–414 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-405-414

Введение

Французская грамматическая традиция XVI–XVIII вв. представляет интерес для современных исследований по историографии лингвистики. В данный период происходило зарождение, становление и совершенствование французской грамматической мысли. Результатом этого процесса явилось создание многочисленных грамматических трудов, нормализация французского языка и его становление как одного из самых престижных языков Европы.

Процесс формирования французской грамматической традиции становился предметом изучения как отечественных, так и зарубежных учёных, к числу которых относятся А. Бенуа, Г. Гугенем, Л. Кукенхайм [Kukenheim, 1932], К. Шмитт, Н.Ю. Бокадорова [1987], Б. Коломба [Colombat, 1999], Е.Н. Михайлова [2000, 2018], П. Свиггерс и другие.

Одним из вопросов, который привлекает внимание современных историографов лингвистики, является проблема описания категориального уровня языка в грамматиках западноевропейских языков, в том числе и французского. Как отмечает Е.Н. Михайлова, именно этот уровень грамматического описания предоставляет исследователю максимум сведений, касающихся методов анализа, которыми руководствовались авторы грамматик при описании родного языка. Кроме того, данный уровень отражает механизмы систематизации и каталогизации описываемого материала, даёт возможность для реконструкции понятий и терминов, которыми оперировали составители грамматик [Михайлова, 2000].

Как известно, основой для формирования французской грамматической традиции послужил греко-латинский канон грамматического описания. Данный канон был выработан для языков флективного типа, соответственно, его положения не могли быть в полной мере применены для описания языков аналитических, одним из которых к XVI в. стал французский. В связи с этим в течение исследуемого периода грамматистами вносились изменения в общепринятую схему, вырабатывались новые принципы описания языка. Самые масштабные преобразования наблюдаются именно на категориальном уровне, то есть в описании тех категорий французского языка, которые представлены формами, неизвестными греческому и латинскому языкам. К числу таких категорий относится категория времени, для выражения которой во французском языке уже в XVI в. использовались и флективные, и аналитические формы.

В качестве единицы анализа в данном исследовании выступает простое прошедшее время, которое в современной теории французского языка обозначается термином *Passé Simple*. Выбор этого времени для анализа принципов его описания во французских грамматиках XVI–XVIII вв. обусловлен несколькими факторами. Как отмечают учёные, форма простого прошедшего времени французского глагола является единственной сохранившейся латинской перфектной формой изъявительного наклонения [Picoche, Marchello-Nizia, 2008; Скрелина, Становая, 2019]. При этом уже к XVI в. частью временной системы французского глагола стала аналитическая форма, неизвестная латинской грамматике, содержащая вспомогательный глагол и причастие прошедшего времени, которая в исследуемый период употреблялась вместе с флективной формой для выражения завершённого действия [Скрелина, Становая, 2019, с. 70].

В данном исследовании освещается проблема отграничения во французских грамматиках XVI–XVIII вв. прошедшего времени, выражаемого флективной формой, от времени, выражаемого аналитической формой.

Цель данного исследования состоит в изучении эволюции принципов описания простого прошедшего времени во французских грамматиках XVI–XVIII вв. Рассматриваются следующие вопросы: особенности описания этого времени с точки зрения системного аспекта, изменения в специфике терминов, предлагаемых авторами грамматик для обозначения этого времени, динамика отражения вариативности форм простого перфекта, эволюция императивов нормы в отношении этого времени в грамматических трудах данного периода.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования выступили наиболее известные и авторитетные грамматики французского языка, изданные в течение XVI–XVIII вв. В корпус XVI в. входят труды таких авторов, как Ж. Дюбуа (1531), Л. Мегре (1550) и П. де ля Раме (1572). В число проанализированных грамматик XVII в. входят труды А. Удена (1636), А. Арно и К. Лансло (1660) и Д. Верасса-д’Алле (1681). В корпус XVIII в. входят грамматики К. Бюфье (1709), Г. Жирара (1747) и Ш.Ф. Ломонда (1780). Выбор данных грамматик для анализа продиктован их принадлежностью к различным типам описания (педагогические, сопоставительные, общие, объяснительные), что обуславливает специфику трактовки в них языковых явлений, в том числе и времён французского глагола.

Для решения поставленных задач кроме лингвистических методов анализа, к числу которых относятся дескриптивный, парадигматический, сравнительно-сопоставительный и лексико-грамматический, в данном исследовании применялся диахронический метод, позволяющий проследить динамику в описании простого прошедшего времени во французских грамматиках XVI–XVIII вв. Кроме того, широкое применение получил интерпретирующий метод, который состоит в выявлении основных идей об этом времени через содержание изученных источников. Метод системно-структурного анализа применён в данном исследовании для реконструкции идей о простом прошедшем времени, представленных в грамматиках имплицитно.

Результаты исследования

Анализ материала исследования показал, что место простого прошедшего времени в описании временной системы французского глагола не претерпело значительных изменений в грамматиках XVI–XVIII вв. Порядок описания времён в грамматических трудах XVI в. был заимствован из авторитетных латинских грамматик, в частности из грамматики Доната. Как отмечают учёные, структурная организация французских трактатов о языке была основана на грамматическом сочинении именно этого позднеантичного автора [Chevalier, 1968; Holtz, 1981]. Первым во французских грамматиках освещается настоящее время, затем прошедшие времена, то есть имперфект, совершенное прошедшее время, плюсквамперфект, и будущие времена – совершенное и несовершенное. Данный порядок описания времён сохранялся в большинстве изученных французских грамматик, изданных в XVII–XVIII вв., что говорит об успешном применении авторами латинской схемы к грамматическому описанию категории времени. Другими словами, временная система, отражённая в описаниях латинского языка, послужила основой для французских грамматиков при трактовке системы времён родного языка. С течением времени данная схема описания времён была модифицирована авторами грамматик с учётом особенностей французского языка, которые проявлялись в наличии особых форм времени, то есть аналитических перфектных форм, неизвестных латинской грамматике.

Общим для всех изученных трудов является то, что в них простое прошедшее время получило освещение с точки зрения правил образования его форм и специфики его упо-

требления в речи. Практически во всех проанализированных грамматических трудах освещаются функции этого времени, за исключением грамматик П. де ля Раме и Ш.Ф. Ломонда. Описание времён французского глагола у П. де ля Раме представлено в виде простого перечисления форм, среди которых находится и простой перфект: «*Le tēps parfaict est preterit ... cōme: Amaui, ayme* (Совершенное время – это претерит, например: *Amaui, ayme*)» [Ramée, 1572, p. 76]. Отсутствие сведений о функциях времён в этой грамматике обусловлено её спецификой. Как отмечают учёные, главная задача П. де ля Раме при создании его грамматики сводилась к упорядочению форм французского языка, а не к логическому объяснению языковых явлений [Kukenheim, 1982, p. 18; Magnard, 1986, p. 7]. По этой причине у грамматиста подробного освещения не получило и простое прошедшее время.

Функции времён французского глагола не освещены у Ш.Ф. Ломонда в связи с типом его грамматики, которая является элементарным учебным пособием. Об этом говорит название этого сочинения – *Éléments de la grammaire françoise* (Основы французской грамматики), и его небольшой объём в 100 страниц. Учёные отмечают, что для элементарных грамматик большое значение имеет краткая подача материала [Auroux, 1992; Colombat, 1999; Михайлова, 2018]. При освещении времён французского глагола грамматист акцентирует внимание на правилах образования и употребления временных форм, что также относится и к простому прошедшему времени.

Анализ французских грамматик XVI–XVIII вв. с точки зрения описания в них простого прошедшего времени показал большие расхождения, которые проявляются в терминах, которыми грамматисты обозначают это время. Например, у Ж. Дюбуа и П. де ля Раме оно обозначено термином, заимствованным из авторитетных описаний латинского языка – перфектный претерит (*Præteritum perfectum; Preterit parfaict*). Данное явление объясняется тем, что при описании категории времени французского глагола, эти грамматисты использовали в качестве модели временную систему латинского языка. Авторы этих грамматик стремились найти в родном языке времена, которые соответствовали по своему значению временам латинского глагола. Простая форма перфекта во французском языке соответствовала по своему значению латинскому перфекту, поэтому при её описании грамматистами был заимствован термин для его обозначения из латинских грамматик.

В трактате Л. Мегре содержится четыре варианта терминов для обозначения простого прошедшего времени – *Le passé indéterminé, Le preterit indéterminé, Le passé perçet indéterminé* и *Le preterit perçet indéterminé*. Данное явление показывает стремление грамматиста создать наиболее подходящий термин, который бы в полной мере отражал сущность этого времени. Как отмечает Е.Н. Головкина, XVI в. является начальным этапом складывания французской грамматической терминологии. Авторами грамматик осуществлялся постоянный поиск путей терминации [Головкина, 1996, с. 82]. Этот процесс получил своё отражение в трактате Л. Мегре, что проявляется на примере описания в нём простого прошедшего времени. Наличие во французском языке двух перфектных форм привело грамматиста к необходимости осмысления их природы и создания специальных терминов для их обозначения.

У А. Удена простое прошедшее время представлено термином-словосочетанием *Parfaict simple, ou definy*. Данный термин включает в себя заимствование из латинского языка (*parfaict*), к которому добавлены французское прилагательное – *simple*, указывающее на простую форму этого времени, и причастие *definy*, указывающее на значение этого времени, которое состоит в выражении действия в определённое время в прошлом. Как пишет Ж.-К. Шевалье, грамматика А. Удена относится к числу трудов XVII в., которые построены по той же модели описания, что и грамматики, изданные в предыдущем столетии [Chevalier, 1968, p. 476]. Этим обусловлено частичное заимствование грамматистом латинских терминов при описании времён французского глагола. С. Пирон отмечает, что

грамматика этого автора была посвящена вопросам узуса, то есть грамматист стремился отойти от теоретического объяснения языковых явлений и описывать их с учётом их специфики в родном языке [Piron, 2008]. Это также находит своё проявление в терминологии, используемой грамматистом при описании категории времени. Термин, обозначающий простой перфект, в этой грамматике содержит слова, позволяющие адресату понять значение и функцию этого времени во французском языке.

В «Грамматике Пор-Рояль» простое прошедшее время обозначено термином *Le passé simple indéfini*. Часть этого термина *simple* указывает не на форму, которая выражает это время во французском языке, а на его значение. Согласно точке зрения А. Арно и К. Лансло, простые времена выражают действия, которые имеют прямое отношение к моменту речи, а сложные – действия, которые имеют отношение к другому действию в прошлом или будущем [Arnauld, Lancelot, 1803, p. 104]. На значение этого времени указывает и слово *indéfini*, которое отражает отдалённость этого времени от момента речи по сравнению с определённым простым прошедшим временем (*Le passé simple défini*). Последнее выражает действия, которые были совершены наиболее близко к моменту речи. Специфика терминологии, получившей отражение в этой грамматике, демонстрирует особое видение родного языка её авторами, которые стремились уйти от влияния латинской грамматики при его описании. Термины, предлагаемые А. Арно и К. Лансло для обозначения прошедших времён, отражают их инновационную концепцию о временной системе французского глагола.

У Д. Верасса-д'Алле простое прошедшее время представлено термином *Défini*. Особенность грамматики этого автора состоит в том, что времена французского глагола разделяются в ней на простые и сложные по своей форме и каждая группа времён описывается отдельно. Так, в группу простых времён изъявительного наклонения в данной грамматике входят два прошедших времени – имперфект (*Imparfait*), выражающий неоконченное действие в прошлом, который противопоставляется определённому времени (*Défini*), которое выражает законченное действие в прошлом. Д. Верасс-д'Алле по-своему отразил систему времён французского глагола, приняв во внимание их формальные отличия, что, в частности, находит своё проявление в предлагаемой им терминологии. Ж.-К. Шевалье отмечает, что грамматика этого автора является показателем глобальных изменений, происходящих во французской грамматической традиции. В этом труде проявляется одновременное следование автором латинской схеме грамматического описания и его стремление в значительной степени модифицировать её с учётом специфики родного языка [Chevalier, 1968, p. 589]. Термины, обозначающие времена французского глагола в этой грамматике, демонстрируют изменения, внесённые автором в общепринятую модель описания французского языка.

Различаются термины для обозначения простого прошедшего времени и в грамматиках XVIII в. У К. Бюфье. Это время представлено термином, заимствованным из латинской грамматики – *Preterit*. Этим же термином автор обозначает не только простую форму, например, *j'aimai*, но и сложные формы прошедшего времени, например, *j'ai aimé* и *j'eus aimé*. Данное явление обусловлено тем, что, описывая категорию времени, автор этой грамматики использует в качестве модели временную систему латинского глагола, что видно из следующего отрывка: "*la différence de nos trois temps passez, j'aimai, j'ai aimé, j'eus aimé, n'est point marquée dans le Latin, qui les rend également par amavi...*" (Наши три прошедших времени (*j'aimai, j'ai aimé, j'eus aimé*) в латинском языке обозначаются формой «*amavi*») [Buffier, 1709, p. 90]. Этим обусловлено заимствование грамматистом латинского термина для обозначения прошедшего времени, которое представлено во французском языке различными вариантами форм.

В грамматике Ш.Ф. Ломонда простое прошедшее время обозначено термином-словосочетанием *Préterit Défini*, состоящим из латинского заимствования и французского причастия, указывающего на значение этого времени. В данном грамматическом труде это

время противопоставлено неопределённому претериту (*Prétérit Indéfini*), который обозначает сложную форму прошедшего времени. Оба термина указывают на то, что обозначаемые ими времена являются разновидностями претерита, которые отличаются друг от друга по своему значению. При описании прошедших времён Ш.Ф. Ломонд заимствует из латинского языка термин, обозначающий родовое понятие (*Prétérit*), и создаёт на его основе термины-словосочетания, передающие видовые понятия (*Prétérit défini, indéfini*).

В грамматике Г. Жирара простая и сложная формы уже не являются разновидностями прошедшего времени, что прослеживается в отдельных терминах для их обозначения – аорист (*Aoriste*) и претерит (*Prétérit*). По описанию автора, различие между этими формами прошедшего времени состоит в том, что претерит выражает прошедшее действие, имеющее связь с настоящим временем, а аорист – оконченное действие в прошлом без привязки к моменту речи [Girard, 1747, p. 22]. В этом проявляется заимствование Г. Жираром идей о категории времени французского глагола, получивших отражение в «Грамматике Пор-Рояль». Как пишет Н.Ю. Бокадорова, трактат Г. Жирара построен по принципам описания языка, которым следовали А. Арно и К. Лансло. При освещении языковых фактов Жирар акцентировал внимание на вопросах логики [Бокадорова, 1987, с. 32]. Это также касается и принципов описания временной системы французского глагола, которым следовал Г. Жирар. Грамматист внёс определённые изменения в концепцию авторов «Грамматики Пор-Рояль» о категории времени, что проявляется в терминологии, используемой автором для обозначения прошедших времён, которая показывает семантические и функциональные различия между ними.

Анализ французских грамматик XVI–XVIII вв. показал динамику в отражении вариативности форм простого прошедшего времени. В качестве примера в данной статье используется форма первого лица единственного числа глагола *aimer*, представленного во всех изученных грамматических трудах. В грамматиках XVI в. содержится вариант с окончанием на *-ai* или *-ay*. Различие между буквами *i* и *y* состоит в том, что последняя использовалась грамматистами из эстетических соображений. Как пишут Л.М. Скредина и Л.А. Становая, в данный период буква *y* закрепились в письменной речи как более элегантная в отличие от буквы *i* [Скредина, Становая, 2019, с. 332]. В грамматике Ж. Дюбуа содержится единственный вариант *aimai*, поскольку, согласно точке зрения грамматиста, такое написание является близким к латинскому языку [Dubois, 1531, p. 122]. В грамматиках, изданных позднее, то есть у Л. Мегре (*ęмай*) и П. де ля Раме (*амай*), этот вариант закрепляется. В грамматиках обоих авторов содержится вариант с окончанием на *é* вместо дифтонга *ai* (*ay*) – *ęтэ* у Мегре и *аимэ* у Раме. Общим для двух грамматистов является их стремление внести изменения во французскую орфографию, которые были направлены на использование меньшего количества букв, о чём они пишут во введении к своим трудам [Meigret, 1550, p. 3a; Ramée, 1572, p. 55-56]. В грамматиках этих двух авторов также упоминается вариант с окончанием на *-i* – *ęти* и *аути*, однако оба грамматиста отмечают, что этого варианта во французском языке быть не должно, поскольку он является простонародным [Meigret, 1550, p. 86a; Ramée, 1572, p. 84].

Анализ грамматических трудов XVI в. показывает, что ключевым фактором при выборе наиболее предпочтительной формы простого перфекта для авторов является латинский язык. Другими словами, во всех изученных трудах в качестве правильной выступает форма, наиболее близкая к латинской *amavi*. Кроме того, грамматисты стремились привнести определённые нововведения в орфографию французского языка, которые должны были облегчить написание различных форм, что также коснулось и форм простого прошедшего времени.

В грамматиках XVII в. также содержится вариант *амай*. Он является единственным, получившим отражение в грамматиках А. Удена, А. Арно и К. Лансло. Д. Верасс-д'Алле предлагает вариант *аимэ*, который, согласно его точке зрения, полностью отражает произношение этой формы [Vairasse-d'Allais, 1681, p. 200]. Несмотря на частные попытки грам-

матистов изменить написание формы *aутау*, анализ грамматик показал, что она закрепи-лась в употреблении как наиболее правильная.

В грамматиках XVIII в. представлен единственный вариант формы первого лица единственного числа простого перфекта – *aimai*. В изученных трудах не представлены варианты окончаний с буквами *i* и *u*, что наблюдалось в описаниях, изданных в XVI–XVII вв. Как отмечают учёные, в XVIII в. буква *u* уже не могла служить заменой букве *i* – такое правило было зафиксировано в «Словаре», изданном Французской Академией в начале XVIII в., который регламентировал правильное использование букв французского алфавита в письменной речи [Picoche, Marchello-Nizia, 2008, p. 219; Скредина, Становая, 2019, с. 425]. Кроме того, учёные обращают внимание на снижение языковой вариативности во французском языке в данный период, что также касается и форм глагола [Катагощина и др., 1976, с. 276; Скредина, Становая, 2019, с. 432]. Работа по нормализации французского языка, начавшаяся в XVI в., достигла определённых результатов, которые проявляются в постепенном сокращении количества вариантных языковых форм, получивших отражение в грамматиках XVI–XVIII вв. Окончательно закрепились и формы глаголов, что, в частности, видно при анализе описания форм простого перфекта в изученных грамматиках.

В течение XVI–XVIII вв. также меняется характер императивов нормы при описании простого перфекта во французских грамматиках – наблюдается динамика в правилах, которые даны грамматистами в отношении этого времени с точки зрения специфики его употребления в речи. Л. Мегре предпринимает попытку разграничить функции двух перфектных времён, отличающихся по формальным признакам. Согласно его точке зрения, простая форма перфекта, в отличие от сложной, обычно используется без наречий времени: "...*qāt je dy je vis le Roę, je denote bien la perfecçion de mon acte, mes çete façon de parler me tient suspendu ... si je n'eu aotre determinacion de tems*" (*Когда я говорю: «Я увидел короля», я чётко обозначаю, что действие закончено, но такой способ держит меня в подвешенном состоянии, потому что я никак не обозначил время совершения этого действия*) [Meigret, 1550, p. 66b-67a]. Этот комментарий содержит рассуждения грамматиста о природе прошедших времён во французском языке и носит скорее рекомендательный, чем предписывающий характер.

В грамматических трудах XVII века в правилах, касающихся прошедших времён французского глагола, наблюдается чёткое разграничение функций простого и сложного перфекта. Грамматисты указывают на то, что простая форма должна употребляться только для выражения действий, которые были совершены в течение последних суток, как, например, А. Уден: "*Si nous parlons d'hier, d'auant hier, ou de l'autre jour, on se fert du definy; comme, hier je vis monfieur*" (*Если мы говорим о вчерашнем, позавчерашнем или о другом дне, мы употребляем определённое прошедшее время, например: hier je vis monfieur*) [Oudin, 1636, p. 163]. В грамматиках получило отражение стремление авторов нормализовать употребление этих времён, определить правила, которые позволят адресату понять разницу между ними.

В грамматиках XVIII в. функции между двумя перфектными формами также чётко разграничены. Например, Г. Жирар обозначает эти времена отдельными терминами (*Aoriste, Prétérit*) и подробно описывает разницу между ними с точки зрения их функций. Несмотря на то, что в грамматическом пособии Ш.Ф. Ломонда не содержится подробных сведений о функциях времён французского глагола, термины, которые используются в этой грамматике для обозначения простого и сложного перфекта (*Prétérit Défini, Prétérit Indéfini*), отражают точку зрения грамматиста о различной природе этих времён. Только К. Бюфье в своём трактате указывает на отсутствие различий в функциях двух перфектных времён: "...*on se fert presque indifféremment ou du préterit simple ou du composé du present : comme Alexandre fut un grand Capitaine, ou a été un grand Capitaine*" (*Мы можем одинаково использовать как простой претерит, так и сложное настоящее, например: Alexan-*

dre fut un grand Capitaine или a été un grand Capitaine) [Buffier, 1709, p. 124]. В данном случае отражение получила специфика употребления этих времён в XVIII веке. Учёные пишут, что уже в конце XVII в. простое прошедшее время употреблялось значительно реже, чем ранее, а её место заняла сложная форма, которая выражает любое законченное действие, совершённое в прошлом [Доза, 1956; Скредина, Становая, 2019]. В грамматиках XVIII в. получает отражение одновременное стремление их авторов дать отдельное описание двух перфектных форм в родном языке и зафиксировать свои наблюдения за их употреблением.

Заключение

Итак, анализ французских грамматик XVI–XVIII вв. с точки зрения эволюции описания в них простого прошедшего времени показал, что наибольшие изменения наблюдаются в терминах, используемых авторами грамматик для обозначения этого времени, и в правилах, касающихся его употребления в речи. Данное явление обусловлено наличием во французской временной системе аналитической перфектной формы, которая употреблялась в языке наряду с флективной. Это привело грамматистов к необходимости создания специальных терминов, которые разграничивали функции этих времён, на основе латинского языка с добавлением французских слов, указывающих на специфику этих времён. Авторы грамматик стремились установить чёткие правила употребления двух перфектных времён, принимая во внимание свой языковой опыт. Проведённый анализ грамматик также показал значительное снижение вариативности представленных в них форм простого перфекта в течение исследуемого периода, что обусловлено работой грамматистов по нормализации французского языка, то есть по упорядочению языковых форм. Место простого перфекта во временной системе французского глагола, получившей отражение в грамматиках XVI–XVIII вв., не претерпевает значительных изменений. Данное время получает освещение с точки зрения системного, нормативного и узувального аспектов в большинстве изученных грамматических трудов.

Список источников

- Arnauld A., Lancelot C. 1803. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Paris, Publ. Munier, 492 p.
Buffier Cl. 1709. Grammaire françoise sur un plan nouveau: pour en rendre les principes plus clairs et la pratique plus aisée. Paris, Publ. Nicolas Le Clerc, Michel Brunet, Leconte et Montalant, 480 p.
Dubois J. 1531. In linguam Gallicam isagoge, una cum ejusdem grammatica latino-gallica ex Hebraeis, Graecis et Latinis auctoribus. Parisiis, Publ. R. Stephanus, 159 p.
Lhomond C.F. 1780. Éléments de la grammaire françoise. Paris, Publ. Colas, 92 p.
Meigret L. 1550. Le Trètté de la grammaire françoëze. Paris, Publ. Chrestien Wechel, 144 p.
Oudin A. 1632. Grammaire françoise: rapportée au langage du temps. Paris, Publ. P. Billaine, 327 p.
Ramée P. de la. 1572. Grammaire. Paris, Publ. A. Wechel, 242 p.
Restaut P. 1730. Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise. Paris, Publ. J. Desaint, 355 p.
Vairasse-d'Allais D. 1681. Grammaire methodique contenant en abrégé les principes de cet art et les regles les plus necessaires de la langue françoise. Paris, Publ. D. Vairasse d'Allais, 236 p.

Список литературы

- Бокадорова Н.Ю. 1987. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века: Структура знания о языке. Под ред. Ю. С. Степановой. М., Изд-во «Наука», 151 с.
Головкина Е.Н. 1996. Становление грамматической терминологии во французском языке XVI–XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 248 с.
Доза А. 1956. История французского языка. М., Издательство иностранной литературы, 472 с.
Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. 1976. История французского языка. М., Изд-во «Высшая школа», 320 с.
Михайлова Е.Н. 2000. Грамматическая традиция французского возрождения (класс имен). Автореф. ... докт. филол. наук. СПб., 32 с.

- Михайлова Е.Н. 2018. Ренессансные грамматики французского языка: проблема типологии. В кн.: Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации. Материалы международной научной конференции, 26–27 июня 2018, Москва. Под ред. И.В. Скуратова. М., Изд-во Московского государственного областного университета: 28–31.
- Скрелина Л.М., Становая Л.А. 2019. История французского языка. М., Изд-во «Юрайт», 463 с.
- Auroux S. 1992. Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne. Liège, Publ. Mardaga, 399 p.
- Chevalier J.-C. 1968. La notion de complément chez les grammairiens: Etude de grammaire française (1530–1750). Genève, Publ. Droz, 776 p.
- Colombat B. 1999. La grammaire latine en France, à la Renaissance et à l'Âge classique. Théories et pédagogie. Grenoble, Publ. ELLUG (Éditions de l'Université Stendhal), 728 p. DOI: 10.4000/histoire-education.856.
- Holtz L. 1981. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique. Paris, Publ. CNRS, 750 p.
- Kukenheim L. 1932. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance. Amsterdam, 215 p.
- Magnard P. 1986. L'enjeu d'une grammaire. Revue des Sciences philosophiques et théologiques. Vol. 70, n°1: 3–14. DOI: <https://www.jstor.org/stable/i40184956>
- Picoche J., Marchello-Nizia C. 1998. Histoire de la langue française. Paris, Publ. Nathan, 396 p.
- Piron S. 2008. La grammaire du français au XVIIe siècle. Histoire de la grammaire. Vol. 14, n° 1. Available at: <https://correspo.ccdmd.qc.ca/wp-content/uploads/2018/09/correspondance-pages-dhistoire-tendances-2008-2009-la-grammaire-du-francais-au-xviiie-siecle-.pdf> (accessed: 24.03.2022).

References

- Bokadorova N.Yu. 1987. Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka: Struktura znaniya o yazyke [The French linguistic tradition of the 18th – early 19th century: The structure of knowledge about language]. Ed. Yu. S. Stepanova. M., Publ. Nauka, 151 p.
- Golovkina E.N. 1996. Stanovlenie grammaticheskoy terminologii vo frantsuzskom yazyke XVI–XVIII vv. [Formation of grammatical terminology in the French language of the 16th – 18th centuries]. Dis. ... cand. philol. Sciences. SPb., 248 p.
- Doza A. 1956. Istoriya frantsuzskogo yazyka [A History of the French Language]. M., Publ. Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 472 p.
- Katagoshchina N.A., Gurycheva M.S., Allendorf K.A. 1976. Istoriya frantsuzskogo yazyka [History of the French language]. M., Publ. Vysshaya shkola, 320 p.
- Mikhaylova E.N. 2000. Grammaticheskaya traditsiya frantsuzskogo vozrozhdeniya (klass imen) [Grammatical tradition of the French Renaissance (a class of names)]. Abstract ... doc. philol. Sciences. SPb., 32 p.
- Mikhaylova E.N. 2018. Rennessansnye grammatiki frantsuzskogo yazyka: problema tipologii [Renaissance Grammars of French: The Problem of Typology]. In: Evolyutsiya romanskikh yazykov: ot yazyka narodnosti k yazyku natsii [Evolution of the Romance languages: from the language of the people to the language of the nation]. The materials of the international scientific conference, June 26–27, 2018, Moscow. Ed. I.V. Skuratov. M., Publ. Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: 28–31.
- Skrelina L.M., Stanovaya L.A. 2019. Istoriya frantsuzskogo yazyka [History of the French language.]. M., Publ. Yurayt, 463 p.
- Auroux S. 1992. Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne. [History of linguistic ideas. T. 2. The development of European grammar]. Liège, Publ. Mardaga, 399 p.
- Chevalier J.-C. 1968. La notion de complément chez les grammairiens: Etude de grammaire française (1530–1750). [The notion of object among grammarians: Study of French grammar (1530–1750)]. Genève, Publ. Droz, 776 p.
- Colombat B. 1999. La grammaire latine en France, à la Renaissance et à l'Âge classique. Théories et pédagogie. [Latin grammar in France during the Renaissance and the Classical Age. Theories and pedagogy]. Grenoble, Publ. ELLUG (Éditions de l'Université Stendhal), 728 p. DOI: 10.4000/histoire-education.856.

- Holtz L. 1981. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe-IXe siècle) et édition critique. [Donat and the tradition of grammatical teaching: Study on the Ars Donati and its diffusion (4th-9th century) and critical edition]. Paris, Publ. CNRS, 750 p.
- Kukenheim L. 1932. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance. [Contribution to the history of Italian, Spanish and French grammar at the time of the Renaissance]. Amsterdam, 215 p.
- Magnard P. 1986. L'enjeu d'une grammaire. *Revue des Sciences philosophiques et théologiques*. The issue of a grammar. *Journal of Philosophical and Theological Sciences*, 70(1): 3–14. DOI: <https://www.jstor.org/stable/i40184956>
- Picoche J., Marchello-Nizia C. 1998. Histoire de la langue française. [History of the French language]. Paris, Publ. Nathan, 396 p.
- Piron S. 2008. La grammaire du français au XVIIe siècle. Histoire de la grammaire. [French grammar in the XVIIth century. History of grammar]. Vol. 14, n° 1. Available at: <https://correspo.ccdmd.qc.ca/wp-content/uploads/2018/09/correspondance-pages-dhistoire-tendances-2008-2009-la-grammaire-du-francais-au-xviie-siecle-.pdf> (accessed: 24.03.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.04.2022

Received April 12, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 10.06.2022

Accepted June 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щербинин Андрей Юрьевич, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурного коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Shcherbinin Andrey Yurievich, Postgraduate Student, Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia